

ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ ЦЕННОСТИ

ИЗ НЕИЗДАННОЙ РУКОПИСИ:
К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
КАРЛА МАРКСА

ТОМ ВТОРОЙ
ДАВИД РИКАРДО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

3-е издание исправл. перевода
П. Тучапского, вышедшего
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. В. БЕРНАЦКОГО.

005

ГПНТБ России
Экземпляр
Читального зала

12-163

Н
19894
12/1

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Предлагаемая первая часть 2-го тома „Теорий прибавочной ценности“ уже появлялась в русском переводе (1907 г.) под ред. проф. М. Бернацкого. Впрочем, этому изданию у нас не посчастливилось: оно давно стало библиографической редкостью и читающей публике осталось совершенно неизвестным, отсутствуя даже в Игр. публичной библиотеке. Можно думать, поэтому, что в свое время издание было конфисковано за предисловие К. Каутского, содержащее ряд „непочтительных“ замечаний по адресу русского царизма.

Проверенный нами по немецкому оригиналу перевод оказался вполне удовлетворительным, хотя его литературная форма иной раз страдает от слишком строгой близости к подлиннику. Как и при издании первого тома, издательством внесены редакционные исправления.

Во-первых, выдержана и здесь принятая нами терминология; напр., „продуктивность“ труда мы всюду заменяем общепринятым термином „производительность“ и т. д. Во-вторых, исправлены некоторые частичные ошибки перевода. В-третьих, особые затруднения встретились в передаче многочисленных выдержек из Рикардо. Переводчик, в одном случае, переводил эти цитаты с немецкого текста Маркса, а в другом—воспроизводил их по русскому переводу Н. Зи́бера. В итоге—естественная путаница, усиленная тем, что Зи́бер часто пользуется устаревшей ныне терминологией. В настоящем издании переведены все цитаты с оригинала Маркса, чтобы сохранилось, по возможности, и то истолкование Рикардо, которое дано Марксом, при переводе им выдержек из сочинений английского экономиста. Однако, в целях лучшей ориентировки читателя всюду указаны соответствующие места и по новейшему русскому переводу Н. Рязанова (Д. Рикардо. „Собрание сочинений“. Т. I. СПб. 1908 г.).

Комментарием ко 2-му тому „Теорий прибавочной ценности“ служит статья Г. Экштейна „Рикардо в критическом освещении Маркса“ (Сборник „Основные проблемы политической экономии“. М. 1922).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Особенности манускрипта Маркса и принципы, которыми я руководился при его издании, в общем уже выяснены мною в предисловии к первому тому „Theorien über den Mehrwert“. При издании второго тома необходимы только еще некоторые добавочные замечания специально относительно обработанной здесь части манускрипта.

Если первый том трактует о целом ряде авторов от Петти до Сениора, от семнадцатого до девятнадцатого столетия включительно, то второй том посвящен исключительно одному человеку, даже только одной книге—„Principles of Political Economy“ Рикардо. Этим уже сказано, что характер данной части произведения Маркса совершенно иной, чем характер первой. Характер именно этой части побудил меня издать манускрипт не как четвертый том „Капитала“, а как продолжение „Критики политической экономии“, так как с полною очевидностью явствует, что он должен быть рассматриваем не как продолжение трех первых томов „Капитала“, а только как параллельное им произведение (Parallelwerk). Изложение исторического развития теории здесь совершенно отступает на второй план перед критикой одной определенной теории и ее дальнейшего развития.

Но вместе с тем характер манускрипта, который предстояло обработать в данном случае, был иным не только по содержанию, но и с внешней стороны. Если для первого тома мне пришлось иметь дело со всеми 1472 страницами манускрипта, отдельные главы представляли из себя не что иное, как мозаику из отрывков, набранных из всех углов и концов манускрипта, то для второго тома я имел в своем распоряжении составляющую одно целое часть манускрипта размером несколько больше 300 страниц (стр. 445—752 манускрипта), к которой мне ничего не нужно было прибавлять из других частей, исключая стр. 770 и 771, где я нашел некоторые выводы, относящиеся к теории кризисов. Вместе с тем эта часть манускрипта отличалась законченным, цельным характером изложения, отрывочные замечания и отступления встречались реже. В первом томе я считал необходимым указывать в примечании к каждой главе, из каких частей манускрипта она составлена, с одной стороны, для того, чтобы дать читателю возможность восстановить для себя манускрипт в его первоначальном виде и проследить его развитие, а с другой, чтобы заранее поставить читателя в известность, где он

имеет дело с цельным изложением и где с отрывочными афоризмами; для второго тома эта необходимость отпадала. Несколько относящихся по своему содержанию к второму тому отрывочных заметок, разбросанных в различных местах манускрипта, по поводу некоторых экономистов, свободно поместились все в одной главе, именно II, 2 под заголовком: „Различные авторы о теории ренты“. Точно также только в одном случае я нашел необходимым перенести в приложение отступление, прерывавшее ход изложения.

Но сказанного не следует понимать таким образом, что манускрипт в его первоначальном виде требовал разве только некоторых перестановок и сокращений, чтобы быть прямо отданным в печать. Его отдельные части все-таки были достаточно пестро перепутаны. Начинался он критикой теории ренты Родбертуса (манускрипт стр. 445—522). Сюда же были вставлены „Замечания относительно истории открытия так называемого закона Рикардо“ (стр. 495—500, 504—515). Только после этого манускрипт переходил к Рикардо и именно прежде всего к его теории ренты (стр. 522—632). Но сюда же были вставлены и другие этюды (Ausführungen), именно относительно нормы прибыли и цены производства (Produktionspreis) (стр. 522—552), которые затем продолжались на страницах 636—673. За ними шли исследования относительно земельной ренты и нормы прибыли (стр. 673—694), а также относительно накопления и кризисов (стр. 694—732); „Miscellanea“ относительно валового и чистого дохода и сущности машинного производства составляли заключение (стр. 732—752).

Мне скоро стало ясно, что нельзя было оставаться при таком порядке изложения. Все, относящееся к одному предмету, следовало собрать вместе и весь материал расположить в известной системе. И системы, которой при этом надо было следовать, не нужно было искать далеко: это была система третьего тома „Капитала“. Придерживаясь хода мыслей третьего тома, я мог быть уверен, что действую в духе Маркса.

Поэтому на первом месте я поставил исследования относительно прибыли и цены производства. Так как соображения об'ема делали желательным разделение второго тома на две части, то я охотно произвел бы разделение таким образом, чтобы исследования о земельной ренте вошли целиком во вторую часть, а все остальное в первую. Но это оказалось невозможным, так как дальнейшие выводы относительно падения нормы прибыли уже предполагали законы земельной ренты. Таким образом, я не мог настолько приблизиться к системе третьего тома, чтобы перенести изложение теории земельной ренты в конец книги. Его пришлось поместить в середине.

В отделе о земельной ренте снова возникло затруднение. Изложение начинается Родбертусом, переходит к Андерсону и Мальтусу, затем к Рикардо, чтобы закончить Адамом Смитом. Этот порядок казался на первый взгляд странным. Не лучше ли было бы идти хронологическим путем, дать место сначала Смиту, затем Андерсону, Мальтусу, Рикардо и, наконец, Родбертусу? Но установление такого порядка не только натолкнулось бы на большие формальные затруднения, оно не только потребовало бы полной переработки материала, но оно также

явилось бы насилием над намерениями, которые преследовал здесь Маркс. Порядок в данном случае был не случайным, а строго логическим.

В третьем томе „Капитала“ (по крайней мере, в той форме, какую придал ему Энгельс) Маркс исходит в своем исследовании земельной ренты от дифференциальной ренты и рассматривает абсолютную земельную ренту только мимоходом: это внешним образом выражается уже в том факте, что дифференциальной ренте посвящено круглым счетом 120 страниц, а абсолютной земельной ренте только 26. В печатаемом манускрипте, наоборот, абсолютная рента составляет основу всей теории Маркса о ренте, а дифференциальная рента—только побочное явление. Гораздо больше, чем в третьем томе „Капитала“ абсолютная земельная рента вступает здесь в свои права; тут впервые становится для нас вполне ясным ее значение, и это можно было бы назвать одним из самых значительных вкладов, которые вносит этот том „Theorien über den Mehrwert“ в политическую экономию.

Но если абсолютная земельная рента есть основание, на котором построена вся марксовская теория ренты, то и изложение ее, в противоположность третьему тому „Капитала“, должно быть оставлено на первом месте. Но в истории теории она необходимым образом развивается при посредстве критики Родбертуса, который впервые перед Марксом выставил цельную теорию абсолютной земельной ренты. Лишь после ее изложения можно было перейти к критике теоретиков дифференциальной ренты, начиная с Андерсона и кончая Рикардо. Критика же этим последним Смита дает возможность перейти к исследованию смитовской теории ренты и к ее сравнению с теорией Рикардо.

Таким образом, этим порядком изложения не следовало смущаться. Если оно и начинается критикой „третьего письма“ Родбертуса к Кирхману (1851 г.) и кончая смитовским „Wealth of Nations“ (1776 г.), оно все-таки образует логическую и необходимую цепь развития.

Исследования, идущие за земельной рентой, не представляли никаких затруднений относительно порядка изложения. Тем не менее в отделе, трактующем о кризисах, представилось затруднение другого рода, которое, к сожалению, не удалось устранить. В одном месте в изложении пришлось оставить пробел, так как здесь не доставало листа манускрипта, который не удалось найти, несмотря на самые тщательные розыски. Из 736 листов единственный, который, в промежуток времени, охватывающий более чем сорок лет, оказался потерянным, не как раз, быть может, самый важный!

Как и в первом томе, и в настоящем оказался ряд цитат из произведений, которых я не мог найти в Германии. Так как, к сожалению, другу моему Вееру (Beer) помешала болезнь сравнить в Британском Музее эти цитаты с оригиналами, то эту работу взял на себя автор „Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus“ Ганс Дейч (Deutsch), за что я приношу ему здесь сердечную благодарность.

Многочисленные таблицы и другие вычисления в этом томе я, конечно, проверил. Маркс был плохой счетчик, и его вычисления в манускрипте, которого потом он ведь совершенно не подвергал просмотру, обнаруживают многочисленные ошибки. Хотя я проверял каждое вычис-

ление несколько раз, все-таки возможно, что и у меня случайно проскользнул какой-нибудь промах. Чтобы не делать Маркса ответственным за такие ошибки, в которых виноват я, я всюду обозначал, где мои вычисления расходятся с вычислениями Маркса, за исключением тех случаев, когда он приходил в конце-концов к тому же результату, как и я при моей проверке, и только забывал соответственным образом исправить ошибку в предыдущем. Впрочем, ошибки в вычислении не имели у Маркса совершенно никакого значения для теоретических выводов; исключая одну—две мелочи, я не нашел нужным ничего изменять в тексте, несмотря на исправленные цифры.

Очень усложнены были марксовские вычисления благодаря применению тяжеловесной английской денежной системы. Я уже думал о том, чтобы заменить ее более простой, конечно, переведя английские деньги не на марки, это было бы анахронизмом, а на франки. Но и на это я не считал себя вправе. Я этим очень изменил бы характер произведения, которое повсюду носит ясный отпечаток английской почвы, на которой оно выросло. В конце-концов я упростил расчет тем, что на место фунтов, шиллингов, пенсов, фартингов и частей фартингов поставил просто фунты и части фунтов.

Это — о внешней стороне издания данного тома. Судить о его внутренней ценности здесь не место; но если я могу судить по себе, нашедшему в настоящем томе, так же, как и в первом, богатый источник вдохновения и поучения, новые точки зрения, а также углубление и уяснение других, уже известных из „Капитала“, то приобретение, которое он составляет для науки, очень велико. Мало того, второй том „Theorien“ кажется мне не только значительным научным дополнением и уяснением в особенности третьего тома „Капитала“, но также средством облегчить популяризацию выводов этого третьего тома.

У меня по крайней мере получилось впечатление, что настоящая книга, за исключением отдельных очень трудных мест, более понятна, чем третий том, и притом живее, доступнее, благодаря своей критической и иногда полемической форме. Может быть, она производит такое впечатление только на тех, кто уже знает третий том „Капитала“. И я никому не посоветовал бы, оставивши непочитанным третий том, удовольствоваться только настоящей книгой. Напротив, каждому, кто уже знает три тома „Капитала“, следует посоветовать самым настоятельным образом пополнить их „Theorien über den Mehrwert“. Только таким образом для него станет возможным исчерпать наиболее глубоко идейное содержание „Капитала“.

Когда появится еще последний том настоящего произведения, то в сущности будут опубликованы все научные труды, которые Маркс оставил после себя в рукописи. Если бы поскорей мне удалось довести до конца великую задачу, которую возложила на меня, как драгоценный завет, десять лет тому назад смерть моего незабвенного учителя и друга Фридриха Энгельса! Нет лучшего способа, более соответствующего духу Энгельса, почтить его память в десятую годовщину кончины, как подвинуть вперед то великое дело, которому он неутомимо посвя-

щал последние годы своей жизни; ведь он хорошо знал, что ничем в большей степени не может обогатить наше сознание.

И все-таки — существует еще один способ почтить память, который еще более соответствует духу как Энгельса, так и Маркса, чем продолжение этого одного дела, ставшего делом жизни обоих: это дальнейшее развитие другого великого дела, которое не в меньшей степени было общим делом их жизни. Если они стремились к социальному познанию, то не в меньшей степени стремились и к социальной революции; одно для них неразрывно было связано с другим.

Таким образом мы видим и в издании „Theorien über den Merkwert“ только один способ почтить их память; другой способ составляет восстание против врага, которого Маркс и Энгельс глубже всего ненавидели и с которым в течение своей жизни они всего ожесточеннее боролись—против царизма.

Теория и практика, социальное познание и социальная революция шли всегда у Маркса и Энгельса рука об руку, составляли для них одно неразрывное целое: с этим прекрасно гармонирует то обстоятельство, что десятая годовщина смерти Фридриха Энгельса совпадает не только с изданием одного из самых глубоких и сильных созданий марксовского гения, но и с грандиознейшим и великолепнейшим увенчанием марксовской практической деятельности—с русской революцией.

Карл Каутский.

Берлин, 5 августа 1905 г.

1. Прибавочная ценность и прибыль.

1. Построение труда Рикардо.

Рикардо исходит из определения относительных ценностей или меновых ценностей товаров при посредстве количества труда¹⁾, [требуемого для их производства]. Характер этого „труда“ дальше не исследуется. Если два товара суть эквиваленты — или эквиваленты в определенной пропорции — или, что то же самое, если они неравны по величине, смотря по количеству „труда“, который они заключают в себе, то ясно все же, что они одинаковы по субстанции—поскольку они—меновые ценности. Их субстанция—труд. Поэтому они и являются „ценностями“. Их величина различна, смотря по тому, заключают ли они в себе больше или меньше этой субстанции. Вида же—особого назначения труда, как создающего меновую ценность или выражающегося в меновых ценностях—характера этого труда Рикардо не исследует. Он поэтому не понимает связи этого труда с деньгами, т.-е. того, что он должен проявляться в виде денег. Он поэтому совершенно не понимает связи между определением меновой ценности товара рабочим временем и необходимостью для товаров в своем развитии дойти до образования денег. Отсюда его неверная теория денег. У него à priori идет дело только о величине ценности. То-есть о том, что величины товарных ценностей относятся, как количества труда, требующиеся для их производства. Из этого исходит Рикардо. Он определенно указывает на А. Смита, как на свой исходный пункт (1 глава I отдел.).

Вот в чем состоит метод Рикардо: он исходит из определения величин ценностей товаров рабочим временем и затем исследует, не противоречат ли остальные экономические отношения категории, этому определению ценности или насколько они это последнее модифицируют. С первого взгляда очевидно, что этот метод, с одной стороны, имеет историческое оправдание, являясь научной необходимостью, в истории экономики, но что, с другой, он отличается научной недостаточностью, недостаточностью, которая проявляется не только в способе изложения (формально), но и

¹⁾ Мы можем в конце рассмотреть различный смысл, в котором Рикардо употреблял слово „ценность“. На этом покоится критика Бэли (Bailey) и вместе с тем в этом заключается недостаток Рикардо.

приводит к ошибочным результатам, потому что этот метод перепрыгивает через необходимые промежуточные звенья и стремится показать непосредственным образом совпадение (Kongruenz) экономических категорий между собою.

Исторически этот способ исследования можно оправдать и даже считать необходимым. Политическая экономия развилась в труде А. Смита в одно большое целое; территория, которую она занимает, некоторым образом получила определенные границы, так что Сэй мог в школьном учебнике изложить ее плоско-систематически. Между Смитом и Рикардо имели место еще только детальные исследования о производительном и непроизводительном труде, сущности денег, теории населения, земельной собственности и налогах. Сам Смит с большой наивностью возвращается в постоянных противоречиях. С одной стороны, он исследует внутреннюю связь экономических категорий — или скрытое строение буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом связь, как она дана видимым образом в явлениях конкуренции и как она, следовательно, представляется несведущему в науке наблюдателю, совершенно так же, как и человеку, практически участвующему и заинтересованному в процессе буржуазного производства. Эти оба способа понимания, из которых один проникает во внутреннюю связь, так сказать, в физиологию буржуазной системы, а другой только опиывает каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что внешним образом обнаруживается в жизненном процессе и притом так, как оно обнаруживается и проявляется, — эти оба способа исследования у Смита идут непринужденно не только рядом друг с другом, но и переплетаются и постоянно противоречат друг другу. Это имеет у Ад. Смита свое оправдание, за исключением отдельных детальных исследований, как напр., о деньгах, — в виду того, что его произведение действительно преследовало две цели. С одной стороны, оно являлось попыткой проникнуть во внутреннюю физиологию буржуазного общества; с другой же стороны, Смит хотел отчасти впервые описать его внешним образом проявляющиеся жизненные формы, обрисовать его внешнюю связь и отчасти также найти для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные определения; следовательно, отчасти впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени как и другая, и так как обе производятся независимо друг от друга, то в труде и находят себе место два совершенно противоречащие друг другу способа изложения: один, который более или менее правильно выясняет внутреннюю связь; другой, который с таким же правом и без всякого внутреннего отношения — без всякой связи с другим способом понимания — обрисовывает внешнюю связь. Преемники же [Смита], поскольку они не возвращаются к более старым отвергнутым им способам понимания, могут в своих детальных исследованиях и этюдах беспрепятственно идти вперед и в то же время постоянно опираться на А. Смита, как на свою основу, независимо от того, примыкают ли они к эсотерической или экзотерической части его произведения или, что почти всегда случается, если они смешиваются обе друг с другом. Наконец, выступает Рикардо и кричит

науке—стой! Основа, исходный пункт физиологии буржуазной системы—понимания ее внутренней органической связи и жизненного процесса—есть определение ценности рабочим временем. Отсюда исходит Рикардо и требует от науки, чтобы она оставила свою прежнюю рутину и дала себе отчет в том, насколько остальные развитые, выясненные ею категории—отношения производства и обращения—соответствуют или противоречат этой основе, этому исходному пункту; насколько вообще наука, только отражающая, воспроизводящая формы проявления процесса, точно так же, как и сами эти явления, соответствуют основе, на которой покоится внутренняя связь, действительная физиология буржуазного общества или которая составляет его исходный пункт; как вообще обстоит дело с этим противоречием между кающимся и действительным движением системы. В этом-то и заключается великое историческое значение Рикардо для науки, вследствие чего пошлый Сэй, у которого он отнял почву из-под ног, выразил свое раздражение в фразе: „что ее (науку) под предлогом расширения столкнули в пустое пространство“. С этой исторической заслугой тесно связано то, что Рикардо открывает, формулирует экономическое противоречие классов—как его обнаруживает внутренняя связь—и таким образом в экономии формулируется, открывается историческая борьба и процесс развития в его корнях. Поэтому Кэри доносит на него, как на отца коммунизма.

«Система господина Рикардо есть система раздора... Она имеет тенденцию породить вражду между классами и нациями... Его книга—настоящее руководство для демагога, который стремится к власти при посредстве конфискации земли (agrarianism), войны и грабежа» (N. Carey, The Past, the Present and the Future. Philadelphia 1848. Стр. 74—75).

Если таким образом, с одной стороны, ясно научное значение и большая историческая ценность способа исследования Рикардо, то, с другой стороны, очевидна научная недостаточность его метода, которая обнаружится в частности при дальнейшем изложении.

Отсюда также чрезвычайно странная и по необходимости несообразная архитектоника его произведения. Все произведение состоит (в третьем издании) из 32 глав. Из них 11 глав трактуют о налогах, содержат таким образом только примененные теоретических принципов. 20-я глава „Ценность и богатство, их отличительные признаки“, есть не что иное, как исследование различия между потребительной и меновой ценностью, следовательно, дополнение к первой главе о ценности. 24-я глава, „Учение А. Смита о земельной ренте“, так же, как 28-я глава „О сравнительной ценности золота, хлеба и труда в богатых и бедных странах“ и 32-я глава, „Взгляды господина Мальтуса на ренту“, суть просто дополнение и отчасти защита теории земельной ренты Рикардо, т.-е. простое приложение ко 2-й и 3-й главам, которые трактуют о ренте. 30-я глава „О влиянии спроса и предложения на цены“ есть простое дополнение к 4-й главе „О естественной и рыночной цене“. Второе приложение к этой главе составляет 19-я глава „О внезапных изменениях в направлении торговли“. 31-я глава „О сущности машинного производства“ есть простое приложение к 5-й и 6-й главам „О заработной плате“ и „О прибыли“. 7-я глава „О внешней торговле“ и 25 глава „О коло-

ниальной торговле“ суть так же, как и главы о налогах, простое применение выставленных ранее принципов. 26-я глава „О валовом и чистом доходе“ и 21-я глава „Действие накопления на прибыль и процент“ являются приложениями к главам о земельной ренте, прибыли и заработной плате. Наконец, 27-я глава „О средствах обращения и банках“ стоит в книге совершенно изолированно и есть просто дальнейшее развитие и отчасти модификация взглядов, выставленных в его более ранних сочинениях о деньгах.

Теория Рикардо, таким образом, заключается исключительно в первых шести главах книги. Если я говорю о ее неправильной архитектонике, то это относится к этой части. Вторая часть состоит из применений, дополнений и прибавлений (исключая отдел о деньгах), которые, естественно, перепутаны друг с другом и не предъявляют никаких претензий на архитеконику. Но неправильная архитектоника в теоретической части, в первых шести главах, не случайна, а является следствием самого способа исследования Рикардо и той определенной задачи, которую он себе поставил. Она выражает научную неудовлетворительность самого этого способа исследования.

Первая глава трактует о ценности. Она распадается на семь отделов. В первом отделе, собственно, исследуется: противоречит ли заработная плата определению ценностей товаров содержащимся в них рабочим временем? В третьем отделе доказывается, что вхождение в ценность товара того, что я называю постоянным капиталом, не противоречит определению ценности, и что повышение и понижение заработной платы столь же мало действует на ценности товаров. В четвертом отделе исследуется, насколько применение машин и других видов основного (fixen und dauerhaften) капитала, поскольку он входит в различных сферах производства в различном отношении, изменяет определение меновой ценности рабочим временем. В пятой части исследуется, насколько повышение и понижение заработной платы модифицирует определение ценностей рабочим временем, если в различных сферах производства применяются капиталы неравной долговечности и с различным временем оборота.

Таким образом, видно, что в этой первой главе идет речь не только о товарах—а между тем ни о чем не должна была бы идти речь, если рассматривается ценность, как таковая,—но также и о заработной плате, капитале, прибыли, даже о всеобщей норме прибыли, как мы увидим, о различных формах капитала, как они проявляются в процессе обращения; кроме того о различии „естественной“ и „рыночной цены“, при чем эта последняя играет даже решающую роль в следующих двух главах „О земельной ренте“ и „Ренте с рудников“.

Эта вторая глава „О земельной ренте“—3-я глава „О ренте с рудников“ является простым дополнением к ней—вполне согласно с принятым Рикардо способом исследования открывается снова вопросом: противоречит ли земельная собственность и земельная рента определению ценности товаров рабочим временем? „Но остается,—так начинает он вторую главу „О земельной ренте“,—исследовать, ведет ли за собой присвоение земли и вытекающее отсюда образование земельной ренты

изменение в относительной ценности товаров, независимо от количества труда, необходимого для их производства" (Principles of Political Economy. 3 издание, Лондон 1821 г. стр. 53, русск. пер. Н. Рязанова, стр. 34).

И вот, чтобы произвести это исследование, он не только попутно (en passant) вводит отношение между „рыночной“ и „реальной ценой“, которая равна денежному выражению ценности, но и предполагает все капиталистическое производство и все свое понимание отношения между заработной платой и прибылью. Содержимое 4-ой главы „О естественной и рыночной цене“, 5-ой главы „О заработной плате“ и 6-ой главы „О прибыли“ не только предположено, но и вполне развито в первых двух главах „О ценности“ и „О земельной ренте“, и в 3-й главе, как приложении ко второй.

В следующих трех главах только местами пополнены пробелы. поскольку они приносят теоретически что-нибудь новое, даны ближайшие определения, которые по праву должны были уже найти себе место в первой и второй главах.

Все произведение Рикардо содержится, таким образом, в двух его первых главах. В них развитые буржуазные процессы производства, а стало быть и развитые категории политической экономии, поставлены на острую ставку с их принципом, определением ценности, и привлечены к ответу, насколько они прямо ему соответствуют или как обстоит дело с кажущимися отклонениями, которые они вносят в отношение ценности товаров. Они содержат всю рикардовскую критику существовавшей до тех пор политической экономии, категорический разрыв с всегдашним противоречием А. Смита между эсотерическим и экзотерическим способом понимания и благодаря этой критике дают некоторые совершенно новые и поразительные результаты. Отсюда высокое теоретическое наслаждение, какое доставляют эти две первые главы, так как они дают в сжатой и краткой форме критику старой экономии, расплывшейся и сбившейся с пути, и представляют всю буржуазную систему экономии, подчиненной одному основному закону, концентрируя квинтэссенцию из разнообразных и многообразных явлений. Но теоретическое удовлетворение, которое доставляют эти первые две главы благодаря своей оригинальности, единству, основного взгляда, простоте, концентрированности, глубине, новизне и многоохватывающей сжатости, неизбежно теряется при дальнейшем чтении произведения. И здесь в некоторых местах нас побеждает оригинальность отдельных выводов. Но целое вызывает утомление и скуку. Дальнейший ход труда не является больше дальнейшим его развитием. Где он не состоит из однотонного, формального применения тех же самых принципов к различному, по внешним признакам собранному материалу или из полемического доказательства этих принципов, там имеют место повторения или дополнения, самое большее, что в последних частях делаются здесь и там поразительные заключительные выводы.

В критике Рикардо мы должны, следовательно, различать то, чего он сам не различал. Во-первых, его теорию прибавочной ценности, которая у него, конечно, существует, хотя он не фиксирует прибавочной

ценности в ее отличии от ее особых форм, прибыли, ренты, процента. Во-вторых, его теорию прибыли. Мы начнем с этой последней, несмотря на то, что она находится не в этом отделе, а в историческом приложении к отделу III-му.

2. Теория прибыли Рикардо.

а) Понятие Рикардо о ценности.

Предварительно несколько замечаний о том, как Рикардо путает (*durcheinanderwirft*) определения ценности. На этом покоится полемика против него Бэли. Она таким образом также важна для нас.

Прежде всего, Рикардо называет ценность меновой ценностью (*value in exchange*) и определяет ее вместе с А. Смитом, как способность приобретать другие блага" (*Principles*, стр. 1). Это—меновая ценность, как она прежде всего проявляется. Но затем он переходит к действительному определению ценности:

«Существует соответственное количество товаров, создаваемое трудом, что определяет их настоящую или прошедшую относительную ценность» (ук. соч., стр. 9, русск. пер. Н. Рязанова, стр. 9).

„Относительной ценностью“ называется здесь не что иное, как определенная рабочим временем меновая ценность. Но относительная ценность может также иметь и другой смысл; именно—поскольку я выражаю меновую ценность одного товара в потребительной ценности другого: например, меновую ценность сахара в потребительной ценности кофе.

«Два товара меняют свою относительную ценность, и мы желаем знать, в каком произошло изменение» (*Principles*, стр. 9, русск. пер. Н. Рязанова, стр. 9).

Какое изменение? Эту „относительную ценность“ Рикардо позже называет также „сравнительной ценностью“ (ук. соч., стр. 448 сл.). Мы желаем знать, в каком товаре произошло „изменение“, т.-е. изменение ценности, которая выше называется относительной ценностью. Например, пусть будет фунт сахару равен 2 фунтам кофе: позже 1 фунт сахару равен 4 фунтам кофе. „Изменение“, которое мы желаем знать, заключается в следующем: изменяется ли „рабочее время, нужное“ для сахару или „нужное“ для кофе, стоит ли сахар вдвое больше рабочего времени, чем раньше, или кофе вдвое меньше рабочего времени, чем раньше, и какое из этих „изменений“ в рабочем времени, нужном для производства названных товаров, повлекло за собой изменение в их меновом отношении. Эта „относительная“ или „сравнительная ценность“ сахару и кофе—отношение, в каком они обмениваются—таким образом отлична от относительной ценности в первом смысле. В первом смысле относительная ценность сахару определяется массой сахару, которая может быть произведена в определенное рабочее время. Во втором случае относительная ценность сахару и кофе выражает только отношение, в каком они обмениваются друг на друга, и изменения в этом от-

пошении могут быть произведены изменением относительной ценности в первом смысле в кофе или в сахаре. Отношение, в котором они обмениваются друг на друга, может оставаться тем же самым, хотя их „относительные ценности“ в первом смысле изменились. 1 фунт сахару может быть, как прежде, равен 2 фунтам кофе, хотя рабочее время, требующееся для производства сахару и кофе возросло вдвое или уменьшилось в половину. Изменения в их „сравнительной ценности“, т. е. если меновая ценность сахару выражается в кофе и vice versa, обнаружатся только тогда, если их относительные ценности в первом смысле, т. е. ценности, определенные количеством труда, изменяются неравным образом, следовательно, наступило изменение их отношения. Абсолютные изменения, — если они не меняют первоначального отношения, следовательно, равновелики и происходят в одном и том же направлении, — не принесут никакого изменения в сравнительных ценностях — а также в отношении денежных цен этих товаров, так как ценность денег, если бы она должна была измениться, изменяется для обоих товаров одновременно. Поэтому, выражаю ли я ценность двух товаров взаимно в их собственных потребительных ценностях или представляю оба товара в их денежной цене, в потребительной ценности третьего товара, эти относительные или сравнительные ценности или цены суть те же самые, и их изменения следует различать от изменений их относительных ценностей в первом смысле, т. е. поскольку они не выражают ничего другого, кроме изменения рабочего времени, требующегося для их собственного производства, следовательно, в них самих реализованного. Последняя относительная ценность является, следовательно, „абсолютной ценностью“ сравнительно с относительными ценностями во втором смысле, в смысле реального выражения меновой ценности одного товара в потребительной ценности другого или в деньгах. Отсюда получается также и у Рикардо для „относительной ценности“ в первом смысле выражение „абсолютная ценность“.

«Исследование, на которое я стремлюсь обратить внимание читателя имеет в виду изменение в относительных, а не в абсолютных ценностях товаров» (ук. соч. стр. 15, русск. пер. Н. Рязанова, стр. 12).

Эту „абсолютную“ ценность в других случаях Рикардо называет также „реальной ценностью“ или просто ценностью (напр. стр. 16).

Смотри полемику Бэли против Рикардо в „A Critical Dissertation on the Natur, Measures and Causes of Value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the Autor of Essays on the Formation and Publication of opinions, London 1825“ (Смотри также его же: „A letter to a Polit. Economist; occasioned by an article in the Westminster Review etc. London 1826“).

Вся полемика Бэли вращается частью вокруг этих различных моментов в определении понятия ценности, которые у Рикардо не развиты, но представлены только фактически и смешиваются друг с другом и в которых Бэли находит только „противоречия“; частью — против „абсолютной ценности“ или „реальной ценности“ в отличие от сравнительной ценности или относительной ценности во втором смысле. „Вместо того“, говорит Бэли в первом из вышеназванных сочинений, „чтобы рассматри-

вать ценность, как отношение между двумя вещами, они (Рикардо и его приверженцы) смотрят на нее, как на положительный результат, производимый определенным количеством труда" (ук. соч., стр. 30). Они рассматривают "ценность, как нечто действительное и абсолютное" (ук. соч., стр. 8). Последний упрек является следствием неудовлетворительного изложения Рикардо, потому что он совершенно не исследует ценности по форме—не рассматривает определенной формы, какую принимает труд, как субстанция ценности,—а занимается исследованием только величины ценности, количества этого абстрактно-всеобщего и в этой форме общественного труда, которые приносят различие в величинах ценности товаров. Иначе Бази увидел бы, что относительность понятия ценности никоим образом не уничтожается тем, что все товары, поскольку они меновые ценности, являются только "относительными" выражениями общественного рабочего времени и что их относительность никоим образом не состоит только в отношении, в каком они обмениваются друг на друга, но в отношении всех их к этому общественному труду, как их субстанции.

Как мы увидим дальше, Рикардо следует гораздо скорее упрекнуть в том, что он очень часто забывает эту "реальную" или "абсолютную ценность" и помнит только об "относительной" или сравнительной ценности.

в) Понятие Рикардо, о прибыли, норме прибыли, ценах производства и т. д.

В 3-й части 1-й главы Рикардо развивает следующую мысль: если я говорю, что ценность товара определяется рабочим временем, то это относится как к труду, который применен непосредственно к товару в последнем процессе работы, так и к рабочему времени, которое содержится в сыром материале и в требующихся для производства товара орудиях труда. Следовательно, не только к рабочему времени, которое содержится во вновь добавленном, оплаченном заработной платой, купленном труде, но также к рабочему времени, которое содержится в той части товара, какую я называю постоянным капиталом.

Неудовлетворительность обнаруживается сейчас же в заголовке этого 3-го отдела 1-й главы. Заголовок этот следующий:

«Не только примененный непосредственно к товару труд определяет его ценность, но и тот труд, который затрачен на инструменты, орудия и строения, какие необходимы для этого труда» (ук. соч. стр. 18. Русск. пер. Н. Рязанова, стр. 13).

Здесь отброшен сырой материал, а между тем труд, примененный к сырому материалу, так же отличен от "примененного непосредственно к товару труда", как и труд, примененный к орудиям труда, "инструментам, орудиям и строениям". Но у Рикардо уже в голове следующий отдел. В настоящем отделе он принимает, что употребленные средства труда входят в производство различных товаров равными составными частями ценности. В следующем отделе исследуется различие, которое возникает благодаря вхождению основного капитала в раз-

личных пропорциях (в товары). Поэтому Рикардо не приходит к установлению понятия постоянного капитала, одна часть которого состоит из основного, а другая часть, сырой материал и вспомогательные вещества, из оборотного капитала, совершенно так же, как оборотный капитал включает не только переменный капитал, но обнимает и сырые материалы и т. д., и все входящие в (промышленное) потребление вообще (не только в потребление рабочих) жизненные средства.

Отношение, в котором входит постоянный капитал в товар, касается не ценностей товаров, не относительных количеств труда, которые содержатся в товарах, но касается непосредственно различных количеств прибавочной ценности или прибавочного труда, которые содержатся в товарах, сколько бы они ни содержали рабочего времени. Это различное отношение влечет за собой поэтому средние цены, отличные от ценностей.

Относительно 4-го и 5-го отдела первой главы нужно прежде всего заметить следующее: вместо в высшей степени запутанного и относящегося к непосредственному производству прибавочной ценности различия в пропорции, в которой постоянный и переменный капитал образуют составные части одной и той же массы капитала в различных сферах производства, Рикардо занимается исключительно различиями в форме капитала и различной пропорцией, в которой один и тот же капитал принимает различную форму, различиями формы, как они вытекают из процесса обращения капитала, как-то: основной и оборотный капитал, более или менее основной капитал (т.-е. основной капитал различной продолжительности) и неравная быстрота обращения или обороты капитала. И манера Рикардо исследовать именно такова: он предполагает всеобщую норму прибыли или среднюю прибыль одинаковой величины для различных вкладов капитала одинаковой величины или для различных сфер производства, где затрачиваются капиталы одинаковой величины—или, что то же самое, прибыль в отношении к величине приложенных в различных сферах производства капиталов. Вместо того, чтобы предполагать эту всеобщую норму прибыли, Рикардо должен был бы скорее исследовать, насколько ее существование вообще мирится с определением ценностей рабочим временем: в таком случае он нашел бы, что, вместо соответствия, она ему *prima facie* противоречит, следовательно ее существование следовало развить при посредстве массы промежуточных звеньев,—развитие, весьма отличное от простого подведения под закон ценности. Благодаря этому Рикардо приобрел бы вообще совершенно другой взгляд на природу прибыли и не отождествлял бы ее прямо с прибавочной ценностью.

Раз сделавши такое предположение, Рикардо дальше спрашивает себя, как будет действовать повышение или понижение заработной платы на „относительные ценности“, если основной и оборотный капиталы входят в различной пропорции? Или скорее, он воображает, что ставит так вопрос. На самом деле он ставит его совершенно иначе. Он рассматривает его таким образом: он спрашивает себя, как будет действовать повышение или понижение заработной платы (на соответственную прибыль) при капиталах, время оборота которых различно и

в которых различные формы капитала содержатся в различной пропорции? И тогда он находит, естественно, что соответственно тому, много или мало основного капитала входит и т. д., повышение или понижение заработной платы очень различно должно действовать на капиталы, соответственно тому, большая или меньшая часть их состоит из переменного капитала, т. е. из капитала, который непосредственно затрачивается на заработную плату. Следовательно, чтобы снова уравнивать прибыли в различных сферах производства, иными словами, чтобы снова восстановить всеобщую норму прибыли, цены товаров — в отличие от их ценностей — должны быть различным образом регулированы. Следовательно, заключает он далее, эти различия действуют на „относительные ценности“ при повышении или понижении заработной платы. Он должен был бы сказать наоборот: хотя эти различия нисколько не касаются ценностей самих по себе, они приносят своим различным действием на прибыли в различных сферах от самих ценностей отличающиеся средние цены — или, скажем лучше, цены производства ¹⁾ (Produktionspreise), которые не прямо определяются ценностями товаров, но вложенным в них раньше капиталом плюс средняя прибыль. Он должен был бы, следовательно, сказать: эти средние цены производства отличны от ценностей товаров. Вместо этого он заключает, что они тождественны, и переходит с этой ложной предпосылкой к рассмотрению земельной ренты. Также ошибается, Рикардо, когда думает, что только в исследуемых им случаях он открывает изменения в относительных ценностях, независимо от рабочего времени, в них заключенного; следовательно, в действительности, различие между ценами производства и ценностями товаров.

Он уже установил это различие, предположивши всеобщую норму прибыли и предположивши поэтому, что, несмотря на различные отношения в органических составных частях капитала ²⁾, этот последний

¹⁾ В манускрипте здесь стоит: «средние цены или, скажем лучше, цены издержек (Kostenpreise)». В третьей книге «Капитала» Маркс употребляет слово «цены издержек» в другом смысле. «Капиталистические издержки товара измеряются затратой капитала». Что Маркс в манускрипте «Zur Kritik» называл еще «ценой издержек», в «Капитале» он называет «ценой производства»: последняя там равна капиталистическим издержкам плюс средняя прибыль. Выражение «цена производства» вместо «цена издержек» он в дальнейшем употребляет иногда даже в этом манускрипте, впрочем, не придерживаясь его строго. Но я его ввожу здесь повсюду, чтобы не нарушать единства терминов гни.

Ниже в другом месте этого манускрипта Маркс в примечании, которое может быть приведено здесь сейчас, замечает следующее:

«Эти цены производства следует отличать от рыночных цен, они — средние рыночные цены товаров в различных сферах производства. Рыночная цена сама уже заключает в себе постольку среднее, поскольку (цены) товаров одной и той-же сферы определяются ценами товаров, произведенных при средних условиях производства этой сферы. Никким образом не при самых худших, как принимает Рикардо для ренты; ибо средний спрос связан с определенной ценой даже для зерна. Известное количество предложения, следовательно, не будет продано выше этой цены. Иначе пал бы спрос. Производящие ниже средних условий вынуждены поэтому часто продавать свои товары не только ниже их ценности, но даже ниже цены их производства.»

²⁾ Под органическим строением капитала Маркс, как известно, понимает отношение, в котором он складывается из своих органических составных частей, «активной и пассивной составной части», переменного и постоянного капитала.

приносит прибыль, пропорциональную его величине, тогда как прибавочная ценность, которую они приносят, безусловно определяется количеством неоплаченного рабочего времени, количеством, которое они поглощают и которое, при данной заработной плате, всецело зависит от величины той части капитала, которая идет на заработную плату, а не от абсолютной величины его. На самом деле, Рикардо исследует вот что: предполагая цены производства, отличные от ценностей товаров, как нечто уже данное — а с принятием всеобщей нормы прибыли это отличие предположено, — он исследует, как эти цены производства, которые теперь для разнообразия называются „относительными ценностями“, снова сами взаимно модифицируются в соответственных случаях, благодаря повышению или понижению заработной платы и при различных отношениях органических составных частей капитала. При более глубоком проникновении в дело Рикардо нашел бы, что, в виду различий в органических составных частях капитала, как они проявляются вначале в непосредственном процессе производства, в виде различия между переменным и постоянным капиталом, а позднее еще более увеличиваются различиями, вытекающими из процесса обращения — одно существование всеобщей нормы прибыли обуславливает цены производства, отличные от ценностей, если даже предположить, что заработная плата остается постоянной, следовательно, обуславливает различие совершенно независимое от повышения или понижения заработной платы, и новое определение формы. Он также увидел бы, насколько понимание этого различия имеет для теории в ее целом несравненно более важное и решающее значение, чем рассмотрение пм колебания в ценах производства товаров, колебания, вызванного повышением или понижением заработной платы. Результат, которым он удовлетворяется — и это удовлетворение соответствует всему методу его исследования, — следующий: если принять во внимание колебания в ценах производства или, как он говорит, „относительных ценностях“, товаров, поскольку они при различии в органическом строении капиталов, вложенных в различных сферах, являются следствием изменений, повышений или понижений заработной платы, то закон остается верным, и это не противоречит закону определения „относительных ценностей“ товаров рабочим временем, ибо все другие, более, чем переходящие изменения в ценах производства товаров объясняются только изменением в рабочем времени, необходимом в каждом данном случае для их производства. Напротив, следует рассматривать, как великую заслугу, что Рикардо сопоставляет различия основного и оборотного капитала, с различным временем оборота капитала и все эти различия выводит из различного времени обращения и, следовательно, фактически из времени обращения или воспроизводства капитала.

Мы хотим прежде всего рассмотреть эти различия сами по себе, поскольку он представляет их сперва в 4-й части 1-й главы, и затем только тот способ (Manier), которым он заставляет их действовать или производить колебание в „относительных ценностях“.

1. «Во всяком состоянии общества орудия, инструменты, строения и машины, которые применяются в различных производствах, отличаются по продолжительности существования и требуют различных количеств труда для их восстановления» (ук. соч., стр. 25; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 18).

Что касается „различных количеств труда, которые требуются для их восстановления“, то это может означать — и это, кажется, здесь единственная точка зрения Рикардо, — что орудия с меньшей продолжительностью существования требуют больше труда, периодически и непосредственно затрачиваемого частью для поддержания их в порядке, частью для их воспроизводства или также то, что машины и т. д. с одинаковой продолжительностью существования могут быть более или менее дороги, могут быть продуктом большего или меньшего количества труда. Эта последняя точка зрения, важная для отношения между переменным и постоянным капиталом, не имеет ничего общего со взглядом Рикардо и поэтому нигде им не принимается, как самостоятельная точка зрения.

2. «Точно также отношение между капиталом, который имеет назначением поддерживать труд (переменный капитал) и капиталом, который вложен в орудия, машины и строения (основной капитал), может быть различным образом комбинировано».

Мы имеем, следовательно, „различие в степенях продолжительности существования основного капитала и различие в отношениях, в каких могут комбинироваться между собой оба рода капитала“ (ук. соч., стр. 25). Сейчас же видно, почему Рикардо не интересуется частью постоянного капитала, существующая, как сырой материал. Сырой материал принадлежит сам к оборотному капиталу. Если заработная плата повышается, то это не вызывает увеличения расходов для этой части капитала, которая состоит в машинах и не требует замещения, а остается, но вызывает увеличение расходов для той части, которая состоит из сырого материала и должна быть постоянно пополняема, а следовательно, и постоянно воспроизводима.

«Пища и одежда, которые рабочий потребляет, здание, в котором он работает, инструменты, которые помогают его работе, все преходящи по своей природе. Но существует большое различие в продолжительности времени, которое может выдержать каждый из этих различных родов капитала... Смотри по тому, изнашивается ли быстро капитал и нуждается в частном производстве или медленно потребляется, он рассматривается, как оборотный или основной капитал» (ук. соч., стр. 26; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 18).

Здесь, следовательно, различие между основным и оборотным капиталом сводится к различию во времени воспроизводства, которое совпадает со временем обращения.

3. «Можно также наблюдать, что оборотный капитал обращается или возвращается к пустившему его в оборот в очень неравные промежутки времени. Пшеница, которую покупает арендатор для посева, есть основной капитал по сравнению с пшеницей, купленной булочником для изготовления хлеба. Первый оставляет ее лежать в земле и ждет от нее дохода только по истечении года. Второй в течение недели может смолоть ее и продать своим покупателям в виде хлеба и, таким образом, снова иметь в своем распоряжении свой капитал, чтобы его опять пустить в оборот таким же или иным образом» (ук. соч., стр. 26, 27; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 19).

Отчего происходит это различие во времени обращения различных оборотных капиталов? Оттого, что один и тот же капитал в известном случае находится более продолжительное время в собственной сфере производства без того, чтобы в то же время продолжался процесс работы...

Так обстоит дело с вином, которое оставляется в погребе, пока не перебродит, с известными химическими процессами в кожевнном производстве, красильном и т. д.

«Две отрасли промышленности могут, следовательно, применять одно и то же количество капитала, и тем не менее в каждой обе части капитала, основной и оборотный, могут быть очень различны» (ук. соч., стр. 27; русск. пер., стр. 19).

4. «С другой стороны два фабриканта могут применять в одинаковых размерах основной и оборотный капитал, но продолжительность существования их основного капитала¹⁾ может быть очень различна. Один может иметь паровые машины ценностью в 10.000 ф. стерл., другой суда такой же ценности» (ук. соч., стр. 27, 28; русск. пер., стр. 19).

«Вследствие различных степеней продолжительности существования их капиталов или, что то же самое, времени, которое должно пройти, пока известное количество товаров может быть доставлено на рынок» (ук. соч., стр. 30; русск. пер., стр., 20, 21).

5. «Едва ли нужно говорить, что товары, для производства которых употреблено было одинаковое количество труда, в меновой ценности будут отличаться друг от друга, если они не могут быть доставлены на рынок в одно и то же время» (ук. соч., стр. 34; русск. пер., стр. 23).

Мы имеем, следовательно: 1) различие в отношении основного и оборотного капитала; 2) различие в обращении оборотного капитала вследствие перерыва в процессе труда в то время, как процесс производства продолжается; 3) различие в продолжительности существования основного капитала; 4) различие в отношении, в котором товар вообще без перерыва в рабочем времени, без различия между временем производства и временем работы, остается подчиненным процессу труда, прежде чем он может вернуть в собственный процесс обращения. Последний случай Рикардо выводит следующим образом:

«Допустим, я занимаю двадцать человек с расходом в 1.000 ф. ст. в продолжение одного года в производстве одного товара. По истечении года я снова занимаю двадцать человек еще в продолжение года с дальнейшим расходом в 1.000 ф. ст. для окончательного изготовления этого же товара и в конце второго года доставляю на рынок. Если прибыль равняется 10 процентам, то мой товар должен быть продан за 2.310 ф. ст., ибо я променял в течение одного года капитал в 2.100 ф. ст. Другой человек, допустим, применяет то же количество труда, но все количество в течение одного года. Он занимает сорок рабочих с расходом в 2.000 ф. стерл. и продает свой товар в конце первого года с прибылью в 10 процентов, следовательно, за 2.200 ф. ст. Здесь мы имеем, следовательно, два товара, на которые было употреблено одно и то же количество работы и из которых один продается за 2.310, а другой за 2.200 ф. ст. (ук. соч., стр. 34; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 23).

Но как это различие, будь оно в степени продолжительности существования основного капитала, или времени обращения оборотного, или в отношении комбинации обоих родов капитала или, наконец, во времени, которое требуется для различных товаров, производимых одинаковым количеством труда, чтобы появиться на рынке—как производит каждое из этих различий изменение в относительных ценностях этих товаров? Рикардо сперва объясняет это тем, что эти различия «вызывают другую причину изменений относительных ценностей товаров рядом с большим или меньшим количеством труда, которое требует их

¹⁾ Следовательно, также время его воспроизводства.

производство—эта причина есть повышение или понижение ценности труда (стр. 25, 26).

И как это доказывается?

„Повышение заработных плат должно неизбежно действовать неодинаковым образом на товары, которые производились при столь различных условиях“ (ук. соч., 27; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 19).

А именно, где при применении капиталов, равных по величине в различных отраслях производства, один капитал состоит главным образом из основного и только в незначительной части из капитала, „предназначенного для поддержания труда“, тогда как для другого капитала дело обстоит как раз наоборот. Прежде всего безумие говорить о воздействии на товары. Он имеет в виду их ценности. Но в какой степени на них действуют эти обстоятельства? Они ими совершенно не затрагиваются. Что подвергается действию, это прибыль в обоих случаях. Человек, который, например, затрачивает только $\frac{1}{3}$ своего капитала в виде переменного, может—при одинаковой заработной плате и одинаковой норме прибавочного труда—если норма прибавочной ценности = 20 процентам, производить на 100 только 4 процента (прибав. ценности); напротив, другой, который вложил $\frac{2}{3}$ в переменный капитал, производил бы [при одинаковой норме прибавочной ценности] прибавочную ценность 16 на 100. Средняя прибыль для обоих была бы $\frac{16 + 4}{2}$ или 10 процентов. Это есть собственно тот случай, о котором говорит Рикардо. Если бы, следовательно, оба—и это предполагает Рикардо—продавали по ценам производства, то каждый продал бы свой товар за 110. Теперь допустим, что заработная плата поднялась, например, на 20 процентов своей прежней величины. Раньше 1 человек стоил 1 ф. ст.; теперь 1 ф. 4 шил. Первый капиталист должен вкладывать, как и раньше, 80 фунт. стер. [из капитала в 100 ф. стерл.] в постоянный капитал (так как Рикардо здесь не принимает во внимание сырого материала, то можем сделать это и мы), и расходовать для 20 рабочих, которых он употребляет, кроме 20 ф. ст., еще лишних 4 ф. ст. Следовательно, его капитал равняется теперь 104 ф. ст. И ему остаются из 110 ф. ст. только 6 ф. ст. прибыли, так как рабочие вместо большей доставляли меньшую прибавочную ценность. 6 ф. ст. на 104 дает $5\frac{10}{13}$ процента. Напротив, другой человек, который употребляет 80 рабочих, должен был бы платить на 16 ф. ст. больше. Следовательно, он вложил бы 116 ф. ст. Значит, если бы он должен был продать за 110, то вместо прибыли имел бы убыток в 6 ф. ст. Но этот случай происходит только потому, что средняя прибыль уже модифицировала отношение между заработной платой, вложенной капиталистом, и прибавочной ценностью, добытой им самим.

Следовательно, вместо того, чтобы исследовать важное явление, какие изменения должны произойти, чтобы один фабрикант, затрачивающий из 100 ф. ст. 80 в заработную плату, не получал в четыре раза большей прибыли, чем другой, который из 100 ф. ст. вкладывает в заработную плату только 20, Рикардо исследует побочный вопрос, как это происходит, что после того, как сгладилось это большое раз-

личие—следовательно, при данной норме прибыли—каждое изменение этой нормы прибыли, например, благодаря повышению заработной платы гораздо больше должно задевать того, который употребляет много рабочих при расходе в 100 ф. ст., чем того, который употребляет мало рабочих при расходе в 100 ф. ст., и что поэтому—при одинаковой норме прибыли—товарные цены или цены производства одного должны повышаться, а другого падать—чтобы норма прибыли осталась дальше одинаковой.

Первая иллюстрация, какую дает Рикардо, не имеет совершенно ничего общего с „повышением в ценности труда“, хотя он вначале нам возвестил, что из этой причины должно произойти все изменение в относительных ценностях. Вот эта иллюстрация:

„Допустим, что из двух людей каждый занимает сто человек в течение года при сторужении двух машин, а третий занимает такое же количество людей в производстве зерна. В конце года каждая из машин будет иметь такую же ценность, как и зерновой хлеб, ибо каждая будет произведена одним и тем же количеством труда. Допустим теперь, что один из владельцев машин употребляет свою машину для того, чтобы в следующем году производить при помощи 100 человек сукно, а другой пользуется своей для того, чтобы точно также с помощью 100 человек вырабатывать хлопчатобумажные товары. Арендатор же продолжает употреблять своих 100 человек в полевом хозяйстве. Во втором году они все применяют одинаковое количество труда ¹⁾, но сумма продуктов и машины суконного фабриканта, как и хлопчатобумажного, будут равны в годичной работы двухсот человек, или, лучше сказать, работы 100 человек, занятых в течение двух лет, тогда как хлеб будет продуктом годичной работы 100 человек. Следовательно, если хлеб имеет ценность в 5500 ф. ст. ²⁾, машина и сукно суконного фабриканта должны были бы иметь ценность в 11000 ф. ст. и точно также машины и товары хлопчатобумажного фабриканта должны были бы иметь двойную ценность хлеба. Но они будут иметь более, чем двойную ценность, так как прибыль на капитал суконного фабриканта и хлопчатобумажного фабриканта за первый год была приложена к их капиталу, тогда как арендатор свою прибыль израсходовал на свои потребности. Стало-быть, вследствие различных степеней продолжительности существования их капиталов или, что то же самое, вследствие различия времени которое должно пройти, прежде чем товары могут поступить на рынок, их ценность не будет находиться в достаточно полном соответствии с употребленным на них количеством труда. Оно не будет выражаться в данном случае, как отношение 2 к 1, но будет несколько больше, чтобы вознаградить за более продолжительный период времени, который должен пройти, прежде чем более ценный из товаров может поступить на рынок.

Допустим теперь далее, что за работу каждого рабочего уплачивается в год 50 ф. ст., следовательно для 100 это составит 5000 ф. ст. Если прибыль равняется 10 процентам, то ценность каждой из машин, так же, как ценность зерна в конце первого года, должна равняться 5500 ф. ст. Во втором году фабриканты и селский хозяин каждый израсходуют 5000 ф. ст. на оплату труда и вследствие этого будут снова продавать свои продукты за 5500 ф. ст. Но оба фабриканта, которые применяют машины, чтобы оставаться на одной ступени с фермером, должны получить не только 5500 ф. ст. за одинаковый капитал, который они затратили на наем труда, но сверх того сумму в 550 ф. ст., как прибыль на 5500 ф. ст., которые они вложили в машины. Поэтому ³⁾ их продукты должны достигнуть цены в 6500 ф. ст. ⁴⁾. Здесь, следовательно, капита-

¹⁾ То есть, они затратят один и тот же капитал на заработную плату, но никоим образом не применяют одинакового количества труда.

²⁾ В оригинале стоит 500 ф. ст. и затем 1000 ф. ст., вместо 11000 ф. ст., позже, однако, Рикардо в том же примере принимает ценность хлеба в 5500 ф. ст., что также ближе к действительности. К.

³⁾ Потому что именно одинаковая годичная норма прибыли в 10 процентов предположена, как необходимость и закон.

⁴⁾ Следовательно, благодаря средней прибыли—предположенной Рикардо всеобщей нормы прибыли—возникают цены производства, отличные от ценностей товаров.

листы применяют совершенно одинаковое количество труда ежегодно для производства своих товаров и тем не менее их продукты различны по ценности, благодаря различным количествам основного капитала или накопленного труда, которые каждый из них применяет ¹⁾. Сукно и хлопчатобумажные товары суть одной и той же ценности, так как они—продукт одинаковых количеств труда и одинаковых количеств основного капитала; но хлеб не обладает той же ценностью ²⁾, как эти товары, потому что он, поскольку дело касается основного капитала, был произведен при отличных условиях“ (ук. соч., 29—31; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 20, 21).³⁾

Такая запутанная и тяжеловесная иллюстрация для вещи, в высшей степени простой, приводится вместо того, чтобы сказать просто: так как капиталы одинаковой величины, каково бы ни было соотношение их органических частей или время их обращения, приносят равные прибыли,—а это невозможно, если товары продаются по их ценностям и т. д.,—то существуют цены производства товаров, отличные от этих ценностей. И именно это заключается в понятии всеобщей нормы прибыли.

Рассмотрим сложный пример и сведем его к очень мало „сложным“ естественным размерам. Мы начнем с другого конца и сейчас же отметим для лучшего уразумения следующее: Рикардо предполагает, что арендатору и „хлопчатобумажному господину“ (Baishwollkerl) сырой материал ничего не стоит; что, далее, арендатор не вкладывает никакого капитала в орудия труда; что, наконец, никакая часть основного капитала, вложенного хлопчатобумажным фабрикантом, не входит, изнашиваясь, в его продукт. Все эти предпосылки, правда, нелепы, но они сами по себе ничуть не вредят иллюстрации.

Раз сделаны все эти предпосылки, пример Рикардо, начиная с другого конца, сводится к следующему: арендатор затрачивает 5000 ф. ст. на заработную плату; хлопчатобумажный фабрикант—5000 на заработную плату и 5500—на машины; следовательно, первый 5000 ф. ст., а второй—10500 ф. ст., то-есть вдвое больше, чем первый. Если оба должны получить 10 процентов прибыли, то арендатор должен продавать свой товар за 5500 ф. ст., а „хлопчатобумажный господин“ свой товар—за 6050 ф. ст., так как принято, что из 5500 ф. ст., содержащихся в машинах, никакая часть не образует вследствие изнашивания составной части ценности продукта. Во всяком случае, следует помнить, что Рикардо этим примером выяснил для себя лишь то, что цены производства товаров, поскольку они определяются ценностью капиталов, вложенных в товары, илюк одинаковый годичный размер прибыли, отличаются от ценностей товаров и что это различие вытекает из факта продажи товаров по таким ценам, которые должны приносить одинаковую прибыль на затраченный капитал; словом, что это различие между ценами производства и ценностями тождественно со всеобщей нормой прибыли. Само различие основного и оборотного капитала, которое он сюда вносит, в

¹⁾ Не поэтому, а потому, что у этих господ (Kerle) есть *idee fixe*, что каждый из них должен получить одинаковую добычу благодаря „поддержке, которую они оказывают труду“, или что их товары, каковы бы ни были их ценности, должны продаваться по ценам производства, которые дают всегда одинаковую норму прибыли.

²⁾ Здесь должно было бы быть сказано—„ценой производства“.

данном примере есть чистая увертка. Ибо если бы, например, тот излишек в 5500 ф. ст., который расходует хлопчатобумажный фабрикант, заключался в сыром материале, тогда как арендатор не нуждался в семенах и т. д., то получился бы совершенно тот же самый результат. Пример также не показывает, что „их ¹⁾ продукты различны по ценности благодаря различным количествам основного капитала или накопленного труда, которые каждый из них применяет“, как говорит Рикардо (ук. соч., стр. 31). Ибо, по его предположению, хлопчатобумажный фабрикант употребляет основной капитал в 5500 ф. ст., а арендатор — в 0; один применяет его, а другой не применяет. Следовательно, они никоим образом не затрачивают основного капитала „в различных количествах“; говорить об этой затрате так же невозможно, как если бы мы сказали, что два человека, из которых один ест мясо, а другой совершенно его не ест, едят мясо „в различных количествах“. Напротив, справедливо то, что они применяют „накопленный труд“ (это понятие Рикардо без малейшего основания незаметно ввел в свой пример посредством союза „или“), т. е. овеществленный (*verg genständlichte*) труд в различных количествах, именно один на 10500 ф. ст., а другой только на 5000. Но что они применяют различные количества накопленного труда, это не значит, что они вкладывают различные количества капитала в свои предприятия, что масса прибыли стоит в соответствии с этим различием в величинах вложенных ими капиталов, так как предположена одинаковая норма прибыли, и что, наконец, это различие в массе прибыли, пропорциональной величине капиталов, выражается, проявляется в соответственных ценах производства товаров.

Но [какая] тяжеловесность в иллюстрации Рикардо!

„Здесь, следовательно, капиталисты применяют совершенно одинаковое количество труда ежегодно для производства своих товаров и тем не менее их продукты различны по ценности“ (ук. соч., стр. 30, 31; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 21).

Это обозначает не то, что они употребляют одинаковое количество вместе взятого непосредственного и накопленного труда, — но что они прилагают одинаковое количество переменного, затраченного на заработную плату капитала, одинаковое количество живого труда. И так как деньги по закону товарного производства обмениваются только на накопленный труд, т. е. на товары, существующие в форме машин и т. д., так как прибавочная ценность возникает только из присвоения без оплаты части примененного живого труда, то, сохраняя предпосылку, что ни одна часть изнашивающихся машин не входит в цену товара, становится ясным вывод: оба могут получить одинаковую прибыль только в том случае, если прибыль и прибавочная ценность тождественны. Хлопчатобумажный фабрикант должен был бы продать свой товар за 5500 ф. ст., как и арендатор, хотя он вложил капитал больше, чем вдвое. И даже если бы ценность всех машин вошла в ценность товара, он мог бы продать свой товар только за 11000 ф. ст., т. е. он не получил бы даже 5 процентов прибыли, в то время как арендатор по-

¹⁾ Хлопчатобумажного фабриканта и арендатора.

лучает 10. Но при „этих неравных прибылях арендатор и фабрикант продали бы товары по их ценностям, предположивши, что 10 процентов, которые получает арендатор, представляют действительный содержащийся в его товаре неоплаченный труд. Следовательно, если они продают свои товары с одинаковой прибылью, то необходимо одно из двух: или фабрикант произвольно накладывает 5 процентов на свои товары, и тогда товары фабриканта и арендатора, вместе взятые, продаются выше их ценностей. Или действительная прибавочная ценность, какую получает арендатор, равняется приблизительно 15 процентам. И оба накладывают на свои товары среднее в 10 процентов. В этом случае хотя цена производства соответственного товара стоит каждый раз выше или ниже его ценности, сумма товаров продается по их ценности, и уравнение самих прибылей определяется суммой содержащейся в них прибавочной ценности. Здесь, в выше приведенном отрывке Рикардо, если его правильно модифицировать, заключается истина, а именно: отношение между переменным и постоянным капиталом при одинаковой величине вложенного капитала должно порождать товары неравных ценностей и поэтому с различной прибылью; вследствие этого уравнение данных прибылей должно порождать цены производства, отличные от ценностей товаров.

«Здесь, следовательно, капиталисты прилагают совершенно одинаковое количество труда ¹⁾ ежегодно для производства своих товаров, и тем не менее их продукты различны ²⁾ по ценности благодаря различным количествам накопленного труда, которые каждый из них применяет.

Между тем, этот намек у Рикардо не развит. Он только объясняет колебание и явную фальшь иллюстрации, которая до тех пор не имела ничего общего с различными количествами затраченного основного капитала.

Вернемся теперь к дальнейшему анализу. Фабрикант в первый год сооружает машину при помощи 100 человек; арендатор производит в то время хлеб также при помощи 100 человек. Во второй год фабрикант начинает при помощи сооруженной им машины производить хлопчатобумажные товары, для чего он снова употребляет 100 человек. Арендатор, напротив, снова употребляет 100 человек на производство зерна. Предположим, говорит Рикардо, ценность хлеба ежегодно будет 5000 ф. ст. Допустим неоплаченный труд в ней = 25 проц. (оплаченного). Таким образом, в конце первого года машина точно также имела бы ценность 5000 ф. ст.; из них 4000 ф. = оплаченному труду и 1000 ф. ценность неоплаченного труда. Сделаем теперь предположение, что в конце второго года вся машина износилась, перешла в ценность хлопчатобумажных товаров. В действительности Рикардо делает это предположение, сравнивая в конце второго года не одну только ценность хлопчатобумажных товаров, но ценность хлопчатобумажных товаров и машины с ценностью хлеба.

¹⁾ Непосредственного, живого.

²⁾ То-есть товары обладают ценами производства, отличными от их ценностей.

Хорошо. Ценность хлопчатобумажных товаров должна в таком случае в конце второго года равняться 10000 ф. ст., именно 5000 ценность машины и 5000 ценность вновь добавленного труда. Ценность хлеба, напротив, 5000 ф. ст., именно ценность в 4000 ф. ст.—заработная плата и в 1000 ф. ст.—неоплаченный труд. До сих пор в этом случае не содержится ничего, что противоречило бы закону ценностей. Хлопчатобумажный фабрикант получает 25 процентов прибыли, совершенно так же, как и хлебный фабрикант; но товар первого=10000 ф. ст., а второго 5000 ф. ст., потому что в товаре первого заключается работа 200 человек, а в товаре второго ежегодно работа только 100 человек; и далее, 1000 ф. ст. прибыли (прибавочной ценности), которые хлопчатобумажный фабрикант получает в первый год на машине, оставляя для оплаты пятую часть ¹⁾ рабочего времени сооружающих ее своих рабочих, реализуются для него только во втором году, так как он только теперь реализует в ценности хлопчатобумажных товаров одновременно и ценность машины. Но тут выступает комическая сторона (Witz). Хлопчатобумажный фабрикант продает больше, чем за 10000 ф. ст., следовательно, по более высокой ценности, чем содержит его товар, тогда как арендатор продает за 5000 ф. ст., т.-е. согласно предположенной ценности хлеба. Стало быть, если бы только эти два лица должны были обменяться, фабрикант должен был бы получить хлеб от арендатора и арендатор хлопчатобумажные товары от фабриканта, то это равносильно тому, как если бы арендатор продал свой товар ниже его ценности, получил меньше 25 процентов прибыли, а фабрикант продал хлопчатобумажный товар выше его ценности. Отбросим двух капиталистов, суконного фабриканта и хлопчатобумажного, которых Рикардо здесь выводит без всякой нужды, и модифицируем его отрывок в том смысле, что речь будет идти только об одном хлопчатобумажном фабриканте. Для иллюстрации, поскольку она нас здесь интересует, этот двойной расчет совершенно бесполезен. Итак:

«Но они (хлопчатобумажные товары) будут иметь более чем двойную ценность, сравнительно с зерном, так как прибыль на капитал хлопчатобумажного фабриканта за первый год была приложена к его капиталу, тогда как арендатор израсходовал свою прибыль и имел от этого удовлетворение ²⁾. Следовательно, вследствие различных степеней продолжительности существования их капиталов или, что то же самое, вследствие различия во времени, которое должно пройти, прежде чем товары могут поступить на рынок, их ценность не будет находиться в достаточно полном соответствии с употребленным на них количеством труда. Оно не будет выражаться в данном случае, как отношение 2 к 1, но будет несколько больше, чтобы вознаградить за более продолжительный период времени, который должен пройти прежде, чем более ценный из товаров может поступить на рынок» (ук. соч., стр. 30; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 20, 21).

Если бы фабрикант продавал товар по его ценности, то он продал бы его за 10.000 ф. ст., вдвое дороже, чем хлеб, потому что в нем заключается вдвое больше труда, 5000 ф. ст., накопленного труда в машине, из которых он не оплатил 1000 ф. ст., и 5000 ф. ст. в труде, пона-

¹⁾ В манускрипте стоит $\frac{1}{4}$. К.

²⁾ Последняя буржуазно прикрасивающая фраза теоретически здесь совершенно бессмысленна. Моральные соображения здесь совершенно не у места.

добившемся на изготовление хлопчатобумажных товаров, 5000, из которых он снова не оплатил 1000 ф. ст. Но он рассчитывает так: первый год я вложил 4000 ф. ст. и соорудил благодаря этому при посредстве эксплуатации рабочих машину ценностью в 5000 ф. ст. Следовательно, я получил прибыль в 25 процентов. На второй год я вкладываю 9000 ф. ст., именно 5000 ф. ст. в указанной машине и 4000 снова в труде [1000 ф. ст. образует прибавочный труд, общая ценность продукта равняется, следовательно, 10000 ф. ст.]. Если я намерен снова получить прибыль в 25 процентов, то я должен продать хлопчатобумажный товар за 11250 ф. ст., следовательно, на 1250 ф. выше его ценности. Ибо эти 1250 ф. ст. не представляют никакого труда, содержащегося в хлопчатобумажном товаре, ни накопленного в первом году, ни добавленного во втором. Общая сумма труда, заключающаяся в нем, равняется только 10000 ф. ст.

С другой стороны, предположим, что оба, арендатор и хлопчатобумажный фабрикант, обмениваются или что одна половина капиталистов находится в положении хлопчатобумажного фабриканта, а другая — в положении арендатора. Откуда же первая половина должна получить 1250 ф. ст.? Из какого фонда? Очевидно, конечно, только от второй половины. Но тогда яено, что эта вторая половина не получает прибыли в 25 процентов. Следовательно, первая половина обманула бы вторую под предлогом всеобщей нормы прибыли, тогда как в действительности норма прибыли для фабриканта стояла бы на 25 процентов, а для арендатора ниже 25 процентов. Очевидно, дело должно пойти иначе.

Чтобы сделать иллюстрацию вернее и нагляднее, предположим, что арендатор затрачивает [в первом году 4000 ф. ст.], а во втором году 8000 ф. ст. Таким образом, он при 25 процентах получил в первом году на 4000 ф. ст. прибыли 1000 ф. ст., а во втором году 2000 ф. ст. на 8000 ф. ст., всего 3000 ф. ст. Напротив, фабрикант получил в первом году 1000 ф. ст., 25 процентов на 4000 ф. ст., но во втором году также только 1000 ф. ст. на 9000 ф. ст., так как 5000 ф. ст., вложенные в машины, не приносят никакой прибавочной ценности, а приносят ее только затраченные на заработную плату 4000 ф. ст.; следовательно, он получит только $11\frac{1}{9}$ процента. Всего в два года 2000 ф. ст. на 13000 ф. ст., вложенных в предприятие или $15\frac{5}{13}$ процента (Средняя прибыль равнялась бы, следовательно, 20 процентам¹⁾). Фабрикант, чтобы получить ее, должен был бы 5 процентов набавить, а арендатор столько же сбавить). Это для товара арендатора дало бы меньше, чем 5000 ф. ст., а для товара фабриканта больше, чем 10000 ф. ст.

Если бы фабрикант строил дом вместо того, чтобы производить хлопчатобумажные товары, был архитектором, то в конце первого года 5000 ф. ст. заключались бы в недостроенном доме, и он должен был бы израсходовать еще 4000 ф. ст. на труд, чтобы его докончить. Арендатор, капитал которого в течение года сделал оборот, может из прибыли в 1000 ф. ст. одну часть, например, 500 ф. ст. снова капитали-

¹⁾ Маркс вычисляет в манускрипте ошибочно $20\frac{5}{26}$ процента. К.

зировать, снова вложить в труд, чего фабрикант в предположенном случае не может. Если норма прибыли в обоих случаях должна быть одинакова, то товар одного должен продаваться выше, а товар другого ниже их ценности. Так как конкуренция стремится свести ценности к ценам производства, то это на самом деле и происходит.

Но неверно утверждение Рикардо, что здесь происходит изменение в относительных ценностях „вследствие различных степеней продолжительности существования капиталов“ или „вследствие времени, которое должно пройти, пока товар может достигнуть рынка“. Это скорее предположение всеобщей нормы прибыли, которая, несмотря на различные ценности, устанавливает одинаковые и отличные от этих ценностей определяемых только рабочим временем, цены производства.

Иллюстрация Рикардо распадается на два примера. В последнем продолжительность существования капитала или характер капитала, как основного, совершенно не принимается во внимание. Дело идет только о капиталах различной величины, из которых, однако, затрачивается на заработную плату одинаковая сумма, т.-е. одинаковый переменный капитал, и где прибыли будут одинаковыми, хотя прибавочные ценности и ценности должны быть различны.

В первый пример опять-таки не входит продолжительность существования. Здесь дело идет о более продолжительном процессе труда—более продолжительном пребывании товара в сфере производства, прежде чем товар может вступить в обращение, пока он будет готов.

Здесь также у Рикардо фабрикант во второй год влагает в производство больший капитал, чем арендатор, хотя в том и в другом году он затрачивает одинаковый переменный капитал. Но арендатор мог бы вследствие более короткого пребывания его товара в процессе производства, более раннего превращения его в деньги, применить во второй год больший переменный капитал. Кроме того, часть прибыли, которая потребляется, как доход, является доступной потреблению для арендатора в конце первого года, а для фабриканта только в конце второго. Он принужден, следовательно, для своего личного существования расходовать лишний „чрезвычайный“ капитал (Extrakarital), авансировать его для себя. Впрочем, здесь это всецело зависит от того, насколько обращающиеся в году капиталы капитализируют вновь свои прибыли, следовательно, от действительной величины полученных прибылей, чтобы во втором случае могло получиться вознаграждение, прибыли могли быть уравнены. Где нет ничего, нечего и уравнивать. Здесь капиталы производят вновь ценности, т.-е. прибавочные ценности, стало-быть — прибыли не в соответствии с их величиной. Раз это так, то должны существовать отличные от ценностей цены производства.

Рикардо дает третью иллюстрацию, которая, однако, совершенно совпадает с первым примером первой иллюстрации и не содержит ничего нового:

«Допустим, что я занимаю в течение года 20 человек с издержками в 1000 ф. ст. в производстве одного товара. По истечении года я вновь занимаю 20 человек в продолжение года с новыми издержками в 1000 ф. ст. для окончательного изготовления этого самого товара и в конце второго года доставляю его на рынок. Если прибыль равняется 10 процентам, то мой товар должен быть про-

дан за 2310 ф. ст., потому что я применял капитал в 1000 ф. ст. в течение одного года и капитал в 2100 ф. ст. в течение следующего года. Пусть другой человек применяет совершенно то же количество труда, но все количество в течение одного года. Он занимает 40 человек с издержками в 2000 ф. ст. и продает свой товар в конце первого года с прибылью в 10 процентов, следовательно, за 2200 ф. ст. Таким образом, здесь мы имеем два товара, на которые было употреблено совершенно одинаковое количество труда и из которых один продается за 2310 ф. ст., другой за 2200 ф. ст. Этот случай; повидимому, отличается от последнего, но в действительности тот же самый» (ук. соч., стр. 34, 35; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 23).

Он тот же самый не только „в действительности“, но и по „виду“, только в одном случае товар называется „машиной“, а здесь просто „товаром“. В первом примере фабрикант затратил в первый год 4000 ф. ст., а во второй — 9000 ф. ст., здесь — в первый год — 1000 ф. ст. и во второй 2100 ф. ст.; арендатор [в прежнем случае] в первый год вложил 4000 ф. ст. и во второй 4000 ф. ст. Здесь второй человек вкладывает в первый год 2000 ф. ст., а во второй год не вкладывает совершенно ничего. Вот и все различие. Но „*fabula docet*“ относится в обоих случаях к тому, что первый человек вкладывает во второй год весь продукт первого года, включая прибавочную ценность, плюс добавочная сумма.

Тяжеловесность этих примеров показывает, что Рикардо борется с трудностью, которая ему самому неясна и которую он еще меньше побеждает. Тяжеловесность заключается в следующем: первый пример первой иллюстрации должен выяснить действие продолжительности существования капитала; он не делает ничего подобного; Рикардо сделал это для себя невозможным, потому что он не дает никакой части основного капитала входить в товар в качестве извещающей, следовательно, опускает как раз тот момент, в котором проявляется специфический способ обращения основного капитала. Ему удается показать только то, что вследствие большей продолжительности процесса труда применяется больший капитал, чем там, где процесс труда короче. Третий пример должен иллюстрировать нечто, отличное от этого, но в действительности иллюстрирует то же самое. Но второй пример первой иллюстрации должен был показать, какие различия получаются вследствие различных пропорций основного капитала. Вместо этого он показывает только различие двух капиталов неравной величины, из которых на заработную плату затрачивается одна и та же часть. И к тому же выступает фабрикант, действующий без хлопка и пряжи, и арендатор, действующий без семян и орудий! Полная бессодержательность, мало того, нелепость этой иллюстрации неизбежно вытекает из внутренней неясности.

Применение всех этих иллюстраций Рикардо, наконец, обясняет следующим образом:

«Различие в ценности в обоих случаях происходит от того, что прибыли накаплиются, как капитал, и оно есть только справедливое вознаграждение ¹⁾ за время, в течение которого прибыли задерживались» (ук. соч., стр. 35; русск. пер., стр. 23).

¹⁾ Как будто бы дело шло о справедливости!

Это может значить не что иное, как то, что в определенное время обращения, например, в год, капитал должен принести 10 процентов, каково бы ни было его специфическое время обращения, и совершенно независимо от различных прибавочных ценностей, которые должны быть произведены в различных отраслях производства, независимо от процесса обращения, капиталами равной величины, соответственно отношению их органических составных частей.

Отсюда Рикардо должен был сделать следующее заключение:

Во-первых: капиталы одинаковой величины производят товары неодинаковых ценностей и приносят поэтому неодинаковые прибавочные ценности или прибыли, потому что ценность определяется рабочим временем, и масса рабочего времени, которую реализует капитал, зависит не от его абсолютной величины, но от величины переменного капитала, капитала, затраченного на заработную плату.

Во-вторых: если даже предположить, что капиталы одинаковой величины производят одинаковые ценности, то соответственно их процессу обращения промежуток времени, в течение которого они могут присваивать одинаковые количества неоплаченного труда и обращать их в деньги, является различным. Это составляет, следовательно, второе различие в ценностях, прибавочных ценностях и прибылях, которые должны приносить капиталы одинаковой величины в различных отраслях производства в определенный промежуток времени.

Поэтому, если прибыли должны быть равны, как известная норма процента на капитал, в течение года, например, т.-е. если капиталы одинаковой величины должны приносить одинаковые прибыли в одинаковые промежутки времени, то цены товаров должны быть отличны от их ценности. Эти цены производства всех товаров вместе, их сумма будет равна их ценности. Равным образом вся прибыль будет равна всей прибавочной ценности, которую эти капиталы вместе приносят, например, в течение одного года. Средняя прибыль, а следовательно и цены производства, была бы просто воображаемой и бессодержательной, если бы мы не приняли в качестве основы — определения ценности. Уравнение прибавочных ценностей в различных сферах производства не меняет ничего в абсолютной величине этой прибавочной ценности в целом, а меняет только ее распределение по различным сферам производства. Но определение самой прибавочной ценности исходит только из определения ценности рабочим временем. Без этого средняя прибыль есть среднее из ничего, простая фантазия. И она тогда могла бы составлять одинаково 1000, как и 10 процентов.

Все иллюстрации Рикардо служат ему только для того, чтобы ввести контрабандой предпосылку всеобщей нормы прибыли. И это делается в 1-й главе „О ценности“, тогда как, новидимому, заработная плата рассматривается только в 5-й главе, а прибыль — в 6-й. Как из простого определения ценности товаров вытекают их прибавочная ценность, прибыль и даже всеобщая норма прибыли, для Рикардо остается покрытым мраком. Единственное, что он показывает на самом деле в выше приведенных иллюстрациях, это то, что цены товаров, поскольку они определяются всеобщей нормой прибыли, совершенно отличны от

ценностей товаров. И он приходит к этому различию, предполагая норму прибыли, как закон. Очевидно, ему следовало бы поставить в упрек не слишком большую абстрактность, как это обыкновенно делается, а обратное—недостаток силы абстракции; неспособность забыть при рассмотрении ценностей товаров прибыли, факт, выступающий перед ним из конкуренции.

Так как Рикардо, вместо того, чтобы развить отличие цен производства от ценностей из самого определения ценности, допускает, что самые ценности поддаются влияниям, независимым от рабочего времени, и иногда их закон нарушается—здесь для него было бы уместно твердо держаться понятия „абсолютной“ или „реальной ценности“ или просто „ценности“,—то противники Рикардо, как Мальтус, пользуются этим, чтобы напасть на всю его теорию ценности. Мальтус при этом справедливо замечает, что различия между органическими составными частями капитала и разница во времени оборотов капиталов в различных отраслях производства развиваются равномерно с прогрессом производства так что происходит возвращение к точке зрения А. Смита, согласно взглядам которого определение ценности рабочим временем все больше не подходит к „цивилизованным“ временам (Смотри также Торренса). С другой стороны, его ученики, чтобы сделать эти явления адекватными основному принципу (смотри Милля и жалкого Петера Мак-Куллоха), прибегали к самым жалким схоластическим приемам.

Не оставаясь при том, вытекающем из его собственной иллюстрации, результате, что, совершенно независимо от повышения или понижения заработной платы, при предположении постоянной заработной платы, цены производства товаров должны быть отличны от их ценностей, если цены производства определяются одним и тем же размером процента прибыли, Рикардо в этой части переходит к влиянию, какое оказывает повышение или понижение заработной платы на цены производства, с которыми уже уравнены ценности.

Это комическое положение (Witz) само по себе чрезвычайно просто.

Арендатор вкладывает капитал в 5000 ф. ст. по 10 процентов; [ценность его] товара равна 5500 ф. ст. Если прибыль падает на 1 процент, с 10 на 9, потому что заработная плата повысилась, повышение заработной платы произвело это понижение, он продает, как и прежде, за 5500 ф. ст., так как предположено, что он весь свой капитал затратил на заработную плату. Капитал фабриканта пусть также состоит из 5500 ф. ст. для машин и 5000 ф. ст. для заработной платы. Последние 5000 ф. ст. капитала выражаются, как и прежде, в 5500 ф. ст. ценности продукта. Напротив, на основной капитал в 5500 ф. ст. он не может больше насчитывать 10 процентов или 550 ф. ст., а только 9 процентов или 495 ф. ст. Он продаст, следовательно, свой товар за 5995 ф. ст. вместо 6050 ф. ст., и таким образом вследствие повышения заработной платы денежная цена товара арендатора осталась та же, а денежная цена товара фабриканта упала; следовательно, ценность товара арендатора сравнительно с ценностью товара фабриканта повысилась (Рикардо, стр. 31, 32). Все комическое положение про-

истекает от того, что если бы фабрикант продавал свой товар по той же ценности, как раньше, он получил бы прибыль выше средней, потому что только затраченная на заработную плату часть капитала непосредственно затрагивается повышением заработной платы. При этой иллюстрации уже предположены регулированные 10-ю процентами средней прибыли и отличные от ценностей товаров цены производства. Вопрос в том, как действует на них повышение или понижение прибыли, смотря по различному отношению, какое составляет основной и оборотный капитал [во всем капитале]. Сущности вопроса превращения ценностей в цены производства эта иллюстрация не затрагивает. Она интересна потому, что Рикардо здесь вообще показывает, что повышение платы, которое при одинаковом строении капиталов вызвало бы только понижение прибыли без воздействия на ценности товаров—в противоположность вульгарному взгляду,—при неодинаковом строении капиталов вызывает только падение в цене некоторых товаров вместо того, чтобы, как полагает вульгарное воззрение (*Vulgärsicht*), вызвать повышение в цене всех товаров. Здесь падение цен товаров есть следствие падения нормы прибыли, или, что то же, повышение заработной платы. Большая часть цены производства товара в случае с фабрикантом определяется средней прибылью, которую он высчитывает на основной капитал. Падает или повышается, следовательно, эта норма прибыли вследствие повышения или понижения заработной платы, цена этих товаров будет соответственно падать и повышаться, в соответствии с той частью цены, которая вытекает из прибыли, исчисляемой на основной капитал. То же самое имеет значение для „оборотных капиталов, которые в более продолжительные периоды притекают назад и обратно“ (Мак-Куллох).

Если бы капиталисты, которые применяют меньше переменного капитала, продолжали включать в цены товаров свой основной капитал по прежней норме прибыли, то их норма прибыли повышалась бы и повышалась бы в том отношении, в каком они применяют больше основного капитала, по сравнению с теми, чей капитал в больших размерах состоит из переменного капитала. Это уравнила бы конкуренция.

Рикардо, говорит Мак-Куллох, первый исследовал действие колебаний в заработной плате на ценность товаров в том случае, если примененные к их производству капиталы неодинаковой долговечности. „Рикардо показал не только то, что для повышения заработной платы является невозможным поднять цену всех товаров, но и то, что по большей части повышение заработной платы неизбежно ведет к падению цен некоторых товаров и падение заработной платы к повышению цен других товаров“ (*The principles of Pol. Economy*. Лондон, 1830 г., стр. 341, 342).

Рикардо показывает свои положения тем, что он, во-первых, предполагает цены производства, урегулированные всеобщей нормой прибыли. Во-вторых:

«Повышение ценности труда не возможно без падения прибыли (стр. 31; русск. пер., стр. 21).

Следовательно, уже в 1-й главе „О ценности“ предполагаются законы, которые в 5-й и 6-й главах, тракующих о заработной плате и

прибыли, должны быть выведены из главы о ценности. Мимоходом заметим, что Рикардо заключает совершенно неверно, будто в виду того, что „никакое повышение ценности труда невозможно без падения прибыли“, невозможно также никакое повышение прибыли без падения в ценности труда. Первый закон относится к прибавочной ценности. Но так как прибыль равна отношению прибавочной ценности ко всему примененному капиталу, то прибыль может повыситься при [остающейся] той же ценности труда, если ценность постоянного капитала падает.

Всеобщее „*fabula docet*“ последней иллюстрации следующее:

«Степень изменения в относительной ценности благ, вытекающего из повышения или понижения заработной платы¹⁾, зависит от отношения, в котором находится основной капитал ко всему примененному капиталу. Все товары, которые производятся при помощи дорого стоящих машин или в очень ценных строениях или требуют большого промежутка времени, прежде чем они могут поступить на рынок, понизятся в относительной ценности, тогда как все те товары, которые производятся, главным образом, трудом или которые быстро могут поступать на рынок, повысятся в относительной ценности» (ук. соч., стр. 32: русск. пер., стр. 22).

Рикардо снова приходит к тому, что одно только собственно и занимает его в исследовании. Эти изменения в ценах производства товаров, которые зависят от повышения или понижения заработной платы, не имеют значения сравнительно с теми, которые проистекают из изменений в ценностях товаров (Рикардо очень далек от того, чтобы выразить эту истину в такой правильной форме), в количествах требующегося для их производства труда. Следовательно, в общем и целом можно от этого абстрагировать, и закон ценностей остается поэтому также и практически верным (Он должен был бы добавить, что и сами цены производства без ценностей, определяемых рабочим временем, остаются неопределенными). Это настоящий ход его исследования. В действительности ясно, что, несмотря на превращение ценностей товаров в цены производства, раз мы их предположили, изменение в них, поскольку оно не вытекает из постоянного понижения или повышения нормы прибыли, длительного изменения ее, могущего определиться только в течение многих лет,— такое изменение может быть приписано единственно и исключительно изменению в ценностях товаров, во времени, необходимом для их производства.

«Читатель заметит, что эта причина изменений товаров²⁾ производит сравнительно незначительное действие... Напротив, совершенно иначе обстоит дело с другой крупной причиной изменений ценности товаров, именно с ростом и уменьшением количества труда, которое необходимо для их изготовления... Изменение в постоянной (*dauernden*) норме прибыли является результатом действия причин, которые проявляются только в течение многих лет; изменения в количестве труда, необходимого для производства товаров, напротив, происходят ежедневно. Всякое улучшение машин, инструментов, строений, производства сырого материала, сберегает труд и дает нам возможность изготавливать с наибольшей легкостью тот товар, при производстве которого применяется улучшение, благодаря чему изменяется его ценность. Конечно, было бы неосновательно при оценке причин изменений в ценности товаров совершенно оставить

¹⁾ Или, что то же, понижения или повышения в норме прибыли.

²⁾ Должно быть «цен производства» или, как он полагает, «относительных ценностей товаров».

без внимания действие повышения или понижения заработных плат, но точно так же было бы неправильно придавать ему большое значение» (ук. соч., стр. 32, 33; русск. пер., стр. 22, 23).

Поэтому [в дальнейшем ходе своего исследования] Рикардо не принимает во внимание этого действия.

Вся эта 4-я часть 1-й главы „о ценности“ является до такой степени запутанной, что, хотя Рикардо заявляет во введении, что хочет исследовать влияние изменений, какие производят в ценности повышение или понижение заработной платы вследствие различного строения капитала, он на самом деле иллюстрирует это только мимоходом; в действительности же, четвертый отдел наполнен, главным образом, иллюстрациями, которые доказывают, что совершенно независимо от повышения или понижения заработной платы—при предположенной им самим постоянной заработной плате—предположение всеобщей нормы прибыли должно повлечь за собой цены производства, отличные от ценностей товаров, и, именно, опять-таки независимо даже от различий [в отношении] между основным и оборотным капиталом. Это он снова забывает в конце этого отдела.

Он открывает исследование в 4-м отделе следующими словами:

«Эти различия в степени долговечности основного капитала и это разнообразие пропорций, в которых могут быть комбинируемы оба вида капитала, делают возможным проявление другой причины изменений относительных ценностей товаров, рядом с большим или меньшим количеством труда, которого требует их производство: эта причина—повышение или понижение ценности труда» (ук. соч., стр. 25, 26; русск. пер., стр. 18).

В действительности он показывает, прежде всего, своими примерами, что только всеобщая норма прибыли дает разнообразным комбинациям видов капитала, именно переменного и постоянного и т. д., возможность дифференцировать цены товаров от их ценностей, что, следовательно, она, а не ценность труда, которая предположена постоянной, является причиной этих изменений. Затем уже, только во второй инстанции, он предполагает отличные, благодаря всеобщей норме прибыли от ценностей, цены производства и исследует, как действуют на них изменения в ценности труда. № 1-го, главной вещи, он не исследует; совершенно это забывает и заключает 4-й отдел так, как и начал:

«В этой части показано, что без изменения в количестве труда одно повышение его ценности вызовет падение меновой ценности таких благ, при производстве которых применяется основной капитал. Чем больше размер основного капитала, тем больше падение» (I. с., стр. 35; русск. пер., стр. 24).

И в следующем 5-м отделе 1-й главы Рикардо продолжает поступать таким же образом; то-есть, он исследует только, как могут варьироваться цены производства товаров благодаря изменению в ценности труда или заработной платы, не в том случае, если отношения между основным и оборотным капиталом различны для двух равных капиталов в разных отраслях производства, но в том, если имеется налицо „неравная продолжительность существования основного капитала“ или же „неравная быстрота возвращения капитала к его владельцам“. Правильное предвидение, которое мы встре-

чаем еще в 4-м отделе различия между ценами производства и ценностями, благодаря всеобщей норме прибыли, здесь больше не проглядывает. Трактуются только второстепенный вопрос об изменениях в самих ценах производства. Поэтому данный отдел, в действительности, имеет мало теоретического интереса, кроме случайно внесенных замечаний, относительно вытекающих из процесса обращения, различий форм капиталов.

«Но по мере того, как уменьшается продолжительность существования основного капитала, он, по существу, приближается к оборотному капиталу. Он будет потребляться и его ценность воспроизводиться в более короткое время, чтобы сохранить капитал промышленника» (ук. соч., стр. 36; русск. пер., стр. 24).

Следовательно, и меньшая продолжительность существования, подобно различию между основным и оборотным капиталом—вообще сводится к различию во времени воспроизводства. Это, конечно, существенно важное определение. Но никоим образом не единственное. Основной капитал входит целиком в процесс труда и только постепенно и по частям в процесс образования ценности (*Verwertungsprozess*). Это есть другое главное различие в его форме обращения. Далее основной капитал входит по большей части в процесс обращения только своей меновой ценностью, тогда как его потребительная ценность вступает в процесс труда и никогда его не оставляет. Это является другим важным различием в форме обращения. Оба различия в форме обращения касаются также времени обращения, но не тождественны с степенями и различиями [продолжительности существования].

«Основной капитал с меньшей продолжительностью существования требует много труда в течение года для поддержания его в состоянии первоначальной продуктивности; но употребленный на это труд может быть рассматриваем таким образом, как будто бы он в действительности был израсходован на производство товара, который должен содержать ценность, соответствующую этому труду» (ук. соч., стр., 36, 37; русск. пер., стр. 24).

«Если бы изнашивание машины было велико, если бы требовалось, например, пятьдесят человек в течение года, чтобы ее сохранить в состоянии продуктивности, то я потребовал бы за мои товары добавочной цены, равной той, какую другой промышленник получал за свои товары, при производстве которых он занимал пятьдесят человек и не употреблял никакой машины.

«Но повышение заработных плат не действовало бы в равной мере на товары, которые изготовляются при помощи быстро потребляемых машин, и на товары, которые произведены при помощи медленно потребляемых машин. При производстве одних непрерывно переносилось бы на произведенный товар большое количество труда ¹⁾, при производстве других переносилось бы таким образом только очень мало труда ²⁾.

«Каждое повышение заработной платы или, что то же, каждое падение прибыли будет поэтому понижать относительную ценность тех товаров, которые произведены при помощи капитала с большей продолжительностью существования и соответственно поднимать ценность тех товаров, которые изготовлены при помощи скорее изнашивающегося капитала. Падение заработной платы имело бы прямо противоположное действие» (ук. соч., стр. 37, 38; русск. пер., стр. 25).

¹⁾ Рикардо не видит в борьбе со своей всеобщей нормой прибыли, что вместе с тем непрерывно переносится на товар также большее количество прибавочного труда.

²⁾ Поэтому также очень мало прибавочного труда и мало [прибавочной ценности], если товары обмениваются по их ценностям.

Другими словами, промышленник, который применяет основной капитал меньшей продолжительности существования, применяет соответственно меньше основного капитала и больше затраченного на заработную плату, чем применяющий капитал, медленнее изнашивающийся. Этот случай совпадает, следовательно, с прежним,—как изменение заработной платы действует на капиталы, из которых один содержит относительно, пропорционально больше основного капитала, чем другой. Здесь нет ничего нового.

Разбор того, что Рикардо говорит затем, на страницах 38—40, о машинах, следует отложить до тех пор, пока мы не перейдем к 31-й главе „о машинах“. Удивительно, как Рикардо в конце почти вплотную подходит к истине, чтобы сейчас же ее оставить, и после мимолетного упоминания немедленно снова возвращается к господствующей над ним идее о действии изменения в ценности труда на цены производства и этим посторонним замечанием окончательно заключает исследование.

Соответствующее место следующее:

«Итак, мы видим, что в начале существования общества, пока не применяется много машин или долговечного капитала, товары, произведенные с помощью равных капиталов, будут приблизительно равной ценности и будут повышаться или понижаться по отношению друг к другу только в том случае, если для их производства будет необходимо больше или меньше труда¹⁾. Напротив, после введения этих дорогих и медленно изнашивающихся орудий труда, товары, произведенные с одинаковой затратой капитала, будут неодинаковой ценности. Конечно, они все еще будут повышаться или падать по отношению друг к другу в ценности, если для их производства нужно будет больше или меньше труда, но они будут подвержены и другому, хотя и менее значительному, колебанию, которое происходит из повышения или падения заработной плат и прибылей. Если товары, которые продаются за 5000 ф. ст., производятся при помощи капитала, который также велик, как и тот, при помощи которого произведены другие товары, продающиеся за 10000 ф. ст., прибыли как здесь, так и там будут одни и те же; но эти прибыли были бы неравны, если бы цены товаров не варьировали с повышением или падением нормы прибыли» (ук. соч., стр. 40, 41; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 27).

Одинаковые по величине капиталы производят товары одинаковых ценностей, если отношение их органических составных частей одно и то же, если они вкладывают одинаковые по величине суммы в заработную плату и в средства производства. В их товарах воплощаются тогда одни и те же количества труда, следовательно, одинаковые ценности, если не говорить о различии, которое получается благодаря процессу обращения. Напротив одинаковые по величине капиталы производят товары весьма неодинаковой ценности, если их органическое строение различно, именно, если часть, существующая, как основной капитал, весьма различно относится к части, затраченной на заработную плату. Во-первых, только часть основного капитала входит в товар, как составная часть ценности, и—уже благодаря этому,

¹⁾ Это рассуждение плохо построено; оно также относится не к ценности, а к товарам, при чем оно не имеет никакого смысла, если не идет речь об их ценах, ибо что ценности падают или повышаются в соответствии с рабочим временем, значит, что ценности падают или повышаются в той мере, в какой они падают или повышаются.

следовательно, величины ценностей становятся очень различными, в зависимости от того, много или мало основного капитала применено при производстве товара. Во-вторых, часть, затраченная на заработную плату,—считая на 100, на равновеликую массу, капитала,—гораздо меньше, следовательно, гораздо меньше и весь труд, воплощенный в товаре, следовательно, и прибавочный труд, при данном рабочем дне одинаковой длины, устанавливающий прибавочную ценность. Если поэтому эти одинаковые по величине капиталы, товары которых имеют неодинаковые ценности, в каких-нибудь неодинаковых ценностях заключаются неодинаковые прибавочные ценности и поэтому неодинаковые прибыли, должны приносить одинаковые прибыли вследствие их одинаковой величины, то цены товаров, поскольку они определяются всеобщей нормой прибыли, необходимо должны очень различаться от ценностей товаров. Отсюда не следует, что ценности изменили свою природу, но что цены отличны от ценностей. Тем удивительнее, что Рикардо не пришел к этому заключению, хотя видел, что даже цены производства,—которые определяются всеобщей нормой прибыли,—при изменении в норме прибыли или в норме заработной платы должны меняться, чтобы норма прибыли в различных отраслях производства оставалась та же. Насколько больше, следовательно, установление всеобщей нормы прибыли должно было бы изменить неодинаковые ценности, так как ведь эта всеобщая норма прибыли есть вообще не что иное, как уравнивание различных норм прибавочной ценности в различных товарах, произведенных одинаковыми капиталами.

После того, как Рикардо различие между издержками производства—стоимостью (Kosten)—и ценностью, между ценами производства и ценностями товаров, если не развил и не понял, то во всяком случае сам фактически констатировал, он заканчивает следующим положением:

«Господин Мальтус, повидимому, считает частью моего учения, что стоимость (Kosten) и ценность вещи одно и то же; это справедливо, если под стоимостью он понимает «издержки производства, включая прибыль»¹⁾ (ук. соч., 1 гл., 6 ч., стр. 46, примечание; русск. пер., стр. 31).

С этим неправильным и им самим опровергнутым смешением цены производства и ценности переходит он затем к рассмотрению ренты.

[Но еще раньше говорит] Рикардо в 6 отделе 1 главы в связи с влиянием изменений ценности труда на цены производства золота:

«Нельзя ли рассматривать золото, как товар, который производится при таком отношении обоих видов капитала, какое ближе всего подходит к среднему строению капитала, применяемому в производстве большей части товаров? Не может ли это отношение быть приблизительно одинаково далеким от обеих крайностей, одной, при которой употребляется мало основного капитала, и другой, при которой применяется мало труда—настолько, чтобы образовать вполне справедливую середину между ними?» (ук. соч., стр. 44; русск. пер., стр. 29).

То, что здесь говорит Рикардо, скорее имеет значение по отношению к товарам, в состав которых входят различные органические составные части в среднем отношении, то-есть, их время обращения и воспроизводства среднее. Для них цена производства и ценность совпадают,

¹⁾ Следовательно, расходы (Auslagen) плюс прибыль, определяемая всеобщей нормой прибыли.

потому что у них совпадает средняя прибыль с их действительной прибавочной ценностью, но только у них.

Насколько недостаточными оказываются 4-й и 5-й отдел 1-й главы, рассматривающие влияние изменений в ценности труда на „относительные ценности“, как второстепенную вещь (в теоретическом смысле) сравнительно с превращением ценностей в цены производства при посредстве нормы прибыли, настолько же важный вывод Рикардо делает отсюда, уничтожая этим одну из [все вновь] повторявшихся ошибок [со времени] А. Смита, будто повышение заработной платы вместо того, чтобы повлечь за собой падение прибыли, повышает цену товаров.

Правда, это заключается уже в самом понятии ценности и несколько не модифицируется ее превращением в цены производства, так как это превращение вообще касается только распределения прибавочной ценности, созданной всем капиталом, по различным отраслям производства или по капиталам в различных сферах производства. Но было важно, что Рикардо поднял вопрос и даже показал противоположное.

Он говорит поэтому справедливо в 6-м отделе 1-й главы.

«Прежде чем оставить этот предмет, мне кажется уместным заметить, что Адам Смит и все авторы, которые являются его последователями, без всякого исключения—насколько я знаю—утверждали, что повышение в цене труда влечет за собой, как обычное правило, повышение в цене всех товаров¹⁾.

«Я надеюсь, мне удалось показать, что для подобного предположения нет никаких оснований и что только те товары повысятся, которые произведены с меньшим количеством основного капитала, чем тот посредник (Medium), в котором выражены цены²⁾, а что все те товары, которые произведены с большим количеством основного капитала, непременно упадут в цене, если заработные платы повысятся. Наоборот, если заработные платы падают, то будут падать только те товары, которые произведены с меньшим количеством основного капитала, чем тот посредник, каким измеряются цены; все те товары, которые произведены с большим количеством основного капитала, будут непременно повышаться в цене» (ук. соч., стр. 45; русск. пер., стр. 29, 30).

Это для денежных цен кажется неверным. Если золото повышается или понижается в ценности, по какой бы то ни было причине, то оно понижается по отношению ко всем товарам, которые в нем оцениваются. Между тем как оно, таким образом, несмотря на свою изменчивость, представляет собою относительно неизменный посредник, отнюдь не следует упускать из виду случаев, когда какая-нибудь относительная [комбинация] в нем между основным и оборотным капиталом, по сравнению с товарами, может быть причиной различия. Но здесь мешает неправильная предпосылка Рикардо, что деньги, поскольку они служат средством обращения, меняются как товар на товар. Товары оцениваются в нем, прежде чем оно приводит их в движение. Предположим, что вместо золота является посредником пшеница. Если бы, например, вследствие повышения заработной платы, пшеница, как товар, в который переменный капитал входит в размере, большем среднего, относи-

¹⁾ Это соответствует второму объяснению ценности А. Смитом, согласно которому она равна количеству труда, которое может быть куплено известным товаром.

²⁾ Здесь относительная ценность равна выражению ценности в деньгах.

тельно повысилась бы в своей цене производства¹⁾, то все товары оценивались бы в пшенице более высокой „относительной ценности“. Товары, в которые входит больше основного капитала, выразились бы в меньшем количестве пшеницы, чем прежде, не потому, что их специфическая цена по отношению к пшенице упала, а потому, что она вообще упала. Товар, который заключал бы как раз столько же [живого] труда в противоположность к накопленному труду, как пшеница, выразил бы свое повышение тем, что оценивался бы большим количеством пшеницы, чем товар, цена которого упала по отношению к пшенице. Если те же самые причины, которые заставляют повышаться цену пшеницы, повышают цену, например, платьев, то платья не выразились бы в большем количестве пшеницы, чем раньше, но товары, цена которых по отношению к пшенице упала, например, хлопчатобумажные, выразились бы в меньшем количестве пшеницы. Хлопчатобумажные товары и платья выразили бы различие своих цен в пшенице, как в своем посреднике.

Но Рикардо имеет в виду нечто другое. Он думает: пшеница вследствие повышения заработной платы повысилась по отношению к хлопчатобумажным товарам, а не по отношению к платьям. Платья, следовательно, по его мнению будут обмениваться на пшеницу старой цены, а хлопчатобумажные товары—на пшеницу поднявшейся цены. Само по себе предположение, что изменения в ценах заработной платы в Англии, например, изменят цены производства золота в Калифорнии, где заработная плата не повысилась, в высшей степени нелепо. Уравнение ценностей рабочим временем и еще более цен производства всеобщей нормой прибыли не существует в этой непосредственной форме между различными странами. Но возьмем даже пшеницу, местный продукт. Пусть квартал пшеницы поднимается с 40 на 50 шиллингов, то есть, на 25 процентов. Если платье повысилось тоже на 25 процентов, то оно стоит так же, как и прежде 1 квартал пшеницы. Если хлопчатобумажный товар понизился на 25 процентов, то то же количество хлопчатобумажного товара, которое стоило раньше 1 квартал, стоит теперь только 6 бушелей пшеницы. И это выражение в пшенице точно представляет отношение цен хлопчатобумажного товара и платьев, потому что они измеряются одной и той же мерой, 1 кварталом пшеницы.

Впрочем, взгляд Рикардо еще более нелеп. Цена товара, который служит мерилем ценностей и поэтому деньгами, вообще не существует, потому что иначе кроме товара, который служит деньгами, должен был бы существовать еще другой товар, который служит деньгами—т.е. двойное мерило ценностей. Относительная ценность денег выражена в бесчисленных ценах всех товаров; ибо в каждой из этих цен, в которых выражена меновая ценность товаров в деньгах, выражена меновая ценность денег в потребительной ценности товаров. Поэтому о повышении или понижении цены денег не может быть и речи. Я могу сказать: цена денег в пшенице «или цена денег в платьях осталась та же

¹⁾ Здесь слово «цена производства» употребляется в первый раз в манускрипте, но в дальнейшем этот термин не сохраняется.

самая; цена же денег в хлопчатобумажных товарах повысилась, или что то же самое, денежная цена хлопчатобумажных товаров понизилась. Но я не могу сказать, что цена денег повысилась или понизилась. Рикардо же думает на самом деле, что цена денег в хлопчатобумажных товарах повысилась или денежная цена хлопчатобумажных товаров понизилась потому, что деньги повысились по отношению к хлопчатобумажным товарам в относительной ценности, в то время как по отношению к платьям или пшенице они удержали ту же самую ценность. Оба, следовательно, измеряются неодинаковым мериллом.

Этот 6-й отдел „о постоянном мерилле ценностей“, трактующий „о мерилле ценностей“, не содержит ничего важного. Связь между ценностью, ее имманентным мериллом—рабочим временем и необходимостью внешнего мерилла ценностей товаров не понята, даже не поставлена в качестве вопроса. Уже введение обнаруживает поверхностный характер:

«Если товары изменились в своих относительных ценностях, то было бы желательно иметь средство, чтобы найти, какой из них понизился в своей реальной ценности и какой повысился, и этого можно было бы достигнуть только в том случае, если бы можно было их сравнивать один за другим с неизменным постоянным мериллом, которое не было подвержено никаким колебаниям, распространяющимся на другие товары» (ук. соч., стр. 41, 42). Но «не существует ни одного товара, который не подвержен тем же самым изменениям... то-есть не существует ни одного товара, который не стоит в зависимости от того обстоятельства, что для его производства требуется в одном случае больше труда, в другом меньше» (ук. соч., стр. 42; русск. пер., стр. 27, 28).

Но если бы существовал такой товар, то „быть совершенным масштабом ценностей, при помощи которого мы могли бы точно установить изменение [в ценностях] всех других вещей“ (ук. соч., стр. 43; русск. пер., стр. 28), ему помешали бы — отчасти влияние повышения или понижения заработных плат и влияние различных комбинаций основного и оборотного капитала, различных степеней продолжительности существования основного капитала, различных промежутков времени, которые должны протечь прежде, чем продукт может поступить на рынок и т. д. „Это было бы совершенное мерило ценности для всех вещей, которые были бы произведены при совершенно тех же условиях, как и оно само, но ни для каких других“ (ук. соч.). Это значит, что если бы эти „другие вещи“ изменились, то мы могли бы сказать, если ценность денег не повышалась или не понижалась, что изменение вытекает из повышения или понижения в их ценностях (из повышения или понижения) рабочего времени, требующегося для их производства. Для других вещей мы не можем знать, не происходят ли изменения в их денежных ценах под влиянием каких-либо других причин и т. д. Позже придется вернуться к этому во всех отношениях неудовлетворительному взгляду (При позднейшем пересмотре теории денег).

[Переходим к 7-му отделу 1-й главы]. Кроме важного учения об „относительных“ заработных платах, прибылях и рентах, к чему мы вернемся позже, эта часть содержит только учение о том, что если деньги понижаются или повышаются в ценности, то соответствующее повышение или понижение в заработной плате и т. д. ничего не ме-

няет в отношениях, а только в их денежном выражении. Если тот же товар выражается в двойном количестве фунтов стерлингов, то это же самое имеет место и по отношению к его частям, заключающим в себе прибыль, заработную плату или ренту. Но отношение этих трех частей между собою и реальные ценности, которые они представляют, остаются одни и те же. Точно также, если прибыль составляет двойное количество фунтов стерлингов, то, ведь, и 100 ф. ст. выражаются теперь и 200 ф. ст.; следовательно, и отношение между прибылью и капиталом, норма прибыли, остается неизменным. Изменения монетного выражения касаются прибыли и капитала одновременно; то же относится к прибыли, заработной плате и ренте. И относительно последней это имеет место, поскольку она исчисляется не на акр, а на затраченный на обработку земли и т. д. капитал, еловом, в этом случае изменение имеет место не в товарах и т. д.

«Повышение заработных плат по этой причине, конечно, неизбежно сопровождается повышением цен товаров. Но в таких случаях можно убедиться, что труд и все товары не изменились в отношении друг к другу и что изменение ограничилось деньгами» (ук. соч., стр. 47; русск. пер., стр. 31).

с) Цены производства и рыночные цены.

а) Взгляды Рикардо.

Развивая теорию дифференциальной ренты, Рикардо выставляет во 2-й главе „о земельной ренте“ следующее положение:

«Меновая ценность всех товаров, произведены ли они на фабриках, в горной промышленности или в сельском хозяйстве, определяется не наименьшим количеством рабочего времени, какое достаточно для их производства при условиях в высшей степени благоприятных, доступных только для немногих, которые пользуются особенно выгодными обстоятельствами. Меновая ценность скорее определяется большим количеством труда, которое необходимо должно применяться теми, у которых эти обстоятельства отсутствуют, теми, которые продолжают производство при наиболее неблагоприятных условиях, при чем под наиболее неблагоприятными условиями следует понимать те, при которых необходимо продолжать производство, если должно быть произведено нужное количество продуктов» (ук. соч., стр. 60, 61; русск. пер., стр. 38).

Последнее положение не вполне правильно. „Нужное количество продуктов“ (the quantity of produce required) не есть какая-нибудь постоянная величина [Следовало бы сказать:] „Определенное количество продуктов, которое нужно внутри определенных границ цен“. Повышается цена выше этих границ, понижается нужное количество вместе со спросом.

Вышеприведенное положение может быть в общей форме выражено так: ценность товара—который составляет продукт особой сферы производства—определяется трудом, который требуется для того, чтобы произвести всю массу, общую сумму соответствующих этой сфере производства товаров; но не особым рабочим временем, которое требуется для каждого отдельного капиталиста или предпринимателя внутри этой сферы производства. Всеобщие условия производства и всеобщая производительность труда в этой особой сфере производства, например, в хлопчат-

бумажной промышленности, являются средними условиями производства и средней производительностью в этой сфере хлопчатобумажной промышленности. Количество труда, которым, следовательно, определяется, например, локоть ситца, есть не то количество труда, которое в нем заключается, которое употребил на него его фабрикант, но среднее количество, при помощи которого производят локоть ситца все хлопчатобумажные фабриканты на рынке. Что касается особых условий, при которых производят отдельные капиталисты, например, в хлопчатобумажной промышленности, то они распадаются неизбежно на три класса. Одни производят при средних условиях, то-есть индивидуальные условия производства, при которых они производят, совпадают с всеобщими условиями производства данной сферы. Среднее отношение есть их действительное отношение. Производительность их труда—средней высоты. Индивидуальная ценность их товаров совпадает со всеобщей ценностью этих товаров. Если они, например, продают локоть ситца по 2 шиллинга—средней ценности,—они продают его по ценности, которую представляют *in natura* произведенные локти ситца. Другой класс производит при лучших, чем средние, условиях. Индивидуальная ценность их товаров стоит ниже их всеобщей ценности. Если они продают их по этой всеобщей ценности, то они продают их выше их индивидуальной ценности. Наконец, третий класс производит ниже средних условий производства.

И вот „количество нужных продуктов“ для этой особой сферы производства не представляет никакой постоянной величины. Если ценность товаров переходит известные границы средней ценности, то количество нужных продуктов падает или требуется только по данной цене—или по крайней мере, внутри определенных границ цены. Следовательно, [возможно] также, что последний класс бывает вынужден продавать свои товары ниже индивидуальной ценности, тогда как лучше всего поставленный класс всегда продает свои товары выше их индивидуальной ценности. Будет зависеть именно от численного отношения или пропорционального отношения величин классов, какой класс окончательно устанавливает среднюю ценность. Если средний класс численно значительно преобладает, он будет устанавливать среднюю ценность. Если этот класс численно слаб, а класс, работающий при условиях ниже средних, численно силен и преобладает, то он определяет всеобщую ценность продукта этой сферы, хотя этим еще отнюдь не сказано и даже весьма невероятно, что решает дело отдельный капиталист последнего класса, в свою очередь поставленный здесь в наиболее неблагоприятные условия (ср. Корбетта).

Но оставим это в стороне. Общий результат таков: всеобщая ценность, какую имеют продукты этого класса, одна и та же для всех, как бы она ни относилась к индивидуальной ценности каждого отдельного товара. Эта общественная ценность есть рыночная ценность этих товаров, ценность, при которой они выступают на рынке. Эта рыночная ценность, выраженная в деньгах, есть рыночная цена, как ценность, выраженная в деньгах, есть цена вообще. Действительная рыночная цена стоит то выше, то ниже этой рыночной

ценности и совпадает с ней только случайно. Но в течение известного периода колебания уравниваются, и можно сказать, что среднее действительных рыночных цен есть рыночная цена, которая выражает рыночную ценность. Совпадает ли действительная рыночная цена по величине, количественно, в данный момент с этой рыночной ценностью или нет, во всяком случае, она имеет общую с последней качественную определенность, именно, что все находящиеся на рынке товары одной и той же сферы производства (конечно, при предположении одинакового качества) имеют одну и ту же цену, или фактически представляют всеобщую ценность товаров этой сферы.

Поэтому выставленное Рикардо при развитии теории ренты положение, приведенное выше, было истолковано его учениками в том смысле, что одновременно на одном и том же рынке не может существовать двух различных рыночных цен или что, в одно и то же время, находящиеся на рынке продукты одного и того же рода имеют одну и ту же цену и, каждый в отдельности, так как мы можем здесь абстрагировать от случайности этой цены, одну и ту же рыночную ценность. Конкуренция частью капиталистов друг с другом, частью покупателей товара с ними и между собою действует здесь, следовательно, таким образом, что ценность товара в особой сфере производства определяется всей совокупностью общественного рабочего времени, какого требует вся совокупность товаров этой особой общественной сферы производства, а не индивидуальными ценностями отдельных товаров или рабочим временем, какого стоил отдельный товар своим особым производителям и продавцам.

Но отсюда вытекает само собой, что при всех обстоятельствах капиталисты, принадлежащие к первому классу, для которых условия производства благоприятнее средних условий производства, получают некоторую сверх-прибыль, следовательно, их прибыль стоит выше всеобщей нормы прибыли этой сферы. Следовательно, конкуренция устанавливает рыночную ценность или рыночную цену не при помощи уравнивания прибылей внутри особой сферы производства.

Различие между рыночной ценностью и рыночной ценой безразлично для этого исследования, так как различия в условиях производства и соответственно с этим различные нормы прибыли продолжают [существовать] для отдельных капиталистов одной и той же сферы, каково бы ни было отношение рыночной цены к рыночной ценности.

Наоборот, конкуренция приравнивает здесь различные индивидуальные ценности к одной и той же, одинаковой, лишенной различий рыночной ценности тем, что оставляет разницу внутри индивидуальных прибылей, прибыли отдельных капиталистов и их отклонения от средней нормы прибыли сферы. Она даже создает их установлением одной и той же рыночной ценности для товаров, которые произведены при неодинаково неблагоприятных условиях производства, следовательно, при неодинаковой производительности труда, и представляют, таким образом, индивидуально неравновеликие количества рабочего времени. Товар, произведенный при более благоприятных условиях, содержит меньше рабочего времени, чем произведенный при более неблагоприятных усло-

виях, а продается по той же цене, имеет ту же ценность, как если бы он содержал то же рабочее время.

Рикардо нуждается для установления своей теории ренты в двух положениях, которые выражают не только не одно и то же, но прямо противоположное действие конкуренции. Первое положение, что продукты одной и той же сферы продаются по одной и той же рыночной ценности, что конкуренция, следовательно, вызывает различные нормы прибыли, отклонения от всеобщей нормы прибыли. Второе, что норма прибыли для каждой затраты капитала должна быть одна и та же, или что конкуренция создает всеобщую норму прибыли. Первый закон имеет силу для различных самостоятельных капиталов, которые вложены в одной и той же сфере производства. Вторым имеет силу для капиталов, поскольку они вложены в различных сферах производства. Первым действием конкуренция создает рыночную ценность, то-есть, одну и ту же ценность для товаров одной и той же сферы производства, хотя эта тождественная ценность должна порождать различные прибыли; следовательно, одну и ту же ценность, несмотря на различные нормы прибыли, или, скорее, при посредстве различных норм прибыли. Иное значение имеет второе действие, которое, впрочем, иначе и проявляется; [здесь] это конкуренция капиталистов в различных сферах, бросающая капитал из одной сферы в другую; в то время как другая конкуренция, поскольку она не распространяется на покупателей, имеет место между капиталами одной и той же сферы. [Этим вторым действием] конкуренция создает цену производства, то-есть одну и ту же норму прибыли в различных сферах производства, хотя эта тождественная норма прибыли противоречит неравенству ценностей, следовательно, может быть создана только ценами, отличными от ценностей.

Так как Рикардо для своей теории земельной ренты нуждается в том и другом, в равной ценности или цене с неравной нормой прибыли в равных, кроме прибыли, и ценах с неравными ценностями, то в высшей степени удивительно, что он не исследует подробно этого двойного определения—ценности и цены и что даже в отделе, где он *ex professo* трактует о рыночной цене, в 4-й главе „об естественной и рыночной цене“, он совершенно не трактует о рыночной цене и рыночной ценности, хотя в выше цитированном месте он все-таки кладет ее в основу для объяснения дифференциальной ренты из кристаллизующейся в ренту сверх-прибыли (*Ueberprofite*). Скорее он здесь трактует просто о сведении цен в различных сферах производства к ценам производства, следовательно, о рыночных ценностях различных сфер производства и их отношении друг к другу, а не об установлении рыночной ценности в каждой особой сфере, а без этого установления вообще не существует никаких рыночных ценностей.

Рыночные ценности, следовательно [и] рыночные цены каждой особой сферы, если рыночная цена соответствует „естественной цене“, то-есть просто выражает ценность в деньгах, дали бы очень различные нормы прибыли; ибо капиталы одинаковой величины в различных сферах—совершенно оставляя в стороне различия, которые вытекают из

их различных процессов обращения — распадаются на постоянный и переменный капиталы в очень неравных пропорциях; следовательно, дают очень неравные прибавочные ценности, а потому и прибыли. Уравнение различных рыночных ценностей, создающее в различных сферах одну и ту же норму прибыли, позволяющее капиталам одинаковой величины приносить одинаковые средние прибыли, возможно, стало-быть, только благодаря тому, что рыночные ценности превращаются в цены производства, отличные от действительных ценностей¹⁾. Что производит конкуренция в одной и той же сфере производства, так это определение ценности товара средним количеством рабочего времени, требующимся в этой сфере, следовательно, установление рыночной ценности. А то, что производит конкуренция между различными сферами производства, заключается в установлении одной и той же нормы прибыли в различных сферах сведением различных рыночных ценностей к рыночным ценам, которые представляют цены производства и отличны от действительных рыночных ценностей. Конкуренция в этом случае, следовательно, никоим образом не стремится к тому, чтобы ассимилировать цены товаров с их ценностями, но наоборот: стремится свести их ценности к отличным от них ценам производства, уничтожить различия их ценностей от цен производства. Только это последнее движение Рикардо рассматривает в 4-й главе и рассматривает его удивительным образом, как сведение товарных цен — при помощи конкуренции — к их ценностям, сведение рыночной цены (цены, отличной от ценности) к естественной цене (выраженной в деньгах ценности). Этот промах происходит от ошибки, допущенной уже в 1-й главе. „О ценности“, именно от отождествления цены производства и ценности, что в свою очередь произошло оттого, что Рикардо в том пункте, где он ставил своей задачей только еще развить ценность, следовательно, имел дело только еще с товаром, вталкивает всеобщую норму прибыли и все предпосылки, вытекающие из более развитых капиталистических отношений производства.

Точно также и ход мысли, которому следует Рикардо в 4-й главе, совершенно поверхностен. Он исходит из „случайных и временных колебаний цены“ (стр. 80) товара вследствие изменяющихся отношений спроса и предложения. С повышением или понижением цен — прибыли поднимаются выше их среднего уровня или падают ниже его; и капитал или пробуждается к обращению в ту отдельную отрасль промышленности (employment), в которой наступило изменение, или отталкивается от нее“ (стр. 80; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 49). Здесь уже предложен „средний уровень прибылей“ между различными сферами производства, между „отдельными отраслями промышленности“. Но прежде всего следовало рассмотреть, как устанавливается средний уровень цен в одной и той же отрасли промышленности. Рикардо тогда увидел бы, что последняя операция уже предполагает непрерывные странствования

¹⁾ Возможно, что норма прибавочной ценности не уравнивается в различных сферах производства благодаря, например, неодинаковой продолжительности рабочего времени. Исследовать это нет надобности потому, что прибавочные ценности сами уравниваются.

капитала—или обусловливаемое конкуренцией распределение всего общественного капитала между его различными сферами производства. Раз предположено, что в различных сферах рыночные ценности или средние рыночные цены сведены к ценам производства, которые приносят одну и ту же среднюю норму прибыли¹⁾, более постоянное отклонение в отдельных сферах рыночной цены от цены производства, вверх или вниз, будет вызывать новые странствования и новое распределение социального капитала. Первое странствование совершается для того, чтобы установить цены производства, отличные от ценностей; второе, чтобы уравнивать действительные рыночные цены, как только они поднимаются выше цен производства или падают ниже их, с ценами производства. Первое есть превращение ценностей в цены производства. Второе есть вращение действительных случайных рыночных цен вокруг цены производства, которая теперь является в качестве „естественной цены“, хотя отлична от ценности и является результатом общественной деятельности. Именно это последнее более поверхностное движение рассматривает Рикардо и при случае бессознательно смешивает с другим. Конечно, то и другое вызывает „одинаковый принцип“, именно:

принцип, что «каждый свободен вкладывать капитал там, где ему угодно... Конечно, он ищет для этого такое применение, какое наиболее выгодно: само собой разумеется, он не удовлетворится прибылью в 10 процентов, если он где-нибудь в другом месте может со своим капиталом получить прибыль в 15 процентов. Это неутомимое стремление всех применяющих капитал отказываться от менее прибыльного предприятия в пользу более выгодного порождает сильную тенденцию уравнивать прибыли всех или фиксировать их в таких отношениях, что они по оценке участвующих представляют вознаграждение за преимущества, которые имеет или, повидимому, имеет один перед другим» (стр. 81; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 49).

Эта тенденция производит то, что величина совокупности общественного рабочего времени распределяется сообразно общественной потребности между различными сферами производства. Этим вместе с тем превращаются ценности в различных сферах производства в цены производства, а с другой стороны, уравниваются различия (Variationen) действительных цен в отдельных сферах от цен производства.

Все это развил уже А. Смит. Рикардо сам говорит:

Ни один автор не показал удовлетворительнее и лучше, чем д-р Смит, тенденцию капитала уходить из тех отраслей промышленности, в которых произведенные блага не покрывают своими ценами суммы издержек, вместе с обычной прибылью²⁾, которые вызывает производство и доставление на рынок» (ук. соч., 21 глава, стр. 342, примечание; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 193).

Заслуга Рикардо, ошибка которого вообще происходит от того, что он здесь некритически относится к А. Смиту, состоит в том, что он ближе определяет это странствование капитала из одной сферы в другую, или, лучше сказать, путь (Operationsweise), каким оно происходит. Но он мог это сделать только потому, что к его времени сущность кредита была более развита, чем ко времени А. Смита. Рикардо говорит:

¹⁾ Но это относится только к сферам, в которых не привходит земельная собственность [как мы еще увидим].

²⁾ Следовательно, цены производства.

«Может быть, очень трудно проследить способы, которыми производится это перемещение: скорее всего, что происходит таким образом, что промышленник не совершенно оставляет свое предприятие, а только уменьшает количество капитала, которое он вложил туда. Во всех богатых странах существует известное число лиц, которые образуют класс денежных людей (*monied class*). Эти люди не ведут никаких промышленных предприятий, живут процентами с своих денег, которые вложены в кредитные сделки или в ссуды более промышленной части общества. Точно также и банки употребляют на эти цели большой капитал. Так, примененный капитал образует оборотный капитал большого объема, который применяется в большем или меньшем отношении, всеми различными промышленными предприятиями страны. Не существует, может быть, ни одного фабриканта, как бы он богат ни был, который не расширял бы своего дела больше, чем позволяют его собственные средства. Он всегда пользуется частью этого оборотного капитала, возрастающей или уменьшающейся, смотря по силе спроса на его товары. Если спрос на шелк повышается, а на сукно уменьшается, то фабрикант сукна не перейдет с своим капиталом в шелковую промышленность, а отпускает некоторых из своих рабочих и перестает делать займы у денежных людей и банков. У фабриканта шелковых товаров, напротив, наблюдается обратное явление: он стремится нанять больше рабочих, и его стремление брать займы деньги усиливается. Он занимает больше и таким образом капитал переносится из одного предприятия в другое, без того, чтобы предпринимателю нужно было прекращать свое обычное занятие. Если мы будем рассматривать рынки большого города и заметим, как правильно они обеспечиваются товарами внутреннего производства и иностранными в нужном количестве, несмотря на все изменения в спросе, вытекающие из капризов вкуса или из изменений в количестве населения, при чем, застой в сбыте вследствие слишком обильного предложения или непомерно высокий под'ем цен вследствие недостаточного предложения, часто не дают себя чувствовать, — то мы должны будем признать, что принцип, согласно которому каждой отрасли промышленности уделяется капитал как раз в том размере, в каком она в нем нуждается, более действителен, чем это вообще предполагают» (ук. соч., стр. 82; русс. пер. Н. Рязанова, стр. 49, 50).

Речь идет, следовательно, о кредите, при посредстве которого капитал всего класса капиталистов предоставляется в распоряжение каждой сферы, не в отношении к размеру капитала, составляющего собственность капиталистов этой сферы, а в отношении к ее потребностям производства—в то время, как в конкуренции отдельный капитал является самостоятельным по отношению к другому; это представляет собою как результат, так и условие капиталистического производства, и весьма удобно позволяет нам перейти от конкуренции капиталов к капиталу, как к кредиту.

В введении к 4-й главе Рикардо говорит, что он понимает под естественной ценой ценность товара, то-есть цену, определенную их относительным рабочим временем, а под рыночной ценой—случайные и преходящие отклонения от этой естественной цены, которая равна ценности. Во всем дальнейшем изложении главы—и притом, в вполне определенных (выражениях)—он понимает под естественной ценой нечто совершенно другое, именно цену производства, отличную от ценности. Вместо того, следовательно, чтобы изложить, как конкуренция превращает ценности в цены производства, следовательно, постоянно создает отклонения от ценностей, он излагает по А. Смиту, как конкуренция сводит рыночные цены в различных отраслях промышленности по отношению друг к другу к ценам производства.

В начале 4-й главы говорится следующее:

«Если мы приняли труд за основу ценности товаров и относительное количество труда, нужное для их производства, за мерило (*rule*), определяющее

количества благ, какие должны быть даны в обмен на другие, то все-таки не следует предполагать, что мы отрицаем случайные и преходящие отклонения фактической или рыночной цены от этой их первоначальной или естественной цены» (стр. 80; русс. пер. Н. Рязанова, стр. 49).

Здесь, следовательно, „естественная цена“ равна ценности и рыночная цена — не что иное, как отклонение фактической цены от ценности.

Напротив, лозже говорится:

«Допустим, все товары продаются по их естественной цене и поэтому прибыли на капитал во всех отраслях промышленности находятся на совершенно равной высоте или отклоняются лишь настолько друг от друга. Насколько это соответствует по оценке участвующих действительному или воображаемому преимуществу, каким они владеют или какое они теряют» (стр. 83; русс. пер. Н. Рязанова, стр. 51).

Стало быть, здесь естественная цена равна цене производства, то-есть равна цене, в которой отношение прибыли к затратам капитала, заключающимся в товаре, одно и то же, хотя равные ценности товаров, доставленные капиталами в различных отраслях производства, содержат очень неравные прибавочные ценности и, следовательно, неравные прибыли. Очевидно, цена, если она должна дать ту же прибыль, непременно должна быть отлична от ценности товара. С другой стороны, капиталы одинаковой величины создают товары с очень различными величинами ценностей, смотря по тому, большая или малая часть основного капитала входит в товар. Но об этом—при рассмотрении обращения капиталов.

Под уравнением конкуренций (*Konkurrenzausgleichung*) Рикардо поэтому также понимает только вращение действительных цен или действительных рыночных цен вокруг цены производства или естественной цены в отличие от ценности, уравнение рыночных цен в различных отраслях промышленности со всеобщими ценами производства, следовательно, как раз с ценами, которые отличны от реальных ценностей в различных отраслях промышленности.

«Следовательно, стремление, воодушевляющее каждого капиталиста, перевести свои капиталы из менее прибыльной отрасли промышленности в более прибыльную, мешает рыночным ценам товаров стать на более продолжительное время выше или ниже их естественной цены. Эта конкуренция так уравнивает меновые ценности¹⁾ товаров, что после покрытия заработной платы рабочих, нужных для производства и всех других расходов, необходимых для восстановления примененного капитала в его первоначальной продуктивности, остающийся излишек или остаток ценности в каждой отрасли промышленности стоит в соответствии к ценности примененного капитала» (ук. соч., стр. 84; русс. пер., стр. 51).

Это совершенно верно. Конкуренция так уравнивает цены в различных отраслях производства, что излишек или остаток ценности, прибыль, соответствует ценности вложенного капитала, но не реальной ценности товара, не действительному излишку в ценности, который он содержит после вычета издержек на него. Чтобы установить это уравнение, цена одного товара должна стать выше, а другого — ниже их реальной ценности. Это не ценность товаров, а их цена производства,

¹⁾ Также и различные реальные ценности.

вокруг которой конкуренция заставляет вращаться рыночные цены в различных отраслях производства.

Рикардо продолжает:

«В 7-й главе «wealth of Nations» превосходно разобрано все относящееся к этому вопросу (Стр. 84; русс. пер., стр. 51).

Совершенно верно. Не критическая вера в смитовскую традицию сбивает здесь Рикардо с пути. Рикардо заключает главу завлечением, что он в следующих исследованиях „намерен совершенно оставить без рассмотрения“ (стр. 85; рус. пер., стр. 51), случайные отклонения рыночных цен от цен производства; но при этом Рикардо не замечает, что он совершенно не обращает внимания на постоянные отклонения рыночных цен, поскольку они соответствуют ценам производства, от реальных ценностей товаров и что он представил цену производства вместо ценности.

30-я глава трактует „о влиянии спроса и предложения на цены“.

Положение, защищаемое здесь Рикардо, состоит в том, что постоянная цена определяется ценой производства, а не спросом и предложением; что, следовательно, постоянная цена определяется ценностью товаров лишь постольку, поскольку эта ценность определяет цену производства. Если предположить, что цены товаров так уравнены, что все они приносят 10 процентов прибыли, то каждое значительное отклонение в них будет определяться отклонением в ценностях товаров, в рабочем времени, требующемся для производства этих товаров. Так как эта ценность продолжает определять всеобщую норму прибыли, то ее изменения продолжают определять изменения в целях производства, хотя этим, конечно, не уничтожается различие этих цен производства от ценностей. Уничтожается только одно: разница между ценностью и действительной ценой не должна быть больше, чем разница, произведенная всеобщей нормой прибыли между ценами производства и ценностями. С изменениями в ценностях товаров изменяются их цены производства. Образуется „новая естественная цена“ (стр. 460). Если, например, рабочий может производить двадцать шляп в то же время, в какое он раньше производил 10 шляп, и если заработная плата составляла половину издержек на шляпу, то издержки производства для двадцати шляп, поскольку они состоят из заработной платы, упали на половину. Ибо та же заработная плата теперь уплачивается за производство 20 шляп, как раньше за производство десяти. Расход на заработную плату не составляет уже половины издержек производства каждой шляпы. Если шляпочник продавал шляпу по той же цене, то он продавал ее выше цены производства. Если прибыль была 10 процентов, то теперь она была бы $46\frac{2}{3}$ процента, раз мы принимаем, что издержки, требующиеся, чтобы произвести определенное количество шляп, первоначально были 50 для сырого материала и т. д., 50 для труда. Они теперь 50 для сырого материала и т. д., 25 для заработной платы. Если товар продается по старой цене, то прибыль равна теперь $46\frac{2}{3}$ процента ¹⁾. Новая естественная цена, сле-

¹⁾ В манускрипте стоит здесь и выше $13\frac{1}{3}$ вместо $46\frac{2}{3}$ процента. Это основано, очевидно, на ошибке в вычислении. Цена производства 10 шляп была

довательно, вследствие падения ценности упадет настолько, что цена будет приносить только 10 процентов прибыли. Падение в ценности или в рабочем времени, необходимом для производства товара, проявляется в том, что для одного и того же количества товара применяется меньше рабочего времени, следовательно, и меньше оплаченного рабочего времени, меньше заработной платы, и что, поэтому, падают издержки производства, заработная плата, которая уплачивается (по величине; это предполагает отсутствие падения в норме заработной платы) пропорционально для производства каждого отдельного товара. Это имеет силу, если произошло изменение в ценности в самом производстве шляп. Если бы это произошло в производстве сырого материала или орудий труда, то в этих сферах это выразилось бы точно также понижением издержек на заработные платы, требующиеся при производстве данного количества продуктов, а для шляпочного фабриканта это представилось бы таким образом, что его постоянный капитал стоил бы ему меньше. Цены производства или „естественные цены“, которые совершенно ничего общего не имеют с „естеством“, могут падать [или повышаться] двояким образом вследствие падения или повышения товарных ценностей.

Во-первых, благодаря тому, что падает [или повышается] заработная плата, которая израсходована в производстве данного количества товаров, потому что пала [или повысилась] общая масса абсолютной суммы израсходованного на это количество труда, оплаченного и неоплаченного.

Во-вторых: если вследствие увеличившейся или уменьшившейся производительности труда (то и другое может иметь место; одно, если падает переменный капитал в отношении к постоянному; другое, если заработная плата повышается вследствие вздорожания жизненных средств) изменяется отношение прибавочной ценности к ценности товара или к ценности заключающегося в нем труда, следовательно, норма прибыли повышается или падает.

Это последнее обстоятельство могло бы вызвать колебания цен производства только постольку, поскольку на них действуют изменения в ценности труда. В первом случае ценность труда остается та же. Но в последнем случае изменяются не ценности товаров, а только распределение между (необходимым) и прибавочным трудом. Между тем все-таки в этом случае было бы налицо изменение в производительности, следовательно, в ценности отдельного товара. Тот же самый капитал будет производить в одном случае больше, в другом меньше товаров, чем прежде. Совокупность товаров, в которой он выражался бы, имела бы одну и ту же ценность, но отдельный товар имел бы отличную от прежнего ценность. Ценность заработной платы не определяет, правда, ценности товаров, но ценность товаров, которые входят в потребление рабочего, определяет ценность заработной платы.

первоначально $50+50+10=110$. Шляпочник продает при новых условиях производства по старым ценам. Его издержки производства теперь 75, его цена 110, следовательно, прибыль 35, норма прибыли, которая была раньше $\frac{10}{100}=10$ процентам, теперь $\frac{35}{75}=46\frac{2}{3}$ процента. К.

Раз даны цены производства товаров в различных сферах производства, они повышаются или падают относительно друг друга с изменением в ценности товаров. Если повышается производительность труда, уменьшается рабочее время, требующееся для производства определенного товара, падает, следовательно, ценность товара, все равно, будет ли это изменение производительности иметь место в только что примененном труде или в постоянном капитале товара, то должна также соответственно упасть и цена производства этого товара. Абсолютное количество употребленного на него труда уменьшилось, следовательно, уменьшилось также количество содержащегося в нем оплаченного труда, величина израсходованной на него заработной платы, хотя норма заработной платы и осталась та же. Если бы товар продавался по своей старой цене производства, то он принес бы прибыль выше всеобщей нормы, ибо раньше эта прибыль равнялась 10 процентам на более высокие расходы. Теперь, следовательно, пришлось больше 10 процентов на уменьшившиеся расходы. Дело принимает как раз обратный вид, если производительность труда понижается, реальные ценности товара повышаются. При данной норме прибыли — или, что то же, при данных ценах производства, — их относительное повышение или понижение зависит от повышения или понижения, изменения реальных ценностей товаров. Вследствие этого на место старых выступают новые цены производства или, как говорит Рикардо, употребляя выражение Смита, „новые естественные цены“.

В только что цитированной 30-й главе Рикардо отождествляет и по названию естественную цену, то-есть цену производства, с естественной ценностью, то-есть, ценностью, определенной рабочим временем. „Цена (монополизированных товаров) не имеет никакой необходимой связи с их естественной ценностью; но цены товаров, которые поддаются конкуренции, ...будут зависеть в конце концов... от издержек их производства“ (ук. соч., стр. 465; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 263, 264). Здесь, следовательно, прямо отождествляются цены производства или естественные цены с „естественной ценностью“, то-есть, с „ценностью“. Рикардо не знает никакого другого различия между ценностью и естественной ценой, кроме того, что последняя есть денежное выражение ценности, следовательно, может изменяться благодаря изменению в ценности благородных металлов без того, чтобы изменилась ценность. Но это изменение касается только оценки, выражения ценности в деньгах.

Например, он говорит:

«Она (внешняя торговля) может быть регулирована только изменениями естественной цены, а не естественной ценности, по которой могут производиться товары в тех странах, и это регулирование производится изменениями в распределении благородных металлов» (ук. соч., стр. 409; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 231).

Эта путаница выясняет нам, почему масса позднейших господ *post Ricardum*, в роде самого Сея, могла принимать „издержки производства“ за последний регулятор цен, не имея ни малейшего понятия

об определении ценности рабочим временем, даже прямо отрицая это определение, в то время как другие его признают.

Вся эта ошибка Рикардо и вытекающее отсюда неверное представление о земельной ренте и т. д., а также неверные законы относительно нормы прибыли и т. д., происходят от того, что Рикардо не отличает прибавочной ценности от прибыли (да и вообще, подобно другим экономистам, поступает с определениями форм грубо и без надлежащего понимания). Насколько он позволяет Смиту опутать себя, это мы увидим из следующего.

β) Смит о ценах производства и рыночных ценах.

Прежде всего у А. Смита следует отметить, что на его взгляд „существуют также всегда некоторые товары, цена которых распадается только на две части, заработную плату и прибыль на капитал“ (книга 1-я, глава 6-я). Это различие с Рикардо может быть оставлено здесь совершенно без внимания.

Вначале Смит развивает ту мысль, что новая меновая ценность сводится к количеству труда, что содержащаяся в меновой ценности ценность после вычета сырого материала и т. д. распадается на часть труда, которая оплачивается рабочему, и на часть, которая ему не оплачивается, при чем последняя часть распадается на прибыль и ренту, а прибыль, в свою очередь, может при случае делиться на прибыль и процент, затем он благополучно совершает поворот, и, вместо того, чтобы распределить меновую ценность на заработную плату, прибыль и ренту, делает их скорее образователями меновой ценности, заставляет их, как самостоятельные меновые ценности, образовывать меновую ценность продукта, составляет меновую ценность товара из самостоятельно и независимо от нея определенных ценностей заработной платы, прибыли и ренты. Вместо того, чтобы ценность была их источником, они сами становятся источником ценности. „Заработная плата, прибыль и рента — вот три первоначальных источника всякого дохода, как и всякой ценности“ (ук. соч., книга 1-я, глава 6-я). Указав на внутреннюю связь, Смит вдруг снова попадает под власть представлений, заимствованных из внешней связи вещей, поскольку она проявляется в конкуренции; в конкуренции же всегда проявляется навыворот — всегда имеет обратный вид.

Оба эти понимания наивно перекрещиваются у Адама Смита; он не замечает противоречия. Напротив, чтобы понять законы, как таковые, Рикардо абстрагирует в сознании от формы конкуренции, от внешности конкуренции. С одной стороны, его можно упрекнуть в том, что он идет недостаточно далеко, что его абстракция недостаточно полна, с другой стороны, что он понимает форму явления, непосредственно, прямо, как эмпирическое доказательство или как непосредственное проявление всеобщих законов, но никоим образом ее не развивает из них. По отношению к первому его абстракция слишком неполна, по отношению ко второму она есть формальная абстракция, которая сама по себе неверна.

Так вот, исходя из вывороченного на изнанку исходного пункта [конкуренции], Смит развивает различие между „естественной ценой товаров“ и „рыночной ценой“ их. Рикардо наследует это от него, но забывает, что „естественная“ цена у А. Смита по его предпосылкам не что иное, как цена производства, являющаяся результатом конкуренции, и что эта цена производства у самого Смита тождественна с „ценностью“ товара лишь постольку, поскольку Смит забывает свой более глубокий взгляд и становится на неверную точку зрения, почерпнутую из внешней связи вещей, что меновая ценность товаров образуется сложением самостоятельно определенных ценностей заработной платы, прибыли и ренты. Опровергая мимоходом этот взгляд, Рикардо наследует от А. Смита основанное на этом взгляде смешение или отождествление меновой ценности с ценой производства или естественной ценой. У Смита это смешение можно оправдать, потому что все его исследование об естественной цене исходит из его второго неверного взгляда на ценность. Но у Рикардо оно является совершенно неоправданным, потому что он нигде не разделяет этого неверного взгляда Смита, а опровергает его *ex professo*, как непоследовательность. Однако Смиуту удалось снова поймать его на удочку естественной цены.

После того, как Смит составил ценность товара из определенных независимо и самостоятельно от нее ценностей заработной платы, прибыли и ренты, он спрашивает себя, как же определяются эти элементарные ценности? И здесь Смит исходит из внешности явлений, поскольку она проявляется в конкуренции.

7-я глава 1-й книги „Wealth of Nations“ трактует „об естественной и рыночной цене товаров“. Там говорится:

В каждом обществе или стране существует норма для заработной платы, прибыли и ренты». Эту «среднюю» норму можно назвать естественной и нормой заработной платы, прибыли и ренты, для того времени и места, в каком эта норма в общем господствует». Если цена товара велика как раз на столько, чтобы оплатить ренту, заработную плату и прибыль по их естественным нормам, то товар продается по его естественной цене».

Эта естественная цена является тогда ценой производства товара, а цена производства совпадает с ценностью товара, так как ведь предположено, что ценность последнего образуется ценностями заработной платы, прибыли и ренты.

«Товар тогда продается точно за то, что он стоит ¹⁾, за то, что действительно обошелся тому, кто его доставляет на рынок ²⁾; ибо хотя в обычном словоупотреблении, когда говорится об издержках производства известного товара, не включают в них прибыли продавца, этот последний все-таки потерял бы при торговле, если бы он продавал товар без прибыли, обычной в его местности. Ибо он мог бы достигнуть этой прибыли при посредстве помещения своего капитала в другом месте».

Здесь мы имеем всю историю возникновения естественной цены и к тому же еще изложенную на соответственном языке и построенную при помощи соответствующей логики, так как ценность товара обра-

¹⁾ Товар тогда продается по его ценности.

²⁾ По его ценности или по его цене производства.

зается суммой цены заработной платы, прибыли и ренты, истинная же ценность последних снова является составной, и если они стоят на своей естественной норме, то ясно, что ценность товара тождественна с его ценой производства, а последняя—с естественной ценой товара. Норма прибыли точно так же, как и норма заработной платы, предполагаются данными. Это достаточно для образования цены производства. Они ей предпосланы. Они являются таким образом данными и для отдельного капиталиста. Как, где и когда [они возникают], это его не интересует. Смит становится здесь на точку отдельного капиталиста, агента капиталистического производства, который устанавливает цену производства своего товара: столько-то на заработную плату и т. д., тому-то равняется всеобщая норма прибыли. Егго.. Так представляется этому капиталисту операция, при помощи которой устанавливается цена производства товара, или как она ему представляется дальше, ценность товара, ибо он знает также, что рыночная цена стоит то выше, то ниже этой цены производства, которая поэтому кажется ему идеальной ценой товара, его абсолютной ценой в отличие от его колебаний в цене, словом, его ценностью, поскольку вообще капиталисту есть время думать о подобных вещах. Перенося себя в центр конкуренции, Смит начинает сейчас же рассуждать с специфической логикой захваченного этой сферой капиталиста. Смит возражает: под издержками в обыкновенной жизни не понимают прибыли, которую получает продавец, и которая необходимо образует излишек над его расходами. Почему же ты присчитываешь прибыль к цене производства? А. Смит отвечает с глубокомысленным капиталистом, которому поставлен этот вопрос, таким образом:

(Почему я присчитываю прибыль к издержкам? Если бы я продавал свой товар по цене, которая принесла бы мне меньше средней прибыли, получаемой другими капиталистами местности, то я был бы в убытке. Если бы я вложил свой капитал в другое предприятие, я бы получил среднюю прибыль. Он отвечает, следовательно, на вопрос, почему прибыль вообще входит в издержки производства: „Потому что я был бы в убытке, если бы прибыль определенной высоты не входила в издержки“. Это настоящий ответ с точки зрения простого эхо конкуренции ¹⁾).

Прибыль вообще должна входить в цену производства, потому что я был бы в убытке, если бы в цену производства входила прибыль даже только в 9 процентов вместо 10.

Эта наивность с которой Смит, с одной стороны, передает мысли агента капиталистического производства и представляет вещи в том виде, как они кажутся этому последнему, как они им понимаются и определяют его практическую деятельность, и как на самом деле они происходят судя по внешности, в то время как, с другой стороны, он открывает местами более глубокую связь,—эта наивность придает его книге большую привлекательность.

¹⁾ Поставленное в скобки место в манускрипте зачеркнуто. Я привожу его потому, что оно позволяет яснее проследить ход мысли, которому следует Маркс. К.

Здесь видно также, почему Смит—несмотря на большое внутреннее сомнение по этому пункту—разлагает ценность товара только на ренту, прибыль, заработную плату и оставляет без внимания постоянный капитал, хотя он, конечно, признает его у каждого отдельного капиталиста. Ибо иначе говорилось бы: ценность товара состоит из заработной платы, прибыли, ренты и той части ценности товара, которая не состоит из заработной платы, прибыли, ренты. Было бы необходимо таким образом установить ценность независимо от заработной платы, прибыли и ренты.

Раз поставивши себя в центр конкуренции и предположивши норму прибыли и т. д., как данные, Смит в остальном развивает, естественную цену или цену производства правильно; именно цену производства в отличие от рыночной цены.

«Естественная цена товара или совокупная ценность ренты, прибыли и заработной платы, которая должна быть уплочена, если товар должен быть доставлен на рынок» (ук. соч.).

Эта цена производства товара отлична от действительной цены или рыночной цены товара. Последняя зависит от спроса и предложения.

[Сумма] издержек производства или цена производства товара есть в точном смысле слова „совокупная ценность ренты, прибыли и заработной платы, которая должна быть уплочена, если товар должен быть доставлен на рынок“. Если спрос и предложение находятся в соответствии, то рыночная цена равняется естественной цене.

«Если доставленное на рынок количество как раз достаточно, чтобы покрыть действительный спрос, и не выходит за его пределы, то рыночная цена будет вполне равняться естественной цене. Естественная цена есть, следовательно, некоторым образом центр, к которому постоянно тяготеют цены всех товаров. Различные случайности могут иногда повысить их над ней и иногда понизить» (ук. соч.).

Отсюда Смит затем заключает, что в общем „вся сумма промышленной деятельности, которая ежегодно применяется, чтобы доставить товар на рынок“, будет соответствовать потребностям общества или „действительному спросу“ (ук. соч.). То, что Рикардо понимает, как распределение всеобщего капитала между различными отраслями промышленности, здесь проявляется еще в более наивной форме „промышленной деятельности“, необходимой для производства „известного товара“. Приведение цен между продавцами одного и того же товара к рыночной цене и приведение рыночных цен различных товаров к цене производства здесь еще очень пестро перекрещиваются друг с другом.

Лишь совершенно случайно Смит начинает говорить о влиянии изменений в реальных ценностях товаров на естественные цены или цены производства.

«Во многих отраслях промышленности одно и то же количество труда в различные годы будет приносить очень различное количество товаров, в то время, как в других отраслях производства оно производит постоянно одно и то же или приблизительно одно и то же количество, как раньше. Одно и то же количество рабочих в сельском хозяйстве в различные годы будет производить очень различные количества хлеба, вина, масла, хмеля и т. д. Но одинаковое количество прядильщиков и ткачей каждый год будет производить одно и то

же или почти одно и то же количество полотна или сукна... В других (не сельско-хозяйственных) отраслях производства, где продукт одинаковых количеств труда остается всегда одинаковым или приблизительно одинаковым ¹⁾ можно гораздо точнее приспособиться к действительному спросу» (ук. соч).

Здесь Смит видит, что простое изменение в производительности одинаковых количеств труда,—следовательно, в действительных ценностях товаров изменяет цены производства. Он оплошает это снова сведением к отношению предложения и спроса. В силу его собственных соображений дело, в том виде, как он его представляет, не соответствует действительности. Ибо если в земледелии одинаковые количества труда вследствие времен года и т. д. доставляют различные массы продуктов, то он сам доказывает, как вследствие машин, разделения труда и т. д. одинаковые количества труда доставляют очень различные массы продукта в индустрии и т. д. Следовательно, не это различие отличает земледелие от остальных групп промышленности. Отличает их то обстоятельство, что в одном случае „производительная сила“ применяется „в заранее определенной степени“, в другом она зависит от природных случайностей. Но остается, как результат: что ценность товаров или количество труда, которое следует применить к данному товару, смотря по производительности труда, изменяет его цены производства.

В следующем положении А. Смит также уже показал, как передвижение капиталов из одной отрасли производства в другую устанавливает цену производства в различных отраслях производства. Все-таки это у него не так ясно, как у Рикардо. Ибо если цена товара падает ниже его естественной цены, то это, согласно его заключениям, происходит потому, что один из элементов этой цены падает ниже естественной нормы. Значит, это происходит не благодаря отвлечению одних капиталов или их перемещению, но благодаря тому, что труд, капитал и земля переходят из одной отрасли в другую. Здесь его взгляд более последователен, чем взгляд Рикардо, но ложен.

«Какова бы ни была та часть (естественной цены), которая оплачивается ниже своей естественной нормы, люди, заинтересованные в этом тотчас почувствуют потерю и без колебания отвлекут столько земли или труда или капитала из соответствующей отрасли производства, чтобы доставленное на рынок количество их продуктов вскоре было достаточно как раз только для покрытия действительного спроса. Так их рыночная цена достигла бы скоро снова естественной цены, по крайней мере всюду там, где господствует полная свобода».

Здесь выступает существенное различие в характере понимания Смитом и Рикардо приведения к естественной цене. Приведение Смита основывается на его ложной предпосылке, что три элемента самостоятельно определяют ценность товара, тогда как приведение Рикардо основывается на правильной предпосылке, что цена производства устанавливается только одной средней нормой прибыли (при чем заработная плата дана).

«Естественная цена изменяется с естественной нормой каждой из своих составных частей, заработной платы, прибыли и ренты».

И вот Смит в 8-й, 9-й, 10-й и 11-й главах первой книги стремится определить естественную норму этих составных частей, заработной платы, ренты и прибыли и превращения этой нормы.

¹⁾ То-есть, пока условия производства остаются те же.

8-я глава трактует о заработной плате.

В начале главы о заработной плате Смит прежде всего развивает, оставляя точку зрения внешней связи, появляющейся в конкуренции, истинную природу прибавочной ценности и прибыль и ренту, как простые формы прибавочной ценности.

При исследовании заработной платы исходным пунктом, для определения естественной нормы, именно ценности самой рабочей силы, у него является необходимая заработная плата.

«Человек должен всегда иметь возможность жить своим трудом, и его заработная плата должна быть по меньшей мере достаточна, чтобы поддержать его существование. Она должна быть в большинстве случаев даже еще несколько выше, так как иначе ему было бы невозможно содержать семью, и род таких рабочих не мог бы просуществовать дольше одного поколения».

Это опять-таки оказывается лишенным значения, потому что Смит никогда не говорит себе, как вообще определяется ценность необходимых жизненных средств, то есть товара? И здесь Смит должен, так как он уклонился от своего главного взгляда, сказать: цена заработной платы определяется ценой жизненных средств, а цена жизненных средств ценой заработной платы. Предположивши однажды, что ценность заработной платы фиксирована, он снова точно описывает колебания последней, как они проявляются в конкуренции, и обстоятельства, вызывающие эти колебания. Это относится к экзотерической части и нас здесь не интересует ¹⁾. Он хочет развить ценность товара из ценности труда, как одной из составных частей ценности товара. И он развивает высоту заработной платы, с другой стороны, из того, что „заработные платы... не колеблются в ту и другую сторону вместе с ценами жизненных средств“ и что „заработные платы в различных местах должны обнаруживать большие различия, чем цены жизненных средств“. На самом деле глава не содержит ничего, относящегося к делу, исключая определения минимума заработной платы, иначе сказать, ценности рабочей силы. Здесь Смит снова инстинктивно примыкает к своему более глубокому воззрению, затем снова оставляет его, так что даже вышеупомянутое определение ничего не значит. Ибо чем хочет он определить ценность необходимых жизненных средств—следовательно, товара вообще? Отчасти естественной ценой труда. А чем определяется этот последний? Ценностью жизненных средств или товаров вообще. Переливание из пустого в порожнее. В остальном глава не содержит ни слова о деле, об естественной цене труда, а только исследования о повышении заработной платы над уровнем ее есте-

¹⁾ Именно он трактует (о влиянии) накопления капитала (на заработную плату), но не говорит нам, что определяет это накопление, так как оно может идти быстро вперед или, если норма заработной платы относительно низка и производительность труда велика: в этом случае повышение заработной платы всегда только следствие предшествовавшего продолжительного низкого уровня ее; или если норма прибыли (в манускрипте стоит накопления. К.) низка, но производительность труда велика. В первом случае он должен был бы с своей точки зрения выводить норму накопления (в манускрипте стоит: «заработной платы». К.) из нормы прибыли, то-есть, из нормы заработной платы, во втором случае из массы прибыли, что, однако, снова заставило бы исследовать ценность товара.

ственной нормы; именно, она повышается в том отношении, как накапливается капитал, как прогрессирует накопление капитала. Затем исследуются различные состояния общества, в которых это имеет место, и, наконец, Смит наносит удар определению ценности товара заработной платой—и заработной платы ценностью необходимых жизненных средств указанием, что в Англии это, повидимому, не имеет места.

Сюда входит немножко Мальтусовской теории населения, потому что заработная плата определяется количеством жизненных средств, которое требуется не только для жизни, но и для воспроизводства населения.

Именно после того, как А. Смит попытался доказать, что заработная плата в 18 столетии, специально в Англии, возросла, он ставит вопрос, „следует ли это рассматривать, как выгоду или невыгоду для общества“. При этом случае он снова возвращается мимоходом к своему более глубокому воззрению, по которому прибыль и рента составляют просто части в продукте рабочего. Рабочие, говорит он:

«составляют в большинстве случаев далеко преобладающую часть общества. Следовательно, можно ли когда-либо рассматривать, как невыгоду для целого, то, что улучшает судьбу преобладающей части этого целого? Общество, конечно, не может считаться счастливым и процветающим, если значительно преобладающая часть его членов бедна и беспомощна. Кроме того, простая справедливость требует, чтобы те, кто питает, одевает и снабжает жилищами всю нацию, имели в продукте своего собственного труда часть, но крайней мере, достаточную для того, чтобы самим прокормиться, одеться и приютиться».

При этом Смит затрагивает теорию народонаселения.

«Хотя бедность отпугивает от заключения браков, она все-таки не делает его невозможным. Она как будто даже поощряет продолжение рода... Бесплодность, столь частое явление у знатных дам, необыкновенно редка у женщин низших классов... Но если бедность не мешает рождению детей, то она все-таки очень затрудняет их воспитание. Нежное растение появилось на свет, но на такой холодной почве и в таком суровом климате, что оно скоро вянет и умирает... Каждый животный вид размножается естественным образом в соответствии с количеством имеющихся налицо жизненных средств, и никакой вид не может размножаться вне этих пределов. Но в цивилизованном обществе только в низших классах народа недостаток в жизненных средствах может ставить границы размножению человечества... Спрос на людей регулирует, следовательно, необходимым образом производство людей точно так же, как это имеет место для всякого другого товара, ускоряет его, если оно происходит слишком медленно, и замедляет, если оно идет вперед слишком быстро».

Связь минимума заработной платы с различными состояниями общества заключается в следующем:

«Заработные платы, уплачиваемые рабочим, занимающимся физическим трудом, и прислуге всякого рода, должны быть в общем достаточны для продолжения их рода в том размере, как этого требует растущий, падающий и остающийся одинаковым спрос общества».

Общества, то-есть капитала!

Он затем показывает, что раб „дороже“ свободного рабочего, потому что этот последний сам смотрит за своей изнашиваемостью (wear and tear), тогда как у первого за ней наблюдает „мало внимательный господин или нерадивый надсмотрщик“. „Фонд“, предназначенный на покрытие изнашивания, бережно потребляется свободным рабочим, тогда как у раба расточается от беспорядочного управления.

«Фонд, предназначенный, так сказать, для восстановления или возобновления изнашивающейся силы раба, обыкновенно находится в управлении мало внимательного господина или нерадивого надсмотрщика. Напротив, тот фонд, который служит для той же цели у свободного рабочего, управляется им самим. Беспорядок, господствующий обыкновенно в хозяйстве богатых, проявляется, конечно, и в управлении первым фондом. Строгая скромность и рассчетливая бережливость бедняка имеют силу, конечно, и для второго фонда».

В определение минимума заработной платы или естественной цены труда входит то, что эта цена у свободного наемного рабочего ниже, чем у раба. Это у Смита встречается.

«Труд свободного человека, в конце концов, стоит дешевле, чем труд раба... Если щедрая оплата труда есть следствие увеличения богатства, то она становится также причиной увеличения населения. Сожалеть об этом значит жаловаться на нечто, составляющее необходимое следствие и причину величайшего всеобщего благосостояния».

Смит говорит дальше в пользу высокой заработной платы:

«Она не только содействует увеличению населения, но и поощряет трудолюбие простого народа. Заработная плата есть поощрение к прилежанию, которое совершенствуется, как и всякое другое человеческое качество, в той мере, в какой оно поощряется. Щедрое питание укрепляет тело рабочего, а ободряющая надежда улучшить свое положение... побуждает его напрягать свои силы до крайности. Мы видим поэтому также, что всюду, где заработные платы высоки, рабочие деятельнее, неутомимее, ловче, чем там, где заработные платы стоят «низко».

Но высокая заработная плата поощряет рабочих также и к чрезмерному напряжению и преждевременному разрушению их рабочей силы.

«Рабочие, получающие высокую пошгучную плату, очень склонны подрывать себя чрезмерной работой и разрушить свое здоровье в немногие годы... Если бы хозяева всегда следовали предписаниям разума и ценности, то они чаще имели бы случай умерять рвение многих своих рабочих, чем подгонять его».

Дальше он говорит против того, что „несколько большее благосостояние могло бы сделать рабочих ленивыми“.

Он исследует затем, верно ли, что рабочие в урожайные годы ленивее, чем в неурожайные, и как вообще обстоит дело с отношением между заработной платой и ценой жизненных средств... Здесь снова получается непоследовательность.

«Денежная цена труда необходимым образом определяется двумя обстоятельствами: спросом на труд и ценой предметов питания и удовольствия. Денежная цена труда определяется, следовательно, денежной суммой, необходимой, чтобы купить это количество предметов питания и удовольствия».

Он исследует затем, почему—вследствие спроса на труд—заработная плата может повышаться в урожайные годы и понижаться в неурожайные, и показывает, что причины повышения в хорошие и понижения в плохие годы взаимно друг друга парализуют.

«Недостаток в дорогой год уменьшает спрос на труд и, таким образом, имеет тенденцию понизить его цену, в то время, как высокая цена жизненных средств стремится ее поднять. В дешевые годы, наоборот, излишек, увеличивающий спрос на труд, имеет тенденцию повысить цену труда; но дешевизна жизненных средств действует в направлении ее понижения. Эти обе взаимно противоположные причины кажутся—в процессе обыкновенных изменений цены жизненных средств—уравновешивающими друг друга; это, повидимому,

является отчасти причиной того, почему заработные платы повсюду колеблются гораздо меньше и дольше остаются одинаковыми, чем цены жизненных средств».

Наконец, после всех этих зигзагов Смит снова противопоставляет заработной плате, как источнику ценности товаров, свое первоначальное более глубокое воззрение, что ценность товаров определяется количеством труда. Если рабочий в хорошие годы или с ростом капитала получает больше товаров, то он и производит гораздо больше товаров, или отдельный товар содержит меньшее количество труда. Он может, следовательно, получить большее количество товара с меньшей ценностью последнего и таким образом, — что составляет логический вывод, — прибыль может возрасти, несмотря на повышение абсолютной заработной платы.

«Повышение заработной платы необходимым образом поднимает цену многих товаров благодаря увеличению той из ее составных частей, которая входит в заработную плату, и поскольку оно стремится к тому, чтобы ограничить потребление этих товаров внутри страны и за границей. Но та же причина, которая заставляет подниматься заработную плату, — увеличение капитала, — имеет тенденцию поднять и производительную силу труда так, что меньшее количество труда может доставить большее количество продукта. Это происходит благодаря разделению труда, применению машин, изобретений и т. д. «Вследствие всех этих улучшений, многие товары могут теперь производиться с применением гораздо меньшего количества труда, чем прежде, так что повышение цены труда больше, чем уравнивается уменьшением его количества».

Труд лучше оплачивается, но в каждом отдельном товаре содержится меньше труда, следовательно, меньше нужно платить за отдельный товар. Таким образом, Смит уничтожает или, лучше сказать, парализует, компенсирует свою ложную теорию, по которой заработная плата определяет ценность товара в качестве конституирующего элемента ценности, своей правильной теорией, по которой ценность товара определяется количеством содержащегося в нем труда.

9-я глава трактует о прибыли на капитал. Здесь, следовательно, должна быть определена естественная норма второго элемента, определяющего и конституирующего естественную цену или ценность товаров. То, что Смит говорит о причине падения нормы прибыли, подлежит рассмотрению позже.

Здесь Смит находится в большом затруднении. Он говорит, что уже определение средней заработной платы далеко от того, чтобы выражать собой „обычную заработную плату“, фактически выплачиваемую заработную плату. „Но даже и такой определенности редко удается достигнуть для прибыли на капитал“. Кроме счастья и несчастья предпринимателя, „эта прибыль зависит от каждого изменения в товарных ценах“, а между тем, мы как раз должны определять естественную цену этих товаров естественной нормой прибыли, как одного из конституирующих элементов „ценности“. Это трудно установить уже в отдельном предприятии для отдельного капиталиста.

«Еще труднее было бы определить среднюю прибыль во всех различных промышленных предприятиях, которые существуют в большом государстве».

Но о „средних прибылях на капиталы“ можно составить себе представление „по высоте денежного процента“.

«Можно установить принцип, что там, где при помощи денег можно получить большие прибыли, обыкновенно уплачивается много и за пользование деньгами, а где можно добиться только незначительных прибылей, там за пользование деньгами уплачиваются проценты меньшие».

Смит не говорит, что норма процента определяет норму прибыли. Он совершенно ясно говорит обратное. Но относительно нормы процента в различные эпохи и т. д. существуют ежегодные записи, которых нет для нормы прибыли. Нормы процента—это, следовательно, симптомы, по которым можно судить о приблизительном состоянии нормы прибыли. Но задача заключалась не в том, чтобы сравнить состояние различных данных норм прибыли, а в том, чтобы определить естественную высоту нормы прибыли. Смит спасается бегством в побочное исследование высоты процента в различные времена, что совершенно не относится к проблеме, которую он себе поставил. Он рассматривает различные эпохи в Англии, сравнивает ее затем с Шотландией, Францией, Голландией и находит, что „высокие заработные платы и высокие прибыли на капитал—это вещи, которые редко можно найти вместе, разве только в своеобразных отношениях новой колонии“.

Здесь А. Смит пытается уже приблизительно, как Рикардо, но до известной степени лучше, объяснить высокие прибыли.

«В течение известного времени новой колонии всегда приходится довольствоваться меньшим количеством капитала по отношению к своему пространству и меньшим количеством людей по отношению к своему капиталу, чем большей части других стран. Пригодной для возделывания имеется почвы под руками гораздо больше, чем может быть культивировано при помощи наличного капитала. Поэтому весь он обращается только на возделывание наиболее плодородных и наиболее благоприятно расположенных местностей, земельных участков близ морского берега и по берегам судоходных рек. Такая земля часто покупается по такой цене, которая стоит еще ниже ценности производимых ею без всякой обработки продуктов ¹⁾. Капитал, обращенный на покупку и улучшение таких участков земли, непременно должен приносить очень высокую прибыль и поэтому быть также и в состоянии платить очень высокие проценты. Его быстрое накопление в столь выгодной отрасли производства дает плантатору возможность увеличивать число своих рабочих быстрее, чем он может найти их в новом поселении. Он вынужден поэтому щедро оплачивать тех, кого он находит.

«По мере того, как колония растет, прибыли на капитал становятся меньше. Раз наиболее плодородные и наиболее благоприятно расположенные участки заняты, то, обрабатывая землю, находящуюся в менее благоприятных условиях в смысле плодородности или положения, можно получить только менее значительную прибыль и на примененный капитал может быть уплачен менее значительный процент. Поэтому... размер процента в большей части наших колоний в течение этого столетия значительно понизится».

Это есть одна из основ,—хотя и иначе построенная—объяснения Рикардо причин падения прибыли. В общем, Смит здесь объясняет все конкуренцией капиталов, с увеличением которых прибыль понижается и с уменьшением которых она повышается ²⁾, согласно чему затем и заработная плата обратно повышается или понижается.

¹⁾ В действительности она ничего не стоит.

²⁾ В манускрипте стоит: «В общем Смит здесь объясняет все из конкуренции капиталов, возрастающей с их accroissement и падающей с их падением». Это очевидно lapsus calami.

«Уменьшение запаса капитала, в обществе или фонда, предназначенного поддерживать процесс производства, с одной стороны, понижает заработную плату рабочих, но, с другой стороны, повышает прибыль на капитал, а потому и процент на капитал. Так как заработная плата падает, то владельцы капитала, который остается еще в обществе, могут доставить свои товары на рынок с меньшими издержками, чем раньше, и так как применяется меньше капитала, чтобы удовлетворить спрос рынка, то они могут продавать их дороже».

Смит говорит затем о возможно высоких и возможно низких нормах прибыли.

«Самая низкая норма обычной прибыли на капиталы должна всегда давать больше, чем необходимо для покрытия потерь, которым случайно подвержен каждый капитал. Только излишек над этим расходом образует чистую прибыль... Самой высшей обычной нормой прибыли может быть та, которая поглощает в цене большей части товаров все, что должно было прититься на долю земельной ренты, и оставляет лишь столько, сколько необходимо, чтобы оплатить труд по их производству и их перевозке на рынок по самой низкой норме заработной платы, которая где бы то ни было может быть уплачена, то-есть, столько, сколько как раз достаточно, чтобы поддержать существование рабочего».

Смит сам характеризует свои рассуждения об естественной норме прибыли.

«В Великобритании двойной размер процента считается тем, что торговые люди называют приличной, умеренной, разумной прибылью—определения, которые, по моему мнению, говорят не больше, как: принятая в стране, обычная прибыль».

И в самом деле, Смит не называет эту „принятую в стране прибыль“ ни умеренной, ни приличной, но дает ей имя „естественной нормы прибыли“, при чем совершенно не говорит нам, что это такое, или как она определяется, хотя мы при посредстве этой „естественной нормы прибыли“ и должны определять „естественную цену“ товара.

«В странах, богатство которых быстро возрастает, низкая норма прибыли может нейтрализовать высоту заработной платы в ценах различных товаров и поставить эти страны в возможность продавать так же дешево, как и их менее преуспевающие соседи, если даже у этих последних заработные платы ниже».

[Низкие] прибыли и [высокие] заработные платы не противостоят здесь, как взаимодействующие, а как одна и та же причина—быстрое увеличение или накопление капитала создает и те, и другие. И прибыль, и заработная плата входят в состав цены, конституируют ее. Поэтому если одна высока, в то время как другая низка, цена остается той же и т. д.

Смит понимает здесь прибыль исключительно как прибавку к цене, ибо он говорит дальше:

«Фактически высокие прибыли имеют гораздо больше тенденции поднимать цены, чем высокие заработные платы. Например, если бы заработная плата всех занятых в льняном производстве рабочих... ежедневно поднималась на 2 пенса, это подняло бы цену куска полотна лишь во столько раз больше двух пенсов, сколько рабочих было занято при его производстве, помноженное на число дней, в течение которых они над ним работали. Та часть цены товаров, которая выражается в заработной плате, повысилась бы в течение всех различных процессов производства благодаря повышению заработных плат только в арифметической пропорции. Но если бы прибыли всех различных предпринимателей, дающих занятие этим рабочим, возросли на 5 процентов, та часть цены товара, которая выражается в прибыли, возросла бы от одной

ступени производства к другой геометрической прогрессии с повысившейся нормой прибыли... Повышение заработной платы повышает товарные цены, как простые проценты повышают долг. Повышение прибылей действует, как сложные проценты.

В конце этой главы Смит говорит нам также, откуда у него весь этот взгляд, что цена товара—или его ценность—образуется ценностями заработной платы и прибылей—именно от *amis du commerce*, практических сынов конкуренции.

«Наши купцы и промышленные предприниматели очень жалуются на вредное действие высоких заработных плат, поднимающих цены и тем препятствующих сбыту товаров внутри страны из-за границы. Они не говорят ничего о вредном действии высоких прибылей. Они молчат о пагубном действии их собственных доходов. Они жалуются только на доходы других людей».

В 10-й главе Смит исследует заработные платы и прибыли в различных отраслях приложения труда и капитала. Это исследование касается только подробностей; следовательно, (относится к) главе о конкуренции, и это в своем роде—очень хорошо. Составлено совершенно экзотерически.

Он говорит там также о сомнительности успеха в либеральных профессиях, например, у юристов:

«Потеря правопедения распределяет свои дары не совсем справедливо. Профессия юристов, как и многие другие либеральные и почтенные профессии, с денежной стороны безусловно оплачивается слишком плохо».

Точно также говорит он о солдатах:

«Их» жалование меньше платы поденщика а трата их сил на действительной службе гораздо больше».

О матросах:

«Хотя их искусство и ловкость гораздо больше, чем искусство и ловкость большей части занятых физическим трудом, и хотя вся их жизнь представляет непрерывную цепь трудов и опасностей... их заработные платы не... выше заработных плат поденщиков в порту, который определяет заработную плату моряков».

Ироничееки:

«Было бы, без сомнения, непристойно сравнивать пастора или капеллана с поденщиком. Несмотря на это, можно с полным правом принять, что содержание пастора или капеллана той же природы, как и заработная плата поденщика».

О литераторах он определенно говорит, что они слишком дурно оплачиваются вследствие слишком большого их числа, и напоминает о том, что перед изобретением книгопечатания выражения „студент и нищий“ были тождественны, и, повидимому, он применяет это в известном смысле к литераторам.

Глава полна тонких наблюдений и важных замечаний.

«В одном и том же обществе или местности средние и обычные нормы прибыли в различных отраслях помещения капитала стоят на одинаковом уровне и сразу более, чем денежные оплаты различных видов труда...»

«Большее протяжение рынка, дающее возможность применения больших капиталов, уменьшает видимую прибыль; но так как оно требует подвоза с более далеких расстояний, то увеличивает издержки производства. Это умень-

шение, с одной стороны, и увеличение, с другой, в большинстве случаев, повидимому, уравнивают друг друга» (по отношению к таким товарам, как хлеб, мясо и т. д.).

«В небольших городах и деревнях, благодаря ограниченности рынка, предприятия не всегда могут расширяться в той мере, в какой растут капиталы. Норма прибыли известного лица может там подняться очень высоко, но сумма или масса прибылей, а потому также и размер их ежегодного накопления, никогда не будут велики. Напротив, в больших городах предприятия могут расширяться в той мере, в какой растет капитал, и кредит хозяйственного и удачливого человека растет гораздо быстрее, чем его капитал. Его предприятие увеличивается в соответствии с увеличением обоих».

Смит замечает весьма правильно о неверных статистических исчислениях заработной платы, например, в шестнадцатом, семнадцатом и т. д. столетиях, что заработные платы в этих случаях были только платами, например, для дворовых. Часть своего времени эти последние были заняты на своих cottages или работали на своего господина, который им давал „дом, маленький огород, столько дугу, сколько необходимо было, чтобы прокормить корову, и, может быть, один или два акра плохой пахотной земли“ и,—если он их употреблял на работу,—очень скудное вознаграждение.

«Излишек своего времени они охотно отдавали за незначительное вознаграждение и работали за меньшую плату, чем другие рабочие... Многие авторы, собиравшие сведения о ценах труда и жизненных средств в прежние времена, невидимому, рассматривали подневные и понедельные платы, как всю сумму доходов дворовых и с удовольствием указывали на удивительно низкий уровень этих плат».

Он совершенно справедливо замечает:

«Это уравнение (equality) в сумме невыгод и выгод различных видов применения труда и капитала может иметь место лишь в отраслях деятельности, составляющих единственное или главное занятие отдающихся им».

Впрочем, это было уже развито очень хорошо Стюартом, именно, по отношению к сельскохозяйственным заработным платам—как только время начинает цениться.

По отношению к накоплению городского капитала в течение средних веков Смит совершенно справедливо замечает в этой главе, что оно, главным образом, явилось следствием эксплуатации деревни как при посредстве торговли, так и при посредстве ремесла. Сюда присоединяются ростовщики, а затем уже haute finance, словом, торговцы деньгами

«Каждый класс (внутри цеховых городов) был, конечно, вынужден в силу этих (цеховых) установлений покупать несколько дороже, чем это было бы при иных условиях, те товары, которые ему приходилось добывать у других классов города. Но зато он имел возможность продавать на столько же дорожке свои собственные товары, и постольку это не являлось для них причиной какого бы то ни было различия. В сношениях между собой отдельных классов внутри города благодаря этим установлениям ни один ничего на терял. Но в сношениях с деревней они все выигрывали очень много; и в этих сношениях заключается вся торговля, содержащая и обогащающая каждый город.

«Каждый город получает все свои жизненные средства и все сырые материалы для своей промышленности от деревни. За это он платит главным образом двумя способами: во-первых тем, что отсылает назад в деревню часть этих сырых материалов в переработанном виде; в этом случае их цена возрастает на величину заработных плат рабочих и прибыли их мастеров или лиц, непосредственно занятых переработкой. Во-вторых, тем, что город посылает в деревню часть сырых материалов и фабрикатов, доставленных в город из-за границы или из отдаленных местностей страны, при чем в этом случае перво-

начальные цены этих товаров увеличиваются заработными платами возчиков или моряков и прибылями нанимающих их купцов. В выигрыше, который получается в первом из обоих родов торговли, заключается выгода, извлекаемая городом из промышленности; в выигрыше другого рода—выгода внутренней и внешней торговли. Заработные платы рабочих и прибыли их различных хозяев составляют общую сумму этого выигрыша от обоих родов торговли. Все установления, следовательно, стремящиеся к тому, чтобы поднять эти заработные платы и прибыли выше, чем они были бы при иных условиях, действуют в том направлении, чтобы дать городу возможность меньшим количеством труда покупать продукт большего количества труда деревни. Они дают купцам и ремесленникам города преимущество над землевладельцами, арендаторами и наемными рабочими деревни и уничтожают естественное равенство, которое господствовало бы без них в сношениях между городом и деревней. Весь ежегодный продукт труда распределяется ежегодно между этими двумя группами населения. Благодаря этим (городским) установлениям жители города получают большую долю в нем, чем они получили бы иначе, а на деревню приходится меньшая доля.

«Цена, которую город фактически платит за жизненные средства и сырые материалы, ежегодно ввозимые, состоит в известном количестве фабрикатов и других товаров, которые он ежегодно вывозит. Чем дороже продаются вторые, тем дешевле покупаются первые. Промышленная деятельность города становится все более, а промышленная деятельность деревни все м нее прибыльной».

Если А. Смит заявляет, что город покупает меньшим количеством труда продукт большего количества труда деревни, то этим он, следовательно, возвращается (назад) к правильному определению ценности, именно к определению ее количеством труда. Это следует привести в качестве примера к развиваемой им теории прибавочной ценности. Если цены товаров, которыми обмениваются город и деревня, таковы, что обмениваются одинаковые количества труда, то цены товаров равны их ценностям. Прибыль и заработная плата не могут, следовательно, определять эти ценности, а распределение этих ценностей определяет прибыль и заработную плату. Поэтому Смит также находит, что город, который обменивает меньшее количество труда на большее количество труда деревни, получает по отношению к деревне прибавочную прибыль и прибавочную заработную плату (Ueberlohn). Это не имело бы места, если бы город не продавал деревне своих товаров выше их ценности. Если прибыли и заработные платы стоят не „выше, чем они были бы при иных условиях“, если, следовательно, прибыли и заработные платы стоят на таком уровне, на каком они были бы (без искусственного вмешательства), то не они определяют ценность товара, а сами ею определяются. Прибыль и заработная плата могут тогда возникнуть только при посредстве распределения данной, предпосланной им ценности товара, но эта ценность не может вытекать из предпосланных ей самой прибыли и заработных плат.

А. Смит продолжает:

«Скученны на небольшом пространстве, жители города могут легко образовывать в своей среде союзы. Поэтому даже самые незначительные ремесла, имевшие место в городах, были организованы по цехам.

«Жители деревни, разбросанные по отдаленным друг от друга местам, не могут легко организоваться в союзы. Они не только никогда не образовывали цехов, но и цеховой дух никогда не господствовал среди них. Никогда не считалось нужным установить годы ученья для сельского хозяйства, этой крупной отрасли производства деревни».

В связи с этим Смит начинает говорить о невыгодах разделения труда. Крестьянин занимается более интеллигентным делом, чем рабочий мануфактуры, находящийся в зависимости от разделения труда.

Исполнение работ, которые при каждой перемене погоды и при бесчисленном количестве других случайностей неизбежно должны носить иной характер, требует гораздо больше находчивости и обдуманности, чем выполнение работ, всегда повторяющихся в одинаковой или почти одинаковой форме».

Разделение труда развивает общественную производительную силу труда или производительную силу общественного труда, но за счет общей производительной способности рабочего. И потому это повышение общественной производительной силы выступает также перед рабочим, как повышенная производительная сила не его труда, а господствующей над его трудом власти капитала. Если городской рабочий развивается сельского, то это только благодаря тому обстоятельству, что характер его труда заставляет его жить в обществе, тогда как характер труда сельского рабочего заставляет его жить в непосредственном соприкосновении с природой.

«Превосходство, которого всюду в Европе достигла городская промышленная жизнь над сельской, следует приписать не только цехам и их установлениям. Оно поддерживается еще многочисленными другими учреждениями. Высокие пошлины на заграничные фабрикаты и на все заграничные товары, ввозимые иностранными купцами, служат той же цели».

Эти „учреждения защищают их (города) от конкуренции со стороны заграницы“. Это является делом уже не городской буржуазии, а буржуазии, законодательствующей в национальном масштабе в качестве *corps de nation*, или же в качестве третьего сословия генеральных штатов или в качестве нижней палаты. Специфической особенностью городской буржуазии—направленной против деревни—являются акцизы и сборы у застав, вообще косвенные налоги, имеющие городское происхождение (смотри Hüllman'a), тогда как прямые—сельского происхождения. Могло бы казаться, что например, акциз, это—налог, который город накладывает косвенным образом на самого себя. Деревенский житель принужден его уплачивать авансом, но заставляет возвращать его себе в цене продукта. Однако, в средние века это не имело места. Спрое на его продукты—поскольку он вообще превращал их в товар и деньги—был насильственным образом ограничен в пределах городского округа, так что он не имел возможности повысить цену своего продукта на всю сумму городских налогов.

«В Великобритании, промышленная деятельность города раньше имела, новидимому, большее превосходство над промышленной деятельностью деревни, чем она имеет теперь. Заработные платы сельских рабочих стоят ближе к заработным платам промышленных рабочих, и прибыли вложенного в сельское хозяйство капитала больше приближаются к прибылям капиталов торговли и промышленности, чем это было в прошлом столетии (семнадцатом) или в начале настоящего (восемнадцатого). Эту перемену можно рассматривать как необходимое, но очень запоздалое следствие того чрезвычайного подъема, который испытала городская промышленность. Накопленный в городах капитал с течением времени становится столь значительным, что не может быть больше затрачиваем в свойственных им отраслях промышленности с прежней прибылью. Эти отрасли промышленности имеют свои границы, как и всякая другая область, а возрастание капиталов увеличивает конкуренцию в них и тем понижает при-

были. Понижение прибыли в городах гонит капитал в деревню, где он создает новый спрос на сельский труд и тем повышает заработную плату. Он распространяется затем, так сказать, во всей поверхности страны и находит применение в сельском хозяйстве. Таким образом, он возвращается в деревню, за счет которой он первоначально в большей части накопился в городах».

В 11-й главе 1-й книги Смит пытается определить естественную норму земельной ренты,—третьего элемента, образующего ценность товара. Мы оставляем это до тех пор, когда снова возвратимся к Рикардо. Из предыдущего выяснилось следующее: если А. Смит отождествляет естественную цену или цену производства товара с ценностью последнего, то это происходит после того, как он отказался предварительно от своего прежнего правильного взгляда на ценность и заменил его взглядом, подсказываемым внешними проявлениями конкуренции. В конкуренции проявляется цена производства, а не ценность, как регулятор рыночных цен, так сказать, как имманентная цена—как ценность товаров. Но эта цена производства сама проявляется в ней, как данная, при посредстве данной средней нормы заработной платы, прибыли и ренты.

Поэтому Смит пытается установить их самостоятельно, независимо от ценности товара и скорее как элементы естественной цены. Рикардо, главным делом которого является опровержение этого смитовского заблуждения, принимает необходимый у Смита, но у него логически невозможный результат—тождество ценностей и цен производства.

3. Представление Рикардо о прибавочной ценности.

а) Прибавочная ценность и прибыль.

Рикардо нигде не рассматривает прибавочную ценность отдельно и обособленно от ее особых форм—прибыли, процента и ренты. Поэтому его имеющие столь глубокую важность соображения относительно органического строения капитала, ограничиваются различиями в органическом строении,—перешедшими от А. Смита, собственно от физиократов,—как они вытекают из процесса обращения, различиями между основным и оборотным капиталами, при чем он нигде не касается или не знает различий в органическом строении внутри самого процесса производства. Отсюда его смешение ценности и цены производства, неверная теория ренты, неверные законы относительно причин повышения и понижения нормы прибыли и т. д.

В своих соображениях относительно прибыли и заработной платы Рикардо абстрагирует также от постоянной части капитала, не затраченной на заработную плату. Он рассматривает дело таким образом, как будто весь капитал был на нее затрачен. Значит, поскольку он рассматривает прибавочную ценность, а не прибыль, у него может быть речь о теории прибавочной ценности. Но, с другой стороны, он думает, что говорит о прибыли, как таковой, и в самом деле у него всюду проявляются в изобилии точки зрения, которые исходят из предпосылки прибыли, а не прибавочной ценности. Там, где он верно изла-

гает законы прибавочной ценности, он искажает их, выдавая их непосредственно за законы прибыли. С другой стороны, он хочет изложить законы прибыли непосредственно, без промежуточных звеньев, как законы прибавочной ценности.

Если мы говорим о его теории прибавочной ценности, то мы говорим, следовательно, о его теории прибыли, поскольку он смешивает последнюю с прибавочной ценностью, т.-е. рассматривает прибыль только по отношению к переменному капиталу, к части капитала, затраченной на заработную плату. То, что он говорит о прибыли в отличие от прибавочной ценности, мы изложим позже.

Природе вещей настолько соответствует то обстоятельство, что прибавочная ценность может быть рассматриваема только по отношению к переменному капиталу, к капиталу, затраченному непосредственно на заработную плату,—а без познания прибавочной ценности невозможна никакая теория прибыли,—что Рикардо рассматривает весь капитал, как переменный капитал, и абстрагирует от постоянного капитала, хотя последний случайно упоминается им в форме предварительных затрат (Vorschüssen).

В 26-й главе, о валовом и чистом доходе Рикардо говорит об:

«отраслях промышленности (trades), в которых прибыли стоят в отношении к капиталу, а не в отношении к количеству затраченного труда» (ук. соч., стр. 418; русский перевод Н. Рязанова, стр. 236).

Что значит все его учение о средней прибыли, как не то, что прибыль „стоит в отношении к капиталу, а не в отношении к количеству затраченного труда“? Если бы она стояла „в отношении к количеству затраченного труда“, то равные капиталы приносили бы очень неравные прибыли, так как их прибыль была бы равна прибавочной ценности, произведенной в их собственной отрасли производства; эта же прибавочная ценность зависит не от величины капитала вообще, а от величины переменного капитала, равной количеству приложенного труда. Итак, что же может обозначать приписывание исключительно особому применению капитала, особым отраслям производства, того, что в них прибыли стоят в отношении к количеству затраченного капитала, а не затраченного труда? При данной норме прибавочной ценности масса прибавочной ценности для определенного капитала должна всегда зависеть не от абсолютной величины капитала, а от количества затраченного труда. С другой стороны, если дана средняя норма прибыли, масса прибыли должна всегда зависеть от массы затраченного капитала, а не от количества затраченного труда. Рикардо говорит определенно о таких отраслях промышленности, как „транспортирование товаров морем, внешняя торговля с отдаленными странами и отрасли производства, где нужны дорогие машины“ (ук. соч., стр. 418; русск. пер., стр. 236). То-есть, он говорит об отраслях промышленности, применяющих сравнительно много постоянного и мало переменного капитала. Это вместе с тем отрасли промышленности, в которых, по сравнению с другими, общая масса вложенного капитала велика или которые могут вести дело только с большими капиталами. При данной норме прибыли масса прибыли вообще зависит от величины вложенных капиталов. Но это со

вершенно не выделяет тех отраслей промышленности, в которых применяются большие капиталы и много постоянного капитала (это всегда идет рядом), сравнительно с теми отраслями промышленности, в которых применяются небольшие капиталы, а является только применением положения, что равновеликие капиталы приносят равновеликие прибыли и что, следовательно, больший капитал приносит больше прибыли, чем меньший. Это не имеет ничего общего с „количеством затраченного труда“. Но, вообще, велика ли, или мала норма прибыли,—это зависит в действительности от общего количества труда, прилагаемого капиталом всего класса капиталистов, от относительного количества неоплаченного употребленного труда и, наконец; от отношения между капиталом, затраченным в труде, и капиталом, только воспроизведенным в качестве средств производства.

В 7-й главе Рикардо сам полемизирует против того взгляда, „что большие прибыли, которые иногда получают некоторыми купцами во внешней торговле, повышают вообще норму прибыли в стране“.

«...Утверждают, будто равенство прибылей будет достигнуто всеобщим повышением прибылей; я же того мнения, что прибыли отраслей промышленности, находящиеся в благоприятном положении, скоро понизятся до общего уровня» (ук. соч., стр. 132, 133; русский перевод Н. Рязанова, стр. 78).

Насколько справедлив его взгляд, что чрезвычайные прибыли, если они не вызваны повышением рыночной цены над ценностью, несмотря на уравнивание, не повышают всеобщей нормы прибыли; насколько, далее, справедлив его взгляд, что внешняя торговля и расширение рынка не могут повысить норму прибыли,—это мы увидим позже. Мы признаем справедливость его взгляда и, вообще, „равенство прибылей“; но как он может различать одни отрасли промышленности, „в которых прибыли“ стоят „в отношении к капиталу“, и другие, в которых они стоят „в отношении к затраченному труду“?

В той же 26-й главе, о „валовом и чистом доходе“, Рикардо говорит:

«Я допускаю, что вследствие существования ренты данный капитал в сельском хозяйстве на всякой почве, за исключением той, которая поступила в обработку позже всего, приводит в движение большее количество труда, чем капитал равной величины в торговле и промышленности» (ук. соч., стр. 419; русский перевод Н. Рязанова, стр. 236).

Все это положение—бессмыслица. Во-первых, ведь, на „почве, поступившей в обработку позже всего“, применяется согласно взгляду Рикардо—большее количество труда, чем на всех других участках земли. Отсюда возникает, по его мнению, рента на всех других участках. Каким же образом, следовательно, исключая „взятых в обработку последними“, данный капитал должен привести в движение больше труда, чем в торговле и промышленности? Что продукт лучших земель имеет рыночную ценность более высокую, чем ценность индивидуальную, обусловливаемую количеством труда, употребляемым культивирующим эти земли капиталом, это, ведь, неравнозначно тому, что этот капитал „приводит в движение большее количество труда, чем капитал равной величины в торговле и промышленности“? Но, конечно, было бы справедливо,

если бы Рикардо сказал, что, оставляя без внимания различие в плодородии земель, рента вообще происходит от того, что земледельческий капитал в отношении к постоянной части запитала приводит в движение большее количество труда, чем средний капитал в неземледельческих сферах производства.

Рикардо упускает из виду, что те или другие причины могут повышать или понижать прибыль, вообще влиять на нее, если прибавочная ценность дана. Так как он отождествляет прибавочную ценность с прибылью, то он последовательно хочет доказать, что повышение и понижение нормы прибыли обуславливается только теми обстоятельствами, которые заставляют норму прибавочной ценности повышаться или понижаться. Далее, он упускает из виду,—не говоря об обстоятельствах, влияющих на норму прибыли, но не на массу прибыли, которые при данной массе прибавочной ценности,—что норма прибыли зависит от массы прибавочной ценности, но никоим образом не от нормы прибавочной ценности. Масса прибавочной ценности зависит от органического строения капитала, если норма прибавочной ценности прибавочного труда дана, то-есть от количества рабочих, которое занимает капитал, данной ценности, например, в 100 фунт. стерл. Она зависит от нормы прибавочной ценности, если органическое строение капитала дано. Она, следовательно, определяется обоими факторами, количеством одновременно занятых рабочих и нормой прибавочного труда. Увеличивается капитал, увеличивается и масса прибавочной ценности, каково бы ни было его органическое строение, если только оно остается постоянным. Но это ничего не изменяет в том, что эта масса для капитала данной ценности, например, в 100 ф. ст., остается одинаковой. Если она в этом случае равняется 10 фунт. ст., то для 1.000 фунт. ст. она равняется 100 фунт. ст.; но отношение этим не изменяется.

В другом месте, в 12-й главе, о налоге на землю, Рикардо говорит:

«В одной и той же отрасли промышленности (employment) не могут существовать две различных нормы прибыли; если, следовательно, ценность продукта стоит в различном отношении к капиталу, различна будет земельная рента, а не прибыль» (стр. 212; русский перевод Н. Рязанова, стр. 120).

Это имеет силу только для обычной нормы прибыли „в одной и той же отрасли промышленности“. Иначе это стоит в прямом противоречии с вышецитированным местом из 2-й главы о ренте (ук. соч., стр. 60, 61).

В 12-й главе о налоге на землю, Рикардо, между прочим, делает следующее замечание, направленное против Сэя,—и отсюда видно, как англичанин всегда резко воспринимает экономические отличия, тогда как житель континента постоянно о них забывает:

«Господин Сэй думает, что «землевладелец своим прилежанием, бережливостью и ловкостью повышает свой ежегодный доход на 5000 франков», но землевладелец не имеет никакой возможности привести в действие свое прилежание, бережливость и ловкость, если он не будет своим собственным арендатором. И тогда он улучшает культуру почвы, как капиталист и арендатор, а не как землевладелец. Немыслимо, чтобы он мог повысить доход своего предприятия

в столь высокой степени только благодаря чрезвычайной ловкости ¹⁾, без увеличения прежде всего количества вложенного в предприятие капитала» (ук. соч., стр. 209; русск. перевод Н. Рязанова, стр. 118).

В 13-й главе, „Налоги на золото“, важной для его теории денег, Рикардо делает некоторые дополнения или дальнейшие определения, касающиеся рыночной цены и естественной цены. Они сводятся к тому, что уравнение обеих наступает быстрее или медленнее, смотря по тому, допускает ли особая отрасль промышленности быстрое или медленное увеличение или уменьшение предложения, а это, в свою очередь, аналогично быстрому или медленному притоку капитала к соответствующей отрасли промышленности или отвлечению от нее.

«Повышение товарных цен вследствие налогов или трудностей производства во всяком случае в конце концов наступит; но продолжительность промежутка времени, пока рыночная цена приспособится к естественной, зависит от природы товара и от легкости уменьшить его количество. Если бы количество обложенного налогом товара не могло быть уменьшено, если бы, например, капитал арендатора или шапочника не мог быть перемещен в другие отрасли промышленности, то ничего нельзя было бы поделать, если бы их прибыли благодаря налогу пали ниже общего уровня. Если бы спрос на их товары не повысился, то они никогда не были бы в состоянии поднять рыночную цену хлеба и шляп до их повысившейся естественной цены. Их заявления, что они ликвидируют свои предприятия и вложат свои капиталы в отрасли промышленности, находящиеся в более благоприятных условиях, рассматривались бы как пустые, невыполнимые угрозы; поэтому цены не повысились бы благодаря уменьшению производства. Но различна лишь скорость, с которой можно уменьшать количество различных товаров и перемещать капитал из менее прибыльных отраслей промышленности в более прибыльные. В той же мере, в какой может быть ограничено предложение известного товара без убытка для производителя, будет быстрее повышаться цена товара, после того, как увеличится трудность его производства благодаря новому налогу или иным путем» (ук. соч., стр. 214, 215; русский перевод Н. Рязанова, стр. 120, 121).

«Согласование рыночной цены и цены естественной для каждого товара зависит всегда от легкости, с которой может быть увеличено или уменьшено его предложение. По отношению к золоту, домам, труду, как и по отношению ко многим другим вещам, это при многих обстоятельствах может быть произведено не легко. Иначе обстоит дело с товарами, которые потребляются и вновь производятся каждый год, как шляпы, обувь, хлеб, платья. Их количество может быть, если это необходимо, уменьшено, и не требуется много времени, пока предложение их будет ограничено соответственно увеличению издержек производства» (ук. соч., стр. 220, 221; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 124, 125).

В той же 13-й главе, о налогах на золото, Рикардо говорит:

«Земельная рента есть не создание нового, а только передача существующего богатства» (ук. соч., стр. 221; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 125).

А есть ли прибыль создание богатства и не является ли она скорей передачей прибавочного труда от рабочего капиталисту? Точно также заработная плата не есть в действительности создание ценности; но она не является также никакой передачей. Она есть присвоение части продукта труда теми, которые произвели продукт.

В той же главе Рикардо говорит:

«Налог на сырые продукты, доставляемые земной поверхностью, будет обременять потребителя и никоим образом не будет касаться ренты; разве только таким образом, что он понижает заработную плату благодаря уменьшению фонда для содержания рабочих, уменьшает население и ограничивает спрос на хлеб» (ук. соч., стр. 231; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 125).

¹⁾ Следовательно, также благодаря просто «ловкости», которая является более или менее фразой.

Прав ли Рикардо в том, что „налог на продукты земной поверхности“ не падает ни на землевладельца, ни на арендатора, а ложится на потребителя,—нас здесь не интересует. Но я утверждаю, что если он прав, то такой налог может повысить ренту, тогда как по мнению Рикардо такой налог не влияет на ренту, за исключением лишь того, что он, благодаря вздорожанию жизненных средств и т. д., уменьшает капитал, население и спрос на хлеб. Рикардо же воображает, что вздорожание сырого продукта влияет на норму прибыли, лишь настолько, насколько оно удорожает жизненные средства рабочего. И это правильно, что вздорожание сырого продукта лишь таким путем может влиять на норму прибавочной ценности, и потому на самую прибавочную ценность, и тем, следовательно, на норму прибыли. Но при предположении прибавочной ценности, как данной, вздорожание сырого продукта земной поверхности повысило бы ценность постоянного капитала по отношению к переменному, увеличило бы отношение постоянного капитала к переменному и потому понизило бы норму прибыли, следовательно, повысило бы ренту. Рикардо исходит из того взгляда, что, поскольку вздорожание или удешевление сырого продукта не влияет на заработную плату, оно не влияет на прибыль; ибо рассуждает он (исключая одно место, к которому мы позже возвратимся), норма остается той же, падает ли или повышается ценность затраченного капитала. Если возрастает в ценности затраченный капитал, то возрастает, следовательно, в ценности и продукт, а равным образом и та часть продукта, которая образует прибавочный продукт, то-есть прибыль. Обратное происходит при падении в ценности затраченного капитала. Это справедливо только в том случае, если вследствие вздорожания сырого материала, налогов и т. д., переменный капитал и постоянный капитал изменяют свою ценность в равном отношении. В этом случае норма остается той же, потому что не произошло [никакого] изменения в органическом строении капитала. И даже тогда должно быть предположено,—что важно для временных изменений,—что заработная плата остается той же, независимо от того, повышается или падает сырой продукт, что заработная плата, следовательно, остается той-же, повышается или падает ее потребительная ценность при данной, неизменной ценности. Возможны следующие случаи:

Во-первых, два главных подразделения.

А. Вследствие изменения в способе производства изменяется отношение между массами затрачиваемого постоянного и переменного капитала. Здесь норма прибавочной ценности остается той же, если заработная плата предположена, как постоянная по ценности. Но сама прибавочная ценность подвергается изменениям, если изменяется число занятых одним и тем же капиталом—то-есть одним и тем же переменным капиталом—рабочих. Если вследствие изменения в способе производства постоянный капитал относительно падает, то прибавочная ценность, следовательно, норма прибыли, возрастает. При обратном процессе будет и обратный результат.

Здесь постоянно предполагается, что ценность *pro tanto*, например, на 100 постоянного и переменного капитала остается той же.

Здесь не представляется возможным, чтобы изменение в способе производства равномерно воздействовало на постоянный и переменный капитал; чтобы, следовательно, постоянный и переменный капитал должны были, например, — без изменения ценности — равномерно возрастать или падать. Ибо необходимость падения и повышения здесь постоянно связана с изменившейся производительностью труда. Различие, а не равномерное воздействие, производит изменение в способе производства; а это ничего общего не имеет с тем, большой или малый капитал затрачивается при предположении данного органического строения капитала.

В. Способ производства остается неизменным. Изменение в отношении постоянного и переменного капитала, при неизменных относительных массах их (так что каждый составляет, как и прежде, ту же количественную часть всего капитала), благодаря изменению в ценности товаров, входящих в постоянный или в переменный капитал. Здесь возможно следующее:

1. Ценность постоянного капитала остается той же; ценность переменного повышается — или падает. Это всегда влияло бы на прибавочную ценность и, благодаря этому, — на прибыль.

2. Ценность переменного капитала остается той же; ценность постоянного повышается или падает. Тогда норма прибыли в первом случае пала бы, во втором — повысилась. Если оба падают одновременно, но не в равном отношении, то всегда один по отношению к другому повышается или падает.

3. Ценность постоянного и переменного капитала равномерно изменяется, все равно, повышаются ли оба или падают. Если оба повышаются, норма прибыли падает, но не потому, что повышается постоянный капитал, а потому, что повышается переменный, и прибавочная ценность по отношению к нему падает, так как повышается только ценность переменного капитала, хотя он пускает в ход то же число рабочих, что и прежде, может быть, даже и меньше. Если оба падают, норма прибыли повышается, но не потому, что падает постоянный капитал, а потому, что падает в ценности переменный, следовательно, возрастает прибавочная ценность.

С. Изменение в способе производства и изменение в ценности элементов, образующих постоянный или переменный капитал. Здесь одно изменение может парализовать другое, если, например, масса постоянного капитала возрастает, тогда как его ценность падает; или если его масса уменьшается, а его ценность в том же отношении повышается. В этом случае может и не быть никакого изменения в органическом строении. Норма прибыли осталась бы неизменной. Но за исключением сельско-хозяйственного капитала никогда не может случиться, чтобы масса капитала уменьшилась по отношению к переменному капиталу, в то время как его ценность возрастает.

За исключением этого одного случая возможно, следовательно, только то, что ценность и масса постоянного капитала относительно в одно и то же время падают или повышаются по отношению к перемен-

ному капиталу; следовательно, его ценность абсолютно повышается или падает по отношению к переменному капиталу. Этот случай уже рассмотрен. Или же возможно, что они одновременно падают и повышаются, но не в равном отношении. Это согласно предпосылке всегда сводится к тому, что ценность постоянного капитала повышается или падает, по отношению к капиталу переменному. Это включает в себя еще другой случай. Ибо если повышается его масса, то уменьшается относительно масса переменного капитала и наоборот. Точно также с ценностью.

К случаю С следовало бы заметить следующее:

Допустим, что заработная плата повышается, но постоянный капитал падает в ценности, а не в массе. Если бы повышение и падение соответствовало одно другому на обоих концах, то норма прибыли могла остаться той же.

Возьмем например:

Постоянный капитал 60 ф. ст.	Переменный капитал 40 ф. ст.	Прибавочная ценность 20 ф. ст.	Ценность продукта 120 ф. ст.	Затраченный капитал 100 ф. ст.	Норма прибыли 20%
---------------------------------	---------------------------------	-----------------------------------	---------------------------------	-----------------------------------	----------------------

Если постоянный капитал падает при одновременном повышении переменного, могут получиться разнообразные комбинации:

Постоянный капитал 40	Переменный капитал 50	Прибавочная ценность 10	Ценность продукта 100	Затраченный капитал 90	Норма прибыли 11 $\frac{1}{3}$ %
--------------------------	--------------------------	----------------------------	--------------------------	---------------------------	-------------------------------------

Норма прибыли упала бы еще ниже на 20%.

Напротив, если:

Постоянный капитал 30	Переменный капитал 45	Прибавочная ценность 15	Ценность продукта 90	Затраченный капитал 75	Норма прибыли 20%
--------------------------	--------------------------	----------------------------	-------------------------	---------------------------	----------------------

В этом случае оба движения парализуются.

Возьмем дальше:

Постоянный капитал 20	Переменный капитал 45	Прибавочная ценность 15	Ценность продукта 80	Затраченный капитал 65	Норма прибыли 23 $\frac{1}{13}$ %
--------------------------	--------------------------	----------------------------	-------------------------	---------------------------	--------------------------------------

В этом случае даже при падении прибавочной ценности норма прибыли могла бы повыситься вследствие гораздо большего падения в ценности постоянного капитала. С тем же капиталом в 100 ф. ст. могло бы быть занято больше рабочих, несмотря на повысившуюся заработную плату и падение в норме прибавочной ценности. Несмотря на падение нормы прибавочной ценности, сама прибавочная ценность, а потому и прибыль возросла бы, потому что возросло бы число рабочих. Вышеприведенное отношение 20с—55v дает нам именно при затрате капитала в 100 ф. ст. следующее отношение:

Постоянный капитал 30 $\frac{10}{13}$	Переменный капитал 69 $\frac{3}{13}$	Прибавочная ценность 23 $\frac{1}{13}$	Ценность продукта 123 $\frac{1}{13}$	Затраченный капитал 100	Норма прибыли 23 $\frac{1}{13}$ %
--	---	---	---	----------------------------	--------------------------------------

Отношение нормы прибавочной ценности и числа рабочих становится здесь очень важным. Рикардо никогда на нем не останавливается.

Очевидно, то, что здесь рассматривалось, как изменение внутри органического строения одного капитала, может получить силу так же, как различие органического строения между различными капиталами, в различных сферах.

Во-первых: Вместо изменения в органическом строении одного капитала—различие в органическом строении различных капиталов.

Во-вторых: Изменение органического строения вследствие изменения ценности в двух частях одного капитала, равным образом различие в ценности употребленного сырого материала и машин для различных капиталов. Это не имеет силы для переменного капитала, так как предположена равная заработная плата в различных отраслях производства. Различие в ценности различных рабочих дней в различных отраслях производства не имеет ничего общего с этим. Если труд золотых дел мастера дороже труда поденщика, то и время прибавочного труда первого в таком же отношении дороже времени прибавочного труда последнего.

В 15-й главе, „Налоги на прибыли“, Рикардо говорит:

«Налоги на товары, рассматриваемые обыкновенно как предметы роскоши, падают лишь на тех, кто их употребляет.. Но налоги на необходимые жизненные средства падают на их потребителей не только в соответствии с количеством, какое они потребляют, но часто в гораздо большей мере. Налог на хлеб затрагивает промышленника, как мы заметили, не только соответственно тому, сколько он и его семья потребляют хлеба, но этот налог изменяет также норму прибыли на капитал и тем уменьшает доход капиталиста. Что повышает заработные платы, понижает прибыли на капитал; всякий налог на товары, потребляемые рабочими, имеет поэтому тенденцию понижать норму прибыли» (ук. соч., стр. 231; русск. перев. Н. Рязанова, стр. 130, 131).

Налоги на потребителя являются в то же время и налогами на производителя, поскольку объект налогов составляет предмет потребления не только индивидуального, но и промышленного. Но это имеет силу не только по отношению к тем жизненным средствам, которые потребляет рабочий. Это имеет силу по отношению ко всем материалам, которые служат для капиталиста предметом промышленного потребления. Всякий такой налог уменьшает норму прибыли, потому что повышает ценность постоянного капитала по отношению к переменному. Возьмем, например, налог на лен и на шерсть. Лен повышается в цене. Прядильщик льна, с капиталом в 100 ф. ст., не может вложить в лен ту же самую сумму. Так как способ производства остался тот же, то он нуждается в том же количестве рабочих, чтобы выпрясть то же количество льна. Но лен имеет большую ценность, чем раньше, по отношению к капиталу, вложенному в заработную плату. Следовательно, норма прибыли падает. Повышение цены на льняную пряжу ему при этом ничуть не помогает. Абсолютная высота этой цены вообще для него безразлична. Дело идет только о повышении цены над ценой затраченного капитала. А если бы он захотел повысить цену всего продукта не только на цену льна, но так, чтобы то же количество пряжи приносило ему ту же прибыль, что и раньше, то спрос, который падает уже вследствие повышения цены сырого материала пряжи, упал бы еще больше вследствие искусственного поднятия благодаря повышению прибыли. Несмотря на то, что

норма прибыли дана в среднем, эти надбавки в цене в таких случаях не удаются.

В той же главе Рикардо говорит:

«В предыдущей части этого произведения мы показали влияние на товарные цены разделения капитала на основной и оборотный или, лучше сказать, долговечный и преходящий. Мы показали, что два фабриканта, затрачивающие совершенно одинаковую сумму капитала, имеющие возможность извлекать из него совершенно одинаковую сумму прибыли, тем не менее будут продавать свои товары за совершенно различные денежные суммы, смотря по тому, быстро или медленно потребляются и воспроизводятся затрачиваемые ими капиталы. Пусть один из них продает свои товары, положим, за 4000 ф. ст., другой за 10000 ф. ст., и каждый пусть затрачивает капитал в 10000 ф. ст., и получает прибыли 20 процентов или 2000 ф. ст. Капитал одного пусть состоит, например, из 2000 ф. ст. оборотного капитала, который должен быть воспроизведен, и 800 ф. ст. основного, в строениях и машинах. Капитал второго пусть, напротив, состоит из 8000 ф. ст. оборотного и только 2000 заключающегося в машинах и строениях капитала. Если бы теперь каждый из обоих был обложен на 10 процентов дохода или на 200 ф. ст., то первый, чтобы его предприятие приносило ему обычную норму прибыли, должен поднять цену своих товаров с 10000 ф. ст. до 10200 ф. ст., второй точно также был бы вынужден повысить цену своих товаров с 4000 ф. ст. до 4200 ф. ст. Чо введения налога блага, которые продавал один из этих фабрикантов, были в $2\frac{1}{2}$ раза ценнее благ другого; после введения они будут только в 2,42 раза ценнее. Один род товаров поднимается в цене на 2 процента, другой на 5 процентов. Поэтому налог на доход изменит относительные цены и ценности товаров, если деньги остаются одинаковыми по ценности» (ук. соч., стр. 234, 235; русск. перев. Н. Рязанова, стр. 132, 133).

В этом последнем „и“—„цены и ценности“—заключается ошибка. Это изменение цен только доказало бы совершенно так же, как в случае различного распределения капитала на основной и оборотный, — только следующее: для того, чтобы удержалась средняя норма прибыли, определяемые, регулируемые прибылью цены или цены производства, должны быть очень отличны от ценностей товаров. И эта самая важная точка зрения совершенно отсутствует у Рикардо.

В той же главе он говорит далее:

«Если бы страна обходилась без налогов и деньги упали бы в ценности, то их чрезмерное изобилие на каждом рынке¹⁾ вызвало бы одинаковые последствия. Если бы мясо повысилось на 20 процентов, то повысились бы также на 20 процентов хлеб, пиво, обувь, труд и всякий другой товар. Это необходимо должно наступить, чтобы каждая отрасль производства достигала одинаковой нормы прибыли. Но это больше не имеет силы, как только один из этих товаров обложен налогами; если бы они все в этом случае пали соответственно понижению ценности денег, то благодаря этому прибыли стали бы неравными; для обложенных товаров прибыли поднялись бы выше общего уровня и капитал перемещался бы из одной отрасли производства в другую, пока не восстановилось бы равновесие прибылей, что могло бы наступить только после того, как изменились относительные цены» (ук. соч., стр. 237; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 134).

Таким образом, вообще равновесие нормы прибыли устанавливается тем, что относительные ценности, действительные ценности товаров изменяются и так уравниваются друг с другом, что товары соответствуют друг другу не по их действительным ценностям, а по ередней прибыли, которую они должны приносить.

¹⁾ Здесь у него смешное представление, что падение денег в ценности должно сопровождаться их чрезмерным изобилием на каждом рынке.

b) Количество труда и ценность труда.

Рикардо начинает первую же главу „о ценности“ заголовком 1-го отдела:

«Ценность товара или количество другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, необходимого для производства товара, а не от большего или меньшего вознаграждения, уплачиваемого за этот труд».

Соответственно манере, проникающей все его исследование, Рикардо начинает здесь свою книгу тем, что определение ценности товаров рабочим временем не противоречит заработной плате или различному вознаграждению (Kompensation) за это рабочее время или за это количество труда. Он а priori ополчается против смешения А. Смитом определения ценности товаров соответственным количеством труда, необходимым для их производства, и ценности труда (или вознаграждения труда).

Ясно, что пропорциональное количество труда, содержащееся в двух товарах А и В, абсолютно не затрагивается тем, много или мало из продукта своего труда получают рабочие, производящие А и В.

Ценность А и В определяется количеством труда, которое стоит их производство, но не издержками на труд для владельцев А и В. Количество труда и ценность труда — две различные вещи. Количество труда, которое соответственно содержится в А и В, не имеет ничего общего с тем, сколько содержится в А и В труда, оплаченного владельцами А и В, или даже ими самими потраченного. А и В обмениваются не в отношении содержащегося в них оплаченного труда, но в отношении содержащегося в них общего количества труда, оплаченного и неоплаченного.

«Хотя Адам Смит столь точно определил первоначальный источник Меновой ценности и хотя он в целях последовательности должен был держаться того взгляда, что все вещи являются более или менее ценными, соответственно тому, больше или меньше труда они стоят, он тем не менее выставил еще другое мерило ценности и считает вещи более или менее ценными, смотря по тому, на большее или меньшее количество этого мерил ценности эти обмениваются. Как будто бы это были два равнозначущих выражения и как будто бы человек, если производительность его труда удваивается и он поэтому может производить двойное количество товара, вследствие этого получает в обмен за это (именно за свой труд) двойной размер прежнего количества. Если бы это было справедливо, если бы вознаграждение рабочих стояло всегда в соответствии с величиной их продукта, тогда, конечно, количество труда, которое тратится на производство товара, и количество труда, которое может быть куплено этим товаром, были бы равны друг другу, и каждое из обоих с равной точностью измеряло бы изменения в ценности других вещей. Но они не равны» (ук. соч., стр. 5; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 7).

А. Смит нигде не утверждает, что „это два равнозначущих выражения“. Наоборот, он говорит: так как в капиталистическом производстве заработная плата рабочего не равняется больше его продукту, так как, следовательно, количество труда, которое стоит товар, и количество товара, которое может купить рабочий этим трудом, две различные вещи, то именно на этом основании относительное количество труда, держащееся в товарах, перестает определять их ценность, и она определяется скорее ценностью труда, количеством труда, которое я могу

купить, получить в свое распоряжение вместе с известным количеством товаров. Поэтому ценность труда становится мерилом ценностей, вместо относительного количества труда [которое необходимо для их производства]. Рикардо справедливо отвечает А. Смиту, что относительное количество труда, заключающееся в двух товарах, совершенно не изменяется от того, сколько из этого количества труда достается на долю самих рабочих, как вознаграждается этот труд; что, следовательно, если относительное количество труда было мерилом товарных ценностей до появления заработной платы (вознаграждения, отличного от ценности самого продукта), то совершенно нет никакого основания к тому, почему не должно оставаться им после появления заработной платы. Он справедливо отвечает, что А. Смит мог употреблять оба выражения, пока они были эквивалентны; но что это не является основанием употреблять неправильное выражение вместо правильного, как только они перестали быть эквивалентными.

Но Рикардо этим отнюдь не разрешил той проблемы, которая является внутренним основанием противоречия А. Смита. Ценность труда и количество труда остаются равнозначными „выражениями“, поскольку дело идет об овеществленном труде. Они перестают быть ими, как только овеществленный труд и живой труд обмениваются. Два товара обмениваются в отношении к труду, в них овеществленному. Равные количества овеществленного труда обмениваются друг на друга. Рабочее время есть мерило их ценности, но именно поэтому они являются „более или менее ценными; соответственно тому, обмениваются ли они на большее или меньшее количество этого мерила ценности“. Если в товаре А содержится один рабочий день, то товар А обменивается на любое количество товара, в котором также содержится один рабочий день, и он является „более или менее ценным“ в том отношении, в каком он обменивается на большее или меньшее количество овеществленного труда в других товарах, ибо это меновое отношение выражает заключающееся в самом этом товаре относительное количество труда, оно с ним тождественно.

Но ведь наемный труд есть товар. Он даже является базисом производства продуктов, как товаров. И для него не имеет силы закон ценностей. Следовательно, он вообще не господствует над капиталистическим производством. Здесь противоречие.

Это одна проблема для А. Смита. Вторая, которую мы находим позже у Мальтуса, в дальнейшем развитии [заключается в том факте, что] капитализирование товара *Verventung einer Ware, als Kapital*) совершается не в том отношении, в каком он содержит труд, а в каком он распоряжается чужим трудом, дает господство над большим количеством чужого труда, чем содержится в нем самом¹⁾. Это и есть фактически второй тайный мотив утверждать: с наступлением капиталистического производства ценность товаров определяется не трудом, который они содержат, а живым трудом, которым они распоряжаются, следовательно, ценностью труда.

¹⁾ Речь идет о переменном капитале. *Прим. переводч.*

Рикардо отвечает просто, что так уж обстоит дело в капиталистическом производстве. Он не только не разрешает проблемы. Он даже не чувствует ее у А. Смита. Соответственно всему плану его исследования для него достаточно показать, что изменяющаяся ценность труда — короче, заработная плата — не упраздняет определения ценности различных от самого труда товаров количеством относительно содержащегося в них труда. „Они не равны“, „именно“ количество труда, затрачиваемое на производство товара, и количество труда, которое может быть куплено этим товаром. Он удовлетворяется констатированием этого факта. Но чем отличается товар-труд от других товаров? Один — ж и в о й т р у д, другие — о в е щ е с т в л е н н ы й т р у д. Следовательно, это только две различные формы труда. Почему для одной закон имеет силу, а для другой — нет, если различие носит только формальный характер? Рикардо не отвечает на вопрос, он даже не ставит его.

Нисколько не помогает делу, когда он говорит:

„Разве ценность труда... не изменяется? На нее как и на все другие вещи ¹⁾ влияет не только отношение между спросом и предложением, всегда изменяющееся с изменением в состоянии общества, но также и изменение в ценах средств питания и других жизненных средств, на которые расходуется заработная плата“ (ук. соч., стр. 7; русск. пер. Рязанова, стр. 8).

Что цена труда изменяется подобно ценам других товаров соответственно со спросом и предложением, ничего не доказывает по взгляду самого Рикардо, раз дело идет о ценности труда, столь же мало, как это изменение цен соответственно спросу и предложению [доказывает что-либо] по отношению ценности других товаров. Но тот факт, что на „заработную плату“, являющуюся только другим выражением для обозначения ценности труда, влияет „изменение в ценах средств питания и других жизненных средств, на которые расходуется заработная плата“, столь же мало объясняет, почему ценность труда определяется (или кажется определяемой) иначе, чем ценность других товаров. Ибо и на эти товары влияет изменение в цене других товаров, которые входят в их производство, на которые они обмениваются. И р а с х о д о в а н и е заработной платы на средства питания и другие жизненные средства не означает ничего другого, как о б м е н ценности труда на питание и жизненные средства. Вопрос именно в том, почему труд и товары, на который он обменивается, обмениваются не по закону ценностей, но относительным количеством труда.

Вопрос, так поставленный, сам по себе неразрешим — раз предположен закон ценностей, и неразрешим потому, что труд, как таковой, противопоставляется товару, определенное количество непосредственного труда, как таковое, противопоставляется определенному количеству овеществленного труда.

Эта слабость развития мысли Рикардо, как мы увидим позже, способствовала разложению его школы и привела к нелепым гипотезам.

¹⁾ Должно быть товары.

Уэ к ф и л д (Wakefield) справедливо замечает:

«Если труд рассматривается как один товар, а капитал, продукт труда, как другой товар, то, если ценность этих двух товаров определяется равными количествами труда, данное количество труда при всех обстоятельствах будет обмениваться на то количество капитала, которое было произведено равновеликим количеством труда; прошлый труд... всегда обменивался бы на равное количество настоящего труда... Но ценность труда по отношению к другим товарам, по крайней мере, поскольку плата составляет часть продукта (as wages depend upon share), определяется не количеством содержащегося в ней труда, а отношением между спросом и предложением» (Уэ к ф и л д, Э. Г. Примечание к стр. 231 1-го тома его издания „Wealth of Nation“ А. Смита, Лондон; 1836 г.).

Это также один из коньков Б е л и (Bailey); см. ниже, а также и С э я, который очень радуется по поводу того, что здесь наконец-то спрос и предложение играют решающую роль.

Здесь нужно заметить еще следующее: третий отдел 1-й главы книги Рикардо носит следующее заглавие:

«Ценность товара определяется не только трудом, который непосредственно затрачен на него, но и трудом, затраченным на орудия, инструменты и строения, которые способствуют этому труду».

Следовательно, ценность товара равным образом определяется как количеством овещественного (прошлого) труда, так и количеством живого (настоящего) труда, требующегося для его производства. Другими словами: количество труда совершенно не находится в зависимости от формального различия, является ли труд овещественным или живым, прошлым или настоящим (непосредственным). Если это различие не имеет значения при определении ценностей товаров, то почему оно приобретает столь решающую важность, когда обменивается прошлый труд, капитал, на живой труд? Почему оно должно здесь упразднить закон ценности, тогда как различие, как таковое, по отношению к товару, не имеет значения для определения ценности? Рикардо не отвечает на этот вопрос, даже не ставит его.

с) Ценность рабочей силы и ценность труда.

Чтобы определить рыночную ценность (Markwert), Рикардо подобно физиократам, А. Смигу и т. д., должен прежде всего определить ценность рабочей силы или, как он выражается, следуя А. Смигу и его предшественникам, ценность труда. Как же определяется ценность или естественная цена труда? По мнению Рикардо, естественная цена есть не что иное, как денежное выражение ценности. 5-я глава, „О заработной плате“, начинается словами:

Как и все другие вещи, которые покупаются и продаются и количество которых может быть увеличено или уменьшено¹⁾, труд также имеет свою естественную и свою рыночную цену. Естественная цена труда это та цена, которая необходима, чтобы дать рабочим вообще возможность жить и размножаться, без приращений или сокращения²⁾.

1) То-есть, подобно всем другим товарам.

2) Это должно было означать: с той нормой приращения, которой требует средний прогресс производства.

«Возможность для рабочего прокормить себя и свою семью, которая необходима, чтобы поддерживать на одинаковой высоте число рабочих... зависит от цены пищи, других жизненных средств и предметов удовольствия, которые служат для поддержания существования рабочего и его семьи. Поднимаются цены необходимых жизненных средств, поднимается также естественная цена труда; падают первые, падает также и последняя» (ук. соч., стр. 86; русск. перевод Н. Рязанова, стр. 52).

«Не следует думать, что естественная цена труда, даже если она измеряется необходимыми жизненными средствами, абсолютно неподвижна и постоянна. Она изменяется в различное время в одной и той же стране и очень значительно в различных странах. Главным образом зависит она от обычаев и нравов народа (ук. соч., стр. 91; русск. перевод Н. Рязанова, стр. 54).

Следовательно, ценность труда определяется жизненными средствами, считающимися по традиции необходимыми в данном обществе для поддержания существования и продолжения рода рабочих.

Но почему? По какому закону определяется таким образом ценность труда?

У Рикардо в действительности и нет на это никакого ответа, кроме того, что закон спроса и предложения сводит среднюю цену труда на необходимые для поддержания существования рабочего, физически или социально необходимые в определенном обществе жизненные средства. Он определяет ценность здесь, в основе всей системы, спросом и предложением, как злорадно замечает Сэй (смотри перевод Констанцно).

Рикардо должен был бы говорить вместо труда о рабочей силе. Но этим самым он представил бы капитал, как вещественные условия труда, противостоящие рабочему в качестве силы, ставшей самостоятельной. И капитал тотчас представился бы, как определенное общественное отношение. Таким образом, Рикардо его различает только как „накопленный труд“, от „непосредственного труда“. И он представляется как нечто только вещественное, только элемент в процессе труда, из которого никогда не может быть развито отношение труда и капитала, заработной платы и прибыли.

«Капитал есть та часть богатства страны, которая употребляется в производстве и которая состоит из пищи, одежды, орудий, сырых материалов, машин и других вещей, необходимых для того, чтобы привести в действие труд» (ук. соч., стр. 89; русск. перевод Н. Рязанова, стр. 55).

„Меньше капитала, а это то же самое, что меньше труда“ (ук. соч., стр. 73; русск. пер., стр. 45).

„Труд и капитал, то-есть, накопленный труд“ (ук. соч., стр. 499; русск. пер., стр. 282).

Скачек, который здесь делает Рикардо, верно обнаружен Бэлл:

«Господин Рикардо довольно искусно избегает затруднения, которое на первый взгляд угрожает его учению, что ценность зависит от количества труда, употребленного в производстве. Если этот принцип провести последовательно, то придется прийти к заключению, что ценность труда зависит от количества труда, употребленного при его производстве, что, очевидно, нелепо. Поэтому при помощи ловкого изворота господин Рикардо заставляет ценность труда зависеть от количества труда, необходимого, чтобы произвести заработную плату, или, говоря его словами, ценность труда должна измеряться количеством труда, необходимым, чтобы произвести заработную плату, под чем он понимает количество труда, необходимое, чтобы произвести деньги или товары, которые получают рабочих. С таким же основанием можно было сказать, что ценность сукна измеряется не количеством труда, которое употреблено при его производстве,

а количеством труда, которое употреблено, чтобы произвести серебро, на которое обменивается сукно» (A critical Dissertation on the Nature, Measures and Causes of value etc. стр. 50, 51).

Это возражение буквально справедливо. Рикардо различает номинальную заработную плату и реальную заработную плату. Номинальная заработная плата это заработная плата, выраженная в деньгах, денежная заработная плата. Номинальная заработная плата это „число фунтов стерлингов, уплачиваемых рабочему в течение года“, а реальная заработная плата это „число рабочих дней, необходимое, чтобы произвести эти фунты стерлингов“ (ук. соч., стр. 152).

Так как заработная плата равна [ценности] необходимых жизненных средств рабочего, а ценность этой заработной платы (реальной заработной платы) равна ценности этих жизненных средств, то очевидно, что ценность этих жизненных средств равна реальной заработной плате, равна труду, которым она может распоряжаться. Если изменяется ценность жизненных средств, то изменяется и ценность реальной заработной платы. Допустим, что жизненные средства рабочего заключаются только в хлебе и необходимое для него количество жизненных средств будет 1 квартал в месяц. Таким образом, ценность его заработной платы [за месяц] равняется ценности одного квартала хлеба; если повышается или падает ценность квартала хлеба, то повышается или падает и ценность месячного труда. Но как бы ни повышалась или падала ценность квартала хлеба, сколько бы, много или мало, труда ни заключалось в квартале хлеба, он всегда равен ценности месяца труда. И здесь мы имеем скрытое основание, почему А. Смит говорит, что, как только выступает капитал, а следовательно, и наемный труд, ценность продукта регулируется не количеством употребленного на его изготовление труда, а количеством труда, которым он может распоряжаться. Определенная рабочим ценность хлеба (и многих жизненных средств) меняется; но до тех пор, пока уплачивается естественная цена труда, количество труда, которым распоряжается квартал хлеба, остается тем же. Следовательно, по сравнению с хлебом труд имеет постоянную относительную ценность. Поэтому у Смита труд и хлеб, [как представитель] пицци вообще (смотри Д. Юм), есть мерило ценности, ибо, пока уплачивается естественная цена труда, определенное количество хлеба распоряжается определенным количеством труда, каково бы ни было количество труда, употребленное на квартал хлеба. Одно и то же количество труда распоряжается всегда одной и той же потребительной ценностью, или, лучше сказать, одна и та же потребительная ценность распоряжается одним и тем же количеством труда. Так определяет сам Рикардо ценность труда, его естественную цену. Он говорит: квартал хлеба имеет очень различную ценность, хотя он всегда распоряжается одним и тем же количеством труда, или одно и то же количество труда распоряжается им. Да, говорит А. Смит, как бы ни изменялась определенная рабочим временем ценность квартала хлеба, при покупке его рабочий всегда должен платить (приносить в жертву) одно и то же количество труда. Следовательно, ценность хлеба меняется, а ценность труда остается неизменной, ибо месяц труда равняется кварталу хлеба. Да и ценность хлеба оказывается изменчивой

только тогда, когда мы рассматриваем труд, необходимый для его производства. Если мы, напротив, наблюдаем количество труда, на которое он обменивается, которое он приводит в движение, то его ценность не меняется. И поэтому именно то количество труда, на которое обменивается квартал хлеба, есть нормальное мерило ценности. Но ценности других товаров имеют такое отношение к труду, каково у них к хлебу. Данное количество хлеба распоряжается данным количеством труда. Данное количество всякого другого товара распоряжается известным количеством хлеба. Следовательно, всякий другой товар или, лучше сказать, ценность всякого другого товара выражается количеством труда, которым он распоряжается, так как это количество труда выражается количеством хлеба, которым он распоряжается, а количество хлеба—количеством труда, которое оно может получить в свое распоряжение.

Но как определяется отношение ценностей других товаров к хлебу (необходимым жизненным средствам)? Количеством труда, которым они распоряжаются. А как определяется количество труда, которым они распоряжаются? Количеством хлеба, которым распоряжается труд. Здесь Смит неизбежно попадает в *sergle vicieux*. Тем не менее, заметим мимоходом, он никогда не применяет этого мерила ценности в тех случаях, где действительно развивает свою мысль. Но если он и Рикардо говорят, что труд „есть основание ценности товаров“, тогда как „соответственное количество труда, необходимое для их производства“, составляет мерило, определяющее количество благ, которые должны быть даны в обмен друг на друга (Рикардо, ук. соч., стр. 80),—то Смит смешивает тут—как это часто делает и Рикардо,—труд, это имманентное мерило с внешним мерилом деньгами, что предполагает уже определение ценности. Когда А. Смит из факта обмена определенного количества труда на определенное количество потребительных ценностей, заключает, что это определенное количество труда является мерилом ценности, имеет всегда одну и ту же ценность, тогда как одно и то же количество потребительных ценностей может представлять очень различную меновую ценность—он допускает ошибку. Но Рикардо ошибается вдвойне; во-первых, не понимая проблемы, которая служит поводом для ошибки Смита; во-вторых, определяя, без всякого отношения к закону ценностей товаров и прибегая к помощи закона спроса и предложения, ценность труда не количеством труда, расходуемого на производство рабочей силы, а количеством труда, расходуемым на производство причитающейся рабочему заработной платы, т. е. на самом деле—говоря: ценность труда определяется ценностью уплачиваемого за него золота. Чем же определяется эта ценность? Чем определяется уплачиваемая масса золота? Количеством потребительных ценностей, которое распоряжается определенным количеством труда или которым распоряжается это количество труда; благодаря этому Рикардо в буквальном смысле слова впадает в ту же непоследовательность, которую он отрицает у А. Смита. Как мы видели, это мешает ему в то же время понять и специфическое различие товара и капитала, обмена между товаром и товаром, с одной стороны, капиталом и товаром, с другой—соответственно закону товарного обмена.

d) Прибавочная ценность.

Несмотря на смешение труда с рабочей силой, Рикардо верно определяет среднюю заработную плату или ценность труда. А именно, по его словам, она не определяется ни деньгами, ни жизненными средствами, которое получает рабочий, а рабочим временем, которого стоит его производство, количеством труда, овеществленным в жизненных средствах рабочего. Рикардо называет это реальной заработной платой (смотри ниже).

Это определение, впрочем, возникает у него неизбежно. Так как ценность труда определяется ценностью необходимых жизненных средств, в которых эта ценность должна быть выдана, а ценность жизненных средств, как и всех других товаров, определяется употребленным на них количеством труда, то отсюда само собой следует, что ценность труда равна ценности необходимых жизненных средств, равна употребленному на них количеству труда.

Как ни справедлива эта формула, если не говорить о прямом противопоставлении труда и капитала, она все же является неудовлетворительной. Отдельный рабочий может производить продукты, совершенно не входящие в его потребление; но если даже он производит необходимые жизненные средства, то, вследствие разделения труда, он производит только один род жизненных средств — например, хлеб в зерне — и придает ему только определенную форму, — например, хлеба в зерне, а не испеченного хлеба; если же он не производит непосредственно продуктов, которыми он живет, то в возмещение своей заработной платы он производит — воспроизводит, принимая во внимание непрерывность этого процесса — товар ценностью его жизненных средств или он производит ценность своих жизненных средств. А это — если рассмотреть его ежедневное среднее потребление — означает следующее: рабочее время, содержащееся в ежедневных жизненных средствах, составляет часть его рабочего дня. Он работает часть дня, чтобы воспроизвести ценность своих жизненных средств; произведенный во время этой части рабочего дня товар имеет ту же ценность или равняется рабочему времени, заключающемуся в ежедневных жизненных средствах рабочего. От ценности этих жизненных средств, — следовательно, от общественной производительности труда, а не производительности отдельной отрасли, в которой он работает, зависит, какая часть его рабочего дня посвящена воспроизводству или производству ценности, то-есть эквивалента его жизненных средств. Рикардо естественно предполагает, что рабочее время, содержащееся в ежедневных средствах, равняется ежедневному рабочему времени, в течение которого должен работать рабочий для воспроизводства ценности этих жизненных средств.

Но не указывая, что одна часть рабочего дня работника непосредственно определяется, как воспроизводство ценности его собственной рабочей силы, Рикардо вносит этим затруднение и затемняет ясное понимание данного взаимоотношения. Отсюда проистекает двойная путаница. Происхождение прибавочной ценности становится неясным, и поэтому последователи Рикардо ставят ему в упрек, что он не понял, не развил

природы прибавочной ценности. Отсюда отчасти и схоластические попытки этих последователей об'яснить ее. Но в то время, как происхождение и природа прибавочной ценности представляются им в очень неясном виде, прибавочный труд плюс необходимый труд, — словом, весь рабочий день — рассматривается ими, как величина постоянная, различия в величине прибавочной ценности упускаются из виду, производительность капитала, проявляемое им принуждение к прибавочному труду, с одной стороны, к абсолютному, а затем его внутреннее стремление сократить необходимое рабочее время остаются непонятными; стало быть, остается неразвитой и историческая роль капитала. А. Смит, напротив, дал уже правильную формулу. Насколько важно было свести ценность к труду, настолько же важно было свести прибавочную ценность к прибавочному труду, и к тому же в совершенно определенных выражениях.

Рикардо исходит из имеющегося налицо факта капиталистического производства. Ценность труда меньше ценности создаваемого им продукта. Ценность продукта поэтому больше ценности производящего его труда или ценности заработной платы. Излишек ценности продукта по отношению к ценности заработной платы равняется прибавочной ценности. Рикардо употребляет неверное выражение „прибыль“, но, как было уже замечено раньше, отождествляет здесь прибыль с прибавочной ценностью и говорит на самом деле о последней. Для него является фактом, что ценность продукта больше ценности заработной платы. Как возникает этот факт, — это остается неясным. Весь рабочий день больше той части рабочего дня, которая необходима для производства заработной платы. Почему? На это ответа не дается. Величина всего рабочего дня поэтому неправильно предпологается постоянной, из чего следуют прямо неверные выводы. Увеличение или уменьшение прибавочной ценности может быть поэтому об'яснено только из возрастающей или убывающей производительности общественного труда, производящего жизненные средства. То-есть, понимается только относительная прибавочная ценность.

Ясно, что если бы для производства жизненных средств рабочего, то-есть товара, равного ценности его собственных жизненных средств, рабочему нужно было бы работать весь свой день, то никакая прибавочная ценность не была бы возможной, а следовательно, не было бы возможно никакое капиталистическое производство и никакой наемный труд. Для того, чтобы существовал этот последний, производительность общественного труда должна быть достаточно развитой для того, чтобы существовал какой-либо излишек всего рабочего дня в целом над рабочим временем, необходимым для воспроизводства заработной платы, чтобы существовал прибавочный труд какой бы то ни было величины. Но в такой же степени ясно и то, что если при данном рабочем времени, при данной величине рабочего дня, производительность труда может быть очень различной, то, с другой стороны, при данной производительности труда может быть очень различным и рабочее время, величина рабочего дня. Далее ясно, что если для существования прибавочного труда необходимо предположение известного развития производительности труда, то одна возможность этого прибавочного труда, —

т.-е. наличность указанного необходимого минимума производительности труда,—еще не создает действительности труда, еще не создает действительного существования прибавочного труда. Рабочий должен быть сначала вынужден работать свыше указанного предела, и это вынужденно производит капитал. Этого нет у Рикардо; отсюда и вся борьба за определение нормального рабочего дня.

На низшей ступени развития общественной производительной силы труда, на которой прибавочный труд относительно мал, класс живущих чужим трудом будет вообще мал сравнительно с числом рабочих. По мере того, как развивается производительность, а следовательно, относительная прибавочная ценность, он может пропорционально возрасти в очень значительной степени.

Установлено далее, что ценность труда в различные эпохи в одной и той же стране, и в одну и ту же эпоху в различных странах очень изменяется. Тем не менее родиной капиталистического производства являются средние зоны. Общественная производительная сила труда может быть очень не развита и все-таки как раз в производстве жизненных средств это может компенсироваться, с одной стороны, плодородностью естественных факторов, как, например, почвы, с другой стороны, низким уровнем потребностей у жителей, вследствие климата и т. д.;—оба эти условия, например, наблюдаются в Индии. В суровых условиях благодаря еще не развитым социальным потребностям, минимум заработной платы, количественно, по размеру потребительных ценностей, может быть очень мал и тем не менее может стоить много труда. Но если бы необходимый для его производства труд был даже только средней величины, то произведенная прибавочная ценность, хотя бы она стояла очень высоко по отношению к заработной плате, к необходимому рабочему времени, т. е. даже при высокой норме прибавочной ценности, будучи выражена в потребительных ценностях, была бы соответственно столь же жалка, как сама заработная плата.

Пусть необходимое рабочее время=10, прибавочный труд=2; весь рабочий день=12 часам. Если бы необходимое рабочее время=12, прибавочный труд= $2\frac{2}{5}$ и весь рабочий день= $14\frac{2}{5}$ часам, то произведенные товары были бы очень различны. В первом случае товары=12 часам, во втором= $14\frac{2}{5}$ часам. Точно также и абсолютные величины прибавочных ценностей. В одном случае прибав. ценность=2 часам, в другом= $2\frac{2}{5}$. Тем не менее норма прибавочной ценности или прибавочного труда была бы та же, потому что $2:10=2\frac{2}{5}:12$. Но если бы во втором случае вложенный переменный капитал был больше, то была бы больше и присваиваемая им прибавочная ценность или прибавочный труд. Если бы в последнем случае прибавочный труд поднялся вместо $\frac{2}{5}$ на $\frac{5}{5}$ часа, так что он равнялся бы 3 часам, а весь рабочий день равнялся бы 15 часам, то норма прибавочной ценности повысилась бы, несмотря на то, что необходимое рабочее время или минимум заработной платы возрос бы, потому что $2:10=1\frac{1}{5}$, а $3:12=1\frac{1}{4}$. То и другое могло бы произойти, если бы, вследствие вздорожания хлеба и т. д., минимум заработной платы увеличился с 10 до 12 часов. Даже в этом случае норма прибавочной ценности не только

могла бы остаться той же, но могли бы возрасти масса и норма прибавочной ценности.

Но если предположить, что необходимая заработная плата—как и прежде $=10$, прибавочный труд $=2$, то все другие отношения остались бы теми же, следовательно, здесь совершенно не было бы принято во внимание уменьшение издержек производства для постоянного капитала. Пусть теперь рабочий работает на $2\frac{2}{5}$ часа больше, при чем 2 часа он присваивает себе, а $\frac{2}{5}$ часа составляют прибавочный труд. Заработная плата и прибавочная ценность возрастут в этом случае равномерно, но первая будет представлять больше, чем необходимую заработную плату или необходимое рабочее время.

Если взять данную величину и делить ее на две части, то ясно, что одна часть может увеличиваться лишь постольку, поскольку уменьшается другая и *vice versa*. Но при возрастающих величинах (переменных—*Fluctionen*) это отнюдь не имеет места. А рабочий день, пока не завоеван нормальный рабочий день, представляет из себя такую же возрастающую величину. В таких величинах могут расти обе части, безразлично равномерно или не равномерно. Возрастание одной не обуславливается уменьшением другой и *vice versa*. Это и есть единственный случай, когда заработная плата и прибавочная ценность могут возрастать одновременно и при том возрастать даже равномерно по своей меновой ценности. По потребительной ценности—это разумеется само собой, она может увеличиваться, хотя ценность труда, например, уменьшается. В период с 1797-го по 1815-й год, когда в Англии значительно возросла цена на хлеб, и номинальная заработная плата, число ежедневных рабочих часов в главных отраслях промышленности, в свою очередь находившихся в фазисе безусловного развития, очень увеличились, и я думаю, что это остановило падение нормы прибыли, потому что остановило падение нормы прибавочной ценности. Но в этом случае при всех обстоятельствах удлиняется нормальный рабочий день и соответственно этому сокращается нормальная продолжительность жизни рабочего, следовательно, нормальная продолжительность существования его рабочей силы. Это последнее имеет место в том случае, если такое удлинение становится постоянным. Если же удлинение носит только временный характер, если оно рассчитано лишь на то, чтобы уравновесить временное вздорожание заработной платы, то оно может, за исключением [труда] детей и женщин, не иметь другого следствия, кроме того, что оно препятствует понижению нормы прибыли в предприятиях, где удлинение рабочего времени возможно по их характеру. Меньше всего это имеет место в земледелии.

Рикардо этого совершенно не принял во внимание, так как он не исследует ни происхождения прибавочной ценности, ни абсолютной прибавочной ценности, и поэтому он рассматривает рабочий день, как данную величину. Для этого случая, следовательно, тот его закон, что прибавочная ценность—он употребляет неверное выражение „прибыль“—и заработная плата могут повышаться или падать только в обратном отношении—с точки зрения меновой ценности неверен.

Возьмем два случая: в одном необходимое рабочее время пусть равняется 10 часам, прибавочный труд 2-м; рабочий день 12 часам, прибавочная ценность 2 часам; норма прибавочной ценности— $\frac{1}{5}$. Во втором случае необходимый труд пусть будет тот же; прибавочный труд пусть возрастет с 2-х до 4-х часов. Следовательно, мы имеем рабочий день в 14 часов; прибавочная ценность равна 4 часам; норма прибавочной ценности $\frac{2}{5}$.

В обоих случаях необходимое рабочее время одно и то же, но прибавочная ценность в одном случае вдвое больше, чем в другом, и рабочий день на одну шестую больше, чем в первом. Далее, произведенные ценности, соответственно количествам труда, были бы очень различны, хотя заработная плата была бы той же; в первом случае они=12 часам, в другом=14. Следовательно, неверно, что, при предположении одной и той же заработной платы (по ценности, по необходимому рабочему времени), содержащаяся в двух товарах прибавочная ценность относится, как содержащиеся в них количества труда. Это верно только в том случае, если нормальный рабочий день один и тот же.

Допустим далее, что, вследствие повышения производительной силы труда, необходимая заработная плата падает с 10-ти до 9-ти часов, хотя, будучи выраженной в потребительных ценностях, она остается постоянной, и точно также падает с 2-х до $1\frac{4}{5}$ часов и прибавочное рабочее время. В этом случае $10:9 = \frac{10}{5}:\frac{9}{5}$. Следовательно, прибавочное рабочее время упало бы в том же отношении, как и необходимое. Норма прибавочной ценности в обоих случаях оставалась бы той же, потому что $\frac{10}{5}:\frac{10}{5} = \frac{9}{5}:\frac{9}{5}$. Количество потребительных ценностей, которое могло быть куплено прибавочной ценностью, согласно предположению также оставалось бы тем же, но это имело бы силу только по отношению к тем потребительным ценностям, которые являются необходимыми жизненными средствами. Рабочий день упал бы с 12 до $10\frac{1}{5}$ часа. Масса ценностей, производимых во втором случае, была бы меньше, чем в первом. И несмотря на эти неравные количества труда, норма прибавочной ценности осталась бы в обоих случаях той же.

При рассмотрении прибавочной ценности мы различаем: прибавочную ценность и норму прибавочной ценности. Рассматриваемая для одного дня, прибавочная ценность равна абсолютному количеству часов, которое она представляет, 2-м, 3-м и т. д. Норма равна отношению этого числа часов к числу часов, из которого состоит необходимое рабочее время. Это различие уже весьма важно, потому что оно показывает различную длину рабочего дня. Если прибавочная ценность=2 часам, то она= $\frac{1}{5}$, если необходимое рабочее время=10, и= $\frac{1}{6}$, если необходимое рабочее время=12. В одном случае рабочий день=12 часам; в другом=14. В первом случае норма прибавочной ценности больше, хотя при этом рабочий работает в течение дня меньшее число часов. Во втором случае норма прибавочной ценности меньше, ценность рабочей силы больше и вместе с тем рабочий работает в течение дня большее число часов. Здесь мы видим, как при неизменной

прибавочной ценности, но при неодинаковом рабочем дне, норма прибавочной ценности может быть различной. В прежнем случае ($10:10/5$ и $9:9/5$) мы видим, как при неизменной норме прибавочной ценности, но при неодинаковом рабочем дне, сама прибавочная ценность может быть различна: в одном случае 2, в другом $1\frac{4}{5}$.

Я показал раньше, что раз дана длина рабочего дня, а также необходимое рабочее время, а следовательно, и норма прибавочной ценности, то масса прибавочной ценности зависит от числа одновременно употребляемых одним и тем же капиталом рабочих. Это было тавтологическое положение. Ибо если один рабочий день дает мне 2 часа прибавочного труда, то 12 рабочих дней дают мне 24 таких часа или 2 дня прибавочного труда. Это положение становится, однако, очень важным при определении прибыли, которая равна отношению прибавочной ценности к затраченному капиталу и, стало-быть, зависит от абсолютной величины прибавочной ценности. Это становится важным потому, что капиталы одинаковой величины, но различного органического строения употребляют неравное число рабочих, что они должны, поэтому, производить неравные прибавочные ценности и, следовательно, неравную прибыль. При падающей норме прибавочной ценности прибыль может возрастать, а при повышающейся норме прибавочной ценности прибыль может падать или может оставаться неизменной, если повышение или падение в норме прибавочной ценности компенсируются обратным движением в числе употребляемых рабочих. Здесь мы видим а priori, до какой степени неосновательно отождествлять законы повышения и падения прибавочной ценности с законами повышения и падения прибыли. Если рассматривать только простой закон прибавочной ценности, то положение, что при данной норме прибавочной ценности и при данном рабочем дне абсолютная масса прибавочной ценности зависит от массы затраченного капитала, кажется тавтологическим. Ибо возрастание этой массы капитала и возрастание числа одновременно употребляемых рабочих, согласно предположению, тождественны или являются лишь выражениями одного и того же фактора. Но если перейти к рассмотрению прибыли, где масса затраченного капитала в целом и масса употребляемого числа рабочих очень различны для капиталов одинаковой величины, то важность закона становится понятной.

Рикардо исходит из рассмотрения товаров данной ценности, то-есть товаров, представляющих некоторое данное количество труда. И при таком исходном пункте абсолютная прибавочная ценность и относительная прибавочная ценность кажутся всегда совпадающими. Это, во всяком случае, вскрывает односторонний характер способа исследования Рикардо и соответствует всему его методу—исходить от ценности товаров, как определенной данным в них рабочим временем, и затем исследовать, насколько на нее влияют заработная плата, прибыль и т. п. Между тем, это видимое совпадение не соответствует действительности, так как дело идет не о товаре, а о капиталистическом производстве, о товарах, как продуктах капитала.

Пусть данный капитал употребляет определенное количество рабочих, например, 20, и пусть заработная плата равняется 20 ф. ст.

Для упрощения, предположим, основной капитал=0, то-есть устраним его из расчета. Допустим, что эти 20 рабочих превращают в пряжу 1600 фунтов хлопчатой бумаги, если они работают ежедневно по 12 часов. Если фунт хлопчатой бумаги стоит 1 шиллинг, то 20 фунтов стоят 1 ф. ст., а 1600 фунтов—80 ф. ст. Если 20 рабочих в 12 часов превращают в пряжу 1600 фунтов хлопчатой бумаги, то в 1 час они превращают в пряжу $\frac{1600}{12}$ фунтов= $133\frac{1}{3}$ фунта. Следовательно, если необходимое рабочее время=10 часам, то прибавочное рабочее время=2 часам, а эти 2 часа= $266\frac{2}{3}$ фунтов пряжи. Ценность 1600 фунтов пряжи была бы=104 ф. ст. Ибо если 10 рабочих часов производят ценность в 20 ф. ст., то 1 рабочий час—2 ф. ст., следовательно, 12 рабочих часов—24 ф. ст. К этому присоединяется еще 80 ф. ст. сырого материала.

Но если допустить, что рабочие работают 4 часа прибавочного рабочего времени, то продукт этих 4-х часов равняется 8 ф. ст. Весь продукт имеет ценность в $121\frac{1}{3}$ ф. ст.¹⁾ И эти $121\frac{1}{3}$ ф. ст. равны $1866\frac{2}{3}$ фунта. Как и прежде, 1 фунт пряжи имел бы ту же ценность [1 $\frac{3}{10}$ шиллинга], так как условия производства остались теми же; он содержал бы столько же рабочего времени. Точно также, согласно предположению, оставалась бы постоянной и необходимая заработная плата, то-есть ее ценность, содержащееся в ней рабочее время.

Тем не менее, отношение ценности и прибавочной ценности в каждом фунте пряжи при предположенных обстоятельствах было бы очень различно. В первом случае, так как необходимый труд=20 ф. ст., прибавочный труд=4 ф. ст., или первый=10 часам, второй=2 часам, отношение прибавочного труда к необходимому=2:10. В этом случае в $\frac{3}{10}$ шиллинга [вновь прибавленного труда в одном фунте пряжи заключается, следовательно] $\frac{1}{5}$ неоплаченного труда= $\frac{3}{50}$ шиллинга. Напротив, во втором случае необходимый труд равняется 20 ф. ст., прибавочный труд=8 ф. ст. Прибавочный труд относился бы к необходимому, как 8:20. Следовательно, в $\frac{3}{10}$ шиллинга [вновь прибавленного труда] в фунте пряжи заключалось бы $\frac{2}{5}$ неоплаченного труда, т.-е., $\frac{6}{50}$ шиллинга. Прибавочная ценность в фунте пряжи, хотя он имеет в обоих случаях одну и ту же ценность и в обоих случаях уплачивается одна и та же заработная плата, в одном случае вдвое больше, чем в другом.

У Рикардо мы находим, следовательно, только выводы из того, что я назвал относительной прибавочной ценностью. Он исходит, как это обнаруживается и у Смита и его предшественников, из того предположения, что величина рабочего дня является данной. Смит разве только упоминает о различиях в величине рабочего дня в различных отраслях труда, которые уничтожаются или уравниваются относительно большей интенсивностью труда, трудностью, отвратительностью последнего и т. д. В пределах этих предпосылок Рикардо развивает относительную

¹⁾ В манускрипте стоит 108 ф. ст. Это неверно. Превращаться в пряжу будет уже не 1600, а $1866\frac{2}{3}$ фунта, ценностью в $93\frac{1}{3}$ ф. ст. Присоединивши сюда 8 ф. ст. новой ценности, получим $121\frac{1}{3}$ ф. ст. К.

прибавочную ценность в общем правильно. Прежде чем представить главные пункты этого развития, приведем еще несколько цитат для выяснения понимания Рикардо.

«Труд миллиона людей в промышленности постоянно будет производить одну и ту же ценность, но не всегда одно и то же богатство» (Ук. соч., стр. 321).

То-есть, продукт их ежедневного труда будет постоянно продуктом миллиона рабочих дней, будет постоянно содержать одно и то же рабочее время, что неверно и было бы справедливо только в том случае, если всюду был бы установлен один и тот же нормальный рабочий день, при чем во внимание были бы приняты различные трудности и т. д. различных отраслей труда.

Но даже и тогда это положение в той общей форме, в какой оно здесь высказано, неверно. Предположим, что нормальный рабочий день будет=12 часам. Пусть годичный продукт одного человека будет в деньгах=50 ф. ст. и ценность денег пусть остается неизменной. В этом случае продукт миллиона людей постоянно будет равняться 50 миллионам ф. ст., ежегодно. Если предположить, что необходимый труд=6 часам, то затрачиваемый для этого миллиона людей переменный капитал ежегодно=25 миллионам ф. ст. Прибавочная ценность также равняется 25 миллионам ф. ст. Продукт всегда был бы=50 миллионам, получают ли рабочие 25 или 30 или 40 миллионов. Только в первом случае прибавочная ценность была бы=25 миллионам, во втором=20 миллионам и в третьем=10 миллионам. Если бы затраченный капитал состоял только из переменного капитала, то-есть, только из капитала, затраченного на заработную плату этого миллиона людей, то Рикардо был бы прав. [Но] он прав только в одном случае, когда капитал в целом равен переменному капиталу; это предпосылка, проходящая красною нитью у него, как и у А. Смита, поскольку он говорит о капитале всего общества, и не существующая в капиталистическом производстве в отдельной его отрасли; для всего общественного производства она верна еще менее.

Та часть постоянного капитала, которая входит в процесс труда, не входя в процесс образования ценности, не входит в продукт, в ценность продукта, и поэтому здесь, где речь идет о ценности ежегодного продукта, она нас несколько не касается, как бы ни было важно принятие во внимание этой части постоянного капитала для определения всеобщей нормы прибыли; иначе обстоит дело с той частью постоянного капитала, которая входит в ежегодный продукт. Мы видели, что часть этой части постоянного капитала или то, что является постоянным капиталом в одной сфере производства, в продолжение одного и того же производственного периода одного года, является непосредственным продуктом внутри другой сферы производства. Следовательно, большая часть ежегодно вкладываемого в производство капитала, с точки зрения отдельного капиталиста или особой сферы производства представляющаяся постоянным капиталом, с точки зрения общества или класса капиталистов, превращается в переменный капитал. Эта часть, следовательно, включена в 50 миллионов, в ту часть 50 миллионов, которая

составляет переменный капитал или затрачена на заработную плату. Но иначе обстоит дело с той частью постоянного капитала, которая потребляется для восстановления поглощенного в промышленности и земледелии постоянного капитала, то-есть с той частью постоянного капитала, которая поглощается в тех отраслях производства, которые производят постоянный капитал, сырой материал в его первоначальной форме, основной капитал и вспомогательные средства. Ценность этой части снова появляется, воспроизводится в продукте. И вполне зависит от ее наличной величины (предположивши, что производительность труда не изменяется; но как бы она ни изменилась, ценность этой части постоянного капитала имеет определенную величину), в каких пропорциях она входит в ценность всего продукта. (В среднем, не считая некоторых исключений в земледелии, конечно, и масса продуктов, а следовательно, и созданное миллионом людей богатство, поскольку Рикардо отличает его от ценности, будет зависеть от величины этого предпосланного производству постоянного капитала). Без нового годовичного труда миллиона людей этой части ценности продукта не существовало бы. С другой стороны, и труд миллиона людей без этого существующего, независимо от его годовичного труда, постоянного капитала, не дал бы той же массы продуктов. Постоянный капитал входит в процесс труда как средство производства, но для воспроизводства этой части по ценности не затрачивается больше ни одного часа работы. Как ценность, он не представляет поэтому результата годовичного труда, хотя без этого годовичного труда его ценность и не была бы воспроизведена. Если предположить, что входящая в продукт часть постоянного капитала=25 миллионам, то ценность продукта миллиона людей будет=75 миллионам; если бы она была равна 10 миллионам, то ценность продукта миллиона людей равнялась бы только 60 миллионам и т. д. И так как в процессе капиталистического развития постоянный капитал в отношении к переменному растет, то ценность годовичного продукта миллиона людей будет иметь тенденцию постоянно расти в том отношении, в каком растет прошлый труд, участвующий, в качестве фактора, в годовичном производстве этого продукта. Уже из этого явствует, что Рикардо не мог понять ни сущности накопления, ни природы прибыли. С ростом пропорции постоянного капитала по отношению к переменному растет также и производительность труда, растут те произведенные силы производства, с которыми общественный труд ведет свое хозяйство. Правда, вследствие той же увеличивающейся производительности труда часть наличного постоянного капитала постоянно обесценивается, так как ее ценность определяется не по тому рабочему времени, которого она первоначально стоила, а по рабочему времени, при помощи которого она может быть воспроизведена, а это рабочее время постоянно уменьшается с возрастающей производительностью труда. Хотя, поэтому, ценность постоянного капитала растет не соответственно его массе, тем не менее она все-таки растет, ибо его масса растет еще быстрее, чем падает его ценность. Однако, ко взглядам Рикардо на накопление мы вернемся позже. Здесь же вполне выясняется, что при предположении рабочего дня за данный, ценность годовичного труда миллиона людей

будет очень различна, смотря по различию массы постоянного капитала, входящего в продукт, и что, несмотря на растущую производительность труда, она будет больше в том случае, когда постоянный капитал составляет большую часть всего капитала, чем в таких общественных условиях, при которых он составляет относительно небольшую часть последнего. С прогрессом в производительности общественного труда, сопровождаемым,—как это и происходит в действительности—ростом постоянного капитала, на долю капитала, как такового, будет приходится также все большая часть годового продукта, и следовательно, капиталистическая собственность (не говоря о доходе) будет постоянно увеличиваться, а пропорция той части ценности, какую создает отдельный рабочий и даже рабочий класс, будет все больше падать по отношению к противостоящему им, как капитал, продукту их прошлого труда. Вместе с этим постоянно возрастает отчуждение и противоречие между рабочей силой и объективными, получившими в капитале самостоятельное существование условиями труда. Мы не говорим здесь о переменном капитале, части продукта ежегодного труда, необходимой для воспроизводства рабочего класса, но противостоящей ему как капитал.

Взгляд Рикардо, что рабочий день является данным, определенным, величиной постоянной, высказывается у него и в иной форме, например, „заработная плата и прибыль вместе всегда будут иметь одну и ту же ценность“ (ук. соч., глава 32; стр. 499), что означает, иными словами, лишь следующее: ежедневное рабочее время, продукт которого делится между заработной платой и прибылью, всегда одно и то же, всегда остается постоянным. В данном случае мне нет надобности повторять, что вместо „прибыли“ здесь всегда нужно читать „прибавочная ценность“.

«Заработная плата должна измеряться по своей реальной ценности, то-есть по количеству труда и капитала, затраченному при ее производстве, а не по своей номинальной ценности, будет ли эта ценность выражена в платях, шляпах или в деньгах, или в хлебе» (ук. соч., глава 1-я, 7-й отдел, стр. 50; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 32).

Ценность жизненных средств, получаемых рабочим, покупаемых им своей заработной платой,—ценность хлеба, одежды и т. д. определяется всем тем количеством труда, как непосредственного, так и овеществленного, которое требуется для их производства. Но Рикардо запутывает дело, не давая ему точного выражения, не говоря: „ее реальная ценность, то-есть часть рабочего дня, которая требуется для воспроизводства ценности необходимых жизненных средств [рабочего], эквивалента этих жизненных средств, уплачиваемого ему в обмен за его труд“. Реальную заработную плату нужно определять тем средним временем, в течение которого должен ежедневно трудиться рабочий, для производства или воспроизводства своей собственной заработной платы.

«Рабочий получает только тогда действительно высокую цену за свой труд, когда его заработная плата покупает продукт большого количества труда» (ук. соч., 20 глава, стр. 322 примечание; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 183).

е) Относительная прибавочная ценность.

Относительная прибавочная ценность—это фактически единственная форма прибавочной ценности, которую анализирует Рикардо под именем прибыли. [Его теория заключается в следующем].

Количество нужного для производства товара и содержащегося в нем труда определяет ценность товара, которая, следовательно, является данной, определенной величиной. Эта величина делится между наемным рабочим и капиталистом. Рикардо, как и Смит, не принимает здесь во внимание постоянного капитала. Ясно, что доля одного может расти или падать только в том отношении, в каком падает или растет доля другого. Так как ценность товаров обязана своим происхождением труду рабочих, то при всех условиях предпосылкой является сам труд, который, однако, не возможен без того, чтобы рабочий жил и содержал себя, следовательно, получал необходимую заработную плату, получал минимум заработной платы, равный ценности рабочей силы. Заработная плата и прибавочная ценность—эти две категории, между которыми делится ценность товара или сам продукт—стоят, следовательно, не только в обратном отношении друг к другу: движение заработной платы является главным (*das Prius*), определяющим моментом. Ее повышение или падение вызывает обратное движение со стороны прибыли (прибавочной ценности). Заработная плата повышается или падает не потому, что прибыль (прибавочная ценность) падает или повышается, но, наоборот, прибавочная ценность (прибыль) падает или повышается потому, что повышается или падает заработная плата. Прибавочный продукт,—следовало бы, собственно, сказать прибавочная ценность,—остающийся после того, как рабочий класс получил свою долю в своем собственном ежегодном производстве, составляет субстанцию, которой живет класс капиталистов.

Так как ценность товаров определяется количеством содержащегося в них труда, а заработная плата и прибавочная ценность (прибыль) суть только части, пропорции, в которых два класса производителей делят между собою ценность товара, то ясно, что повышение или падение заработной платы, хотя и определяет норму прибавочной ценности (прибыли), но не влияет на ценность товара или на его цену, как денежное выражение ценности товара. Отношение, в котором целое делится между двумя участниками, не делает само целое ни больше, ни меньше. Следовательно, это ложный предрассудок, что повышение заработной платы повышает цены товаров; оно заставляет только падать прибыль (прибавочную ценность). Даже те исключения, которые приводит Рикардо, когда повышение заработной платы будто бы заставляет падать меновые ценности одних товаров и повышаться меновые ценности других, являются ошибочными, поскольку дело идет о ценностях, и верны только для цен производства.

Так как норма прибавочной ценности (прибыли) определяется относительной высотой заработной платы, то возникает вопрос, как определяется эта высота? Если не говорить о конкуренции, она определяется ценой необходимых жизненных средств. Эта цена в свою очередь зависит от производительности труда, которая тем больше, чем плодо-

роднее почва, в зависимость от которой Рикардо ставит капиталистическое производство. Всякий технический прогресс (improvement) уменьшает цену товаров, жизненных средств. Следовательно, заработная плата или ценность труда повышается или падает в обратном отношении к развитию производительной силы труда, поскольку последний производит необходимые жизненные средства, которые входят в среднее потребление рабочего класса. Следовательно, норма прибавочной ценности (прибыли) падает или повышается в прямом отношении к производительной силе труда, потому что это развитие понижает или повышает заработную плату.

Норма прибыли (прибавочной ценности) не может падать без того, чтобы не повышалась заработная плата, и не может повышаться без того, чтобы не падала заработная плата.

Ценность заработной платы следует определять не по количеству жизненных средств, получаемых рабочим, а по количеству труда, которого стоят эти жизненные средства, в действительности по той части рабочего дня, которую рабочий присваивает для самого себя, по пропорциональной части, получаемой рабочим из всего продукта или, лучше сказать, из всей ценности этого продукта. Возможно, что оцениваемая в потребительных ценностях (количестве товара или денег) его заработная плата повышается, при повышающейся производительности, и тем не менее по ценности падает и наоборот. Одной из больших заслуг Рикардо является анализ относительной заработной платы и установление ее, как категории. До тех пор заработная плата рассматривалась всегда лишь абсолютно, и рабочий поэтому рассматривался как животное. Здесь же он рассматривается с точки зрения своего социального положения. Положение классов по отношению друг к другу больше обусловливается пропорциональными заработными платами, чем абсолютной массой заработных плат.

Приведенные выше положения теперь нужно доказать цитатами из Рикардо.

«Ценность оленя, продукта однодневного труда охотника будет в точности равна ценности рыбы, продукта однодневного труда рыбака. Относительная ценность рыбы и дичи будет всецело определяться количеством труда, овеществленного в каждом из этих продуктов, каково бы ни было их количество и как бы высока или низка ни была обычная заработная плата или прибыль. Если бы... рыбак применял труд десяти людей, годовая заработная плата которых была бы 100 ф. ст. и труд которых доставлял бы ему двадцать лососей в день, если бы охотник так же держал десять рабочих, годовой труд которых стоил бы 100 ф. ст. и которые доставляли бы ему ежедневно десять оленей, то естественная цена одного оленя равнялась бы двум лососям, как бы велика или мала ни была доля всего продукта, достигающаяся рабочим. Величина той части, которая выдается в виде заработной платы, имеет огромное значение для величины прибыли, ибо ясно, что последняя будет высока или низка, в зависимости от того, низка или высока заработная плата. Но это обстоятельство никоим образом не может влиять на относительную ценность рыбы и дичи, так как заработная плата в обеих отраслях промышленности одинакова» (ук. соч., 1 глава, 3-й отдел, стр. 21; рус. пер. Н. Рязансва, стр. 15, 16).

Вы видите, что Рикардо всю ценность товара выводит из труда занятых людей. То, что делится между ними и капиталом это—их собственный труд, или его продукт, или ценность этого продукта.

«Никакое изменение в заработной плате не могло бы вызвать изменения в относительной ценности этих товаров. Если бы заработная плата повысилась, то от этого несколько не увеличилось бы количество затраченного в каждой из этих отраслей промышленности труда, возросла бы лишь оплата этого труда. Заработная плата может увеличиваться на 20% и прибыль вследствие этого упасть в большей или меньшей пропорции, не вызывая ни малейшего изменения в относительной ценности этих товаров» (ук. соч., стр. 23; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 17).

«Повышение ценности труда невозможно без соответствующего падения прибыли. Если хлеб делится между арендатором и рабочим, то чем больше доля последнего, тем меньше остается для первого. То же самое имеет место и тогда, если сукно или хлопчатобумажные товары делятся между наемными рабочими и предпринимателем; чем больше доля первых, тем меньше достается последнему» (ук. соч., 1 глава, 4 отдел, стр. 31; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 21, 22).

«Адам Смит и все последующие авторы, без единого исключения, которое было бы мне известно, утверждали, что всякое повышение в цене труда всегда влечет за собой повышение цен всех товаров. Надеюсь, что мне удалось показать, что это воззрение лишено всякого основания» (ук. соч., 1 глава, 6 отдел, стр. 45; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 29, 30).

«Повышение заработной платы, вызванное улучшением положения рабочего или происшедшее вследствие увеличившейся трудности добывания необходимых жизненных средств, на которые расходуется заработная плата, за исключением некоторых случаев, не влечет за собой, как следствие, повышения цен, но зато оказывает значительное влияние на падение прибыли» (ук. соч., 1 глава, 7 отдел, стр. 48; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 31).

Иначе обстоит дело, если повышение заработной платы происходит от „изменения в ценности денег“.

«В первом (именно, в только что упомянутом) случае страна не уделяет более значительной доли труда на содержание рабочих, во втором—она уделяет ее» (ук. соч.; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 31).

Что Рикардо сознательно отождествляет ценность и издержки производства, [показывает следующее место].

«Господин Мальтус, повидому, полагает, что отождествление ценности и стоимости (Kosten) составляет часть моего учения; это справедливо, если он понимает под стоимостью «издержки производства, со включением прибыли» (ук. соч., 1 глава, 6 отдел, стр. 46, примечание; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 31).

«Если повышается цена необходимых жизненных средств, то поднимается и естественная цена труда; напротив, если она падает, то понижается и последняя (ук. соч., 5 глава, стр. 86; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 52).

«Излишек продукта, остающийся за удовлетворением потребностей существующего населения необходимо должен быть пропорционален легкости производства, т.-е. он тем больше, чем меньше число лиц, занятых в производств» (ук. соч., стр. 93; рус. пер., стр. 66).

«Ни фермер, обрабатывающий землю того разряда, который регулирует цену, ни фабрикант, который изготовляет мануфактурные товары, не жертвует никакой частью своего продукта в виде ренты. Вся ценность их товаров распадается только на две части: одна составляет прибыль на капитал, другая—заработную плату» (ук. соч., 6 глава, стр. 118; рус. пер., стр. 63, 64).

«Предположим, что повысились цены шелка, бархата, мебели и других товаров, которых рабочих не покупает, и что это возрастание вызвано увеличением количества труда, затраченного на них, то разве это не коснулось бы прибыли? Ни в коем случае, ибо только возрастание заработной платы может понизить прибыль: шелк и бархат не потребляются рабочим и не могут поэтому способствовать повышению заработной платы» (ук. соч., глава 6, стр. 118; рус. пер., стр. 70).

«Если труд десяти человек на почве известного качества дает 180 кварталов пшеницы ценностью в 4 фунта стерл. за квартал, следовательно, всего 720 ф. ст. (стр. 110, рус. пер., стр. 65)... во всяком случае одинаковая сумма в 720 ф. ст. должна быть разделена между заработной платой и прибылью... Повышается или падает—заработная плата, или прибыль, но обе выплачиваются только из суммы в 720 ф. стерл. С одной стороны, прибыль никогда не может

подняться так высоко, чтобы поглотить такую часть этих 720 ф., что не останется достаточного количества для обеспечения рабочего необходимыми жизненными средствами; с другой стороны, заработная плата никогда не может так высоко подняться, чтобы из этой суммы не осталось ничего для прибыли» (ук. соч., 6 глава, стр. 127; рус. пер., стр. 67).

«Прибыль зависит от высокой или низкой заработной платы, заработная плата — от цены необходимых жизненных средств, а цена последних главным образом, — от цены предметов питания, ибо количество всех других необходимых вещей может быть увеличено почти безгранично» (ук. соч., 6 глава, стр. 119; рус. пер., стр. 71).

«Хотя будет производиться более значительная ценность, но зато большая часть того, что остается из этой ценности, за уплатой ренты, потребляется производителями и в то же время это и только это определяет прибыль» (ук. соч., 6 глава, стр. 127; рус. пер., 75).

«Существенное свойство технического прогресса (improvement) — уменьшать количество труда, требовавшееся раньше для производства товара, а это уменьшение не может произойти без падения цены или относительной ценности товара» (ук. соч., 2 глава, стр. 70; рус. пер., 43, 44).

«Уменьшите издержки производства шпаль, и цена их, в конце концов, понизится до размеров их новой естественной цены, даже если спрос удвоится, утроится или учетверится. Уменьшите издержки существования человека путем понижения естественной цены предметов питания и одежды, которые служат для поддержания жизни, и заработная плата, в конце концов, упадет, даже тогда, если спрос на рабочих значительно возрастает» (ук. соч., 30 глава, стр. 460; рус. пер., стр. 261).

«Чем меньше приходится на долю заработной платы, тем больше остается на долю прибыли и наоборот» (ук. соч., 32 глава, стр. 500; рус. пер., стр. 283).

«Одной из задач настоящего сочинения было показать, что при всяком падении действительной ценности необходимых жизненных средств, вознаграждение за труд уменьшается, а прибыль с капитала возрастает, иными словами, что из каждой данной годичной ценности рабочему классу уплачивается все меньшая доля, а большая доля предоставляется тем, на чьи фонды даются занятия этому классу¹⁾. Предположим, что ценность товаров, произведенных в отдельной мануфактуре, представляет 1000 ф. и подразделяется между хозяином и его рабочими в пропорции 800 ф. рабочим и 200 ф. хозяину; если бы ценность этих товаров упала до 900 ф. и 100 ф. было бы сбережено из заработной платы, вследствие уменьшения цены необходимых жизненных средств, то чистый доход хозяина нисколько от этого не уменьшился бы» (ук. соч., 32 глава, стр. 512; рус. пер., стр. 290).

«Если бы обувь и одежда рабочего, вследствие улучшения в машинах, могли производиться одной четвертью того труда, который требуется на них в настоящее время, то они, вероятно, упали бы в цене на 75 процентов; но отсюда далеко не вытекает, что, благодаря таким условиям, рабочий получил бы на долгое время возможность потреблять четыре пары платья или обуви, вместо одной; гораздо вероятнее, что в непродолжительном времени под влиянием конкуренции, а равно и побуждений к усиленному размножению населения, заработная плата приравнялась бы к новой ценности предметов необходимости, на которые она расходуется. Если бы такие технические улучшения распространились на все предметы потребления рабочего, то мы, вероятно, нашли бы, что через несколько лет он стал бы располагать лишь весьма незначительной прибавкой к своему потреблению, хотя бы меновая ценность этих предметов, в сравнении с ценностью других, в производстве которых не произошло никаких подобных улучшений, понизилась бы весьма значительно, хотя бы они стали продуктом гораздо меньших количеств труда» (ук. соч., 1 глава, 1 отдел, стр. 8; рус. пер., стр. 9).

«Когда повышается заработная плата, то это происходит на счет прибыли, а когда она падает, то всегда повышается прибыль» (ук. соч., 32 глава, стр. 491; рус. пер., стр. 277).

¹⁾ Только в этом положении, получившем всеобщее признание, Рикардо, если не угадывает, то все же выражает природу капитала. Это не накопленный труд, применяемый рабочим классом, самими рабочими, а это фонд, распоряжающийся этим классом, накопленный труд, распоряжающийся живым, непосредственным трудом.

«Я старался показать в течение этого труда, что норма прибыли может повыситься только вследствие понижения заработной платы, и что не может происходить постоянного падения заработной платы, за исключением случая, когда понижаются цены необходимых жизненных средств, на которые она расходуется. Итак, если, вследствие расширения внешней торговли или вследствие механических улучшений, пища и другие предметы потребления рабочего могут быть доставляемы на рынок по более низкой цене, то прибыль возрастет. Если, вместо увеличения размера домашнего производства хлеба или домашней фабрики одежды и других необходимых рабочему предметов, мы открываем новый рынок, который может снабжать нас этими товарами по более дешевой цене, то заработная плата понизится, а прибыль повысится; но если приобретенные нами товары,—более дешевые вследствие расширения внешней торговли или вследствие механических улучшений,—составляют исключительно предмет потребления людей богатых, то в норме прибыли не произойдет никакого изменения. Норма заработной платы не изменится; хотя вино, бархат, шелк и другие предметы роскоши упадут на 50⁰/₁₀₀, а следовательно, прибыль будет оставаться без изменения.

«Итак, хотя внешняя торговля в высшей степени выгодна для страны, потому что увеличивает количество и разнообразие предметов, на которые можно расходовать доход, и дешевой и изобилием товаров дает толчок сбережению ¹⁾ и накоплению капитала, но торговля эта не имеет тенденции повышать прибыль на капитал, если только предметы ввоза не принадлежат к той категории вещей, на которые расходуется заработная плата.

Замечания, сделанные относительно внешней торговли, одинаково приложимы и к внутренней. Норма прибыли никогда не повышается вследствие лучшего распределения труда, изобретений машин, устройства дорог и каналов, или вследствие каких бы то ни было способов сокращения труда как в производстве, так и в перевозке товаров ²⁾. Причины эти действуют на цены и всегда приносят громадные выгоды потребителям, потому что дают им возможность при помощи прежнего труда, или в обмен за ценность продуктов прежнего труда, получать гораздо больше того товара, в производстве которого применяются технические усовершенствования; но на прибыль они никакого влияния не оказывают. С другой стороны, всякое уменьшение в заработной плате увеличивает прибыль, но не оказывает никакого влияния на цены товаров. Одно выгодно для всех классов, потому что все классы—потребители ³⁾; другое благоприятно единственно для производителей, которые выигрывают более, хотя цены всех вещей остаются прежние ⁴⁾. В первом случае они получают столько же, как прежде, но уменьшается меновая ценность каждой вещи ⁵⁾ на которую расходуется их выручка» (уч. ссч., 7-я глава, стр. 137, 138; рус. пер., стр. 81).

Как видите, этот отрывок написан в высшей степени небрежно. Но, не говоря об этой формальной стороне, все это верно только в том случае, если читать вместо „норма прибыли“ „норма прибавочной ценности“, как и во всем этом исследовании об относительной прибавочной ценности. Даже указанные технические улучшения в производстве предметов роскоши могут повышать всеобщую норму прибыли, так как норма прибыли в этих сферах, как и во всех других, входит в процесс сведения всех отдельных норм прибыли к средней норме при-

¹⁾ Почему же не расходованию?

²⁾ Только что он говорил обратное; он, очевидно, хочет сказать: никогда, за исключением того случая, если упомянутые улучшения уменьшают ценность труда.

³⁾ Но каким образом выгодно для рабочего класса, раз Рикардо полагает, что эти товары, если они входят в потребление заработной платы, уменьшают ее, если же своим удешевлением не уменьшают, то и не входят в нее?

⁴⁾ Опять-таки, каким образом это возможно, раз Рикардо полагает что уменьшение заработной платы, повышающее прибыль, как раз имеет место потому, что цена необходимых жизненных средств упала, следовательно, никоим образом нельзя сказать, что «цены всех вещей остаются прежние»?

⁵⁾ Это снова неверно. Должно было бы быть «каждой вещи, за исключением необходимых жизненных средств».

были. Если в таких случаях благодаря упомянутым влияниям падает ценность постоянного капитала по отношению к переменному, или уменьшается продолжительность времени оборота, и, следовательно, наступает изменение в процессе обращения, то норма прибыли повышается. Далее, влияние внешней торговли изображено чрезвычайно односторонне. Существенной чертой капиталистического производства является развитие продукта в товар, — развитие, существенным образом связанное с расширением рынка, созданием мирового рынка, а следовательно, и с внешней торговлей.

Оставляя все это в стороне, Рикардо выставляет правильное положение, что все технические улучшения, безразлично, происходят ли они благодаря разделению труда, улучшению машин, усовершенствованию средств перевозки, внешней торговле, словом, благодаря каким бы то ни было средствам, сокращающим необходимое рабочее время в промышленности или транспорте товаров, повышающим прибавочную ценность (стало-быть, и прибыль), а следовательно, и обогащающим класс капиталистов, эти „улучшения“, понижая ценность труда, тем самым способствуют обогащению.

В заключение мы должны в этом отделе процитировать еще несколько мест, в которых Рикардо анализирует природу относительной заработной платы.

«Если я нанял рабочего на неделю и, вместо 10 шиллингов, плачу ему только 8, и если притом не произошло никаких колебаний в ценности денег, то может случиться, что рабочий приобретает на такой уменьшенный заработок больше пищи и других предметов необходимости, нежели прежде; но это следует приписать уменьшению ценности предметов, на которые расходуется заработная плата, а не возвышению действительной ценности заработной платы, как утверждали Ад. Смит и недавно Мальтус. Это две совершенно различные вещи. Тем не менее, когда я называю это падением действительной ценности заработной платы, то говорят, что я ввожу новую, неупотребительную терминологию, несогласную с истинными началами науки» (ук. соч., 1-я глава, 1-й отдел, стр. 11—12; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 11).

«Только по количеству труда, требующегося на производство продукта, а не по абсолютному количеству продукта, достигающегося каждому классу общества, можно судить точно о норме прибыли, ренты и заработной платы. Улучшения в машинах или в земледелии могут удвоить количества продукта; но если заработная плата, рента и прибыль тоже удвоились, то они сохраняют между собою прежнее отношение, и ни об одной из этих частей дохода нельзя будет сказать, что она относительно изменилась. Но если бы случилось, что заработная плата не увеличилась в том же размере, если бы вместо удвоения она увеличилась бы только наполовину..., то в таком случае было бы, кажется, вполне правильно сказать что заработная плата понизилась, между тем как прибыль возвысилась. Ибо, если бы мы имели неизменное мерило, посредством которого могли бы измерить ценность этого продукта, то мы бы увидели, что часть, доставшаяся рабочим..., уменьшилась, а часть, полученная капиталистом, увеличилась в сравнении с прежнею (ук. соч., 1-я глава, 7 отдел, стр. 49; рус. пер., стр. 31, 32).

«Это ни в каком случае не было бы действительным падением [заработной платы], потому что новая заработная плата могла бы доставить рабочему более значительное количество дешевых товаров, нежели прежняя» (ук. соч., стр. 51; рус. пер., стр. 28).

Квинси (Quinsey) подчеркивает некоторые из развитых Рикардо положений в противоположность другим экономистам.

«У экономистов до Рикардо на вопрос, чем определяется ценность всех товаров, получали ответ, что она определяется главным образом заработной платой. Если же спрашивали: чем определяется заработная плата? то указыва-

лось на то, что заработная плата сообразуется с ценностью товаров, на которые она расходуется; и в сущности ответ был тот, что заработная плата определяется ценностью товаров («Dialogues of Three Tempars on Political Economy chiefly in relation to the principles of Mr. Ricardo London Magazine 1824. Vol. IX p. 560).

В тех же „Dialogues“ говорится ¹⁾о законе измерения ценности количеством труда и ценностью труда:

«Эти обе формулы настолько далеки от того, чтобы быть двумя различными выражениями одного и того же закона, что самым лучшим было бы, чтобы выразить в отрицательной форме закон Рикардо ²⁾, сказать что ценность А не относится к ценности В, как ценности производящего их труда»²⁾ (ук. соч., стр. 348).

„Если цена равна 10 шиллингам, то заработная плата и прибыль вместе не могут составлять больше 10 шиллингов. Но не вернее ли, что заработная плата и прибыль вместе определяют цену? Нет, это старое, отвергнутое учение (Th. de Quincey, The Logic of Political Economy. Edinburg 1844, стр. 204).

„Новая политическая экономия показала, что всякая цена определяется относительным количеством употребленного при производстве труда и только им одним. Раз цена сама установлена, то она определяет именно этим самым фонд, из которого черпают свои особые доли заработная плата и прибыль“ (ук. соч., стр. 204). „Всякое изменение, которое может нарушить существующее отношение между заработной платой и прибылью, должно исходить от заработной платы“ (ук. соч., стр. 205). „Рикардо... пытался поставить вопрос о ренте в непосредственное отношение к ценности, ставя вопрос в такой форме: не производит ли присвоение земли и вытекающее отсюда создание ренты изменения и относительной ценности товаров, независимо от рабочего времени, необходимого для их производства“ (ук. соч., стр. 158).

4. Норма прибыли.

а) Масса и норма прибыли.

Уже подробно было доказано, что законы прибавочной ценности — или, лучше сказать, законы нормы прибавочной ценности — раз рабочий день предположен, как данный, совпадают с законами прибыли или применимы к ним не так уж непосредственно и просто, как это делается в труде Рикардо; что он неправильно отождествляет прибавочную ценность и прибыль; что они тождественны лишь постольку, поскольку весь капитал состоит из переменного капитала или непосредственно затрачен на заработную плату; и поэтому то, о чем трактует Рикардо под именем „прибыли“, есть вообще только прибавочная ценность, что только в этом

¹⁾ Именно, что ценность А относится к ценности В, как количества производящего их труда.

²⁾ Если бы органическое строение капитала в А и В было одно и то же, то, в самом деле, можно было бы сказать, что они относятся, как ценности производящего их труда. Ибо накопленный труд в обоих капиталах находился бы в том же отношении друг к другу, как и непосредственный. Но количества оплаченного труда относились бы в обоих, как все количество затраченного на них непосредственного труда. Предположим, что строение обоих капиталов будет 80 с.+20 в и норма прибавочной ценности 50 процентов. Если бы один капитал=500, а другой=300, то продукт в одном случае был бы=550, а в другом=330. Но они относились бы тогда также, как заработные платы, как 100 : 60 или 5 : 3. Но они даже тогда известно было бы только их отношение, а не их действительные ценности, так как очень различные количества ценности соответствуют отношению 5 : 3.

случае и весь продукт распадается просто на заработную плату и прибавочную ценность. Рикардо явно разделяет взгляд Смита, что вся ценность ежегодного продукта распадается на доходы. Отсюда и его смешение ценности и цены производства товара.

Нет необходимости в данном случае повторять, что норма прибыли не подчиняется непосредственно тем же законам, каким подчинена норма прибавочной ценности.

Во-первых, норма прибыли может повышаться или падать вследствие падения или повышения ренты, независимо от изменения в ценности труда.

Во-вторых, абсолютная масса прибыли равна абсолютной массе прибавочной ценности. Но абсолютная масса прибавочной ценности определяется не только нормой прибавочной ценности, но в такой же степени и числом занятых рабочих. Одна и та же масса прибыли возможна, поэтому, при падающей норме прибавочной ценности и повышающемся количестве рабочих и наоборот и т. д.

В-третьих, при данной норме прибавочной ценности норма прибыли зависит от органического строения капитала.

В-четвертых, при данной прибавочной ценности, что предполагает вместе с тем данным и органическое строение капитала $pro 100$, норма прибыли зависит от отношения ценностей различных частей капитала, могущих изменяться различным образом, частью благодаря сбережению сил и т. д. в организации производства, частью благодаря изменениям в ценности, которые могут касаться одной части капитала, не касаясь другой.

Наконец, следовало бы еще принять в расчет и вытекающие из процесса обращения различия в строении капитала.

Некоторые размышления, проскальзывающие у самого Рикардо, должны были бы привести его к различению прибавочной ценности и прибыли. Благодаря тому, что он его не делает, иногда кажется, — как уже это и было отмечено при анализе 1-й главы, — что он разделяет вульгарный взгляд, будто прибыль является простой добавкой к ценности товара; это имеет место в том случае, когда он говорит об определении прибыли на капитал, в котором преобладает основной капитал и т. д. Отсюда большие нелепости у его последователей. Если положение хотя и соответствующее действительности, а именно, что в среднем капиталы равной величины приносят равные прибыли или что прибыль зависит от величины затраченного капитала, — если это положение не связано целым рядом промежуточных звеньев со всеобщими законами относительно ценности и т. д., словом, если прибыль и прибавочная ценность отождествляются, что правильно только для всего капитала общества, взятого в целом — вульгарный взгляд не может не проявиться. Поэтому для Рикардо отрезан также всякий путь и к определению всеобщей нормы прибыли.

Рикардо видит, что благодаря таким изменениям ценности товаров [или цены], которые действуют равномерно на все части капитала, как например, изменения в ценности денег, норма прибыли не изменяется. Из этого он должен был бы заключить, что она изменяется благодаря

таким изменениям ценности товара, которые действуют неравномерно на все части капитала; что, следовательно, изменения нормы прибыли возможны при остающейся неизменной ценности труда и даже в противоположном направлении с изменениями в ценности труда. Но прежде всего он должен был бы твердо стоять на том, что он высчитывает здесь прибавочный продукт, а это у него равносильно прибавочной ценности, или, что снова одно и то же, прибавочному труду, поскольку он рассматривает его *sub specie* прибыли, — не в отношении к одному переменному капиталу, но в отношении ко всему затраченному капиталу. В связи с изменением в ценности денег Рикардо говорит:

„Но хотя бы изменение ценности денег было и велико, оно все-таки не имеет никакого влияния на норму прибыли, ибо, если предположим, что продукты фабриканта взвысились от 1.000 ф. ст. до 2.000 ф. ст., или на 100%, если его капитал, на котором точно также отозвались бы колебания ценности денег, как и на ценности этих продуктов, если его капитал, машины, постройки и запасы повысились также на 100%, то норма его прибыли осталась бы прежней...

«Если, при капитале известной ценности, он может посредством экономии в труде удвоить массу продуктов и понизить цены наполовину, то между капиталом и продуктом удержатся прежние отношения и, следовательно, прибыль останется на прежней высоте.

«Если в то самое время, когда при помощи прежнего капитала, удваивается количество продукта, ценность денег, под влиянием какого-нибудь события, понижается на половину, то денежная продажная ценность этого продукта удвоится; но и денежная ценность капитала, посвященного на их производство, также увеличится вдвое, а следовательно, и в этом случае отношение между ценностью продукта и ценностью капитала останется прежнее“ (ук. соч., 1-я глава, 7-й отдел, стр. 51, 52; русск. пер., стр. 32).

Если Рикардо в последнем положении понимает под продуктом прибавочный продукт, то это верно. Ибо норма прибыли равняется прибавочному продукту (прибавочной ценности), деленному на затраченный капитал. Но если он понимает весь продукт, то это выражение неточно. Тогда под отношением ценности продукта к ценности капитала он явно понимает не что иное, как излишек ценности товара сравнительно с ценностью затраченного капитала. Во всяком случае, ясно, что здесь он не отождествляет прибыли с прибавочной ценностью и нормы прибыли с нормой прибавочной ценности, которая равна прибавочной ценности, деленной на ценность труда или переменный капитал.

В 23-й главе Рикардо говорит:

„Если сырой продукт, из которого делаются товары, падает в цене, то от этого упадут в цене и эти товары. Совершенно верно, они упадут; но падение их не будет сопровождаться никаким уменьшением денежного дохода производителя. Если он продает свой товар за меньшее количество денег, то лишь потому, что понизилась ценность одного из материалов, из которых сделан товар. Если суконный фабрикант продает свое сукно за 900 ф. вместо 1000, то доход его не будет меньше от того, что на эти 100 ф. понизилась ценность шерсти, из которой оно готовится“ (ук. соч., стр. 518; русск. пер. стр. 294).

Момент, о котором здесь собственно трактует Рикардо, — практические последствия для определенного случая — нас здесь совершенно не интересует. Внезапное понижение ценности шерсти отозвалось бы, во всяком случае, убыточно на денежном доходе тех производителей сукна, у которых был бы на складе большой запас готовой материи, запас,

который был сделан в то время, когда шерсть была дороже, и который должен быть продан, когда ценность ее понизилась.

Если, как предполагает здесь Рикардо, производители сукна пускают в ход то же количество труда, что и раньше (они могли бы пустить в ход даже большее количество труда, потому что часть оставшегося свободным капитала, расходовавшаяся раньше только на сырой материал, теперь может быть израсходована на сырой материал и труд), то ясно, что их „денежный доход“, рассматриваемый абсолютно, не станет меньше, но их норма прибыли станет больше, чем раньше; ибо те же, скажем, 100 ф. ст. следовало бы считать не на 1000 ф. ст., а на 900 ф. ст. В первом случае норма прибыли была бы = 10 процентам. Во втором она равнялась бы 11¹/₉ процента. И вот Рикардо полагает, что если сырой продукт, из которого производятся товары, вообще падает в цене, то поднимается всеобщая норма прибыли, а не только норма прибыли в отдельной отрасли производства. Тем более странно, что Рикардо этого не понимает, хотя обратный случай для него совершенно ясен.

Именно, в 6-й главе „О прибыли“, Рикардо трактует о том случае, когда вследствие вздорожания необходимых жизненных средств, вследствие обрабатывания более плохой почвы и, следовательно, повышающейся дифференциальной ренты, повышаются — во-первых, заработная плата, а во-вторых, все сырые продукты, добывающиеся на поверхности земли; это — предположение, которое никоим образом не является необходимым. Хлопчатая бумага, шелк, даже шерсть и лен могут спокойно падать, несмотря на то, что хлеб поднимается в цене.

Рикардо говорит, во-первых, что прибавочная ценность (у Рикардо стоит: прибыль) арендатора упадет, потому что ценность продукта 10 человек, трудом которых он распоряжается, составляет, как и прежде, 720 ф. ст.; а из этого фонда в 720 ф. ст. он должен отдавать больше. И он продолжает:

„Но норма прибыли упадет еще больше потому, что капитал фермера состоит большею частью из сырых произведений, каковы запасы хлеба и сена, несмолая пшеница и ячмень, лошади и коровы, которые повысятся все в цене при увеличении цены продуктов. Его абсолютная прибыль понизится от 480 до 445 ф. 15 ш.; но если по причинам, которые я только что изложил, капитал его увеличился от 3000 до 3200 ф., то норма прибыли его при цене хлеба в 5 ф. 2 ш. 10 п. упадет ниже 14 проц.

Если бы фабрикант употребил также 3000 ф. на фабрику, то вследствие повышения заработной платы капитал его должен увеличиться, чтобы дело могло продолжаться. Если прежде товар его продавался по 720 ф., то и впредь он будет сбываем по той же цене; но заработная плата, достигавшая прежде 240 ф., повысится до 274 ф. 5 ш., когда хлеб будет продаваться по 5 ф. 2 ш. 10 п. В первом случае фабрикант будет иметь 480 ф. прибыли с 3000 ф., во втором же только 445 ф. 15 ш. прибыли с более значительного капитала и, след., прибыль его приспособится к изменившейся норме прибыли фермера“ (ук. соч., 6-я глава, стр. 116, 117; русск. пер. Н. Рязанова, стр. 69).

Здесь Рикардо различает абсолютную прибыль (прибавочную ценность) и норму прибыли и показывает вместе с тем, что вследствие изменения ценности в затраченном капитале норма прибыли падает больше, чем падает абсолютная прибыль (прибавочная ценность) вследствие повышения в ценности труда. Норма прибыли точно также

упала бы здесь, если бы ценность труда осталась неизменной, потому что та же абсолютная прибыль должна была бы насчитываться на больший капитал. Обратный случай повышения нормы прибыли (отличного от повышения прибавочной ценности или абсолютной прибыли) имел бы место, в прежде цитированном случае, когда ценность сырого продукта падает. Таким образом, оказывается, что повышение и падение нормы прибыли определяется еще и другими обстоятельствами, помимо повышения и падения абсолютной прибыли и повышения и падения ее нормы, высчитываемой на вложенный в заработную плату капитал.

В только что приведенном отрывке Рикардо продолжает:

«Бриллианты и продукты из железа, платины или меди не возвысились бы в цене именно потому, что в производство их вовсе не входит сырых произведений почвы» (ук. соч., стр. 117; рус. пер., стр. 70).

Цены этих товаров не повысятся, но норма прибыли в этих отраслях производства станет выше нормы прибыли в других отраслях производства. Ибо в последних, благодаря повышению заработной платы, приходится меньшая прибавочная ценность на затраченный капитал, возросший в ценности по двум причинам: во-первых, потому, что повысился расход на заработную плату, во-вторых, потому, что повысился расход на сырой материал. Во втором случае на затраченный капитал, возросший вследствие повышения заработной платы только в своей переменной части, приходится меньшая прибавочная ценность. В этих местах своего труда Рикардо сам отбрасывает всю свою теорию прибыли, покоящуюся на неправильном отождествлении нормы прибавочной ценности и нормы прибыли.

«Итак, и сельско-хозяйственная и промышленная прибыль уменьшаются одинаково, вследствие увеличения цен сырых произведений, если оно сопровождается возвышением заработной платы» (ук. соч., стр. 113, 114; рус. пер., стр. 67).

Из сказанного самим Рикардо вытекает, что если бы даже повышение сырых продуктов не сопровождалось повышением заработной платы, норма прибыли упала бы благодаря повышению в цене той части затраченного капитала, которая состоит из сырого продукта.

«Предположим, что повышается цена шелковых товаров бархата, мебели и других продуктов, которых рабочий не покупает, и повышается вследствие увеличения количества труда, затраченного на них, то разве это не касается прибыли? Разумеется, нет, потому что на прибыль, кроме повышения заработной платы, ничто не может оказывать влияния; шелковые товары и бархат не потребляются рабочим и поэтому не могут повышать заработной платы» (ук. соч., стр. 118; рус. пер., стр. 64).

Нет никакого сомнения, что норма прибыли в указанных отдельных отраслях производства упала бы, хотя ценность труда, заработная плата, осталась бы той же. Сырой материал для фабрикантов шелковых изделий, фортепьяно, мебельных фабрикантов и т. д. вздорожал бы; следовательно, понизилось бы отношение той же прибавочной ценности к затраченному капиталу, а потому понизилась бы и норма прибыли. Всеобщая же норма прибыли составляет среднее от отдельных норм прибыли во всех отраслях производства. Или упомянутые фабриканты повысили бы цену своих товаров, чтобы сохранить прежнюю сред-

ную прибыль. Такое номинальное повышение цен не влияет непосредственно на норму прибыли, но влияет на израсходование прибыли.

Рикардо еще раз возвращается к вышерассмотренному случаю, когда прибавочная ценность (абсолютная прибыль) падает, потому что повышается цена жизненных средств (и вместе с тем земельная рента):

«Но я должен еще раз отметить, что норма прибыли понижалась бы гораздо быстрее, чем допущено в моем вычислении, ибо при такой ценности продукта, какую я допустил при упомянутых обстоятельствах, ценность всего капитала фермера должна сильно повыситься, потому что он непременно состоит из многих производений, ценность которых возросла. Прежде, чем хлеб поднялся от 4 до 12 ф., ценность всего капитала фермера, вероятно, удвоилась бы, и он стал бы обладать вместо 3000 ф. ценностью в 6000 ф. Если бы поэтому прибыль его составляла 180 ф. или 6%, с первоначального капитала, то, в действительности, норма ее была бы теперь не выше 3-х процентов, так как 6000 ф. по 30% дают 180 ф., и только при таких условиях мог новый фермер с 6000 ф. денег в кармане приняться за фермерство.

«Многие отрасли промышленности извлекали бы из того же источника известные более или менее значительные выгоды. Пивовар, винокур, фабрикант сукон и фабрикант шерстяных материй были бы вознаграждены отчасти за уменьшение прибыли повышением ценности своих капиталов, состоящих из сырого и обработанного материала; но производитель железных и стальных, ювелирных и разных других изделий, равно как и те, капиталы которых вообще состоят в деньгах, подчинились бы вполне понижению нормы прибыли без всякого вознаграждения» (Ук. соч., стр. 123, 124; рус. пер., стр. 73—74).

Важно здесь только то, чего не замечает Рикардо; именно, что он отбрасывает свое отождествление прибыли и прибавочной ценности и что, независимо от ценности труда, на норму прибыли может влиять изменение в ценности постоянного капитала. В остальном его иллюстрация верна только отчасти. Барыш, получаемый арендатором, фабрикантом сукон и т. д. от повышения цены их наличного и находящегося на рынке запаса товаров, естественно, перестал бы получаться, как только они распродали бы эти товары. Точно также повышение ценности их капитала не составляло бы больше никакой выгоды для них, как только этот капитал был бы потреблен и должен был бы быть воспроизведен. Они все тогда оказались бы в положении упоминаемого самим Рикардо нового арендатора, который для получения прибыли в 3% должен был бы затратить 6000 ф. ст. Напротив, ювелир, фабрикант железных товаров, денежный капиталист и т. д., хотя они вначале и не получили никакого вознаграждения за потерю, реализовали бы более высокую норму прибыли, чем 3 процента, так как возрос бы в ценности только капитал, затраченный ими на заработную плату.

При упомянутом Рикардо вознаграждении за падение прибыли повышением ценности капитала важно здесь еще и то, что для капиталистов—и вообще при распределении продукта годовичного труда—идет дело не только о распределении продукта между различными соучастниками дохода, но также и о распределении этого продукта на капитал и доход.

б) Образование всеобщей нормы прибыли.

Теоретические воззрения Рикардо на этот процесс отнюдь нельзя считать ясными.

«Я заметил уже, что рыночная цена товара может превзойти естественную или необходимую цену его, если продукт произведен в меньшем количестве,

чем это требуется новым спросом. Но это, однако же, не более, как временное явление. Высокая прибыль с капитала, обращенного на производство этого продукта, естественно привлечет в эту отрасль другой капитал и, как скоро он будет доставлен в требуемом количестве, и количество продукта достаточно возрастет, — то цена его понизится, и прибыль этой отрасли станет соответствовать общей норме прибыли. Понижение всеобщей нормы прибыли отнюдь не бывает несоместимо с частичным повышением прибыли в отдельных отраслях. Именно неравенство-то прибыли и перегоняет капитал из одного предприятия в другое. В то время, как общая прибыль падает и опускается до более низкого уровня, вследствие повышения заработной платы и увеличения трудности снабдить предметами потребления возрастающее население, прибыль фермера может стоять в течение непродолжительного промежутка времени выше прежнего уровня. Точно также может быть на известное время дан какой-нибудь необыкновенный толчок какой-либо отдельной отрасли иностранной или колониальной торговли (Ук. соч., 6-я глава, стр. 118, 119; рус. пер., стр. 70, 71).

«Следует также помнить, что рыночная цена непрерывно изменяется и, главным образом, в соответствии с сравнительным состоянием спроса и предложения. Хотя сукно предлагается по 40 шил. за ярд и может, при этом, давать обыкновенную прибыль, но оно может подняться до 60—80 шил., благодаря общей перемене моды... Фабриканты сукна будут получать в течение известного времени необыкновенно большую прибыль, но капитал естественно станет притекать в эту отрасль до тех пор, пока спрос и предложение опять не придут в свое обычное равновесие, когда цена сукна снова упадет до 40 шил.— естественной и необходимой цены его. Таким же образом хлеб может до того повышаться в цене при каждом увеличении спроса, что станет приносить фермеру прибыль больше всеобщей. Если есть при этом в запасе много плодородной земли, то цена хлеба снова упадет до первоначального своего размера, после того, как будет употреблено в дело необходимое для его производства количество капитала, и прибыль снова станет не больше прежней; но если нет излишка плодородной земли, если для производства добавочного количества хлеба необходимо более, чем прежде, капитала и труда, то цена хлеба не понизится для своего прежнего уровня. Естественная цена его повысится, и вместо того, чтобы продолжать получать более значительную прибыль, фермер увидит себя в необходимости довольствоваться более низкой нормой ее, что составляет неизбежное последствие повышения заработной платы, причиненного возрастанием цен предметов необходимости» (Ук. соч., стр. 119—120; рус. пер., стр. 71).

Если рабочий день дан (или если в различных отраслях производства имеют место только такие различия в величине рабочего дня, которые уравниваются особенностями различных родов труда), то дана и всеобщая норма прибавочной ценности, то-есть, прибавочного труда, так как заработная плата в среднем одна и та же. Это не выходит у Рикардо из головы. И он смешивает эту всеобщую норму прибавочной ценности со всеобщей нормой прибыли. Я показал, что при одной и той же всеобщей норме прибавочной ценности нормы прибыли в различных отраслях производства должны быть совершенно различными, если товары продаются по их соответствующим ценностям.

Всеобщая норма прибыли возникает благодаря тому, что вся произведенная прибавочная ценность высчитывается на весь капитал общества (класса капиталистов); каждый капитал в каждой отдельной отрасли производства представляется поэтому, как соответственная часть всего капитала, с одним и тем же органическим строением, в смысле разделения капитала как на постоянный и переменный капитал, так и на оборотный и основной. В качестве такой соответственной части всего капитала, каждый отдельный капитал извлекает из прибавочной ценности, произведенной общей суммой капитала, свой дивиденд сообразно своей величине. Доля прибавочной ценности, падающая в течение данного

промежутка времени, например, одного года на часть капитала данной величины, напр., на 100, составляет среднюю прибыль или всеобщую норму прибыли, в какой форме она и входит в издержки производства каждой отрасли производства. Если доля на $100 = 15$, то обычная прибыль = 15 процентам, и цена производства = 115. Она может быть меньше, если, например, в процесс образования ценности благодаря изнашиванию входит только часть затраченного капитала. Но она всегда равна потребленному капиталу + 15, средняя прибыль на затраченный капитал. Если бы в одном случае входило в продукт 100, а в другом только 50, то в первом случае цена производства была бы $= 100 + 15 = 115$, а во втором $= 50 + 15 = 65$; оба капитала продавали бы в этом случае свои товары по одной и той же цене производства, то-есть по цене, которая приносила бы обоим одну и ту же норму прибыли. Ясно, что выражение, реализирование, образование всеобщей нормы прибыли делает необходимым превращение ценностей в отличные от них цены производства. Рикардо же, смешивая норму прибыли с нормой прибавочной ценности, наоборот, полагает, что ценности и цены производства тождественны. Поэтому он не имеет и самого отдаленного представления о том всеобщем изменении, которое происходит в ценах товаров вследствие образования всеобщей нормы прибыли гораздо раньше того времени, чем о ней может идти речь. Он принимает эту норму прибыли, как предпосылку, которая у него входит даже в определение ценности (смотри 1-ю главу „О ценности“). Предположивши всеобщую норму прибыли, он рассматривает только исключительные изменения в ценах, изменения, являющиеся необходимыми для сохранения этой всеобщей нормы, для продолжения существования этой всеобщей нормы прибыли. Он не имеет никакого представления о том, что для создания всеобщей нормы прибыли необходимо предварительное превращение ценностей в цены производства, что, следовательно, он, принимая всеобщую норму прибыли, уж больше не оперирует непосредственно с ценностями товаров.

И в предыдущем отрывке у Рикардо господствует только Смитовское представление, но даже и оно понято односторонне, потому что Рикардо не покидает его собственная мысль о всеобщей норме прибавочной ценности. Норма прибыли возвышается у него над средним уровнем только в отдельных отраслях производства, потому что рыночная цена возвышается над естественной ценой вследствие отношения между предложением и спросом, вследствие недостаточного производства или [при обратном движении цен] перепроизводства в отдельных отраслях производства. Конкуренция, прилив нового капитала в одну отрасль производства или отлив старого капитала от другой уравнивают тогда рыночную и естественную цену друг с другом и сводят прибыль отдельной отрасли производства ко всеобщему уровню. Здесь действительный уровень прибыли предположен, как постоянный и данный, и дело идет только о том, чтобы свести к нему прибыль в отдельных отраслях производства, понимающихся вследствие спроса и предложения над этим уровнем или падающих ниже его. При этом Рикардо всегда даже думает, что те товары, цены которых дают больше, чем среднюю прибыль, про-

даются выше своей ценности, а те, цены которых дают меньше средней прибыли, продаются ниже своей ценности. Если, благодаря конкуренции, их рыночная ценность уравнивается с их ценностью, средний уровень восстановлен.

Самый уровень, по мнению Рикардо, может повышаться или падать только в том случае, когда падает или повышается (относительно постоянно) заработная плата, то-есть, норма относительной прибавочной ценности, что происходит без изменения цен, хотя и сам Рикардо допускает здесь очень значительное изменение цен в различных отраслях производства, смотря по их строению из оборотного и основного капитала.

Но даже если всеобщая норма прибыли установлена, а следовательно, установлены и цены производства, норма прибыли в отдельных отраслях производства может повышаться оттого, что в них работают более продолжительное время, повышается норма абсолютной прибавочной ценности. Что конкуренция рабочих не может устранить этого явления, это доказывается вмешательством государства. Здесь в этой отдельной отрасли производства прибыль будет повышаться без повышения рыночной цены над естественной. Конкуренция капиталов, конечно, может и будет в течение продолжительного времени действовать в том смысле, чтобы эта добавочная прибыль досталась капиталистам в этих отдельных отраслях производства не целиком. Они должны будут понизить цены своих товаров ниже их „естественных цен“, или другие отрасли производства несколько повысят свои цены; во всяком случае, если фактически не повысят,—а это может быть парализовано падением ценности этих товаров,—то все-таки не так сильно понизят, как этого требовало бы развитие производительной силы труда в их собственных отраслях производства. Всеобщий уровень нормы прибыли повысится, и цены производства изменятся.

Далее: если возникает новая отрасль производства, в которой применяется несоответственно много живого труда по отношению к труду накопленному, где следовательно, строение капитала стоит далеко ниже среднего строения, определяющего среднюю прибыль, то отношения предложения и спроса для новой отрасли производства могут позволить продавать ее продукт выше его цены производства, больше приближаясь к его действительной ценности. Если конкуренция действует здесь уравнивающим образом, то это возможно только при посредстве повышения всеобщего уровня [нормы прибыли], потому что капитал вообще реализует, пускает в ход большее количество неоплаченного прибавочного труда. Отношения предложения и спроса действуют в первом случае не в том смысле, как думает Рикардо, что товар продается выше своей ценности, а лишь в том смысле, что он продается, приближаясь к своей ценности выше своей цены производства. Уравнение, следовательно, не может подействовать таким образом, чтобы привести норму прибыли к старому уровню, а чтобы создать новый уровень.

Так именно обстоит дело в торговле с колониями, где, вследствие рабства, с одной стороны, и щедрости природы, с другой — ценность труда стоит ниже, чем в старом свете, либо вследствие того обстоятель-

ства, что фактически или легально в них еще не развился институт земельной собственности. Если капиталы метрополии могут без затруднений переноситься в эту новую торговлю, то они, правда, понизят специфическую добавочную прибыль в этой отрасли коммерческой деятельности, но повысят всеобщую норму прибыли, как совершенно правильно замечает А. Смит.

Рикардо здесь всегда помогает себе фразой: но в старых отраслях коммерческой деятельности все-таки количество примененного труда, стало быть, заработная плата, остаются теми же. Но всеобщая норма прибыли определяется отношением неоплаченного труда к оплаченному и к затраченному капиталу не в той или другой отрасли коммерческой деятельности, но во всех отраслях, в которые может свободно переноситься капитал. Отношение может остаться тем же в девяти десятых; если оно изменяется в одной десятой, то всеобщая норма прибыли должна измениться в десяти десятых. Всякий раз как масса неоплаченного труда, приводимая в движение капиталом данной величины, растет, конкуренция может установить лишь то, что капиталы одинаковой величины получают одинаковые дивиденды, одинаковые доли в этом увеличенном прибавочном труде, но не то, что, несмотря на увеличившийся по отношению ко всему затраченному капиталу прибавочный труд, дивиденд каждого отдельного капитала остается тем же, сводится к старой доле в прибавочном труде. Если Рикардо принимает это, то у него совершенно нет основания оспаривать взгляд А. Смита, что только возрастающая конкуренция капиталов, вследствие их накопления, уменьшает норму прибыли. Ибо он признает сам здесь, что норма прибыли понижается благодаря одной конкуренции, хотя норма прибавочной ценности и растет. Конечно, это связано с его второй неверной предпосылкой, что норма прибыли независимо от понижения или повышения заработной платы, никогда не может повышаться или падать, разве только благодаря временным отклонениям рыночной цены от естественной цены. А что такое естественная цена? Цена, равная затраченному капиталу, плюс средняя прибыль. Это, следовательно, снова сводится к предпосылке, что средняя прибыль никогда не может падать или повышаться иначе, чем падает или повышается относительная прибавочная ценность. Поэтому неверно, когда Рикардо в противоположность Смиту говорит:

Никакой переход от одной отрасли внешней торговли к другой или от внутренней торговли к внешней не в состоянии, по моему мнению, оказать влияния на норму прибыли» (уж. соч., 25-я глава, стр. 413; пер. Н. Рязанова, стр. 233).

Точно также неверно, когда он думает, что норма прибыли не влияет на цены производства, потому что она не влияет на ценности.

Рикардо ошибается, принимая, что [если отрасль коммерческой деятельности, находящаяся в благоприятных условиях, временно поднимается над всеобщим уровнем нормы прибыли], этот всеобщий уровень постоянно устанавливается при помощи сведения нормы прибыли к старому уровню, а не при помощи ее возвышения.

«Они [некоторые экономисты] полагают, что, [если получают большие прибыли в находящейся в благоприятных условиях отрасли коммерческой дея-

тельности], равенство прибыли представляет результат общего возвышения ее; я же держусь мнения, что прибыль благоприятной отрасли торговли должна быстро понизиться до общего уровня» (ук. соч., 7-я глава, стр. 132, 133; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 78).

Благодаря своему всецело неверному пониманию нормы прибыли, Рикардо совершенно не понимает влияния внешней торговли, если она не понижает непосредственно в цене жизненных средств рабочих. Он не видит, какую громадную важность для Англии имеет, например, получение более дешевого сырого материала для промышленности, и что в этом случае норма прибыли повышается, хотя цены и падают, тогда как в обратном случае при повышающихся ценах норма прибыли может падать, даже если в обоих случаях заработная плата остается той же.

«Итак, норма прибыли возрастает не вследствие расширения рынка» (ук. соч., стр. 136; рус. пер. Н. Рязанова, стр. 80).

Норма прибыли зависит не от цены отдельного товара, но от массы прибавочного труда, который может быть реализован при помощи данного капитала. Рикардо также и в других случаях не понимает важности рынка, потому что он не понимает сущности денег.

К этому следует добавить еще следующее замечание: Рикардо делает все эти ошибки потому, что он хочет провести тождество нормы прибавочной ценности и нормы прибыли при помощи насильственных абстракций. Вместо того, чтобы увидеть, что Рикардо не достаточно далеко идет в верной абстракции, а потому и приходит к неверной, профаны заключили отсюда, что теоретические истины являются абстракциями, противоречащими действительным отношениям.

II. Земельная рента.

1. Родбертус.

а) Земледелие и промышленность.

Прежде всего следует заметить: если мы скажем, что [при общей величине рабочего дня, положим, в 12 часов] необходимая заработная плата [равна] 10 часам, то это проще всего раз'яснить таким образом. Если десятичасовой труд (т. е. сумма денег, [равная по ценности] 10 часам) дает в среднем возможность сельскохозяйственному поленному рабочему покупать все необходимые жизненные средства, продукты земледелия, промышленности и т. д., то это есть средняя заработная плата для неквалифицированного труда. Здесь, следовательно, дело идет о ценности его ежедневного продукта, который должен достаться на его долю. Эта ценность существует прежде всего в форме производимого им товара, следовательно, в определенном количестве этого товара, на которое,— за вычетом части, потребляемой им самым,—он может приобрести для себя необходимые жизненные средства. Здесь, следовательно, в оценке его необходимого „дохода“ принимают участие промышленность, земледелие и т. д., а не только потребительная ценность, которую он сам производит. Но это заключается в понятии товара. Он производит товар, а не просто продукт. Об этом, следовательно, говорить нечего.

[В своем „Третьем письме к фон-Кирхману“, которое называется „Опровержение учения Рикардо о земельной ренте и обоснование новой теории ренты“ (Берлин 1851 г.)] господин Родбертус сперва [исследует], как обстоит дело в той стране, где владение землей и капиталом не отделено еще одно от другого, и приходит к важному результату, что рента (под которой он понимает всю прибавочную ценность) просто равна неоплаченному труду или количеству продуктов, в котором он выражается.

Прежде всего, следует заметить, что Родбертус [имеет в виду] только рост относительной прибавочной ценности, следовательно, рост прибавочной ценности, поскольку он является следствием растущей производительности труда, а не рост прибавочной ценности, поскольку он вытекает из удлинения рабочего дня. Всякая прибавочная ценность, конечно, с одной стороны, относительна. Труд должен быть достаточно

производителен для того, чтобы рабочему не приходилось употреблять все свое время для поддержания своей собственной жизни. Но с этого пункта начинается различие. Впрочем, если труд первоначально мало производителен, то потребности также в высшей степени просты, как у раба, и господа сами живут немногим лучше, чем слуги. Относительная производительность труда, необходимая для появления пожирателей прибыли, паразитов, очень невелика. Если мы находим высокую норму прибыли там, где труд еще очень непроизводителен, где не применяются машины, разделение труда и т. д., то только или потому, с одной стороны, что потребности рабочего абсолютно малы, как в Индии, и он сам придавлен еще ниже этого незначительного [уровня] потребностей или, с другой стороны, потому, что непроизводительность труда тождественна с [незначительностью] основного капитала [по отношению] к его части, вложенной в заработную плату, или, что то же, с большой [величиной] части капитала, затраченной на труд, по отношению ко всему капиталу или, наконец, потому, что рабочее время чрезвычайно удлинено. Последнее имеет место в таких странах, как Австрия, в которых уже существует капиталистический способ производства, но которым приходится конкурировать с гораздо более развитыми странами. Заработная плата здесь может быть незначительна—частью потому, что потребности рабочего менее развиты, частью потому, что сельскохозяйственные продукты дешевле или—что для капиталиста равносильно—имеют меньшую денежную ценность. Соответственно этому, незначительно и то количество продукта, которое отходит, например, в течение 10 часов, как необходимое для заработной платы рабочего [Прибыль точно так-же была бы очень незначительной, если-бы рабочий работал только 12 часов]. Но если он работает вместо 12-ти 17 часов, то это может быть наверстано. Вообще не следует представлять себе дела таким образом, будто-бы вследствие того, что в данной стране относительная ценность труда [повышается и падает] в [обратном] отношении к производительности [труда], то [заработная плата] в различных странах [стоит] в обратном отношении к производительности труда. Наблюдается как раз обратное. Чем производительнее страна сравнительно с другой на всемирном рынке, тем выше в ней по сравнению с другими странами заработные платы. Не только номинальная, но и реальная заработная плата в Англии выше, чем на континенте. Рабочий ест больше мяса, удовлетворяет больше потребностей. Однако, это имеет силу только по отношению к промышленному рабочему, но не по отношению к сельскохозяйственному. Но [заработная плата в Англии] не выше по отношению к производительности английских рабочих.

Земельная рента вообще—следовательно, новейшая форма земельной собственности—самое существование ее, не говоря о различии земельной ренты по плодородности земельных участков, была бы возможна уже потому, что средняя заработная плата сельскохозяйственных рабочих стоит ниже средней заработной платы промышленных рабочих. Так как здесь капиталист прямо по традиции (в то время, как старый арендатор становится капиталистом, и капиталисты становятся арендаторами) отдавал часть своего барыша землевладельцу, он воз-

наградил себя понижением заработной платы ниже ее уровня. С бегством рабочих из деревни заработные платы должны повышаться и повышаются. Но едва начинает чувствоваться такое давление, вводятся машины и т. д., снова создается в деревне перенаселение (относительное). (Смотри Англию). Прибавочная ценность может быть повышена, хотя ни рабочее время не удлиняется, ни производительная сила труда не развивается. Она может быть повышена именно при помощи понижения заработной платы ниже ее традиционного уровня. И это в самом деле имеет место там, где сельскохозяйственное производство ведется капиталистическим способом. Где это не удается при помощи машин, там это удается при помощи обращения пахотной земли в пастбище для овец. Здесь, следовательно, уже существовала бы возможность земельной ренты, потому что фактически заработная плата сельскохозяйственных рабочих не равна средней заработной плате. Эта возможность земельной ренты была бы совершенно независима от цены продукта, т. е. от его ценности.

[Вторую причину] повышения земельной ренты, именно, что она получается с большего количества продуктов, продающихся по той же цене, знает и Рикардо, но не принимает ее во внимание, так как он считает земельную ренту на квартал, а не на акр. Он не сказал бы, что земельная рента повысилась (в этом смысле земельная рента может повыситься с падением цены), оттого что 20 кварталов по 2 шиллинга дают больше, чем 10 кварталов по 2 шиллинга или 10 кварталов по 3 шиллинга.

Впрочем, как бы ни объяснялась земельная рента, остается значительное различие ее сравнительно с промышленностью, состоящее в том, что здесь избыточная прибавочная ценность (Ueberschlagwert) получается благодаря более дешевым, а тут благодаря более дорогим продуктам. Если средняя цена фунта пряжи—2 шиллинга, а я могу производить ее по 1 шиллингу, то я буду продавать ее, чтобы завоевать рынок, [может быть], по 1½ шиллинга, во всяком случае [наверное] [несколько] ниже двух шиллингов. Это даже абсолютно необходимо. Ибо более дешевое производство есть собственно производство в большем масштабе. Я, следовательно, относительно переполняю рынок сравнительно с прежним. Я должен больше продавать, чем прежде. [Если мне] фунт пряжи стоит только 1 шиллинг, то это только [потому, что] я произвожу, скажем, 10.000 фунтов, тогда как раньше я производил 8.000. Дешевизна получается только от того, что основной капитал распределяется на 10.000 фунтов. Если бы я продал только 8.000, то изнашивание машин уже подняло бы цену фунта на одну пятую. Я продаю, следовательно, ниже 2-х шиллингов, [скажем, по 1½ шиллинга], чтобы иметь возможность продать 10.000 фунтов. Я получаю при этом еще прибавочную прибыль в ½ шиллинга, следовательно, 50 процентов на ценность моего продукта, которая уже заключает в себе обычную прибыль. Во всяком случае, я этим понижаю рыночную цену, и результатом является то, что потребитель вообще получает продукт дешевле.

Но в земледелии я продаю [в соответствующем случае] по два шиллинга, так как если бы моей плодородной земли было достаточно, то менее плодородная не была бы обработана. Если бы плодородная земля или плодородность [худшей] земли естественным образом увеличилась настолько, что я мог бы удовлетворить спросу, тогда и делу конец. Этого Рикардо не только не отрицает но даже определенно признает.

Следовательно, с принятием того положения, что земельная рента не объясняется из различной плодородности земли,—а только разница земельных рент,—остается то различие, что в то время, как в промышленности в среднем прибавочная прибыль возникает в связи с удешевлением продукта, в земледелии относительная величина ренты возникает не только из относительного вздорожания, повышения цены продукта плодородной земли над его ценностью, но из продажи более дешевого продукта по издержкам производства, более дорогого. Но это, как я уже показал (Прудон), простой закон конкуренции, вытекающий не из естественных свойств „земли“, а из самого „капиталистического производства“.

Далее, в другом пункте, Рикардо прав, только он, по обыкновению экономистов, превращает историческое явление в вечный закон. Это историческое явление есть относительно быстрое развитие мануфактуры (специфически английской отрасли промышленности) в противоположность земледелию. Последнее стало производительнее, но не в той степени, в какой стала производительнее промышленность. Где производительность промышленности увеличилась в 10 раз, производительность земледелия увеличилась, может быть, вдвое. Земледелие, следовательно, стало относительно менее производительным, хотя положительно—производительнее. Это указывает только на в высшей степени странное развитие буржуазного производства и на присущие ему противоречия¹⁾.

¹⁾ [Насколько еще может быть повышена производительность сельскохозяйственного труда, вот для доказательства только один пример:] г. Галлет из Брайтона выставил на выставке 1862 г. штамбовую пшеницу (pedigree nursery wheat). Г. Галлет утверждает, что за хлебными колосьями должен быть столь же тщательный уход, как за скаковыми лошадьми, вместо того, чтобы, как это по большей части случается, возделывать их без всяких правил, без принятия во внимание теории естественного подбора. Как пример того, что может сделать хорошо культура, даже по отношению к пшенице, приводятся некоторые замечательные факты. В 1857 г. г. Галлет [посеял содержимое] одного колоса самого лучшего качества красной пшеницы, который был длиной $4\frac{3}{8}$ дюйма и содержал 47 зерен. Из продукта этого маленького посева он снова выбрал в 1858 г. самый лучший колос, длиной в $6\frac{1}{2}$ дюймов и с 79 зернами. Это снова повторено в 1859 г. с самым лучшим из новых колосьев, который на этот раз был длиной в $7\frac{3}{4}$ дюйма и содержал 91 зерно. Следующий год, 1860-й, был плохим годом для опытов сельскохозяйственного воспитания, и пшеница не делалась лучше и больше; но годом позже, в 1861 г., лучший колос был в $8\frac{3}{4}$ дюйма длиной и содержал не менее 123 зерен. Так пшеница в течение пяти лет выросла почти вдвое и стала давать втрое больше зерен. Эти результаты были достигнуты благодаря такой системе возделывания пшеницы, которую г. Галлет называет «естественной», то-есть, благодаря рассаживанию отдельных зерен на таком расстоянии—приблизительно 9 дюймов—друг от друга, чтобы каждое имело достаточно места для полного развития. Он утверждает, что урожай в Англии мог бы усвоиться благодаря возделыванию «штамбовой пшеницы» по

Но это не мешает справедливости того положения, что земледелие относительно становится менее производительным, следовательно, по отношению к продукту промышленности ценность земледельческого продукта, а вместе с тем и земельная рента повышается. Что земледельческий труд в процессе развития капиталистического производства стал относительно менее производительным, чем промышленный труд, означает только то, что производительность земледелия развивалась не с той же быстротой и не в той же мере. Пусть будет отношение отрасли промышленности А к отрасли В, как 1:1. И первоначально земледелие было производительнее, потому что в нем помогает процессу труда созданная природой машина, потому что отдельный рабочий работает при помощи этой машины. Поэтому в древнее время и в средние века земледельческие продукты были относительно гораздо дешевле, чем продукты промышленности, что видно уже из того (смотри Уэда), каково отношение обоих в средней заработной плате.

Пусть 1:1 показывает вместе с тем производительность обеих [отраслей производства]. Если теперь промышленность А [удесятерять] свою производительность, тогда как промышленность В только утраивает, то обе отрасли промышленности, которые раньше относились, как 1:1, теперь будут относиться, как 10:3.

Производительность промышленности В относительно уменьшилась на 70 процентов, хотя абсолютно она возросла втрое. Для наиболее высокой ренты это то же самое—по отношению к промышленности,—как если бы она образовалась благодаря тому, что самая плохая почва стала менее плодородной на 70 процентов. Но из этого никоим образом не следует, как думает Рикардо, что норма прибыли упала, потому что заработная плата, вследствие относительного вздорожания земледельческих продуктов, повысилась, ибо средняя заработная плата определяется не относительной, а абсолютной ценностью продуктов, которые в нее входят. Но во всяком случае отсюда следует, что норма прибыли (собственно норма прибавочной ценности) повысилась не в том отношении, в каком повысилась производительная сила промышленности, и именно вследствие относительно большей неплодородности земледелия, а не почвы. И это абсолютно верно. Понижение необходимого рабочего времени кажется незначительным по сравнению с прогрессом промышленности. Это видно из того, что такие страны, как Россия и т. д., могут побить Англию в области земледельческих продуктов. Незначительная ценность денег в богатых странах, то-есть, незначительные относительные издержки производства денег для более богатых стран, здесь совершенно не играют роли. Ибо вопрос заключается именно в том, почему они не имеют влияния на продукты промышленности в их конкуренции с бедными странами, а оказывают влияние на их земледельческие продукты.

«естественной системе». Он констатирует, что из отдельных зерен, посеянных им в надлежащее время каждое на квадратном футе земли, он получил в среднем 23 колоса приблизительно с 36-ю зернами в каждом. Продукт одного акра соответственно этому должен был, по точному вычислению, дать 1001880 колосьев пшеницы, тогда как по обыкновенному способу, с затратой в 20 раз больше семян, жатва давала только 934120 колосьев, следовательно, на 67760 колосьев меньше.

Впрочем, это не доказывает, что бедные страны производят дешевле, что их сельскохозяйственный труд производительнее.

Даже в Соединенных Штатах, как недавно доказано статистическими данными, масса пшеницы по данной цене, правда, возросла, но не потому, что акр дал больше, а потому что было обработано больше акров.

Там, где много земли en masse и большие поверхностно обработанные пространства дают при одном и том же труде абсолютно больше продукта, чем гораздо меньше пространства в более прогрессивной стране, нельзя еще сказать, что почва производительнее.

Переход к менее плодородной почве не доказывает непременно, что земледелие стало менее производительным. Наоборот, это может доказывать, что оно стало производительнее; что неплодородная почва не [только потому] обрабатывается, что цены сельскохозяйственных продуктов поднялись достаточно высоко, чтобы возместить затрату капитала, но и наоборот [потому что] средства производства развились настолько, что непроизводительная почва стала „производительной“ и способной давать не только обычную прибыль, но и земельную ренту. Что является плодородным для одной [ступени] развития производительной силы, является неплодородным для ступени более низкой.

В земледелии абсолютное удлинение рабочего времени—следовательно, увеличение абсолютной прибавочной ценности—возможно только в известной степени. В земледелии нельзя работать при газовом освещении и т. д. Конечно, летом и весной можно рано вставать. Но это уравнивается более короткими зимними днями, когда вообще может быть выполняемо только относительно незначительное количество труда. В этом отношении, следовательно, абсолютная прибавочная ценность в промышленности больше, если нормальный рабочий день не регулируется законодательным принуждением.

Длинный период, в течение которого продукт остается в процессе производства, без применения к нему труда, есть вторая причина меньшего количества прибавочной ценности, создающейся в земледелии. Наоборот, в земледелии, за исключением некоторых отраслей земледелия, как скотоводство, пастбищное хозяйство и т. д., где население абсолютно вытесняется—даже в самом прогрессивном крупном земледелии—отношение применяемого количества людей по сравнению с применяемым постоянным капиталом все еще далеко больше, чем в промышленности, по крайней мере, в господствующих отраслях промышленности. Поэтому, с этой стороны, норма прибыли в земледелии может быть больше, чем в промышленности, даже если по приведенным причинам количество прибавочной ценности относительно меньше, чем оно [было бы] при применении того же числа людей в промышленности—что отчасти снова парализуется падением заработной платы ниже ее среднего уровня. Но если в земледелии имеются какие-либо причины (мы указываем только на вышеприведенные) для не временного, а среднего повышения прибылей, по отношению к промышленности, то одно существование землевладельцев повлекло бы за собой то, что эта прибавочная прибыль, вместо того, чтобы входить в процесс уравнивания всеобщей нормы прибыли, консолидировалась бы и доставалась землевладельцу.

в) Постановка вопроса у Родбертуса. Сырой материал в сельском хозяйстве.

[В „третьем письме“ Родбертуса заключается следующее заявление, которое он называет „основным и краеугольным пунктом“ своей теории земельной ренты:

Он принимает, что продукты обмениваются соответственно их „издержкам труда“ („Kostenarbeit“), то-есть, соответственно труду, которого они стоили. Но рента, то-есть прибавочная ценность, делится между промышленностью и сельским хозяйством соответственно ценности сырого и обработанного продукта. В последнем, рядом с непосредственным трудом, заключается ценность и орудий и машин и сырого материала, в сыром же продукте последней ценности не достаёт. Соответственно этому приходящаяся на долю промышленности прибавочная ценность распределяется на капитал большей ценности, чем в области сельского хозяйства. Но соответственно величине нормы прибавочной ценности, „ренты“, в промышленности, высчитывается прибыль на капитал, как для промышленности, так и для сельского хозяйства. Ясно, следовательно, что доля сельского хозяйства во всей общественной прибавочной ценности по отчислении „обычной в стране“ прибыли на затраченный в сельском хозяйстве капитал должна дать ещё некоторый излишек, чрезвычайную прибыль (Extraprofit), которая и составляет земельную ренту. Последняя является следствием того, что сельское хозяйство, в противоположность промышленности, „не нуждается в качестве материала в продукте предшествующего ему производства, но вообще только начинает производство. Частью имущества, аналогичной материалу, в сельском хозяйстве была бы сама земля, которая, однако, предполагается, как не имеющая стоимости (kostenlos) (ук. соч., стр. 97)].

Общая постановка вопроса, на который должен ответить Родбертус, следующая:

Общая форма затраченного капитала такова:

Постоянный капитал: машины—сырой материал; переменный капитал: заработная плата.

Двумя элементами постоянного капитала являются вообще средства труда и предмет труда. Последнему не нужно быть товаром, продуктом труда. Как элемент капитала, он, следовательно, может и не существовать, хотя, как элемент процесса труда, он существует постоянно. Земля—сырой материал земледельца, как копь—углепромышленника, вода—рыбака и даже лес—охотника. Но самая полная форма капитала бывает [там, где] указанные три элемента процесса труда существуют в качестве трех элементов капитала, то-есть, где они все втроем являются товарами, потребительными ценностями, обладающими меновой ценностью и представляющими из себя продукт труда. В этом случае все три элемента входят и в процесс образования ценности, хотя машина входит и не в той степени, в какой она входит в процесс труда, а только в той мере, в какой она им потребляется. Вопрос теперь сводится к тому, может ли отсутствие одного из этих элементов увеличить норму

прибыли (не норму прибавочной ценности) в той отрасли промышленности, в которой он отсутствует? В общем на это отвечает сама формула.

Норма прибыли равна отношению прибавочной ценности ко всей сумме затраченного капитала.

Все исследование ведется в предположении, что норма прибавочной ценности, то-есть, распределение ценности продукта между капиталистом и наемным рабочим остается неизменной. Норма прибавочной ценности равна $\frac{m}{v}$; норма прибыли равна $\frac{m}{c+v}$. Так как m , норма прибавочной ценности, дана, то дано и v , а $\frac{m}{v}$ предположено, как величина постоянная. Следовательно, $\frac{m}{c+v}$ может изменять свою величину только в том случае, если изменяется $c+v$, и так как v дано, эта величина может увеличиваться или уменьшаться потому, что уменьшается или увеличивается c . И именно $\frac{m}{c+v}$ будет [изменяться] не в отношении $c:v$, а в том отношении, в каком c относится к сумме $c+v$. Если бы $c=0$, то $\frac{m}{c+v} = \frac{m}{v}$. Или—норма прибыли была бы в этом случае равна норме прибавочной ценности, и это ее высший предел, так как m и v при всяком способе исчисления остаются величинами постоянными. Если $v=100$ и $m=50$, то $\frac{m}{v} = \frac{50}{100} = 50$ процентам. Если бы сюда прибавился постоянный капитал в 100, то норма прибыли равнялась бы $\frac{50}{100+100} = 25$ процентам. Норма прибыли уменьшилась бы на половину. Если бы прибавилось 150 c к 100 v , то норма прибыли была бы $= \frac{50}{100+150} = 20$ процентам. В первом случае весь капитал равен v , равен переменному капиталу, поэтому и норма прибыли равна норме прибавочной ценности. Во втором случае весь капитал равен $2 \times v$, поэтому и норма прибыли равна только половине нормы прибавочной ценности. В третьем случае весь капитал равен $2\frac{1}{2} \times v$ [норма прибавочной ценности в $2\frac{1}{2}$ раза больше нормы прибыли].

Это, следовательно, прочно установлено а priori. Если v и $\frac{m}{v}$ остаются неизменными, то совершенно безразлично, как составляется величина c . Если c определенной величины, например, $=100$, то совершенно безразлично, распадается ли c на 50 сырого материала и 50 машин или на 10 сырого материала и 90 машин, или на 0 сырого материала и 100 машин, или наоборот, ибо норму прибыли определяет отношение $\frac{m}{c+v}$; как относятся элементы производства, из которых состоит c , по своей ценности ко всему c , в данном случае безразлично. Например, в угольной промышленности сырой материал, за исключением угля, который сам в свою очередь служит в качестве вспомогательного вещества, можно принять равным 0 и допустить, что весь постоянный капитал состоит из машин, включая сюда строения и орудия труда. С другой стороны, у портного машины могут быть приняты равным 0, и весь постоянный капитал может выразиться в материале

для шитья, именно если крупные портные не применяют еще швейных машин и, с другой стороны, как теперь нередко бывает в Лондоне, экономят расходы даже на помещение, отдавая работу своим рабочим на дом. Это [нововведение], при котором разделение труда второго типа снова принимает первоначальную форму. Если углепромышленник тратит 1000 на машины и 1000 на наемный труд, а портной—1000 на сырой материал и 1000 на наемный труд, то норма прибыли, при одинаковой норме прибавочной ценности, в обоих случаях одинакова. Если мы примем, что прибавочная ценность = 20—процентам, то норма прибыли была бы = 10 процентам в обоих случаях.

Следовательно, влияние отношения составных частей е сырого материала и машин на норму прибыли возможно только в двух случаях: 1) если благодаря изменению в этом отношении изменяется абсолютная величина с; 2) если благодаря этому отношению составных частей с изменяется величина v. Здесь должны были бы произойти органические изменения в самом производстве; здесь недостаточно простой тавтологии, что если известная часть с составляет меньшую часть суммы, то другая должна составлять большую.

В действительном бюджете одного английского фермера заработная плата составляет 1690 ф. ст., удобрение—686 ф. ст., семена—150 ф. ст., корм для коров—100 ф. ст. Следовательно, 936 ф. ст. на „сырой материал“, т. е. больше половины заработной платы (Смотри F. W. Newman, Lectures on Political Economy, Лондон, 1851, стр. 166). О бельгийской Фландрии говорится: удобрение и сено ввозятся в эту область из Голландии (для льноводства и т. д.; напротив, лен, льняное семя и т. д. они вывозят). Сор является в голландских городах предметом торговли и продается регулярно по высоким ценам в Бельгию. Приблизительно в 20 милях выше Антверпена, на Шельде, можно видеть резервуары для удобрения, которые доставляются из Голландии. Торговля производится обществом капиталистов в голландских лодках и т. д. (Бонфильд).

Таким образом, даже такое удобрение, как обыкновенный навоз, стало предметом торговли, а тем более костяная мука, гуано, кали и т. д. Это отнюдь не формальное только изменение в производстве заключается в том, что элемент производства оценивается в деньгах. По соображениям производительности, в почву вводятся новые ее вещества, а прежние продаются. Здесь также не только формальное различие между капиталистическим и прежним способом производства. Сама торговля семенами сделалась более важной в той самой мере, в какой начали понимать важность смены семян. Следовательно, было бы смешно говорить о земледелии в собственном смысле, что в него не входит „сырой материал“ и притом сырой материал, как товар, все равно воспроизводит ли его земледелие само или покупает, получает извне, как товар. Точно также было бы смешно говорить, что у фабриканта машин машина, которую он сам употребляет при производстве машин, не входит в его капитал, как элемент ценности.

Немецкий крестьянин, из года в год производящий элементы своего производства, семена, средства удобрения и т. д. и потребляющий

сам со своей семьей часть своего урожая, должен расходовать [в процессе производства] деньги только на пару-другую земледельческих орудий и на заработную плату. Допустим, что ценность всех его расходов будет 100 [при чем половина из них уплачивается деньгами]. Он потребляет половину [продукта] *in natura*. Другую половину он продает и выручает за нее, скажем, 100. Его валовой доход был бы тогда равен 100. И если он исчисляет его на капитал 50, [то это дает излишек в 50] = 100 процентам. Если одна треть идет на ренту ($16\frac{2}{3}$ %) и одна треть на налоги (вместе $33\frac{1}{3}$ %), то ему остается $16\frac{2}{3}$ % на 50, что составляет $33\frac{1}{3}$ % процента. Но на самом деле он получил только $16\frac{2}{3}$ % процента, [так как ценность его расходов не 50, а 100]. Крестьянин просто неверно высчитал, [так как он считал только денежные расходы], и обманул сам себя. У сельского хозяина капиталиста подобных ошибок в вычислении не бывает.

По договору исполнительной аренды (в Берри, например,) говорит Матье де Домбаль, „*Annales agricoles etc.*“. Париж, 1829 г. (4-е *livraison*, 1828), землевладелец дает землю, постройки и обыкновенно целиком или частью живой и мертвый инвентарь, необходимый для хозяйства. Арендатор, с своей стороны, дает свой труд и ничего, или почти ничего другого. Продукты земли делятся пополам (стр. 301). Исполщики представляют собой обыкновенно погрязших в нищете людей (стр. 302). Если арендатор с затратой 1000 франков достигает увеличения валового продукта до 1500 франков, так что валовой доход его равняется 500 франкам, то он должен разделить его пополам с землевладельцем, следовательно, получает из валового продукта в 1500 фр. 750, теряя, следовательно, 250 франков из своего капитала (стр. 304). При прежней системе обработки расходы или издержки производства на потребление скота, крестьянина и его семьи делались почти исключительно из самих продуктов *in natura*. Наличными деньгами расходы почти не производились. Только это обстоятельство могло дать повод думать, что землевладелец и арендатор могут делить между собой продукт земли, не потребленный во время производства; но этот процесс применим только к обрисованному роду сельского хозяйства, то-есть к жалкому сельскому хозяйству (*agriculture misérable*); как только, однако, появляется стремление внести улучшение в земледелие, то становится ясным, что это возможно только с помощью предварительных затрат капитала, которые надо удерживать из валового продукта, чтобы иметь возможность употребить их на производство следующего года. Всякое деление валового продукта становится поэтому непреодолимым препятствием для всякого улучшения (стр. 307).

с) Ценность, цена производства и рента.

Г. Родбертус, вообще, повидимому, представляет себе регулирование конкуренцией нормальной прибыли, или средней прибыли, или всеобщей нормы прибыли таким образом, что конкуренция сводит товары к их действительным ценностям, то-есть, следовательно, так регулирует отношения их цен, что в деньгах, или каком-либо ином

мериле ценности выражаются соотносительные количества рабочего времени, реализующиеся в различных товарах. Это происходит, конечно, не потому, что цена товара когда-нибудь в какой-либо данный момент равна его ценности или должна быть ей равна. Например, цена товара А начинает превышать его ценность и при том так, что это превышение некоторое время прочно держится достигнутой высоты или даже продолжает подниматься. Благодаря этому прибыль А поднимается над средней прибылью, так как она присваивает себе не только свое собственное „неоплаченное“ рабочее время, но и часть неоплаченного рабочего времени, которое „произвели“ другие капиталисты. Это должно возмещаться падением прибыли—при неизменяющейся денежной цене других товаров— в той или другой сфере производства. Если данный товар входит в потребление рабочих, как вообще жизненное средство, то он понизит норму прибыли во всех других отраслях; если он входит, как часть постоянного капитала, то он понижает норму прибыли в тех сферах производства, в которых он составляет элемент постоянного капитала. Наконец возможна была бы такая комбинация, что товар и не входит, как элемент, в какой-либо постоянный капитал, и не составляет необходимого жизненного средства рабочих (ибо товары, которые рабочий может по своему произволу покупать или нет, он потребляет, как потребитель вообще, а не как рабочий), а является предметом потребления, предметом индивидуального потребления вообще. Если товар входит, как предмет потребления, в потребление самих промышленных капиталистов, то повышение его цены никоим образом не коснулось бы суммы прибавочной ценности. Но если бы капиталист пожелал сохранить прежний уровень своего потребления, то часть прибыли (прибавочной ценности), обращаемая им на индивидуальное потребление, возросла бы по отношению к той части, какую он обращает на промышленное воспроизводство. Последняя, следовательно, понизилась бы. Таким образом, масса прибыли в известный промежуток времени (который и определяется воспроизводством капитала) упала бы в В, С и т. д., вследствие повышения цен в А или увеличения прибыли в А над ее средней нормой. Если бы предмет А входил в потребление исключительно непромышленных капиталистов, то они, сравнительно с прежним, потребляли бы больше в товаре А, чем в товарах В, С и т. д. Спрос на товары В, С и т. д. уменьшился бы; их цена упала бы,—и в этом случае повышение цены А или поднятие прибыли А над средней нормой вызвало бы падение прибыли ниже средней нормы в В, С и т. д. тем, что понизило бы денежные цены В, С и т. д., в отличие от предыдущих случаев, когда денежные цены В, С и т. д. оставались неизменными. Капиталы из В, С и т. д., где норма прибыли упала ниже уровня, ушли бы из своей собственной сферы производства и перешли бы в сферу производства А; но в особенности это имело бы место по отношению к части того капитала, который постоянно вновь появляется на рынке; он естественно особенно стремился бы к более прибыльной сфере А. Вследствие этого цена предмета А через некоторое время упала бы ниже его ценности и в течение того или другого времени продолжала бы падать, пока не наступило бы снова противоположное движение. В сферах В, С и т. д. имело бы

место обратное явление, частью вследствие уменьшившегося предложения предметов В, С и т. д., вследствие ухода капитала, следовательно, частью вследствие органических изменений, происходящих в самих этих сферах, частью же вследствие изменений, которые произошли в А и которые действуют теперь на В, С и т. д. в противоположном направлении.

Заметим мимоходом: возможно, что при выше обрисованном движении, если ценность денег предположена постоянной, денежные цены В, С и т. д. никогда больше не достигнут своей прежней высоты, хотя денежные цены В, С и т. д. повысятся над ценностью товаров В, С и т. д., следовательно, и нормы прибыли в В, С и т. д. повысятся над всеобщей нормой прибыли. Улучшения, открытия, величайшая экономия в средствах производства и т. д. применяются не в те времена, когда цены поднимаются выше их среднего уровня, а в те, когда цены падают ниже их среднего уровня, следовательно, когда и прибыль падает ниже ее обыкновенной нормы. В течение периода падения цен В, С и т. д. может, следовательно, упасть их действительная ценность или уменьшиться минимум рабочего времени, необходимого для производства данного товара. В этом случае товар может сохранить свою прежнюю денежную цену только при том условии, если повышение его цены над его ценностью равно разнице между ценой, выражающей его новую ценность, и ценой, выражавшей его более высокую прежнюю ценность. В этом случае цена товара изменила бы его ценность, благодаря воздействию на предложение, на издержки производства.

По результат выше указанного движения таков: если взять среднее из повышений и понижений цены товара относительно его ценности, или же период, в течение которого поднятия и падения уравниваются—такие периоды постоянно повторяются,—то средняя цена будет равна ценности, следовательно, и средняя прибыль известной сферы будет равна всеобщей норме прибыли; ибо хотя в этой сфере с повышением или понижением цен—или также с увеличением или уменьшением издержек производства при неизменяющейся цене—прибыль повысилась или упала выше или ниже ее прежней нормы, товар в среднем данного периода продавался по своей ценности, а значит, полученная прибыль равна всеобщей норме прибыли. Это представление А. Смита, а еще более—Рикардо, так как последний определеннее придерживается истинного понятия ценности. У него заимствует его и г. Родбертус. Но тем не менее это представление неверно.

Что производит конкуренция капиталов? Средняя цена товаров во время одного из периодов выравнивания такова, что эти цены в каждой сфере приносят товаропроизводителю одну и ту же норму прибыли, например, 10 процентов. Что означает это дальше? Что цена каждого товара на одну десятую стоит выше суммы издержек производства, которых данный товар стоил капиталисту, которые делает капиталист, чтобы произвести товар. В общей форме это означает только: что капиталы равной величины дают равные прибыли, что цена каждого товара на одну десятую выше цены затраченного на него, потребленного или выраженного в нем капитала. Но совершенно неверно, будто капиталы соответственно своей величине в различных сферах производят одну и

ту же прибавочную ценность¹⁾, даже если предположить, что абсолютный рабочий день уравнен во всех сферах, то-есть, норма прибавочной ценности предположена, как данная. При равной величине капиталов—согласно сделанной предпосылке—производимая ими масса прибавочной ценности различна, во-первых, соответственно отношению их органических составных частей, то-есть, переменного и постоянного капитала; во-вторых, — соответственно времени их обращения, поскольку оно определяется отношением основного и оборотного капитала и различных периодов воспроизводства различных родов основного капитала; в-третьих, — соответственно отношению длительности собственно периода производства к продолжительности времени труда, откуда вытекает существенное различие в отношении периода производства и периода обращения.

Первое из вышеуказанных отношений, отношение между постоянным и переменным капиталом, само может проистекать от весьма различных причин, напр., оно может быть лишь формальным, так что сырой материал, обработанный в одной сфере производства, окажется дороже, нежели обработанный в другой сфере; или же оно может происходить от различной производительности труда и т. д.

Следовательно, если бы товары продавались по их ценностям или если бы средняя цена товаров равнялась их ценности, то норма прибыли в различных сферах должна была бы быть весьма различной; в одном случае она равнялась бы 50, в других случаях была бы равна 40, 30, 20, 10 и т. д.

Если взять, например, всю совокупность товаров какой-либо сферы А на протяжении года, то ее ценность равнялась бы затраченному в ней капиталу плюс содержащийся в ней неоплаченный труд. То же самое имело бы место и в сферах В и С. Но так как количество неоплаченного труда, содержащегося в А, В и С различно, напр. в А больше, нежели в В, в В больше, нежели в С, то товары приносили бы своим производителям, в сфере А, допустим 3 М (М прибавочная ценность), в сфере В принесли бы 2 М и наконец в сфере С одно М. Так как норма прибыли определяется отношением прибавочной ценности ко всему затраченному капиталу, а последний нами предположен, как равный во всех трех сферах А, В, С, то, обозначив его через С, мы получим для различных норм прибыли следующее выражение $\frac{3М}{С}$, $\frac{2М}{С}$, $\frac{М}{С}$. Конкуренция капиталов может лишь выравнить нормы прибыли, так в приведенном нами примере она установит нормы прибыли, равные $\frac{2М}{С}$, $\frac{2М}{С}$, $\frac{2М}{С}$. А продал бы в этом случае свой товар на 1 М дешевле его ценности, С же наоборот на 1 М дороже. Как показывает случай В,

¹⁾ Здесь совершенно не принято во внимание, производится ли работа у одного капиталиста дольше, чем у другого, но абсолютный рабочий день принят, как равный для всех сфер. Отчасти различие в абсолютных рабочих днях уравнивается в различных днях интенсивностью труда и т. п., отчасти различия представляют только произвольные добавочные прибыли, исключения и т. п.

может случиться, что средняя цена товара и ценность совпадут. Это имеет место в сфере В лишь потому, что произведенная в ней самой прибавочная ценность равна средней прибыли, следовательно в этой сфере различные части капитала относятся одна к другой так же, как они относились бы, если бы мы представили себе всю сумму капиталов, весь капитал класса капиталистов, как единую величину, на которую исчисляется вся совокупная прибавочная ценность, независимо от того, в какой сфере всего совокупного капитала она произведена. В этом совокупном капитале всего класса капиталистов выравниваются времена обращения и т. п. Например, весь этот капитал высчитывается, как совершающий свой оборот в течение одного года и т. д. Тогда, действительно, любая часть этого совокупного капитала, соответственно своей величине, оказалась бы соучастницей всей совокупной прибавочной ценности, получила бы соответственную долю последней. И так как каждый единичный капитал следовало бы рассматривать, как соучастника в этом совокупном капитале, то было бы правильно следующее: во-первых, норма прибыли его равнялась бы норме прибыли всякого другого капитала, равные по величине капиталы приносили бы и равные прибыли и, во-вторых, что вытекает из предыдущего, оказалось бы, что масса прибыли зависит от величины капитала, от числа паев во всем совокупном капитале, которыми владеет данный капиталист.

Конкуренция капиталов имеет тенденцию также поступать с каждым капиталом, как с частью всего совокупного капитала и таким образом регулировать его участие в прибавочной ценности, а следовательно, и прибыль. В большей или меньшей мере конкуренция этого добывается путем своих выравниваний¹⁾. На немецком языке это, однако, означает не что иное, как то, что капиталисты стремятся (это же стремление является конкуренцией) распределять все количество неоплаченного труда, которое они выжимают из рабочего класса, или продукты этого труда, не соответственно тому, сколько каждый особый капитал сам произвел этого неоплаченного труда, но, во-первых, в зависимости от того, какую долю всего совокупного капитала составляет данный особый капитал и, во-вторых, соответственно тому отношению, в каком сам совокупный капитал производит прибавочный труд. Капиталисты, как братья-враги делят между собой свою добычу, присвоенный ими чужой труд, так что в среднем каждый из них присваивает столько неоплаченного труда, как и всякий другой.

Это выравнивание устанавливается конкуренцией путем регулирования средних цен. При этих средних ценах товар продается выше или ниже его ценности, так чтобы он приносил норму прибыли, не превышающую нормы прибыли, которую приносит всякий иной товар. Следовательно, ошибочно мнение, будто конкуренция между капиталами устанавливает всеобщую норму прибыли тем, что цены товаров приравнивает их ценностям. Напротив, она устанавливает их тем, что она ценности товаров превращает в средние цены, в кото-

¹⁾ Причины, почему она в некоторых сферах производства встречается с особыми препятствиями, здесь не подлежат рассмотрению.

рых часть прибавочной ценности одного товара оказывается перенесенной на другой товар и т. д. Ценность товара равна количеству содержащегося в нем труда, оплаченного и неоплаченного.

Средняя цена (или цена производства) товара, равная количеству содержащегося в нем оплаченного труда (живого и овеществленного) плюс некоторая доля неоплаченного труда, которая не зависит от того, содержится ли она в ценности самого товара в той же пропорции или ее содержится больше или меньше.

[Родбертус, как и Рикардо, исходит из того убеждения, что ценность и средняя цена взаимно покрываются. Мы знаем, что как общее правило, это не имеет места и проявляется лишь в виде исключения, при среднем органическом строении капитала]. [Но] возможно — я откладываю это для более позднего исследования, которое не входит в рамки этой книги, — возможно, что известные сферы производства работают при таких условиях, которые препятствуют сведению их ценности к средним ценам в вышеуказанном смысле — которые не допускают конкуренцию одержать эту победу! Если бы это, например, имело место по отношению к ренте в земледелии или ренте с рудников (существуют ренты, которые можно объяснить исключительно только монополией, например, водная рента в Ломбардии и в некоторых частях Азии, а также рента с домов, поскольку она является рентой землевладения), то отсюда следовало бы, что в то время, как продукт всех промышленных капиталов поднимался или падал до средней цены [в вышеуказанном смысле, то есть, до цены производства), продукт земледелия был бы равен своей ценности, которая стояла бы выше цены производства. Имелись бы здесь на лицо препятствия, благодаря которым из произведенной в этой сфере производства прибавочной ценности присваивалось бы в качестве собственности самой этой сферы больше, чем должно было иметь место по законам конкуренции, соответственно сумме капитала, вложенного в эту отрасль промышленности? Если бы промышленные капиталы, которые не временно, а по природе их сфер производства, по сравнению с другими, производят на 10 или 20 или 30 процентов больше прибавочной ценности, чем промышленные капиталы равной величины в других сферах производства, если бы они, говоря я, были способны вопреки конкуренции удержать эту добавочную прибавочную ценность и помешать ей войти в общее исчисление, распределение, устанавливающее всеобщую норму прибыли, то в таком случае в сфере производства этих капиталов возможно образование двух различных присваивателей дохода — одного, получающего всеобщую норму прибыли, и другого, получающего излишек, свойственный исключительно данной сфере. Каждый капиталист, желая вложить в данную сферу свой капитал, мог бы платить, отдавать этому привилегированному лицу данный излишек, как и всякий другой капиталист, и с теми же самыми видами на будущее. Если бы это имело место в земледелии и т. д., то распадение прибавочной ценности на прибыль и ренту здесь отнюдь не показывало бы, что труд сам по себе здесь производительнее — в смысле доставления прибавочной ценности, — чем в промышленности; следовательно, не нужно было бы

принисывать земле никакой волшебной силы, что, впрочем, само по себе смешно, так как ценность создается трудом, и, следовательно, невозможно, чтобы прибавочная ценность создавалась землей; хотя относительная прибавочная ценность может быть следствием естественной плодородности земли, но отсюда ни в каком случае не могла бы получиться более высокая цена продуктов земли. Скорее обратное. Точно также не нужно было бы прибегать под защиту теории Рикардо, которая сама по себе несимпатично связывается с Мальтусовской грязью, влечет „отвратительные“ последствия и если теоретически и не противостоит моему специальному учению об относительной прибавочной ценности, то практически все же отнимает у него большую часть его значения.

Вся штука у Рикардо вот в чем: земельная рента, например, в земледелии, в тех случаях, когда, по его предположению, земледелие, ведется капиталистическим способом и налицо имеется арендатор, не может быть ничем иным, как излишком над всеобщей прибылью. Совершенно безразлично, является ли то, что получает землевладелец, действительно равным этой ренте в экономически-буржуазном смысле. Это может быть простым вычетом из заработной платы (сравни Ирландию) или также получаться отчасти благодаря понижению прибыли арендатора ниже среднего уровня прибыли. Все эти возможные комбинации абсолютно безразличны. Особую, характеристическую форму прибавочной ценности рента составляет в буржуазной системе лишь постольку, поскольку она является излишком над всеобщей прибылью.

Но как это возможно? Товар пшеница, подобно всякому другому, продается (по мнению Рикардо) по его ценности, то-есть, обменивается на другие товары в соответствии с содержащимся в нем рабочим временем.

Это первая неверная предпосылка, искусственно делающая проблему более трудной. Товары обмениваются по их ценностям лишь в виде исключения. Их цены производства определяются иначе. *Vide supra*.

Арендатор, возделывающий пшеницу, получает ту же прибыль, как и все другие капиталисты. Это показывает, что он, как и все другие, присваивает себе неоплаченное рабочее время своих рабочих. Откуда, следовательно, эта рента? Она должна представлять рабочее время. Почему прибавочный труд распадается в земледелии на прибыль и ренту, тогда как в промышленности он равен только прибыли? И как это вообще возможно, если прибыль в земледелии равна прибыли во всякой другой сфере производства? Неверные представления Рикардо о прибыли и непосредственное смешение ее с прибавочной ценностью являются и здесь вредными, затрудняющими для него дело.

Рикардо разрешает затруднение, представляя его в принципе, как не существующее, и это в самом деле единственный способ разрешить затруднение принципиально. Только это можно сделать двояким образом. Или доказывают, что противоречие с принципом кажущееся, причем эта видимость вытекает из развития самой вещи. Или это затруднение, как это делает Рикардо, отрицается в одном пункте, который

затем принимается, как исходный, из которого можно объяснить существование затруднения в другом пункте.

Рикардо берет своим исходным пунктом такую комбинацию, при которой капитал арендатора равен капиталу всякого другого, приносящему только прибыль, все равно, представляется ли этот капитал арендатора, как цельная аренда, не платящая земельной ренты, или как часть аренды земли, которая не платит ренты, следовательно, вообще, как вложенный в обработку земли капитал, не платящий ренты. Это и есть исходный пункт; он может быть выражен и таким образом: первоначально капитал арендатора платит только прибыль, но не платит никакой земельной ренты. Эта неверная историческая форма [впрочем] несущественна и обща всем буржуазным экономистам при установлении и других законов. Здесь нет отличия от всякого другого промышленного капитала. Рента появляется только потому, что возрастает спрос на хлеб, и, в отличие от других отраслей промышленности, приходится прибегать к менее плодородной почве. Благодаря повышению цены жизненных средств арендаторов,—предположенный первоначальный арендатор—страдает так же, как и всякий другой промышленный капиталист, поскольку он так же должен платить больше своим рабочим. Но он выигрывает благодаря поднятию цены его товара над его ценностью, поскольку, во-первых, другие входящие в его постоянный капитал товары падают в относительной ценности сравнительно с его товаром, и он, следовательно, покупает их дешевле; во-вторых, поскольку он владеет своей прибавочной ценностью в более дорогом товаре. Следовательно, прибыль этого арендатора поднимается выше средней нормы прибыли, которая, однако, упала.

Тогда другой капиталист начинает обрабатывать более плохую почву № 2, которая, при этой незначительной норме прибыли, может доставлять продукт по цене I-го или, может быть, даже несколько дешевле. Как бы то ни было, теперь мы имеем снова на II-м нормальное отношение, что прибавочная ценность выражается только в прибыли, но для нас является об'ясненной рента для I-го и именно благодаря тому, что существует двоякая цена производства, но вместе с тем цена производства II-го есть рыночная цена I-го. Совершенно так же, как фабричный товар, производимый при более благоприятных условиях, дает временный добавочный барыш.

Цена пшеницы, включающая в себя, кроме прибыли, еще и ренту, состоит, правда, только из овеществленного труда, равна своей ценности, но не ценности, содержащейся в ней самой, а ценности 2-го. Двух рыночных цен [рядом друг с другом] на товар быть не может.

В то время, как Рикардо вводит II-го арендатора, в результате падения нормы прибыли, Стирлинг дает ему возможность выступить на сцену вследствие того, что заработная плата от возвышения цен на хлеб не повысилась, а упала. Эта упавшая заработная плата позволяет II-му возделывать [почву] № 2 с старой нормой прибыли, хотя эта почва и менее плодородна.

Раз таким образом доказана возможность существования земельной ренты, остальное вытекает отсюда уже легко.

Различие земельной ренты в соответствии с возрастающей плодородностью и т. д., естественно, остается верным. Последнее не включает в себя неперемного перехода к все более плохой почве.

Такова, следовательно, теория Рикардо.

Так как повысившаяся цена пшеницы, доставляющая 1-му добавочную прибыль, II-му дает не ту же самую норму прибыли, что раньше, но меньшую, то ясно, что продукт № 2 содержит больше ценности, чем продукт № 1, или что он является продуктом большего рабочего времени; в нем содержится большее количество труда, стало быть для производства того же продукта, например, квартера пшеницы должно быть употреблено большее количество рабочего времени. И повышение ренты будет стоять в соответствии с этим повышением неплодородности земли или с ростом количества труда, которое должно быть употреблено для производства, например, квартера пшеницы. Рикардо, естественно, не говорил бы о „повышении“ ренты, если бы повышалось только число кварталов, с которых уплачивается рента; он находит это повышение в том случае, когда [цена того же самого] одного квартера повышается, например, с 30 шиллингов до 60 шиллингов. Он, во всяком случае, часто забывает, что абсолютная величина ренты может возрастать, при упавшей норме ренты, как абсолютная масса прибыли может возрастать при падающей норме прибыли.

Другие стремятся обойти затруднение (например, Кэри), прямо отрицая это затруднение другим способом. Земельная рента есть просто процент на вложенный раньше в землю капитал. Следовательно, она является также только формой прибыли. В этом случае, следовательно, отрицается существование земельной ренты, чем в действительности избегается ее об'яснение.

Другие, например, Буханан, рассматривают ее, как простое следствие монополии. Смотри также Гопкинса. Здесь она простая надбавка сверх ценности.

У г. Опдейко (Opdyke), и это характерно для янки,—землевладение или земельная рента становится „легализованным отражением ценности капитала“. [С таким же правом можно было бы назвать] „капитал легализованным отражением ценности чужого труда“.

Рикардо не является изобретателем теории ренты. Вест и Мальтус опубликовали [свои сочинения по этому вопросу] до него. Источник—это Андерсон. Что однако, отличает Рикардо (хотя и у Веста не вполне отсутствует правильная связь), это связь у него земельной ренты с его теорией ценности. Мальтус, как показывает его позднейшая полемика с Рикардо по поводу земельной ренты, не понял даже позаимствованной им у Андерсона теории.

[У Рикардо исследованию мешают две неверных предпосылки]. Исходя из правильного принципа, что ценность товаров определяется необходимым для их производства рабочим временем и что ценность вообще есть не что иное, как реализованное общественное рабочее время, он отсюда заключает, что средняя цена товара определяется рабочим временем, необходимым для его производства. Это заключение было бы верным, если бы было доказано, что средняя цена равна цен-

ности. Но я показываю, что как раз потому, что ценность товара определяется рабочим временем, средняя цена [или цена производства] товара никогда не может быть равна его ценности (за исключением единственного случая, когда, так сказать, индивидуальная норма прибыли в отдельной сфере производства равна средней норме прибыли общего капитала), хотя это определение цены производства является лишь выведенным из ценности, опирающейся на определение рабочим временем. Отсюда следует прежде всего, что выше или ниже собственной ценности могут продаваться и те товары, цена производства которых (если не принимать во внимание ценности постоянного капитала) состоит только из заработной платы и прибыли, так что и заработная плата, и прибыль стоят на их нормальном уровне, представляют среднюю заработную плату и среднюю прибыль. То обстоятельство, что прибавочная ценность товара выражается лишь в рубрике нормальной прибыли, [еще не доказывает, что товар продается по его ценности; а то обстоятельство, что товар кроме прибыли приносит еще земельную ренту, [столь же мало] доказывает, что товар продается выше его имманентной ценности. Если средняя или всеобщая норма прибыли на капитале, реализуемая товаром, может стоять ниже его собственной, определяемой его действительной прибавочной ценностью нормы прибыли, то отсюда вытекает следующее: если товары отдельной сферы производства дают, кроме этой средней нормы прибыли, еще второе количество прибавочной ценности, носящей особое название, положим, земельную ренту, то прибыль плюс земельная рента,—т.-е. сумма прибыли и земельной ренты, не должны быть больше содержащейся в самом товаре прибавочной ценности. Так как прибыль может быть меньше имманентной товару прибавочной ценности или количества неоплаченного труда, содержащегося в товаре, то прибыль плюс земельная рента не должны быть больше имманентной прибавочной ценности товара. Конечно, оставалось бы об'яснить то явление, почему это имеет место в отдельной сфере производства в отличие от других сфер производства. Но проблема уже была бы очень облегчена.

Товар [этой отдельной сферы производства] отличается от других следующим.

В одной части других товаров их цена производства стоит выше их имманентной ценности, но лишь затем, чтобы поднять их норму прибыли до всеобщей прибыли; в другой части других товаров их цена производства стоит ниже их имманентной ценности, но лишь поскольку это необходимо для понижения их нормы прибыли до всеобщей нормы прибыли; наконец, в третьей части этих товаров их цена производства равна их имманентной ценности, но только потому, что они дают всеобщую норму прибыли, продаваясь по их имманентной ценности. Товар, приносящий земельную ренту, отличается от всех этих трех случаев. При всех условиях цена, по которой он продается, такова, что он приносит больше, чем среднюю прибыль,—определяемую всеобщей прибылью на капитал.

[Теперь сравним вышеприведенные три случая с теми, которые возможны для товара, приносящего земельную ренту]. Реализуется ли

в его цене вся содержащаяся в нем прибавочная ценность? Сюда по существу дела не входит вышеупомянутый третий случай с товарами, вся прибавочная ценность которых реализуется в их ценности производства, так как там они приносят только обычную прибыль. Этот случай, следовательно, не подлежит рассмотрению. То же относится, при этом предположении, к первому случаю, когда реализованная в цене товара прибавочная ценность стоит выше его имманентной прибавочной ценности. Ибо как раз предположено, что в его цене реализуется содержащаяся в нем прибавочная ценность. Следовательно, данный случай аналогичен второму случаю, с товарами, в которых их имманентная прибавочная ценность выше, чем прибавочная ценность, реализованная в их цене производства. Как и у этих товаров прибыль составляет форму этой прибавочной ценности — которая при посредстве понижения уравнивается с всеобщей нормой прибыли. Однако, излишек имманентной товару прибавочной ценности над этой прибылью в этих исключительных товарах в отличие от товара № 2 также реализуется, но достается другому владельцу, а не владельцу капитала, — именно владельцу земли, естественного средства производства, рудника и т. д.

Или его цена поднялась так высоко, что она дает больше, чем среднюю норму прибыли. Это, например, имеет место при собственно монопольных ценах. По отношению ко всякой сфере производства, где капитал и труд могут применяться легко и продуктивно, и производство, что касается массы примененного капитала, подчинено всеобщим законам, эта предпосылка не только была бы *retitio principii*, но прямо противоречила бы основам науки и капиталистического производства, теоретическим выражением которого наука только и является. Ибо такая предпосылка предполагала бы то, что как раз должно быть объяснено, а именно, что в определенной сфере производства цена товара должна давать больше, чем всеобщую норму прибыли, больше, чем среднюю цену, и для этого товар должен продаваться выше его ценности. Эта предпосылка, следовательно, допускала бы, что земледельческие продукты изъяты из всеобщих законов прибавочной ценности и капиталистического производства. И она предполагала бы это именно потому, что особое существование ренты рядом с прибылью *prima facie* создает такую иллюзию. Но это было бы абсурдом.

Поэтому не остается ничего другого, кроме предположения, что в этой отдельной сфере производства существуют особые условия, влияния, благодаря которым цены товаров реализуют [всю] имманентную им прибавочную ценность в их цене, вместо того, чтобы реализовать лишь столько, сколько было бы нужно сообразно с всеобщей нормой прибыли; вместо того, чтобы их цены производства были настолько ниже их прибавочной ценности, чтобы давать только всеобщую норму прибыли или чтобы их средняя прибыль не была больше, чем во всех других сферах производства капитала. Этим проблема уже значительно упрощена. Дело идет больше не о том, чтобы объяснить, как происходит, что цена товара кроме прибыли приносит еще и земельную ренту, следовательно, повидимому нарушает всеобщий закон ценности, и, благодаря поднятию его цены над [уровнем, данным] его имманентной прибавочной ценностью,

приносит больше всеобщей нормы прибыли на капитал данной величины; дело скорее идет о том, как происходит, что этот товар, при приведении товаров к ценам производства, не должен отдавать так много из своей имманентной прибавочной ценности, чтобы приносить только среднюю прибыль, но и реализует еще часть своей собственной прибавочной ценности, составляющей излишек над средней прибылью? Как поэтому возможно, что арендатор, вкладывающий капитал в эту сферу производства, продает товар по таким ценам, что он приносит ему обычную прибыль и вместе с тем дает ему возможность платить третьему лицу, землевладельцу реализованный излишек прибавочной ценности товара над этой прибылью. В этой форме уже одна формулировка проблемы влечет за собой свое собственное разрешение. Попросту — частная собственность определенных лиц на землю, копи, воды и т. д. дает им возможность захватывать, подхватывать, перехватывать содержащийся в товарах этой особой сферы производства, этого особого приложения капитала излишек прибавочной ценности, над прибылью, средней прибылью, над нормой прибыли, определяемой всеобщей нормой прибыли, дает возможность помешать этому излишку войти во всеобщий процесс, при посредстве которого образуется всеобщая норма прибыли. Часть этой прибавочной ценности захватывается даже во всяком промышленном предприятии, так как повсюду за землю под фабричными строениями, жилищами для рабочих и т. д. уплачивается поземельная рента в виду того, что даже [там], где землю можно иметь совершенно свободно, фабрики строятся только в более или менее уже заселенных и богатых путями сообщения местностях.

Если бы продукты, получающиеся с самой плохой почвы, принадлежали к 3-й категории товаров, именно тех товаров, средняя цена которых равна их ценности, то-есть, реализующих в своей цене всю свою имманентную прибавочную ценность, так как только таким образом они приносят обычную прибыль,—то эта земля не уплачивала бы никакой земельной ренты, и землевладение было бы здесь лишь номинальным. Если бы здесь уплачивалась аренда, то это доказывало бы только, что мелкие капиталисты, как это имеет место отчасти в Англии (смотри Ньюмана), довольствуются прибылью ниже средней. То же самое всегда имеет место, если норма земельной ренты больше разницы между имманентной прибавочной ценностью товара и средней прибылью. Существует даже почва, дающая при обработке самое большое столько, сколько необходимо, чтобы уплатить заработную плату, ибо хотя рабочий и работает здесь весь свой рабочий день для самого себя, его рабочее время превышает общественно необходимое рабочее время. Оно настолько непроизводительно — по отношению к господствующей производительности этой отрасли труда, — что хотя человек и работает для себя двенадцать часов, он едва [вырабатывает] столько продукта, сколько вырабатывает рабочий при более благоприятных условиях производства в восемь часов. Это то же самое явление, которое наблюдается и при конкуренции ручного ткача с паровым ткацким станком. Конечно, продукт этого ручного ткача был равен двенадцати рабочим часам, но он был равен только восьми общественно необходимым часам или менее, и его продукт

поэтому имел ценность только восьми необходимых рабочих часов. Если в подобном случае бобыль (Häusler) платит аренду, то она является простым вычетом из его необходимой заработной платы и не представляет никакой прибавочной ценности, а еще менее — излишка над средней прибылью.

Допустим, что в стране, как, напр., Соединенные Штаты, число конкурирующих фермеров еще столь незначительно и присвоение земли в собственность еще столь формально, что каждый находит место для того, чтобы без позволения прежних обрабатывающих землю собственников или арендаторов вложить свой капитал в обработку земли. При таких обстоятельствах в течение довольно продолжительного времени возможно — за исключением участков, положение которых в густо населенных местностях дает им монополию, — что прибавочная ценность, производимая фермером свыше средней прибыли, не реализуется в цене его продукта, и он вынужден делить ее с братьями капиталистами, как это случается с прибавочной ценностью всех товаров, которая, при реализации ее в их цене, давала бы им добавочную прибыль, поднимала бы их норму прибыли над всеобщей нормой прибыли. В этом случае всеобщая норма прибыли повысилась бы, потому что пшеница и т. д. продавалась бы, подобно другим промышленным товарам, ниже своей ценности. Эта продажа ниже ценности не составляла бы никакого исключения, но скорее помешала бы пшенице составлять исключение из других товаров той же категории.

Допустим, во-вторых, что в стране земля одного только качества, но условия — таковы, что, если бы вся прибавочная ценность товара реализовалась в его цене, она приносила бы капиталу обычную прибыль. В этом случае не уплачивалось бы никакой земельной ренты. Это отпадение земельной ренты совершенно не повлияло бы на всеобщую норму прибыли, не повышало бы и не понижало ее, точно так же, как на нее не влияет и то, что другие, не сельскохозяйственные продукты находятся в той же категории. Эти товары находятся именно в этой категории, потому что их имманентная прибавочная ценность равна средней прибыли; они, следовательно, не могут изменить высоту этой прибыли, которой они скорее соответствуют и на которую они совершенно не влияют, хотя она на них влияет.

Допустим, в-третьих, что страна состоит только из одного рода почвы, но эта почва столь неплодородна, а капитал, вложенный в нее, столь непроизводителен, что его продукт принадлежит к разряду товаров, прибавочная ценность которых ниже средней прибыли. В виду того, что заработная плата, вследствие непроизводительности земледелия, всюду [высока], прибавочная ценность здесь естественно могла бы стоять высоко только там, где могло бы быть продолжено абсолютное рабочее время; далее только там, где сырой материал, как железо и т. д., не был бы продуктом земледелия или, как хлопчатая бумага, шелк и т. д., был бы предметом ввоза и продуктом более плодородной почвы. В этом случае, для доставления обычной прибыли, цена товара должна была бы заключать более высокую прибавочную ценность, чем ценность, имманентная

товару. Всеобщая норма прибыли благодаря этому упала бы, хотя ренты и не существовало бы.

Или допустим в случае 2, что почва очень непроизводительна. Тогда равенство прибавочной ценности этого сельскохозяйственного продукта с средней прибылью показывало бы, что последняя вообще низка, так как в земледелии нужно, может быть, из двенадцати часов одиннадцать, чтобы произвести одну только заработную плату, прибавочная же ценность равна одному часу или менее.

Эти различные случаи иллюстрируют следующее:

В первом случае, отпадение или отсутствие земельной ренты обуславливается ее сосуществованием с [высокой]—по сравнению с другими странами, где развита земельная рента—нормой прибыли.

Во втором случае, отпадение или отсутствие земельной ренты совершенно не влияет на норму прибыли.

В третьем случае, по сравнению с другими странами, где существует земельная рента, это обуславливается низкой, относительно более низкой, всеобщей нормой прибыли.

Таким образом, отсюда вытекает, что развитие особой земельной ренты абсолютно не имеет ничего общего с производительностью сельскохозяйственного труда, так как ее отсутствие или отпадение может быть связано с повышающейся, остающейся неизменной и понижающейся нормой прибыли.

Вопрос здесь не в том, почему в земледелии и т. д. реализуется излишек прибавочной ценности над средней прибылью; наоборот, скорее следовало бы поставить вопрос, почему здесь должно было бы иметь место противоположное?

Прибавочная ценность есть не что иное, как неоплаченный труд: средняя прибыль или нормальная прибыль есть не что иное, как количество неоплаченного труда, реализуемое в среднем каждым капиталом данной величины ценности; если говорится, что средняя прибыль—10 процентов, то это не обозначает ничего другого, как то, что на капитал в 100 приходится неоплаченного труда 10 или что овеществленный труд, равный 100, распоряжается неоплаченным трудом в размере десятой части своей собственной суммы. Излишек прибавочной ценности над средней прибылью обозначает, следовательно, что в товаре (его цене или части его цены, которая состоит из прибавочной ценности) заключается количество неоплаченного труда большее, чем количество неоплаченного труда, составляющее среднюю прибыль, которая представляет в цене производства товара излишек его цены над ценою его издержек производства. Издержки производства представляют в каждом отдельном товаре затраченный капитал, а излишек над этими издержками производства представляет неоплаченный труд, которым распоряжается затраченный капитал, следовательно, отношение этого излишка в цене [к] цене издержек производства представляет норму, в которой капитал данной величины—затраченный в процесс производства товара—распоряжается неоплаченным трудом, все равно, равен или неравен этой норме содержащийся в товаре особой сферы производства неоплаченный труд.

Что же заставляет отдельного капиталиста продавать свой товар, например, по цене производства — эта цена производства навязывается ему, это не его свободное действие: он предпочитал бы продавать товар выше его ценности — по такой цене производства, которая приносит ему только среднюю прибыль и позволяет ему реализовать меньше неоплаченного труда, чем фактически вырабатывается в его собственном товаре? Проявляемое при посредстве конкуренции давление других капиталов. Всякий капитал той же величины мог бы ведь также устремиться в отрасль производства А, в которой отношение неоплаченного труда к затраченному капиталу больше, чем в сферах производства В, С и т. д. продукты которых, однако, в своей потребительной ценности удовлетворяют равным образом социальные потребности, совершенно так же, как товары сферы производства А.

[Существуют] сферы производства, в которых известные естественные средства производства, как, например, пахотная земля, залежи угля, железные копи, падение воды и т. д., без которых процесс производства не может совершаться, без которых не может быть произведен товар данной сферы, принадлежат не собственникам или владельцам овеществленного труда, капиталистам, а другим людям. И вот этот второй разряд собственников средств производства говорит: если я предоставляю тебе в пользование эти средства производства, то ты должен получить свою среднюю прибыль, присвоить себе нормальное количество неоплаченного труда, но твое производство дает излишек прибавочной ценности, то-есть неоплаченного труда над нормой прибыли. Этот излишек ты не должен бросать в общий счет, как это обыкновенно делается у вас, капиталистов: я присваиваю его себе, он принадлежит мне. Сделка может подойти тебе, ибо капитал приносит тебе в этой сфере производства столько же, сколько во всякой другой, и кроме того это очень солидная отрасль производства. Твой капитал приносит тебе здесь кроме 10 процентов неоплаченного труда, составляющего среднюю прибыль, еще 20 процентов добавочного неоплаченного труда. Их ты уплачиваешь мне и, чтобы иметь возможность это сделать, ты присчитываешь к цене товара эти 20 процентов неоплаченного труда и не вносишь их в общий счет с другими капиталистами. Как твоя собственность на одно средство производства — капитал, овеществленный труд — делает для тебя возможным присваивать себе у рабочих определенное количество неоплаченного труда, так моя собственность на другие средства производства, землю и т. д. дает мне возможность захватывать у тебя и всего класса капиталистов часть неоплаченного труда, являющуюся излишком над твоей средней прибылью. Ваш закон требует, чтобы при нормальных условиях одинаковый капитал присваивал одинаковое количество неоплаченного труда, и к этому вы, капиталисты, можете принуждать друг друга при посредстве конкуренции. Прекрасно! Я применяю этот закон как раз к тебе. Ты должен присваивать себе из неоплаченного труда твоих рабочих не больше, чем ты мог бы присвоить себе с тем же капиталом во всякой другой сфере производства. Но закон не имеет никакого отношения к излишку неоплаченного труда, который ты „произвел“, над нормальной суммой его. Кто мне мешает присвоить себе этот „излишек“?

Почему я должен был бы [уступить его вам], если между вами существует обычай бросать его в общую кассу капитала, для распределения между классом капиталистов, чтобы каждый получил из него соответствующую часть, соразмерно той доле, которой он владеет в общем капитале? Я не капиталист. Средство производства, пользование которым я тебе предоставляю, есть не овеществленный труд, а дар природы. Разве вы можете производить землю, или воду, или рудники, или угольные копи? Quod pop. По отношению ко мне не существует, следовательно, того средства принуждения, которое может быть применено по отношению к тебе, чтобы заставить тебя снова выплюнуть часть проглоченного тобою прибавочного труда! Значит, по рукам! Единственное, что могут сделать твои братья, капиталисты, это составит конкуренцию не мне, а тебе. Если ты будешь уплачивать мне добавочной прибыли меньше, чем составляет разница между созданным тобою прибавочным трудом и долей прибавочного труда, приходящейся тебе по закону капитала, то явятся твои братья капиталисты и принудят тебя своей конкуренцией добросовестно уплачивать мне полную сумму того, что я могу выжать у тебя.

Теперь следовало бы развить: 1) переход от феодального землевладения к другой, коммерческой земельной ренте, регулируемой капиталистическим производством; 2) как возникает земельная рента в странах, подобных Соединенным Штатам, где земля первоначально не являлась частной собственностью и, по крайней мере, формально, с самого начала господствует буржуазный способ производства; 3) азиатские формы землевладения, продолжающие еще существовать. Все это сюда не относится.

Согласно этой теории, частная собственность на дары природы—землю, воду, рудники и т. д., собственность на эти средства производства, на эти природные условия производства не есть источник, откуда происходит ценность, ибо ценность равна только овеществленному рабочему времени,—она не является также источником, откуда происходит прибавочная ценность, то-есть излишек неоплаченного труда над содержащимся в прибыли неоплаченным трудом. Но эта собственность есть источник дохода. Она является законным способом, средством, дающим возможность собственнику средств производства в той сфере производства, в которой предмет его собственности является средством производства, присваивать себе часть выжатого капиталистом неоплаченного труда, которая иначе, как излишек над обычной прибылью, была бы брошена в кассу капитала. Эта собственность представляет из себя средство помешать процессу, наблюдаемому в других капиталистических сферах производства, и удержать произведенную в этой отдельной сфере производства прибавочную ценность в ней самой, так что эта прибавочная ценность делится теперь между капиталистом и землевладельцем. Благодаря этому землевладение становится ассигновкой на неоплаченный труд, даровой труд, такой же ассигновкой, какой является капитал. [И как капитал представляется источником ценности благодаря тому, что он имеет силу выжимать у рабочего неоплаченный труд, так и землевладение кажется источником ценности, благодаря тому обстоятельству], что оно дает возможность землевладельцу отнимать у капиталиста часть не-

оплаченного труда.—Это объясняет современную земельную ренту, ее существование. Различная величина земельной ренты при одинаковых размерах вложенного капитала объясняется только различной плодородностью участков. Различная величина земельной ренты при одинаковой плодородности может объясняться только различной величиной вложенных капиталов. В первом случае растет земельная рента, потому что повышается ее норма по отношению к вложенному капиталу (а также к площади участка). Во втором случае она растет, потому что при одинаковой или даже различной в отдельных своих частях норме (в том случае, если вторая затрата капитала не одинаково производительна) растет ее масса.

По этой теории не является необходимым ни то, чтобы самая плохая почва не платила земельной ренты, ни то, чтобы она ее платила. Далее, совершенно не является необходимым, чтобы производительность земледелия уменьшалась, [даже если] разница в производительности [между самой лучшей и самой плохой почвой], в случае если она не устранена искусственно, — что возможно, [является] гораздо больше, чем в одинаковых промышленных сферах производства. Говорится ли о большой или незначительной плодородности, дело идет [о том же виде продуктов]. Как различные продукты относятся друг к другу, это другой вопрос.

Земельная рента, исчисляемая на самую почву, есть „рентный фонд“ (Rental)—масса ренты. Она может возрастать без повышения нормы ренты. Если ценность денег остается неизменной, то земледельческие продукты могут повышаться в относительной ценности, не потому, что земледелие становится непроизводительным, а потому, что хотя оно и становится производительнее, но не в той же мере, как промышленность. Напротив, повышение денежных цен земледельческих продуктов, при неизменной ценности денег, возможно только в том случае, если возрастает сама их ценность, следовательно, если земледелие становится непроизводительным, за исключением случаев временного давления спроса на предложение, как это имеет место по отношению к другим товарам.

В хлопчатобумажной промышленности сырой материал постоянно падал в цене с развитием самой промышленности, точно также в промышленности железодельательной, угольной и т. д. Возрастание ренты было здесь возможно не потому, что повышалась ее норма, а только потому, что применялось больше капитала.

Рикардо полагает, что силы природы, как воздух, свет, электричество, пар, вода, являются даровыми, земля же вследствие ее ограниченности—нет. Следовательно, уже вследствие этого земледелие менее производительно, чем другие отрасли промышленности. Если бы земля была таким же общим достоянием, не имеющим господина и если бы ее так же можно было иметь в любом количестве, как другие стихии и силы природы, то производство было бы гораздо производительнее.

Прежде всего, если бы каждый мог распоряжаться землей столь же свободно, как и другими стихиями, то не было бы главного элемента для образования капитала. Это в высшей степени важное средство производства и,—не считая самого человека и его труда,—единственно оригинальное средство производства, не могло бы быть отчуждаемо и

присваиваемо и, таким образом, не могло бы противостоять рабочему, как чужая собственность, и делать его, таким образом, наемным рабочим. Производительность труда в смысле Рикардо, то-есть в капиталистическом смысле, „производство“ чужого неоплаченного труда было бы, благодаря этому, невозможно. Вместе с этим капиталистическому производству вообще наступил бы конец.

Что касается указанных Рикардо сил природы, то они, конечно, отчасти достаются даром и ничего не стоят капиталисту. Уголь стоит ему, но пар не стоит ему ничего, если он имеет воду даром. Но возьмем, например, пар. Свойства пара существовали всегда. Его промышленная полезность есть новое научное открытие, присвоенное капиталистом. Благодаря этому открытию повысилась производительность труда, а вместе с тем и относительная прибавочная ценность. То-есть: количество неоплаченного труда, присваиваемое капиталистом от рабочего дня, благодаря пару возросло. Различие между производительной силой пара и производительной силой земли заключается, следовательно, только в том, что первая приносит [капиталисту] неоплаченный труд, а вторая [или точнее говоря], землевладелец отнимает [неоплаченный труд] не у рабочего, а у капиталиста. Отсюда [мечтания капиталиста] о „бесхозяйности“ этого элемента.

В этих рассуждениях верно лишь следующее: при предположении капиталистического способа производства капиталист является не только необходимым, но и господствующим агентом производства. Напротив, землевладелец при этом способе производства является совершенно излишним. Для капиталистического способа производства нужно только, чтобы земля не была общей собственностью, чтобы она противостояла рабочему классу, как не принадлежащее ему средство производства, а эта цель достигается вполне, если земля становится государственной собственностью и государство, следовательно, получает земельную ренту. Землевладелец, столь важный агент производства в древнем и средневековом мире, в промышленном мире представляет из себя бесполезный нарост. Поэтому радикальный буржуа, подбираясь бочком к уничтожению всех других налогов, теоретически приходит к отрицанию частной земельной собственности, которую он желал бы в форме государственности сделать собственностью класса буржуазии, капитала. На практике, однако, ему не хватает смелости, так как нападение на одну форму собственности—форму частной собственности на условия труда—было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам обзавелся землей.

d) Критика теории ренты Родбертуса.

Теперь обратимся к г. Родбертусу.

По мнению Родбертуса, в земледелии не принимается во внимание сырой материал, ибо немецкий крестьянин, как уверяет Родбертус, не считает для самого себя издержками семена, корм и т. д., не вносит в счет эти издержки производства, т.-е. производит неверный расчет. В Англии, где фермер ведет верный счет уже более 150 лет, не должно

было бы поэтому существовать и к а к о й земельной ренты. Вывод, следовательно, был бы не тот, какой делается Родбертусом, именно, что арендатор платит ренту потому, что его норма прибыли выше, чем в промышленности, а тот, что он платит ренту потому, что вследствие неверного расчета он довольствуется более низкой нормой прибыли. Д-р Кенэ, который сам был сыном арендатора и хорошо был знаком с французской арендой, не совсем был бы доволен в этом отношении Родбертусом. [В своем „Tableau économique“] Кенэ принимает в расчет „сырой материал“, в котором нуждается арендатор, хотя он воспроизводит его *in natura*, в числе „*avances annuelles*“ в 1000 миллионов.

Если в одной части промышленности основной капитал и машины почти совершенно не участвуют, то в другую часть—как, напр., вся транспортная промышленность, промышленность, обнимающая средства передвижения, повозки, железные дороги, суда и т. д.—не входит совершенно никакого сырого материала, а только орудия производства. Приносят ли эти отрасли промышленности земельную ренту помимо прибыли? Чем отличаются эти отрасли промышленности, положим, от горной промышленности? В том и в другом случае в производство входят только машины и вспомогательные вещества, как-то: уголь для паровозов и локомотивов и для рудников, корм для лошадей и т. д. Почему норма прибыли должна была бы исчисляться в одном роде промышленности иначе, чем в другом? Допустим, что издержки, производимые крестьянином на производство *in natura*, равны пятой части всего затраченного им капитала; к этому присоединяется затем четыре пятых [денежных затрат] на машины и заработную плату, и пусть эти издержки равны 150 квартерам. Если он затем получает 10 процентов прибыли, то это составило бы 15 квартеров. Валовой продукт, следовательно, был бы равен 165 квартерам. Если бы он отсчитал от капитала пятую часть, 30 квартеров, и считал 15 квартеров только на 120, то он получил бы прибыль 12½ процентов. Или мы могли бы также сказать, что ценность его продукта или его продукт в 165 квартеров равен 330 ф. ст. Он считает свои издержки в 120 квартеров = 240 ф. ст. 10 процентов с них = 12 квартеров (24 ф. ст.). Но его валовой продукт составляет 165 квартеров, из которых, следовательно, отходит 132 квартера, остается 33 квартера. Но из последних отходят 30 квартеров *in natura*. Остается, следовательно, как чрезвычайная прибыль. 3 квартера = 6 ф. ст. Вся эта прибыль равняется 15 квартерам (30 ф. ст.), вместо 12 квартеров (24 ф. ст.). Он может, следовательно, заплатить 3 квартера или 6 ф. ст. ренты и вообразить себе, что он получил 10 процентов прибыли, как и всякий другой капиталист. Но эти 10 процентов существуют только в воображении. На самом деле он затратил не 120 квартеров, а 150, и 10 процентов с них составляют 15 квартеров или 30 ф. ст. Фактически он получил на 3 квартера меньше, чем следует—меньше на одну четвертую часть полученных им 12 квартеров или на одну пятую часть всей прибыли, которую он должен был получить, ибо он не принял в расчет именно пятую часть своих издержек. Поэтому как только он научился бы счи-

тат капиталистически, он перестал бы платить земельную ренту которая равнялась бы только разнице между его нормой и обычной нормой прибыли.

Если бы крестьянин знал, что для оценки в деньгах сделанных им предварительных затрат и для придания им товарного характера ему совершенно не нужно предварительно превращать их в действительные деньги, т.-е. продавать их,—тут бы и делу конец. Без этой ошибки в счете,—ошибка, которую в состоянии допустить немецкая крестьянская масса, но отнюдь не капиталистический арендатор,—Родбертусовская рента была бы невозможна. Она возможна только там, где сырой материал входит в производство ¹⁾, но не там, где он [не] входит в него. Она возможна только там, где сырой материал входит [в производство], без включения [в издержки производства]. Но она невозможна там, где [сырой материал не] входит [в производство], хотя г. Родбертус и хочет вывести ее не из ошибки в счете, а из отсутствия одной существенной статьи в издержках производства.

Возьмем горную промышленность или рыбную ловлю. Если здесь сырой материал и входит в издержки производства, то только, как вспомогательное вещество, а этот случай мы можем оставить в стороне, так как применение машин всегда,—за очень немногими исключениями,—предполагает одновременно потребление вспомогательных веществ, жизненных средств машин. Допустим, что 10 процентов составляют всеобщую норму прибыли. 100 ф. ст. вложены в машины и заработную плату. Почему прибыль на 100 должна была бы принести больше 10-ти, так как 100 ф. ст. вложены, положим, не в сырой материал, машины и заработную плату, [а только в машины и заработную плату или] в сырой материал и заработную плату? Если должно было бы иметь место какое-либо различие, то оно могло бы происходить только из того, что отношение ценностей постоянного и переменного капитала в различных случаях складывалось бы, вообще, различным образом. Это различное отношение давало бы различную прибавочную ценность, даже если норма прибавочной ценности предположена, как постоянная. И отношение различной прибавочной ценности к равным по величине капиталам, естественно, должно было бы давать и неравные прибыли. Но, с другой стороны, всеобщая норма прибыли не означает, ведь, ничего другого, как уравнение этих неравенств, абстрагирование от органических составных частей капитала и нивелирование прибавочной ценности, таким образом, что равные по величине капиталы дают равные прибыли. Что масса прибавочной ценности зависит от величины затраченного капитала,—это положение совершенно не применимо ко всеобщим законам прибавочной ценности—к капиталам в различных сферах производства, а только к различным капиталам в одной и той же сфере производства, в которой предположены одни и те же отношения органических составных частей капитала. Если я говорю: масса прибыли соответствует,—например, в прядильной отрасли промышленности,—величине затраченных капиталов,—что в свою очередь не вполне верно, если к этому не

¹⁾ В манускрипте стоит «издержки производства». К.

добавить: предположивши производительность за постоянную,—то я в действительности говорю только, что при предположенной норме эксплуатации прядильщиков, сумма эксплуатации зависит от числа эксплуатируемых прядильщиков. Наоборот, если я говорю, что масса прибыли в различных отраслях производства соответствует величине затраченных капиталов, то это означает, что норма прибыли для каждого капитала данной величины одна и та же, следовательно, что масса прибыли может измениться только с величиной этого капитала, а это, другими словами, в свою очередь означает, что норма прибыли независима от органического отношения составных частей капитала в отдельной сфере производства; что она вообще независима от величины прибавочной ценности, как она реализуется в этих отдельных сферах производства.

Горная промышленность à priori должна была бы быть причислена к промышленности, а не к земледелию. На каком основании? На том, что никакой продукт рудника in natura, в том виде, как он выходит из рудника, не входит снова в постоянный капитал эксплуатации рудника, как элемент производства; совершенно так же обстоит дело и с рыбной ловлей, охотой, где затраты еще в несравненно большей степени сводятся только к орудиям труда и заработной плате или непосредственному труду. Другими словами—на том основании, что всякий элемент производства товара,—даже если его сырой материал почерпнуть из рудника,—прежде, чем снова войти в качестве элемента в горное производство, должен предварительно не только изменить форму, но и стать товаром, должен быть куплен. Единственное исключение составляет уголь. Но как элемент производства, уголь впервые появился на той стадии развития, на которой эксплуататор копи представляет собою образованного капиталиста, ведущего итальянскую бухгалтерию, по правилам которой он не только записывает в долг самому себе свои затраты, не только является дебитором по отношению к своей собственной кассе, но и его собственная касса является дебитором по отношению к нему самому. Следовательно, именно здесь, где действительно в затраты не входит никакого сырого материала, à priori должно преобладать капиталистическое счетоводство, а следовательно, становится невозможной и ошибка, свойственная крестьянину.

Дадим теперь краткое резюме хода мыслей г. Родбертуса.

Вначале Родбертус дает картину состояния, при котором самостоятельный (self supporting) землевладелец является вместе с тем капиталистом и рабовладельцем. Затем наступает разделение. Удерживаемая у рабочих часть „продукта труда“—„натуральная рента“—делится теперь „на земельную ренту и прибыль на капитал“ (стр. 81, 82) ¹⁾.

¹⁾ Г-н Гопкинс объясняет это еще проще и грубее. Земельная рента рассматривается у него, как первоначальная форма прибавочной ценности, а прибыль, как производная от нее. Соответствующее место гласит:

«Пока производители являлись в одно и то же время и сельскими хозяевами и промышленниками, землевладелец получал в качестве земельной ренты ценность в 10 ф. ст. Допустим, что эта ценность уплачивается на половину сырыми продуктами, а наполовину продуктами индустрии: после распада производителей на два класса, сельских хозяев и промышленников, земельные собственники могли установить, чтобы промышленники уплачивали падающую на них часть ренты фабричными товарами, а сельские хозяева вносили свою

Затем г. Родбертус делит „сырой продукт“ и „обработанный продукт“ (стр. 89) между землевладельцем и капиталистом—*petitio principii*. Один капиталист производит сырые продукты, а другой—продукты обработанные. Напротив, землевладелец не производит ничего, он не представляет собой и „владельца сырых продуктов“. Это представление немецкого „помещика“ („*Gutsbesitzers*“), каким является г. Родбертус. Капиталистическое производство началось в Англии одновременно в промышленности и земледелии.

Способ образования нормы прибыли на капитал („*kapitalgewinnsatz*“—норма прибыли) г. Родбертус выводит просто из того, что теперь в образе денег имеется масштаб барыша, для „выражения отношения прибыли к капиталу“ (ук. соч., стр. 94), чем и „дается мерило для уравнения прибылей на капитал“ (ук. соч. стр. 94). Он не имеет никакого представления о том, что это равенство прибыли противоречит [неравенству нормы]¹⁾ неоплаченного труда в каждой отрасли производства, что ценности товаров и цены производства должны поэтому расходиться. Эта норма прибыли становится нормальной и в земледелии, потому что „доход на имущество не может исчисляться ни на что другое, как только на капитал“ (ук. соч., стр. 95) и в обрабатывающей промышленности „применяется“ гораздо „большая часть национального капитала“ (ук. соч., стр. 95). Ни слова о том, что с капиталистическим производством само земледелие подвергается перевороту не только формально, но и материально, что [земле]владелец принижается до роли простого получателя денег, перестает быть агентом производства. По мнению Родбертуса, „в обрабатывающей промышленности в составе капитала, как материал, фигурирует также и ценность всего продукта сельского хозяйства, тогда как в производство сырых продуктов капитал входит не может“ (ук. соч., 95).

[Все это] неверно.

Родбертус задается теперь вопросом, остается ли кроме промышленной прибыли, прибыли на капитал, еще и „часть ренты“ для сырого продукта и „на каком основании“ (ук. соч., стр. 96).

Он предполагает, „что сырой продукт, как и обработанный продукт обмениваются по затратам труда, что ценность сырого продукта равна только затратам труда на него“ (ук. соч. стр. 96). Конечно, то, что высказывает Родбертус, признает и Рикардо. Но это положение неверно, по крайней мере *prima facie*, так как товары обмениваются не по их ценности, а по отличающимся от них ценам производства,—и это вытекает как раз из определения ценности товаров рабочим временем, из этого, повидимому, противоречащего данному явлению закона. Если сырой продукт помимо средней прибыли приносит еще и отличную от нее

долю сырыми продуктами. Но в действительности оказалось практичнее, чтобы сельские хозяева уплачивали ренту и накладывали ее на продукт, обменивая его на продукт промышленника, так что уплата ренты падает равными частями на обе стороны, „заработная плата и прибыль в каждой сфере остаются одинаковыми“ (Th. Hopkins, *Enquiries relative to the Laws, which regulate Rent, Profit etc* Лондон, 1822, стр. 26).

¹⁾ В манускрипте стоит: «равенству ренты с» К.

земельную ренту, то это [становится] возможным только в том случае, если сырой продукт продается не по цене производства, а почему это так бывает—это как раз и следовало бы выяснить. Посмотрим, однако, как оперирует Родбертус.

«Я исхожу из того предположения, что рента (прибавочная ценность, неоплаченный рабочий время) делится соответственно ценности Продукта сырого и продукта обработанного и что эта ценность определяется издержками и труда (рабочим временем)» (ук. соч., стр. 96, 97).

Прежде всего следует доказать эту первую предпосылку. Иными словами, это положение означает только то, что содержащиеся в товарах прибавочные ценности относятся, как их ценности, или, другими словами, что содержащийся в товарах неоплаченный труд относится, как количества содержащегося в них труда вообще. Если содержащиеся в товарах А и В количества труда относятся, как 3 к 1, то и содержащийся в них неоплаченный труд—прибавочные ценности—относятся так же, как 3 к 1. Трудно придумать более неверное положение. При данном необходимом рабочем времени, равном, например, 10 часам, один товар [А] может быть продуктом 30 рабочих, другой [В]—10-ти. Если 30 рабочих [, производящих А,] работают только 12 часов, то произведенная ими прибавочная ценность равняется 60 часам, а если работают 10 рабочих [, производящих В,] по 16 часов ежедневно, то произведенная ими прибавочная ценность, также равна 16 часам. Ценность товара А была бы $= 30 \times 12 = 360$ рабочим часам; а ценность товара В $= 160$ рабочим часам. Ценности товаров А и В относятся, следовательно, как 360 к 160, или как 9 к 4. Содержащиеся в товарах прибавочные ценности относятся, напротив, как 60 к 60 или как 1 к 1. Они были бы равны, хотя ценности и относились бы, как 9 к 4.

Следовательно [можно установить a priori], что прибавочные ценности товаров не относятся как их ценности, если абсолютные прибавочные ценности, удлинение рабочего времени за пределы необходимого труда, а значит и нормы прибавочной ценности, различны.

Во-вторых, если предположить, что нормы прибавочной ценности одни и те же, то прибавочные ценности,—мы оставим в стороне другие обстоятельства, связанные с обращением и процессом производства,—будут зависеть не от относительных количеств труда, содержащихся в товарах, а от отношения части капитала, затраченного на заработную плату, к части, вложенной в постоянный капитал, сырой материал и машины. А это отношение может быть совершенно различным у товаров равных ценностей, будут ли эти товары „земледельческими продуктами“ или „продуктами обработанными“, что вообще не имеет никакого отношения к делу, по крайней мере prima facie.

Поэтому в корне неверна первая предпосылка г. Родбертуса, будто из определения ценности товаров рабочим временем следует, что содержащиеся в различных товарах количества неоплаченного труда—или их прибавочные ценности находятся в прямом отношении к ценностям. Следовательно, неверно и то, что „рента делится соответственно ценности сырого продукта и обработанного продукта“, если „эта ценность определяется издержками труда“ (ук. соч., стр. 96, 97).

«Этим, разумеется, сказано и то, что величина этих частей ренты определяется не величиной капитала, на который насчитывается барыш, а непосредственным трудом, будь он сельско-хозяйственный или промышленный, плюс тот труд, который следует присчитать благодаря изнашиванию орудий и машин» (ук. соч., стр. 97).

Это опять неверно. Величина прибавочной ценности,—а она именно и принимается здесь за „часть ренты“, так как рента понимается, как всеобщее, в отличие от прибыли и земельной ренты,—зависит только от непосредственного труда, а не от изнашивания основного капитала, а также и не от ценности сырого материала вообще ни от какой части постоянного капитала.

Конечно, это изнашивание определяет то отношение, в каком должен воспроизводиться основной капитал. Но прибавочный труд, создаваемый в производстве основного капитала, столь же мало относится к той сфере производства, в какую входит этот основной капитал в своей роли, как, положим, тот прибавочный труд, который входит в производство сырого материала. Скорее для всех одинаковых отраслей производства—земледелия, машинной промышленности и мануфактуры,—имеет силу тот закон, что у всех их прибавочная ценность определяется только массой затраченного труда, если дана норма прибавочной ценности, и нормой прибавочной ценности, если дана масса затраченного труда. Г. Родбертус стремится „вести на буксире“ изнашивание, чтобы вывезти „сырой материал“.

Напротив, думает г. Родбертус, „та часть капитала, которая состоит в материальной ценности“, [никогда] не может иметь влияния на величину частей ренты, так как, „например, издержки труда особого продукта, пряжи или ткани, также не могут определяться издержками труда, относящимися к шерсти, как сырому продукту“ (ук. соч., стр. 97). Рабочее время, необходимое для пряденья и тканья, в такой же степени зависит или, лучше сказать, в такой же степени не зависит от рабочего времени, [необходимого для производства машины, а значит от ее ценности], как и от рабочего времени, которого стоит сырой материал. И машина, и сырой материал входят в процесс труда, но ни первая, ни последний не входят, [создавая прибавочную ценность], в процесс образования ценности.

«Напротив, ценность сырого продукта или материальная ценность фигурирует все-таки, как затрата капитала, в том капитальном фонде, на который владелец должен исчислять приходящуюся на обрабатанный продукт часть ренты, как барыш. Но в сельско-хозяйственном капитале этой части капитала нет. Сельское хозяйство не нуждается в продуктах предшествующего ему производства в качестве материала, а начинается само производство, и в сельском хозяйстве частью капитала, аналогичной материалу, могла бы считаться сама земля, которая, однако, предпосылается без издержек» (ук. соч., стр. 97, 98).

Это—представление немецкого крестьянина. В сельском хозяйстве, за исключением рудников, рыбной ловли, охоты (но отнюдь не скотоводства), семена, корм, скот, минеральные удобрения и т. д. составляют материал, из которого производится продукт, и этот материал есть продукт труда. В соответствии с развитием промышленного земледелия развиваются и эти „затраты“. Всякое производство—раз уже о простом

захвате и присвоении не может быть речи—есть воспроизводство и нуждается поэтому „в продуктах предшествующего ему производства в качестве материала“. Все, что в производстве является результатом, играет одновременно и роль предпосылки. И чем больше развивается крупное земледелие, тем больше покупает оно продуктов „предшествующего ему производства“ и продает своих собственных. Формально, как товары, эти затраты—превращенные в товар при посредстве денег—входят в земледелие, как только арендатор вообще становится зависимым от продажи своего продукта, как только устанавливается цена различных сельскохозяйственных продуктов,—как, например, сена,—соответственно развивающемуся и в земледелии разделению сфер производства. Даже для крестьянина было бы странно, если бы он считал квартал пшеницы, который он продает, доходом, а квартал пшеницы, который он вкладывает в землю, не считал „затратой“. Впрочем, г. Родбертус, может быть, и „начинает“ где-либо „производство“,—например, льна или шелка—без „продуктов предшествующего производства“. Это—чистейшая нелепость.

Такой же нелепостью являются и все дальнейшие выводы Родбертуса.

«Итак, сельское хозяйство имеет, правда, обе части капитала, влияющие на определение величины частей ренты, общие с обрабатывающей промышленностью, но не обладает той частью капитала, которая в него не входит, но на которую вместе с другими исчисляется определяемая указанными выше частями капитала часть ренты, как прибыль; эта часть капитала находится в составе одного только капитала обрабатывающей промышленности. Итак, мы останемся при нашем заключении, что ценность продукта сырого, как и продукта обработанного, определяется по продуктам труда, далее что—рента распределяется в соответствии с этой прибавочной ценностью между владельцами сырого продукта и обработанного—и поэтому также части ренты, приходящиеся на долю добывающей обрабатывающей промышленности, стоят в соответствии с теми количествами труда, каких стоил соответствующий продукт. Однако, несмотря на это, затраченные в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности капиталы, на которые распределяются части ренты, как прибыль,—при этом в обрабатывающей промышленности целиком, а в сельском хозяйстве соответственно установившейся норме—не стоят в том же отношении, как указанные выше количества труда и определяемые ими части ренты. Лучше сказать, при равной величине частей ренты, приходящихся на долю сырого продукта и продукта обработанного, капитал обрабатывающей промышленности больше сельскохозяйственного капитала на всю содержащуюся в нем ценность материалов. Так как эта ценность материалов увеличивает, правда, капитал обрабатывающей промышленности, на который исчисляется приходящаяся на его долю часть ренты, как прибыль, но не самую эту прибыль, и, следовательно, одновременно с этим приводит еще и к понижению нормы прибыли на капитал, нормы, которая является нормирующей и в сельском хозяйстве, то из приходящейся на долю сельского хозяйства части ренты непременно должна оставаться часть, которая не поглощается исчислением прибыли соответственно этой ее норме» (ук. соч., стр. 98, 99).

Первая неверная предпосылка: Если промышленный продукт и продукт сельскохозяйственный обмениваются по их ценностям, т.-е. в соответствии с требующимся для их производства рабочим временем, то они приносят их владельцам равновеликие прибавочные ценности или количества неоплаченного труда. Прибавочные ценности не относятся, как ценности.

Вторая неверная предпосылка: Так как Родбертус предполагает уже норму прибыли, которую он называет „уровнем прибыли на капитал“ (*Kapitalgewinnsatz*), то предпосылка, что товары продаются в соответствии с их ценностями, является неверной. Одна предпосылка исключает другую. Чтобы (всеобщая) норма прибыли [могла] существовать, ценности товаров должны измениться в цены производства или находиться в постоянном процессе этого изменения. В этой всеобщей норме уравниваются особые нормы прибыли, образуемые в каждой сфере производства отношением прибавочной ценности к затраченному капиталу. Почему же этого не бывает в земледелии? В этом именно и заключается весь вопрос. Но Родбертус даже и не дает ему надлежащей постановки, предполагая, во-первых, что всеобщая норма прибыли имеется налицо, а во-вторых, что особые нормы прибыли, а значит и их различия, не уравнены, а следовательно, и товары обмениваются по их ценностям.

Третья неверная предпосылка: ценность сырого материала не входит в земледелие. Затраты,—в данном случае на семена и т. д.,—являются скорее составными частями постоянного капитала, и арендатор и считает их за таковые. В той самой мере, в какой земледелие становится простой отраслью промышленности—капиталистическое производство водворяется и в деревне,—в той самой мере, в какой земледелие производит для рынка—оно производит товары, предметы для продажи, а не для собственного потребления,—в той же самой мере оно учитывает свои затраты и рассматривает каждую статью их, как товар, все равно, покупает ли оно его у себя самого, то-есть, в своем производстве, или у третьего лица. В той же самой мере, в какой продукты становятся товарами, становятся ими и элементы производства, так как эти элементы ведь те же продукты, тождественные с первыми. Так как, следовательно, пшеница, сено, скот, семена всякого рода и т. д. продаются, как товары—и так как эта продажа, а не питание ими [как потребительными ценностями] является существенным моментом,—то и в производство тоже входят, как товары; и арендатор был бы настоящим дураком, если бы не умел пользоваться деньгами для счета. Тем не менее это, прежде всего, формальная сторона расчета. Но в той же самой мере развиваются такие условия, что арендатор покупает затрачиваемые им в производство продукты, семена, чужой скот, удобрение, минеральные вещества и т. д., тогда как свои продукты, получаемые им в виде дохода, он продает; что следовательно, для отдельного арендатора эти затраты и формально являются затратами, так как они выражаются в купленных товарах. Они уже навсегда остаются для него товарами, составными частями его капитала. И если он возвращает их в процесс производства в натуральной форме (*in naturali*), то ставит себе в счет в той форме, в какой (*qua*) их продает производитель. И это именно имеет место в соответствии с тем, как развивается земледелие, и с тем, как конечный продукт все больше и больше начинает производиться на фабричный лад и соответственно способу капиталистического производства.

Значит неверно, будто в данном случае в промышленность входит такая часть капитала, которая не входит в земледелие.

Если, следовательно, согласно Родбертусовской неверной предпосылке, „части ренты“, то-есть, доли в прибавочной ценности, приносящие сельскохозяйственный продукт и промышленный продукт, распределяются пропорционально ценностям сельскохозяйственного продукта и промышленного продукта; если, другими словами, промышленные продукты и сельскохозяйственные продукты равновеликих ценностей приносят своим владельцам равновеликую прибавочную ценность, то-есть, содержат равные количества неоплаченного труда; то не будет никакого несоответствия в том, что в промышленность входит часть капитала, затрачиваемая на сырой материал и будто бы не входящая в земледелие, благодаря чему одна и та же прибавочная ценность в промышленности [, исчисляясь] на капитал, увеличенный указанной составной частью, [давала бы уменьшенную норму прибыли]. Ибо такая же часть капитала входит и в земледелие. Следовательно, предстояло бы только решить вопрос, входит ли она в том же отношении? Но здесь мы имеем дело уже с чисто количественными различиями, тогда как г. Родбертус желает видеть различие „качественное“.

Такие же количественные различия проявляются в различных промышленных сферах производства. Они уравниваются во всеобщей норме прибыли. Почему они не уравниваются между промышленностью и земледелием, если они здесь существуют? Так как г. Родбертус допускает участие земледелия во всеобщей норме прибыли, то почему он не допускает его участия и в ее образовании? Но тут ему естественно пришлось бы покончить со своими хитросплетениями.

Четвертая неверная предпосылка—это неверная и произвольная предпосылка Родбертуса, будто изнашивание машины и т. д., одной из частей постоянного капитала, входит в переменный капитал, то-есть, в ту часть капитала, которая создает прибавочную ценность и в частности определяет норму прибавочной ценности, тогда как сырой материал, по его мнению, сюда не входит. Эта ошибка в исчислении сделана с той целью, чтобы заранее обеспечить себе желательный результат исчисления.

Пятая неверная предпосылка. Раз г. Родбертус хочет провести различие между земледелием и промышленностью, то он должен принять во внимание, что тот элемент капитала, который состоит в машинах, орудиях, основном капитале, целиком принадлежит промышленности. Этот элемент капитала, поскольку он входит в капитал, как элемент, всегда входит только в постоянный капитал и ни в каком случае не может повысить прибавочную ценность ни на один грош. С другой стороны, он, как продукт промышленности, представляет из себя результат производства определенной сферы. Его цена или часть ценности, которую он составляет во всем капитале общества, представляет, следовательно, в определенный момент определенное количество прибавочной ценности, совершенно так же, как это наблюдается по отношению к сырому материалу. Теперь он входит, правда, в сельскохозяйственный продукт; но он получается из промышленности. Если г. Родбертус

рассматривает сырой материал в промышленности, как приходящий извне элемент капитала, то он должен рассматривать машины, орудия, сосуды, строения, как приходящий элемент капитала в земледелии. И [он, следовательно, должен] сказать, что в промышленность входит только заработная плата и сырой материал, ибо основной капитал, поскольку он не сырой материал, есть продукт промышленности, ее собственный продукт; в земледелии, напротив, входит только заработная плата и машины и т. п. основной капитал, ибо сырой материал, поскольку он не содержится в орудиях и т. д., есть продукт земледелия. Тогда нужно было бы исследовать, какой получился бы расчет в промышленности после отпадения одной статьи издержек производства.

В-шестых. Совершенно верно, что в горной промышленности, рыболовстве, лесном хозяйстве, поскольку прирост леса является естественным и т. д., одним словом, в добывающей промышленности, добывающем производстве сырых продуктов, где таковые не воспроизводятся, сырой материал не входит (в издержки производства), разве только в качестве вспомогательных веществ. Это к земледелию не относится.

Но не менее [верно], что тождественное явление наблюдается и в очень крупной отрасли промышленности, именно в транспортной промышленности. Здесь затраты производятся только на машины, вспомогательные вещества и заработную плату. Наконец, мы знаем, что в других отраслях промышленности, говоря относительно, входят только сырой материал и заработная плата, но не входят машины, основной капитал и т. д., как, напр., в портняжном деле и т. д.

Во всех этих случаях величина прибыли, то-есть, отношение прибавочной ценности к затраченному капиталу, зависела бы не от того, состоит ли затраченный капитал—за вычетом переменной части капитала из машин или сырого материала или из того и другого, а от того, насколько он велик сравнительно с частью капитала, вложенной в заработную плату. Благодаря этому в различных сферах производства существовали бы, если не говорить об изменениях, внесенных обращением, различные нормы прибыли, уравнение которых как раз и образует всеобщую норму прибыли.

Г. Родбертусе имеет в виду именно это отличие прибавочной ценности от ее специальных форм, в особенности от прибыли. Но он попадает мимо цели, потому что для него а priori дело идет об истолковании определенного явления, земельной ренты, а не о раскрытии всеобщего закона.

Воспроизводство имеет место во всех отраслях производства; но это промышленное воспроизводство совпадает с естественным воспроизводством только в земледелии, но не в добывающей промышленности. Поэтому в последней, продукт в своей естественной форме не становится снова элементом своего собственного воспроизводства (разве только в форме вспомогательных веществ). Что отличает земледелие, скотоводство и т. д. от других отраслей промышленности, так это, во-первых, вовсе не то, что продукт становится средством производства. Ведь это имеет место по отношению ко всем продуктам промышленности, не принявшим

окончательной формы индивидуальных жизненных средств; но даже и в последнем виде продукты становятся средствами производства производителя, воспроизводящего себя или поддерживающего свою рабочую силу посредством их потребления.

Во-вторых, и не то, что эти продукты входят в производство, как товары, как составные части капитала; они входят в производство так, как они выходят из него, они выходят из него, как товары, и снова входят в него, как товары; товар является в такой же степени предпосылкой, как и результатом капиталистического производства.

Следовательно, в-третьих, они отличаются от других отраслей промышленности только тем, что входят, как средства своего собственного производства в процесс производства, продуктами которого они являются. Это имеет место и по отношению к машинам. Машина создает машину. Уголь помогает добывать уголь из шахты, уголь перевозит уголь и т. д. В земледелии это проявляется как естественный процесс, которым руководит человек, хотя этот процесс „немножечко“ производит и его самого. В других отраслях промышленности [это проявляется] прямо как действие промышленности.

Но если г. Родбертус вследствие этого не допускает, чтобы земельные продукты входили в воспроизводство, как „товары“, в виду той своеобразной формы, в которой они входят в него, как „потребительные ценности“ (в технологическом смысле), то он находится, на совершенно ложном пути и основывается, очевидно, на воспоминании [о том времени], когда земледелие еще не было капиталистическим делом (trade), когда только излишек его продукта над тем, что потреблялось производителем, становился товаром и когда и эти продукты, поскольку они входили в производство, не казались ему товарами. Это является коренным непониманием, когда речь идет относительно применения капиталистического способа производства в промышленности. Для капиталистической промышленности всякий продукт, имеющий ценность—стало-быть, представляющий по своей сущности товар,—принимается в расчет, как товар.

Предположим, что, например, в горной промышленности постоянный капитал, состоящий только из машин, равен 500 ф. ст., и капитал, вложенный в заработную плату, также=500 ф. ст., если прибавочная ценность=40 процентам, прибыль составит, следовательно, 200 ф. ст., т.-е. будет=20 процентам. Итак:

Постоянный капитал машины	Переменный капитал	Прибавочная ценность
500	500	200

Если мы возьмем теперь отрасль промышленности или даже отрасль земледелия, где переменный капитал будет тот же, следовательно, также равняется 500 ф. ст., далее, если применение его, т. е. утилизация определенного числа рабочих, требует машин и т. д. на 500 ф. ст., то на самом деле, так как здесь в процесс производства входит сырой материал, должна будет прибавиться, как третий элемент, ценность материала, скажем, 500 ф. ст. Итак, в этом случае мы имеем:

Постоянный капитал, машины, сырой материал $500 + 500 = 1000$	Переменный капитал 500	Прибавочная ценность 200
---	---------------------------	-----------------------------

Эти 200 теперь нужно было бы считать на 1500, и это составило бы только $13\frac{1}{3}$ процентов. Первый случай остается без изменения, если его применить и к транспортной промышленности. Напротив, если бы во втором случае отношение было таково, что машины стоили бы 100 ф. ст., а сырой материал 400 ф. ст., то норма прибыли осталась бы той же, что и в первом случае.

Ход мыслей г. Родбертуса—таков: где в земледелии вкладывается 100 в заработную плату + 100 в машины, в промышленности вкладывается 100 в машины, 100 в заработную плату и X в сырой материал. Схема была бы такова:

I. Земледелие.

Постоянный капитал машины 100	Переменный капитал 100	Прибавочная ценность 50	Норма прибыли $\frac{50}{200} = 25$ проц.
-------------------------------------	---------------------------	----------------------------	--

II. Промышленность.

Постоянный капитал сырой материал X	машины 100	Переменный капитал 100	Прибавочная ценность 50	Норма прибыли $\frac{50}{200 + X}$
---	---------------	---------------------------	----------------------------	---------------------------------------

следовательно, во всяком случае меньше 25 процентов. Отсюда земельная рента в I.

Во-первых, это различие между земледелием и мануфактурой является воображаемым, не существующим, следовательно, не имеющим никакого значения для той формы земельной ренты, которая определяет всякую другую.

Во-вторых, г. Родбертус мог бы найти [такое же] различие между нормами прибыли в первых же подвернувшихся под руку двух отдельных отраслях промышленности; это различие зависело бы от отношения величины постоянного и переменного капитала, — отношения, которое, в свою очередь, может определяться, но может и не определяться привождением сырого материала. В тех отраслях промышленности, где входят и сырой материал и машины, ценность сырого материала, т. е. относительная величина, которую он составляет во всем капитале, естественно имеет, как я показал раньше, очень важное значение. Это не имеет ничего общего с земельной рентой.

Родбертус продолжает:

«Только в том случае, если ценность сырого продукта падает ниже издержек труда, возможно, что и в сельском хозяйстве вся приходящаяся на долю сырого продукта часть ренты поглощается суммой барыша, исчисляемого на капитал, потому что тогда эта часть ренты может настолько уменьшиться, что, благодаря этому между ней и сельско-хозяйственным капиталом, хотя в нем и нет ценности материала, все же создается отношение—подобное тому, какое существует между частью ренты, приходящейся на долю обработанного продукта, и капиталом обрабатывающей промышленности, хотя в этом последнем содержится и ценность материала, только тогда, следовательно, возможно, что и в сельском хозяйстве не остается, кроме прибыли на капитал, никакой ренты. Но насколько тяготение к тому закону.

что ценность равна издержкам труда, является правилом, по крайней мере, в реальной хозяйственной жизни, настолько является правилом и земельная рента, и если земельной ренты нет и получается только прибыль на капитал, то это следует считать не первоначальным состоянием, как думает Рикардо, а только ненормальностью» (ук. соч., стр. 100).

Для конкретизации мысли предположим сырой материал=100 ф. ст. [Тогда мы будем иметь согласно предпосылке Робертуса:]

I. Земледелие.

Постоянный капитал машины	Переменный капитал	Прибавочная ценность	Ценность продукта	Цена продукта	Прибыль
100 ф. ст.	100 ф. ст.	50 ф. ст.	250 ф. ст.	233 $\frac{1}{3}$ ф. ст.	33 $\frac{1}{3}$ ф. ст. = 16 $\frac{2}{3}$ %.

II. Промышленность.

Постоянный капитал сырой материал	Переменный капитал	Прибавочная ценность	Ценность продукта	Цена продукта	Прибыль
100 ф. ст. 100 ф. ст.	100 ф. ст.	50 ф. ст.	350 ф. ст.	350 ф. ст.	50 ф. ст. = 16 $\frac{2}{3}$ %.

Здесь норма прибыли в земледелии и промышленности уравнилась бы и, следовательно, для земельной ренты не оставалось бы ничего, потому что сельскохозяйственный продукт продается на 16 $\frac{2}{3}$ ф. ст. ниже его ценности. Если бы даже этот пример был для земледелия настолько же верен, насколько он не верен, то то обстоятельство, что ценность сырого продукта падает „ниже издержек труда“, являлось бы только соответствующим закону цен производства. Объяснению подлежит скорее вопрос о том, почему это „в виде исключения“ отчасти не имеет места в земледелии, и почему здесь вся прибавочная ценность или по крайней мере [ее] большая, по сравнению с другими отраслями промышленности, доля—излишек над средней нормой прибыли,—остается в цене продукта этой отдельной отрасли производства, вместо того, чтобы пойти в счет при образовании всеобщей нормы прибыли. Здесь видно, что Робертус не знает, что такое всеобщая норма прибыли и цена производства.

Конкуренция производит уравнивание прибыли,—она, следовательно, является причиной сведения ценностей товаров к ценам производства. Отдельный капиталист, как говорит Мальтус, ожидает прибыли в равной мере от каждой части своего капитала—а это иными словами, означает лишь то, что он рассматривает каждую часть капитала независимо от ее экономической функции, как самостоятельный источник прибыли, что [таким источником ему] кажется [каждая из этих частей]. Каждый капиталист, как член класса капиталистов, рассматривает свой капитал, как источник такой же—по размерам—прибыли, какую приносит всякий другой капитал той же величины. Эта иллюзия утверждает капиталиста,—а в конкуренции капиталисту все вообще рисуется в превратном виде—в том убеждении и не только его, но и некоторых из его преданнейших фарисеев и книжников,—что капитал есть независимый от труда источник дохода: ведь и в самом деле прибыль на

капитал в каждой отдельной сфере производства никоим образом не определяется одним количеством неоплаченного труда, которое „производит“ сам капитал.

Следовательно, [выводы] Родбертуса—нелепость. Мимоходом следует еще заметить, что в некоторых отраслях земледелия—как, напр., в самостоятельном скотоводстве—переменный капитал, то-есть капитал, вложенный в заработную плату, по сравнению с постоянной частью капитала, чрезвычайно незначителен.

«По самой своей природе аренда всегда представляет из себя земельную ренту» (ук. соч., стр. 113).

Неверно. Аренда всегда уплачивается землевладельцу; вот и все. Но если она, как это очень часто бывает на практике, представляет частью или целиком вычет из нормальной прибыли или из нормальной заработной платы (действительная прибавочная ценность, следовательно, прибыль плюс рента, никогда не является вычетом из заработной платы, она есть [та часть всего] продукта рабочего, которая остается после вычета заработной платы из этого продукта),—то с точки зрения политической экономии, она—не земельная рента, и это практически обнаруживается тотчас же, как только конкуренция устанавливает нормальную заработную плату и нормальную прибыль.

То, что я называю нормой прибыли и нормой процента, Родбертус называет „высотой прибыли на капитал и высотой процента“ (ук. соч., стр. 113).

«Она получается из их отношения к капиталу... У всех цивилизованных наций капитальная сумма в 100 принимается за единицу, представляющую масштаб для высоты, подлежащей исчислению. Чем больше, следовательно, то числовое отношение, которое дает приходящаяся на капитал сумма прибыли или процентов по отношению к 100, другими словами, чем «больше процентов» приносит капитал, тем выше стоят прибыль и процент»

«Высота земельной ренты и аренды получается из отношения их к определенному участку земли» (ук. соч., стр. 113, 114).

Слабо! Норма земельной ренты прежде всего должна быть исчисляема на капитал, т.-е. на часть излишка цены товара над ценой издержек его производства и над частью цены, образующей прибыль. Г. Родбертус принимает исчисление на акры и моргены, при чем внутренняя связь отпадает, как жущаяся форма [становится] сущностью потому, что она объясняет ему известные явления. Рента, приносимая акром, есть рентный фонд, масса земельной ренты. Эта масса может повышаться, в том случае, если норма земельной ренты остается неизменной или даже падает.

«Высота ценности земли получается из капитализирования земельной ренты определенного участка земли. Чем больше капитальная сумма, доставляемая капитализацией земельной ренты из участка земли определенного протяжения, тем выше ценность земли» (ук. соч., стр. 114).

Говорить в этом случае о „высоте“ ценности—нелепо. В самом деле, какое отношение к чему—выражает ценность земли? Что капитализация из 10 процентов выше, чем капитализация из 20—это ясно; но мера здесь не 100. „Высота ценности земли, — такая же общая фраза, как высота или низкое состояние товарных цен вообще.

е) -Продолжение критики.

Три формулы Родбертуса.

а) Первая формула.

„Что же является решающим относительно высоты прибыли на капитал и земельной ренты?“ (ук. соч., стр. 115).

Прежде всего Родбертус ставит вопрос, что отличает „высоту ренты вообще“, следовательно, что определяет норму прибавочной ценности? (Ответ на этот вопрос он выражает в формулах):

1. «При данной ценности продукта или при данном количестве труда в продукте или,—что опять-таки то же самое,—при данном национальном продукте, высота ренты стоит вообще в обратном отношении к высоте заработной платы и в прямом отношении к высоте производительности труда вообще. Чем ниже заработная плата, тем выше рента; чем выше производительность труда вообще, тем ниже заработная плата и тем выше рента» (ук. соч., стр. 115, 116).

„Высота“ ренты—норма прибавочной ценности, — говорит Родбертус [доказывая формулу], зависит от „величины этой части, остающейся для ренты“ (ук. соч., стр. 117), именно после вычета заработной платы из всего продукта, при чем следует оставить в стороне „часть ценности продукта, которая служит для возмещения капитала и здесь может быть оставлена без внимания“. Это хорошо, что при этом рассмотрении прибавочной ценности постоянная часть капитала „оставляется без внимания“.

Несколько странен взгляд, что

«если заработная плата падает, то-есть, если она составляет все меньшую долю всей ценности продукта, то становится меньше и весь капитал, на который должна исчисляться, как прибыль, другая часть ренты (то-есть, промышленная прибыль). Но только величина отношения между ценностью, которая становится прибылью на капитал или земельной рентой, и капиталом или в соответствующем случае пространством земли, на которые эта ценность должна исчисляться, как прибыль на капитал или земельная рента, устанавливает высоту последних. Если, следовательно, заработная плата оставляет большую ценность в качестве ренты, то на уменьшившийся даже капитал и остающееся неизменным пространство земли должна исчисляться, как прибыль и земельная рента, большая ценность; получающееся отсюда числовое отношение обеих становится больше и, следовательно, обе взятые вместе или рента вообще, становится выше... Предлагается, что ценность продукта вообще остается неизменной... Поэтому труд, которого стоит продукт, еще не становится меньше от того, что становится меньше плата, которой стоит труд» (ук. соч., стр. 117, 118).

Последнее замечание—правильно. Но что, с падением переменного капитала, постоянный капитал должен становиться меньше—это неверно; другими словами, неверно, что норма прибыли должна повышаться (совершенно неподходящее упоминание о пространстве земли и т. д., мы здесь оставляем в стороне) потому, что повышается норма прибавочной ценности. Заработная плата падает, например, потому, что труд становится производительнее, и это повышение производительности во всех случаях выражается в том, что одновременно тем же рабочим перерабаты-

вается больше сырого материала; следовательно, эта часть постоянного капитала возрастает; то же относится и к машинам и их ценности. Следовательно, норма прибыли с уменьшением заработной платы может упасть. Норма прибыли зависит от величины прибавочной ценности, определяемой не только нормой прибавочной ценности, но и числом занятых в производстве рабочих.

Родбертус правильно определяет необходимую заработную плату, как равную „сумме необходимого содержания, а именно — для определенной страны и определенного промежутка времени, в общем равной одинаковому, определенному реальному количеству продуктов“ (ук. соч., стр. 118).

Однако, выставленные Рикардо положения об обратном отношении прибыли и заработной платы и определение этого отношения производительностью труда г. Родбертус представляет в высшей степени запутанно и сбивчиво, попадая при этом в совершенно беспомощное положение. Сбивчивость происходит отчасти по той причине, что он вместо того, чтобы взять за меру рабочее время, ни к селу ни к городу берет количество продукта и делает нелепые разграничения „высоты ценности продукта“ и „величины ценности продукта“.

Паренег понимает туг под „высотой ценности продукта“ не что иное, как отношение продукта к рабочему времени. Если одно и то же рабочее время доставляет много продуктов, то ценность продукта, то-есть ценность отдельного частичного продукта, низка; при обратном положении дела наблюдается обратное. Если бы 1 рабочий день доставлял сначала 100 фунтов пряжи, а потом—200 фунтов, то во втором случае ценность пряжи была бы вдвое меньше, чем в первом. В первом случае ее ценность была бы $\frac{1}{100}$ рабочего дня, во втором ценность фунта пряжи $\frac{1}{200}$ рабочего дня. Так как рабочий получает одно и то же количество продукта, будет ли его ценность высока или низка, то-есть, содержит ли он больше или меньше труда, то заработная плата и прибыль стоят в обратном отношении, и заработная плата берет больше или меньше из всего продукта, смотря по производительности труда. Родбертус выражает это в следующих запутанных положениях:

«... Если заработная плата, как необходимое содержание, есть определенное реальное количество продукта, то она должна иметь большую ценность, если ценность продукта высока. и меньшую ценность, если ценность продукта низка, она должна, следовательно, в виду того, что для распределения принимается одинаковая ценность продукта, поглощать большую часть ценности продукта, если последняя высока и незначительную часть, если она низка, и, наконец, в качестве ренты она тоже должна оставлять соответственно большое или соответственно незначительное количество ценности продукта.

«Но если то правило, что ценность продукта равна количеству труда, которого стоил продукт, имеет силу, то в свою очередь решающим относительно высоты ценности продукта является исключительно производительность труда, или отношение массы продукта к количеству труда, употребленному для его производства. Ибо если то же количество труда производит больше продукта, другими словами, если производительность повышается, то в том же количестве продукта труда заключается меньше; и наоборот,—если то же количество труда производит меньше продукта, другими словами, если производительность падает, то в том же количестве продукта труда заключается больше. Но количество труда определяет ценность продукта и соответственная ценность опреде-

ленного количества продукта и соответственная ценность продукта»... Следовательно, «рента вообще»... должна «быть тем выше, чем выше стоит производительность труда» (ук. соч., стр. 120).

Тем не менее, это верно только в том случае, если продукт, для производства которого употребляется рабочий, принадлежит к тому разряду, который входит в потребление рабочего, как жизненное средство—по традиции и по необходимости. Если нет, то для относительной высоты заработной платы и прибыли, как и для величины прибавочной ценности вообще, производительность этого труда совершенно безразлична. На долю рабочего, как заработная плата, приходится та же часть ценности всего продукта [независимо от того,] будет ли число или количество продукта, в котором выражается эта часть ценности, велико или мало. В распределении ценности труда в этом случае ничего не изменяется, какие бы изменения в производительности труда ни происходили.

3) Вторая формула.

[Вторая формула в ответе на вопрос, „что является решающим относительно высоты прибыли на капитал и земельной ренты?“ гласит:]

II. «Если при данной ценности продукта дана высота ренты вообще, то высота земельной ренты или, в соответствующем случае, высота прибыли на капитал стоят в обратном отношении как друг к другу, так и к производительности труда: по производству сырья и производству промышленных изделий. Чем выше или ниже земельная рента, тем ниже или выше прибыль на капитал, и наоборот: чем выше или ниже производительность труда в производстве сырья или в производстве промышленных изделий, тем ниже или выше земельная рента или прибыль на капитал, а в обратном случае тем выше или ниже прибыль на капитал или земельная рента» (ук. соч., стр. 116).

Сперва мы имели [в формуле I закон] Рикардо о том, что заработная плата и прибыль стоят в обратном отношении.

Теперь [мы имеем] второй [закон] Рикардо—иначе развитый или, лучше сказать, „запутанный“¹⁾,—что прибыль и рента стоят в обратном отношении. Совершенно ясно, что если данная прибавочная ценность делится между капиталистом и землевладельцем, то доля одного [должна быть] тем больше, чем меньше доля другого и *vice versa*. Но г. Родбертус вносит сюда и кое-что от себя; это нуждается в более близком рассмотрении.

Прежде всего, [в своем „Доказательстве ad II“] г. Родбертус трактует, как новое открытие, что прибавочная ценность вообще— („поступающая для распределения, как рента вообще, ценность продукта труда“),—вся добытая капиталистом прибавочная ценность „состоит из ценности сырого продукта плюс ценность обработанного продукта“ (ук. соч., стр. 120).

Прежде всего, г. Родбертус повторяет свое „открытие“ относительно отсутствия „ценности материала“ в земледелии. На этот раз, это повторение делается в следующем словесном потоке:

¹⁾ В подлиннике игра слов: *gewickelt* и *verwickelt*. Примеч. переводчика.

«Часть ренты, приходящаяся на обработанный продукт и определяющая уровень прибыли на капитал, распределяется, как прибыль, не только на капитал, действительно употребленный на производство этого продукта, но и на всю ценность сырого продукта, которая, как ценность материала, содержится в предпринимательском фонде фабриканта; для той же части ренты, которая приходится на сырой продукт и из которой отчисляется прибыль на употребленный в производстве сырых продуктов капитал соответственно данному в обработке вающей промышленности уровню прибыли¹⁾—при чем остается излишек в качестве земельной ренты,—такой ценности материала нет» (ук. соч., стр. 121).

Мы повторяем: quod pop!

Допустим,—а этого г. Родбертус не доказал и при своем способе аргументации не может доказать,—что земельная рента существует—т.-е. что определенная часть прибавочной ценности сырого продукта приходится на долю землевладельца.

Допустим далее: „Высота ренты (норма прибавочной ценности) определена вообще данной ценностью продукта“ (ук. соч., стр. 121).

[Теперь возьмем следующий пример:]

В товаре [ценностью] в 100 ф. ст. заключаются, например, 50 ф. ст. неоплаченного труда; [эта сумма] составляет, следовательно, фонд, которым покрываются все статьи прибавочной ценности, рента, прибыль и т. д. Таким образом, совершенно очевидно, что один пайщик в этих 50 ф. ст. получает тем больше, чем меньше получает другой и vice versa, или что прибыль и земельная рента стоят в обратном отношении. Спрашивается теперь, что регулирует распределение между ними?

Во всяком случае остается справедливым, что доход капиталиста, будет ли он сельский хозяин или фабрикант, равен прибавочной ценности, извлекаемой им из продажи продукта своей обработки, и что земельная рента (где она не вытекает прямо из обработанного продукта, как при водопаде, который продается промышленнику, а аналогичное явление имеет место и при ренте с жилых построек, ибо ведь дома не представляют же сырого продукта) получается только из добавочной прибыли, части прибавочной ценности, которая не входит во всеобщую норму прибыли, заключается в сырых продуктах и уплачивается арендатором землевладельцу.

Совершенно справедливо [и то], что если ценность сырого продукта повышается [или падает], то в тех отраслях промышленности которые применяют сырой материал, норма прибыли будет падать или повышаться в обратном отношении с ценностью сырого продукта. Если ценность хлопчатой бумаги удваивается, то при данной заработной плате и данной норме прибавочной ценности норма прибыли упадет. Но то же имеет место и в земледелии. Если жатва не дала достаточного сбора, а производство должно продолжаться на той же ступени (мы принимаем, что товары продаются по их ценности), то большая часть всего продукта или его ценности должна была бы быть возвращена земле, и после вычета заработной платы, если бы она оставалась неизменной, прибавочную ценность арендатора составляло бы меньшее количество про-

¹⁾ Да, конечно, соответственно данному уровню прибыли.

дукта, а следовательно, и распределению между арендатором и землевладельцем подлежало бы меньшее количество ценности. Хотя одинаковое количество продукта имело бы более высокую ценность, чем раньше, однако, не только [остающееся] количество продукта, но и остающаяся доля ценности были бы меньше. Несколько иначе обстоит дело, если продукт вследствие спроса продается выше своей ценности и при том настолько выше, что меньшее количество продукта имеет теперь более высокую цену, чем большее количество раньше. Но это уже противоречит условию, что продукты продаются по их ценности.

Возьмем обратный [случай]. Сбор хлопка дал вдвое [больше, чем раньше], и часть продукта, непосредственно возвращаемая земле, например, как удобрение и семена, стоит меньше, чем раньше. В этом случае часть ценности, остающаяся плантатору после вычета заработной платы, больше, чем раньше. Норма прибыли здесь, следовательно, повысилась бы, как и в хлопчатобумажной промышленности. Это, конечно, совершенно верно. Содержащаяся в локте коленкора часть ценности, падающая на сырой продукт, была бы теперь меньше, чем раньше, а часть, падающая на обработанный продукт, — больше, чем раньше. Допустим локоть коленкора стоит 2 шиллинга, если ценность содержащейся в нем хлопчатой бумаги равна шиллингу. Если хлопчатая бумага падает с 1 шиллинга на $\frac{1}{2}$ шиллинга, (а это при условии, что ее ценность равна ее цене возможно только потому, что культура ее стала производительнее), то ценность локтя коленкора равняется $\frac{1}{2}$ шиллингам. Она упала на 25 процентов. Но там, где плантатор раньше продавал 100 фунтов по 1 шиллингу, он теперь должен продавать 200 фунтов по $\frac{1}{2}$ шиллинга. Ценность всей жатвы остается равной 100 шиллингам. Хотя хлопчатая бумага составляла раньше более значительную часть ценности продукта, плантатор за свои 100 шиллингов хлопчатой бумаги, считая фунт по 1 шиллингу, получал только 50 локтей коленкора; теперь, продавая фунт хлопчатой бумаги по $\frac{1}{2}$ шиллинга, он получает за свои 100 шиллингов $66\frac{2}{3}$ локтя ¹⁾.

Если предположить, что товары продаются по их ценностям, то неверно, что доход производителей, участвующих в производстве продукта, необходимо зависит от составных частей ценности, образуемых их продуктами в общей ценности продукта.

Допустим, что во всех промышленных товарах, включая и машины, ценность всего продукта заключается в одной отрасли в 300 ф. ст., в другой в 900, в третьей в 1800 ф. ст.

Если верно, что пропорция, в которой ценность всего продукта распределяется между ценностью сырого продукта и ценностью обработанного продукта, определяет пропорцию, в которой прибавочная цен-

¹⁾ Маркс в манускрипте ошибся. Там стояло следующее: «Но где плантатор (cottonbauer) продавал раньше 100 фунтов по 1 шиллингу, теперь он должен продавать 400 по 6 пенсов. Раньше ценность=100 шиллингам, теперь равна 200. Хотя хлопчатая бумага составляла раньше большую часть ценности продукта (одновременно упала и норма прибавочной ценности в самой хлопчатобумажной культуре), плантатор получал за свои 100 шиллингов хлопчатой бумаги, считая фунт по шиллингу, только 50 локтей коленкора: он получает теперь за свои 200 шиллингов, считая фунт по 6 пенсов $133\frac{1}{2}$ локтя». К.

ность—рента, как выражается Родбертус—распределяется на прибыль и земельную ренту, то это должно быть верно также и для различных продуктов различных сфер производства, в которых сырой материал и обработанный продукт участвуют в различных отношениях.

Если из ценности в 900 ф. ст. 300 ф. ст. приходится на обработанный продукт и 600 ф. ст. на сырой продукт, если 1 ф. ст. равен 1 рабочему дню; если, далее, норма прибавочной ценности дана, например, 2 часа на 10, если нормальный рабочий день—12 часов, то в 300 ф. ст. обработанного продукта содержатся 300 рабочих дней, в 600 ф. ст. сырого продукта—вдвое больше. Сумма прибавочной ценности в первом равна 600 часам, во втором—1200. Это означает только то—и ничего больше—что, если норма прибавочной ценности дана, то величина ее зависит от числа одновременно занятых в производстве рабочих. Так как, далее, предположено,—недоказано—что из прибавочной ценности, входящей в ценность сельскохозяйственных продуктов [определенная] часть приходится на долю землевладельца, как земельная рента, то отсюда вытекало бы, что в действительности величина земельной ренты растет в том же отношении, в каком стоит ценность сельскохозяйственного продукта к „продукту обработанному“. В вышеприведенном примере сельскохозяйственный продукт относится к обработанному продукту, как 2 : 1. [Возьмем второй случай, в котором это отношение равно 1 : 2, на сырой продукт приходится только 300 ф. ст. и на обработанный—600 ф. ст.]. Так как земельная рента заключается в прибавочной ценности, содержащейся в сельскохозяйственном продукте, то ясно, что если эта прибавочная ценность составляет в первом случае 1200 часов, а во втором, напротив, только 600, то земельная рента, составляя определенную часть этой прибавочной ценности, в первом случае должна быть больше, чем во втором. Или,—чем большую часть ценности составляет сельскохозяйственный продукт в ценности всего продукта, тем больше приходящаяся на его долю часть в прибавочной ценности всего продукта, так как в каждой части продукта заключается определенная доля прибавочной ценности; а чем больше приходящаяся на долю сельскохозяйственного продукта часть в прибавочной ценности всего продукта, тем больше земельная рента, так как определенная пропорциональная часть прибавочной ценности сельскохозяйственного продукта выражается в земельной ренте. Допустим, что земельная рента равна одной десятой сельскохозяйственной прибавочной ценности; тогда она будет равна 60 ф. ст., если ценность сельскохозяйственного продукта из 900 ф. ст. составляет 600 ф. ст., и только 30, если она составляет 300 ф. ст. Величина земельной ренты соответственно этому изменялась бы вместе с величиной ценности сельскохозяйственного продукта, а, следовательно, и вместе с относительной величиной ценности сельскохозяйственного продукта по отношению к продукту промышленному. Но „высота“ земельной ренты и прибыли, их нормы, не имели бы к этому абсолютно никакого отношения. В первом случае ценность продукта была бы равна 900 ф. ст., из них 300 ф. ст.—промышленный продукт и 600 ф. ст.—сельскохозяйственный продукт. Из этой суммы 600 часов прибавочной ценности для промышленного продукта и 1200—для сельскохозяйственного продукта. В общей сложности—1800 часов. Из них на

земельную ренту приходится 120, на прибыль 1680. Во втором случае, ценность продукта равна 900 ф. ст. Из них 600—промышленный продукт и 300 ф. ст.—земледельческий продукт. Следовательно, на промышленность приходится прибавочная ценность в 1200 ф. ст. и 600—на земледелие. В общей сложности—1800, из них на земельную ренту приходится 60 и на прибыль 1740. Во втором случае промышленный продукт (по ценности) вдвое больше земледельческого, в первом случае—наоборот. Во втором случае земельная рента равна 60, в первом—120. Она возросла в том же отношении, в каком возросла ценность земледельческого продукта. Насколько возросла эта последняя величина, настолько возросла и величина ренты.

Если вместе с величиной, приходящейся на долю земледельческого продукта части ценности, повышается и величина земельной ренты, а вместе с этой ее величиной—ее пропорциональная доля во всей прибавочной ценности; если, следовательно, и норма, соответственно которой прибавочная ценность приходится на долю земельной ренты, повышается по отношению к той норме, соответственно которой получает свою прибыль, то это имеет место потому, что Родбертус предполагает участие земельной ренты в прибавочной ценности земледельческого продукта в определенной пропорции. Это действительно должно иметь место, если этот факт дан или предположен. Но самый этот факт никоим образом не следует из того вздора, который снова болтает Родбертус относительно „ценности материала и который я привел выше. Высота земельной ренты не возрастает и по отношению к продукту, из которого она получает свою долю, ибо это отношение, как и прежде, составляет одну десятую; ее величина возрастает, потому что возрастает этот продукт, и потому что возрастает ее величина без возрастания ее „высоты“, возрастает ее „высота“ по сравнению с количеством прибыли или сравнительно с долей прибыли в ценности всего продукта. Так как предположено, что большая часть ценности всего продукта приносится ренте, что большая часть прибавочной ценности стала способной к обращению в ренту (*rentefähig, rentable*), то превращенная в ренту часть прибавочной ценности естественно больше. Дело не имеет абсолютно никакого отношения к „ценности материала“. Но что „большая, остающаяся на долю земельной ренты часть“ ренты дает „более высокую земельную ренту“, „потому что пространство или число моргенов, на которое она исчисляется, осталось то же, и, следовательно, на отдельный морген, приходится большая сумма ценности“ (ук. соч., стр. 122),—это вздор. Это—измерение „высоты“ ренты „масштабом“, при помощи которого избегается трудность самого вопроса.

Если бы мы поставили приведенный выше пример иначе—ибо мы не знаем еще, что такое рента,—и предложили бы для земледельческого продукта ту же норму прибыли, что и для промышленного продукта, прибавивши только для земельной ренты одну десятую, то дело получило бы иной вид и стало бы яснее; а такая комбинация именно и является необходимой, так как норма прибыли предположена одна и та же.

Тогда мы имели бы:

I. Промышленный продукт. 600 ф. ст. = [7200 рабочих часов].	Земледельческий продукт. 300 ф. ст. = [3600 рабочих часов].
--	--

[Прибавочная ценность].

[100 ф. ст. =] 1200 [рабочих часов для прибыли] промышленности, [50 ф. ст. = 600] [рабочих часов для прибыли] земледелия, [5 ф. ст. =] 60 [рабочих часов] для земельной ренты.

Вместе [155 ф. ст. =] 1860 [рабочих часов]; из них [150 ф. ст. =] 1800 для прибыли.

II. 300 ф. ст. = [3600 рабочих часов].	600 ф. ст. = [7200 рабочих часов].
--	------------------------------------

[50 ф. ст. =] 600 [рабочих часов для прибыли] промышленности, [100 ф. ст. =] 1200 [рабочих часов для прибыли] земледелия, [10 ф. ст. =] 120 [рабочих часов] для земельной ренты.

Вместе [160 ф. ст. =] 1920 [рабочих часов], из них [150 ф. ст. =] 1800 для прибыли.

Земельная рента в случае II вдвое больше, чем в I, потому что часть ценности продукта, на которой она сидит, как паразит, земледельческий продукт, [точно также вдвое больше, чем] промышленный продукт. Масса прибыли остается в обоих случаях неизменной = 1800.

Если Родбертус хочет во что бы то ни стало сделать „ценность материала“ исключительной собственностью промышленности, то его обязанностью было прежде всего взвалить ту часть постоянного капитала, которая состоит из машин и т. д., исключительно на земледелие. Эта часть капитала входит в земледелие, как продукт, доставленный, ему промышленностью, как „обработанный продукт“, представляющий средства производства для „сырого продукта“.

Что касается промышленности, то часть ценности машин, состоящая из „сырого материала“, уже — дебетирована ей, так как дело идет здесь о расчете между двумя фирмами — под рубрикой „сырой материал“ и „ценность материала“. Она, следовательно, не может быть записана дважды. Другая часть ценности машин, употребляемых в промышленности, состоит из добавленного „обрабатывающего труда“, прошлого и настоящего, выраженного в заработной плате и прибыли, оплаченном труде и труде неоплаченном. Следовательно, затраченная здесь, помимо содержащейся в сыром материале машин, часть капитала состоит только из заработной платы и, стало быть, увеличивает не только величину затраченного капитала, но и массу прибавочной ценности, которая подлежит исчислению на этот затраченный капитал, — а значит, увеличивает и прибыль¹⁾.

¹⁾ Неверность этого вычисления всегда заключается в том, напр., что хотя изнашивание механизма или инструментов, содержащееся в самой машине, ее ценности, в последнем счете и может быть сведено к труду, будет ли это труд, заключающийся в сыром материале, или труд, превращающий сырой материал в машину и т. д., — но несмотря на это этот прошлый труд никогда больше не входит ни в прибыль, ни в заработную плату, а действует — поскольку не изменилось рабочее время, необходимое для воспроизводства, — как созданное средство производства, которое, какова бы ни была его потребительная цен-

Напротив, что касается земледелия, то-есть простого производства сырых продуктов или, так называемого, первоначального производства, — то при расчете между двумя фирмами, — „производство первоначальное“ и „производство обрабатывающее“, входящая в земледелие часть ценности капитала, представляющая собой машины, орудия и т. д., — эта часть постоянного капитала никоим образом не может фигурировать иначе, чем как статья капитала, которая входит в земледельческий капитал, не увеличивая его прибавочной ценности. Если земледельческий труд становится благодаря применению машин и т. д. производительнее, то он становится таковым тем меньше, чем выше цена этих машин и т. д. Производительность земледельческого труда или какого бы то ни было труда увеличивается благодаря потребительной ценности машин, а не их ценности. Иначе можно было бы также сказать, что производительность обрабатывающего труда, прежде всего, обуславливается существованием сырого материала и его качествами. Но опять-таки для промышленности условием производства является потребительная ценность сырого материала, а не его ценность. Ценность представляет скорее темную сторону. Следовательно, *mutatis mutandis* можно сказать о машинах и т. д. буквально то же самое, что говорит г. Родбертус о „ценности материала“ по отношению к промышленному капиталу. [Стоит только заменить слова „пряжа и ткань“ словами „пшеница и хлопчатая бумага“ и положения, выставленные Родбертусом на 97-й странице, получают следующий вид:]

«В определении издержек труда особого продукта, каким является пшеница или хлопчатая бумага, не могут участвовать издержки труда, причитающиеся на долю плуга или джина (машина для очистки хлопчатой бумаги), как машин (а также и издержки труда, причитающиеся на долю отводной канавы или конюшен). Напротив, ценность машины или машинная ценность (*Maschinenwert*) фигурирует, все-таки, в виде затраты капитала в той сумме капитала, на которую владелец должен исчислять приходящуюся на сырой продукт часть ренты, как барыш».

Другими словами: часть ценности в пшенице и хлопчатой бумаге, представляющая ценность использованного плуга или джина, есть результат не труда пахания или отделения волокон хлопчатой бумаги от ее семян, а труда, произведшего плуг и джин. Эта составная часть ценности входит в земледельческий продукт, не будучи произведена [в земледелии]. Она только проходит чрез его руки; ибо ею земледелие [приобретает] только новые плуги и джины у машиностроителя. Эти употребляемые в земледелии машины, орудия, строения и другие обработанные продукты состоят из двух составных частей: 1. сырых материалов этих обработанных продуктов и [2. добавленного к сырому продукту труда.] Эти сырые материалы, правда, составляют продукт земледелия, но они являются такой частью его продукта, которая никогда не входит ни в заработную плату, ни в прибыль. Если бы совершенно не существовало капиталиста, то земледелец, как и прежде, не мог бы записать на

ность, в процессе труда, в процессе образования ценности фигурирует только, как ценность постоянного капитала. Это очень важно и уже мной выяснено при исследовании взаимоотношений между постоянным капиталом и доходом. Но, кроме того, это подлежит еще развитию в отделе о накоплении капитала.

свой счет эту часть своего продукта, как заработную плату. В самом деле, он должен был бы отдать ее даром фабриканту машин, чтобы он сделал ему из нее машину, и кроме того должен был бы оплатить добавленный к этому сырому материалу труд, следовательно, заработную плату плюс прибыль. На самом деле это так и происходит. Фабрикант машин покупает сырой материал, но при покупке машины сельскому хозяину приходится покупать этот сырой материал обратно. Это, следовательно, равносильно тому, как если бы земледелец совершенно не продавал сырого материала, а отдал бы его фабриканту машин даром [для того, чтобы последний] придал ему форму машины. Следовательно, часть ценности применяемых в земледелии машин, ценности, содержащейся в сыром материале, хотя и является продуктом земледельческого труда, но принадлежит производству, а не производителю, и фигурирует поэтому между его издержками, как и семена. Напротив, другая ее часть, представляющая обрабатывающий труд в машинах, есть „обработанный продукт“, входящий в земледелие как средство производства, совершенно так же, как сырой материал входит, как средство производства, в промышленность.

Если, следовательно, верно, что фирма „производство сырых продуктов“ доставляет фирме „промышленность“ „ценность материала“, которая входит, как часть капитала, в сумму капитала фабриканта, то не менее верно и то, что фирма „промышленность“ доставляет фирме „производство сырых материалов“ ценность машин, которая целиком, включая часть, состоящую из сырого материала, входит в сумму капитала арендатора, при чем эта „составная часть ценности“ не дает ему прибавочной ценности. Это является причиной, почему в „high agriculture“, как это называют англичане, норма прибыли кажется меньше, чем в настоящем земледелии, несмотря на то, что норма прибавочной ценности больше.

Вместе с тем это представляет для г. Родбертуса поразительное доказательство того, насколько безразлично для существа затраты капитала, возмещается ли часть ценности продукта, вкладываемая в постоянный капитал, *in natura* и поэтому только считается, как товар — как денежная ценность — или же она действительно отчуждается и проходит через процесс купли-продажи. Если бы, например, производитель сырых продуктов отдал даром фабриканту машин содержащееся в его машине железо, медь, дерево и т. д., так что последний посчитал бы ему при продаже машины только добавленный труд и изнашивание его собственной машины, то эта машина стоила бы сельскому хозяину как раз столько, сколько стоит она ему теперь, и та же составная часть ценности фигурировала бы, как постоянный капитал, как статья расхода в его производстве; совершенно также обстоит дело и в том случае, продает ли крестьянин всю свою жатву и на ту часть ценности последней, которая представляет семена, сырой материал, покупает чужие семена — чтобы, положим, произвести полезное изменение в сорте семян и благодаря их подбору избежать вырождения, или непосредственно отделяет эту составную часть ценности от своего продукта и снова отдает ее земле.

Но г. Родбертуе неверно представляет себе состоящую из машин часть постоянного капитала с той целью, чтобы вывести отсюда свой расчет.

Второй пункт, подлежащий рассмотрению в [случае] Н г. Родбертуса, таков: г. Родбертуе говорит об обработанных и земледельческих продуктах, из которых состоит доход, что уже представляет из себя нечто совершенно иное, чем если бы он говорил об обработанных и земледельческих продуктах, из которых состоит весь годичный продукт. [Допустим, что] в последнем случае [было бы] правильной сказать так: по вычете всей части земледельческого капитала, заключающейся в машинах и т. д., а также по вычете той части земледельческого продукта, которая непосредственно возвращается земледельческому производству, и после распределения приходящейся на долю арендатора прибавочной ценности между им самим и земледельцем, [величина доли в прибавочной ценности, достаемой, с одной стороны, арендатору и, с другой стороны, промышленнику, должна] определяться долей, какую имеют в общей ценности продуктов обрабатывающая промышленность и земледелие. [Если мы и примем это], то еще большой вопрос, верно ли это, когда речь идет о тех продуктах, которые составляют общественные фонды дохода. Доход (часть, вновь превращающаяся в новый капитал, здесь исключена) состоит из продуктов, входящих в индивидуальное потребление, и здесь возникает вопрос, сколько извлекают из этой кассы [промышленные] капиталисты, арендаторы и землевладельцы. Определяется ли эта доля той долей, какую имеют в ценности продуктов, входящих в доход, обрабатывающая промышленность и производство сырых продуктов? Или теми долями, в каких ценность всего входящего в доход продукта делится на земледельческий труд и обрабатывающий труд?

Масса продуктов, из которых состоит доход, как я показал выше, исключает все продукты, входящие в производство как орудия труда (машины), вспомогательные вещества, полуфабрикаты и сырой материал полуфабрикатов, и составляющие часть годичного продукта труда. Она исключает не только постоянный капитал производства сырых продуктов, но и постоянный капитал фабрикантов машин, а также и весь постоянный капитал [других] капиталистов, входящий, правда, в процесс труда, но не в процесс образования ценности. Далее она исключает не только постоянный капитал, но и часть тех непотребляемых продуктов, которые представляют доход их производителей и которые для возмещения использованного постоянного капитала входят в капитал лиц, производящих продукты, потребляемые, как доход.

Масса продуктов, в которой выражается доход и которая, следовательно, представляет в действительности часть богатства, составляющую доход, как по потребительной ценности, так и по ценности меновой — эта масса продуктов может, как я показал раньше, быть понята таким образом, что она состоит только из вновь добавленного в течение года труда, почему и превращается только в доход, то-есть в заработную плату и прибыль, в свою очередь распадающуюся на прибыль, ренту, алоги и т. д., при чем ни одна часть этой суммы не содержит ни

ценности входящего в производство сырого материала, ни ценности входящего в производство изнашивания машин, — одним словом, — средств труда. Если мы оставим совершенно без внимания производные формы дохода, — ибо они показывают только, что владелец дохода уступает свою долю в вышеупомянутой массе продуктов другому, за услуги и т. д., или в уплату долга и т. д., — если мы будем рассматривать доход независимо от этого и примем, что заработная плата составляет одну треть дохода, прибыль — другую треть и земельная рента — третью и что продукт по своей ценности равен 90 ф. ст., то каждый будет иметь возможность из массы извлекать величину, равную 30 ф. ст.

Так как масса продуктов, образующая доход, состоит только из вновь добавленного (в течение года) труда, то дело, повидимому, представляется очень просто: если сельскохозяйственный труд входит в массу продуктов в количестве двух третей, а промышленный труд — в количестве одной трети, то промышленник и сельский хозяин делят всю ценность соответственно этому отношению. Одна треть ценности пришлось бы на долю промышленников, две трети — на долю сельских хозяев и пропорциональная величина прибавочной ценности, реализованной в промышленности и земледелии, — предполагая в промышленности и в земледелии одну и ту же норму прибавочной ценности, — соответствовала бы тем долям, какие имеют промышленность и земледелие в ценности всего продукта; но земельная рента возрастала бы в том же отношении, в каком возрастает масса прибыли арендатора, масса прибыли, на которой рента сидит подобно паразиту. И все-таки это неверно. Именно — часть ценности, которая состоит из сельскохозяйственного труда, составляет доход части фабрикантов, изготовляющих основной капитал и т. д., который возмещает часть этого капитала, использованную в земледелии. Отношение составных частей в продуктах, составляющих доход, между сельскохозяйственным и промышленным трудом, никоим образом, следовательно, не показывает отношения, в каком распределяется ценность этой массы продуктов или сама эта масса продуктов между промышленниками и сельскими хозяевами, а также не показывает и отношения, в каком участвуют в общем производстве промышленность и земледелие.

Далее Родбертус говорит:

«Но опять-таки только производительность труда, производящего сырые продукты, и (производительность) труда в обрабатывающей промышленности определяет соответственную высоту ценности сырого продукта или в соответствующем случае — высоту ценности обработанного продукта или те доли, которые обе эти ценности составляют во всей ценности продукта. Ценность сырого продукта будет тем выше, чем ниже стоит производительность труда, производящего сырые продукты, и наоборот. Точно также ценность обработанного продукта будет тем выше, чем ниже стоит производительность обрабатывающей промышленности, и наоборот. Следовательно, то же должно быть и при данной высоте ренты вообще; так как высокая ценность сырого продукта вызывает высокую земельную ренту и низкую прибыль на капитал, а высокая ценность обработанного продукта вызывает высокую прибыль на капитал и низкую земельную ренту, то высота земельной ренты и высота прибыли на капитал стоят в обратном отношении не только друг к другу, но и к производительности соответствующего труда, труда, производящего сырые продукты, и труда в обрабатывающей промышленности» (ук. соч., стр. 123).

Если сравнивается производительность двух различных сфер производства, то это сравнение можно делать лишь относительно, то-есть

надо исходить из какого-либо пункта, где ценности, напр., пеньки и холста, т.-е. соотносительные количества содержащегося в них рабочего времени, относятся, как 1 к 3. Если это отношение меняется, то правильной будет сказать, что изменилась производительность этих различных родов труда. Но было бы большою неправильностью утверждать, что производство золота „менее производительно“, чем производство железа, потому что требующееся для производства унции золота рабочее время равно 3, а требующееся для производства тонны железа рабочее время также равно 3.

Отношение ценностей двух товаров показывает, что один товар стоит больше количества рабочего времени, чем другой: основываясь на этом, нельзя, все-таки, говорить, что одна [сфера производства] „производительнее“ другой. Это было бы верно только тогда, если бы рабочее время применялось в том и в другом случае к производству одних и тех же потребительных ценностей.

Если, следовательно, ценность сырого продукта относится к ценности промышленного продукта, как 3 к 1, то совершенно нельзя говорить, что промышленность в три раза производительнее земледелия. Только в том случае, когда отношение изменяется, например, если бы оно стало 4:1 или 3:2 или 2:1 и т. д., можно было бы сказать, что изменилась относительная производительность в обеих отраслях, т.-е. при повышении или понижении.

γ) Третья формула.

[Переходим теперь к третьей формуле, к ответу на вопрос: что является решающим относительно высоты прибыли на капитал и земельной ренты?]

III. «Высота прибыли на капитал определяется исключительно высотой ценности продукта вообще и высотой ценности сырого продукта и обработанного продукта в частности или—степенью производительности труда вообще и производительности труда в добывающей и в обрабатывающей промышленности в частности; кроме того высота земельной ренты зависит и от величины ценности продукта или от количества труда или производительной силы, которые при данном отношении производительности применялись в производстве» (ук. соч., стр. 116, 117).

Другими словами, норма прибыли зависит только от нормы прибавочной ценности, а последняя определяется только производительностью труда; напротив, норма земельной ренты зависит также и от массы примененного труда, от числа рабочих при данной производительности труда.

В этом утверждении почти столько же ошибок, сколько слов.

Во-первых, норма прибыли никоим образом не определяется только нормой прибавочной ценности,—об этом мы только что говорили. Но, прежде всего, неверно, что норма прибавочной ценности зависит только от производительности труда. При данной производительности труда норма прибавочной ценности изменяется в зависимости от длины прибавочного рабочего времени. Следовательно, норма прибавочной цен-

ности зависит не только от производительности труда, но и от количества примененного труда, ибо количество неоплаченного труда может возрастать, при неизменной производительности, без возрастания количества оплаченного труда, т.-е. вложенной в заработную плату части капитала. Прибавочная ценность — абсолютная или относительная (а только последнюю знает Родбертус, следуя Рикардо) — невозможна, если труд, по крайней мере, не настолько производительен, чтобы для рабочего оставалось прибавочное рабочее время, кроме требующегося для его собственного воспроизводства. Но раз мы предположили это — при данном минимуме производительности, — норма прибавочной ценности изменяется вместе с продолжительностью прибавочного рабочего времени. Следовательно, во-первых, неверно, что норма прибыли — так как это имеет силу для нормы прибавочной ценности или для „высоты прибыли на капитал“ — определяется только производительностью эксплуатируемого капиталом труда.

Во-вторых, предположим норму прибавочной ценности, изменяющуюся при данной производительности труда вместе с продолжительностью рабочего дня и при данном нормальном дне вместе с производительностью труда, как данную. Сама прибавочная ценность будет тогда различна, смотря по числу рабочих, из каждого рабочего дня которых выжимается определенное количество прибавочной ценности, или — смотря по величине переменного капитала. Но норма прибыли зависит от отношения этой прибавочной ценности ко всему капиталу, состоящему из переменного капитала плюс постоянный. Величина прибавочной ценности, при данной норме прибавочной ценности, зависит, конечно, от величины переменного капитала, во высота прибыли, норма прибыли, зависит от отношения этой прибавочной ценности ко всему затраченному капиталу. Здесь, следовательно, норма прибыли будет определяться ценой сырого материала (если он употребляется в данной отрасли промышленности) и ценностью машин известной силы действия. Следовательно, в корне неверным является то, что говорит Родбертус [в своем доказательстве ad III]:

«В том же самом отношении, в каком увеличивается, благодаря увеличению ценности продукта, сумма прибыли на капитал, увеличивается, следовательно, и сумма ценности капитала, на которую должна исчисляться прибыль, и существовавшее до тех пор отношение между прибылью и капиталом, благодаря этому увеличению прибыли на капитал, совершенно не изменится» (ук. соч., стр. 125).

Это верно только в том случае, если это — тавтология: при данной норме прибыли (очень отличной от нормы прибавочной ценности и самой прибавочной ценности) величина затраченного капитала безразлична, именно потому, что норма прибыли предположена, как постоянная. Но если этого условия нет, норма прибыли может возрастать, хотя производительность труда не изменяется, или может падать, хотя производительность труда возрастает и возрастает именно в каждой сфере.

Затем снова появляются неостроумные соображения (стр. 125—126) насчет земельной ренты, простое увеличение которой повышает ее норму, потому что она в каждой стране исчисляется на „неизменное

количество моргенов" (стр. 126). Если при данной норме прибыли, масса прибыли возрастает, то, значит, возрастает и масса капитала, с которого эта прибыль получается; напротив, если возрастает земельная рента, то, [по мнению Родбертуса], изменяется только один фактор, сама рента, тогда как ее мерило, „число моргенов“, остается неизменным.

«Земельная рента может поэтому повышаться вследствие причины, повсюду проявляющейся в экономическом развитии общества, вследствие увеличения прилагаемого в производстве труда, другими словами, вследствие увеличения населения, без того, чтобы при этом должно было последовать повышение ценности сырого продукта, так как уже получение земельной ренты с большего количества сырого продукта должно иметь такое действие» (ук. соч., стр. 127).

На следующей странице Родбертус делает странное открытие такого рода: если бы, благодаря падению сырого продукта ниже его нормальной ценности, земельная рента даже совершенно отпала, то невозможно, „чтобы прибыль на капитал когда-либо могла равняться 100 процентам“, именно, если товар продается по его ценности, „прибыль должна, как бы она высока ни была, всегда быть значительно меньше“ (ук. соч., стр. 128). Почему? „Ибо она (прибыль на капитал) является исключительно результатом распределения ценности всего продукта; поэтому она всегда может равняться лишь части этого целого“.

Это, г. Родбертус, вполне зависит от способа вашего исчисления.

Допустим, что затраченный постоянный капитал равен 100, затраченная заработная плата равна 50 и продукт труда свыше этих 50 равен 150. Тогда мы имели бы следующее:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная ценность	Ценность	Издержки производства	Прибыль
100	50	150	300	150	150 = 100%

Для того, чтобы этот случай был возможен, не требуется ничего другого, кроме того, чтобы рабочий работал три четверти своего рабочего дня на своего господина, т.-е., чтобы четверть его рабочего времени считалась достаточной для его собственного воспроизводства. Конечно, если г. Родбертус принимает всю ценность продукта равной 300 и рассматривает ее не с точки зрения превышения ее над издержками производства, а говорит: этот продукт должен быть распределен между капиталистом и рабочим, то, разумеется, доля капиталиста может равняться только части этого продукта, даже если бы она равнялась $\frac{999}{1000}$. Но это исчисление неверно, оно бесполезно почти во всех отношениях. Если кто-либо вкладывает 150 и получает 300, то он, обыкновенно, не говорит, что получает 50 процентов прибыли, ибо он считает 150 не на 150, а на 300.

Допустим в вышеприведенном примере, что рабочий работал 12 часов, [для производства ценности в 200], 3 для себя [50], 9 для капиталиста [150]. Пусть он работает 15 часов, 3 часа для себя и 12 для капиталиста, [в таком случае он создает прибавочную ценность в 200

вместо 150]. Таким образом, соответственно прежнему производственному отношению [к прежнему постоянному капиталу в 100] должно было бы прибавиться 25 (на самом деле меньше, потому что затрата на машины возрасла бы не в том же отношении, в каком возрасло бы количество труда). Следовательно, тогда мы имеем:

Постоянный капитал	Переменный капитал	Прибавочная ценность	Ценность	Издержки производства	Прибыль
125	50	200	375	175	200 = 114 $\frac{2}{7}$ %

Засим Родбертус снова возвращается к возрастанию „земельной ренты до бесконечности“, потому что он, во-первых, принимает за повышение простое увеличение ее размера, т.-е. говорит о повышении и в том случае, если та же норма земельной ренты уплачивается с большей массы продуктов. Далее, потому, что он исчисляет земельную ренту на „морген“, как мерило. Две вещи, не имеющие между собой ничего общего.

Следующие пункты можно отметить очень бегло, так как они не имеют никакого отношения к моей задаче.

„Ценность земли“, [заключает Родбертус], есть „капитализированная земельная рента“. Поэтому, для указанного денежного выражения ценности важна высота господствующего процента. При капитализировании из 4-х процентов рента должна была бы быть умножена на 25, из 5-ти — на 20. Это составило бы различие в 20 процентов в ценности земли (ук. соч., стр. 131). Даже вследствие понижения ценности денег земельная рента, а потому и ценность земли, номинально возросли бы; [ибо если с выражением процента или прибыли в большем количестве денег] равномерно поднимается в своем денежном выражении и капитал, [то, напротив,] выраженная в большем количестве денег земельная рента должна распределяться „на остающееся неизменным число моргенов земельного участка“ (ук. соч., стр. 132).

Г. Родбертус резюмирует свою мудрость в применении к Европе следующим образом:

1. „...У европейских наций производительность труда вообще — труда, производящего сырые продукты, и труда в обрабатывающей промышленности — возрасла... вследствие этого та доля национального продукта, которая затрачивается на заработную плату, уменьшилась, а та, которая остается в качестве ренты, увеличилась... Следовательно, рента вообще [возрасла“ (ук. соч., стр. 133, 139).

2. „...Производительность обрабатывающей промышленности увеличилась в большем отношении, чем производительность промышленности добывающей... поэтому, теперь из равного количества ценности национального продукта рента, приходящаяся на долю сырого продукта, больше приходящейся на долю продукта обработанного, поэтому, следовательно, несмотря на повышение ренты вообще, повысилась, все-таки, только земельная рента, прибыль же на капитал, напротив, упала“ (ук. соч., стр. 139).

Здесь, следовательно, г. Родбертус совершенно так же, как и Рикардо, объясняет повышение земельной ренты и падение нормы прибыли одно из другого; падение последней равносильно повышению первой, а повышение земельной ренты объясняется относительной непроизводительностью земледелия. Рикардо в одном месте говорит определенно, что

речь идет не об абсолютной, а об „относительной“ непроизводительности. Но, если бы он даже сказал обратное, то это не вытекает из выставляемого им принципа, так как действительный автор взгляда Рикардо, Андерсон, определенно заявляет об абсолютной способности к улучшению каждой почвы.

Если „прибавочная ценность“ (прибыль и рента) вообще повысилась, то, норма всей ренты не только может упасть по отношению к постоянному капиталу; но она упадет потому, что повысилась производительность. Хотя число занятых рабочих и степень их эксплуатации возрасли, — вложенный в заработную плату капитал, — даже абсолютно возросший, — относительно упал, потому что капитал, приводимый в движение этими рабочими, составляет все возрастающую часть всего капитала. Поэтому норма прибыли и земельной ренты упали вместе несмотря на то, что возрасла не только их сумма, их абсолютная величина, но и норма, соответственно которой эксплуатируется труд. Этот г. Родбертус не может видеть, потому что для него постоянный капитал есть изобретение промышленности, — изобретение, о котором земледелие ничего не знает.

Что же касается относительной величины прибыли и земельной ренты, то если земледелие относительно и менее производительно, чем обрабатывающая промышленность, то отсюда никоим образом не следует, что вследствие этого норма прибыли абсолютно упала.

Допустим, что ценность фунта хлопчатой бумаги была равна 2-м шиллингам. Она падает до 1 шиллинга. [Но производительность труда прядильщиков одновременно с этим возрасла еще сильнее]. 100 рабочих, успевавших раньше выпрясть в день 100 фунтов, теперь могут выпрясть 300. [Из одного фунта хлопчатой бумаги пусть получается один фунт пряжи].

На 300 фунтов хлопчатой бумаги затрачивается теперь только 300 шиллингов, тогда как раньше затрачивалось 600 шиллингов. Допустим далее, что машины [стали не дороже, а только производительнее; пусть их ценность] составляет в обоих случаях одну десятую [всего расхода на хлопчатую бумагу в первом случае] 60 шиллингов. [Зарботная плата пусть будет равна 1 шиллингу в день]. Так как производительность труда рабочих увеличивается, и мы должны предположить, что заработная плата уплачивается здесь собственным продуктом рабочих, то допустим, что раньше прибавочная ценность была равна 20 процентам заработной платы, теперь же она равна 40 процентам. Таким образом, следовательно, 300 фунтов [пряжи] стоят

в первом случае:

сырой материал 600, машины 60, заработная плата 300,
прибавочная ценность 60, итого 1020;

во втором случае:

сырой материал 300, машины 60, заработная плата 100,
прибавочная ценность 40, итого 500;

первом случае:

издержки производства 960, прибыль 60, норма прибыли
6¼ процента;

во втором случае:

издержки производства 460, прибыль 40, норма прибыли $8\frac{6}{23}$ процента.

Если рента составляла, предположим, треть фунта, то в первом случае, [ценность сырого материала 600 шиллингов], она равнялась 200-м шиллингам, во втором, [сырой материал 300 шиллингов], 100 шиллингам¹⁾. Рента здесь упала, потому что сырой продукт стал дешевле на 50 процентов. Но весь продукт стал дешевле более чем на 50 процентов. Добавочный в индустрии труд относился к ценности сырого материала в первом случае, как 360 : 600 или как 1 : $1\frac{2}{3}$, во втором случае, как 140 : 300 = 1 : $2\frac{1}{7}$. Промышленный труд стал производительнее в более высокой степени, чем труд сельскохозяйский; тем не менее в первом случае норма прибыли ниже и рента выше, чем во втором. В обоих случаях рента равняется третьей части сырого продукта.

Из относительной дороговизны сельскохозяйского продукта никоим образом не следует, что он приносит [более высокую] ренту. Если предположить, что рента, как процент, внедряется в каждую часть ценности сельскохозяйского продукта — как допускает Родбертус, ибо его $\frac{2}{3}$ мнимое доказательство вздор, — то отсюда, конечно, следует, что рента повышается с растущей дороговизной сельскохозяйского продукта.

„...Вследствие увеличения народонаселения чрезвычайно увеличилась также и сумма ценности национального продукта... поэтому теперь в нации получается больше заработной платы, больше прибыли, больше земельной ренты... эта большая масса земельной ренты, кроме того, еще повысила ее, тогда как такое действие увеличения массы дохода по отношению к заработной плате и прибыли не могло иметь места“ (ук. соч., стр. 139).

Очистим г. Родбертуса от всех нелепостей, (не говоря уже о тех недостаточных представлениях, на которых я подробно останавливался выше, например, будто норма прибавочной ценности может повыситься только в том случае, если труд становится производительнее, т.-е. непонимание существования абсолютной прибавочной ценности и т. д.), [итак, очистим].

[во-первых], от нелепости, будто в настоящем капиталистическом земледелии в затраты капитала совершенно не входит „ценность материала“; а также

от второй нелепости, заключающейся в том, что Родбертус не признает входящей в земледелие и промышленность второй части постоянного капитала, машины и т. д., за „составную часть ценности“, столь же мало, как и „ценность материала“, являющуюся результатом труда той сферы производства, в какую она входит в виде машины; следовательно, за такую составную часть ценности, на которую тоже должна исчисляться полученная в каждой сфере производства прибыль, хотя ценность машин решительно ничего не прибавляет к этой прибыли, точно так же, как и ценность материала, несмотря на то, что и машины,

¹⁾ В манускрипте по недосмотру стоит 150 шиллингов. К.

и сырой материал — средства производства и, как таковые, входят в процесс труда;

от третьей нелепости, заключающейся в том, что Родбертус всю „составную часть ценности“ входящих в земледелие „машин“ и т. д. не ставит в счет земледелию, как затрату, и часть этой составной части ценности, не являющуюся сырым материалом, не считает за дебет земледелия по отношению к промышленности, — за дебет, в уплату которого земледелие должно даром доставлять промышленности часть сырого материала, не входящую, следовательно, в число затрат промышленности, понимаемой, как единое целое;

от четвертой нелепости, будто „ценность материала“, помимо машин и нужных для них вспомогательных веществ, входит во все отрасли промышленности, между тем как это столь же мало имеет места во всей транспортной промышленности, как и в промышленности добывающей;

от пятой нелепости, заключающейся в том, что Родбертус не видит, как во многих отраслях промышленности — и именно [тем больше], чем больше они доставляют готовые фабрикаты для потребления — хотя и входит кроме переменного капитала и „сырой материал“, но другая составная часть постоянного капитала почти совершенно отпадает или является минимальной, несоразмерно меньшей, чем в крупной промышленности и земледелии;

от шестой нелепости, заключающейся в том, что Родбертус смешивает цены производства товаров с их ценностями.

По очистке Родбертуса от всех этих ошибок, дающих ему возможность выводить свое объяснение земельной ренты из неверного расчета арендатора и своего собственного, так что земельная рента должна была бы исчезать по мере того, как арендатор правильно подсчитывает делаемые им затраты — по очистке его от всех этих ошибок, остается в виде основы лишь следующее утверждение:

Если сырые продукты продаются по их ценностям, — их ценность стоит выше цен производства других товаров или их собственной цены производства; это означает, что она больше издержек производства плюс средняя прибыль, что она дает, следовательно, добавочную прибыль, которая и составляет земельную ренту. Это означает далее, что переменный капитал (предполагая равную норму прибавочной ценности) по отношению к постоянному капиталу сравнительно больше в производстве сырых продуктов, чем, в среднем, в сферах индустриального производства, что не мешает ему в некоторой части отраслей промышленности стоять выше, чем в земледелии. Или в еще более общей форме: земледелие принадлежит к классу тех промышленных сфер производства, переменный капитал которых стоит выше по отношению к постоянному капиталу, чем, в среднем, во всех сферах промышленности. Прибавочная ценность земледелия, исчисляемая на его издержки производства, должна поэтому стоять выше, чем в среднем во всех сферах промышленности. А это в свою очередь означает, что ее особая норма прибыли стоит выше средней нормы прибыли или всеобщей нормы прибыли. Что

в свою очередь означает: особая норма прибыли в каждой сфере производства,—если норма прибавочной ценности одинакова и сама прибавочная ценность дана,—зависит от отношения переменного капитала к постоянному капиталу в отдельных сферах.

Этим был бы выражен, по отношению к отдельной отрасли промышленности, всеобщий развитый мною закон.

Тогда дело обстоит бы так:

1. Следовало бы доказать, что земледелие принадлежит к особым отраслям производства, ценности товаров которых стоят выше их цен производства, следовательно, прибыль которых,—если они присваивают ее себе, а не отдают для установления всеобщей нормы прибыли,—стоит выше средней прибыли и, следовательно, дает кроме последней еще и добавочную прибыль. Этот 1-ый пункт, в среднем, кажется верным для земледелия, потому что в нем еще относительно преобладает ручной труд и буржуазному способу производства свойственно быстрее развивать промышленность, чем земледелие.

Это, впрочем, различие историческое, могущее исчезнуть. Это означает вместе с тем, что, в общем, средства производства, доставляемые земледелию промышленностью, падают в ценности, тогда как сырой материал, доставляемый промышленности земледелием, в общем, повышается в ценности, вследствие чего постоянный капитал в значительной части промышленности относительно больше по ценности, чем в земледелии. По отношению к экстрактивному земледелию это, по большей части, конечно, не имеет силы.

2. Нельзя сказать, как это делает Родбертус: если сельскохозяйственный продукт—согласно всеобщему закону—продается, в среднем, по своей ценности, он должен давать добавочную прибыль, иначе сказать, земельную ренту. Как будто бы эта продажа по ценности товара выше его цены производства составляет всеобщий закон капиталистического производства! Наоборот, следует доказать, почему в производстве сырых продуктов—в виде исключения и в отличие от класса промышленных продуктов, ценность которых точно также стоит выше их цены производства—почему ценности не падают до цен производства и доставляют тем самым добавочную прибыль, иначе сказать, земельную ренту. Это объясняется просто существованием собственности на землю. Уравнение имеет место только в отношениях одного капитала к другому, потому что только капитал по отношению к капиталу имеет силу выполнять имманентные законы капитала. В известном смысле правы те, кто выводит земельную ренту из монополии; совершенно так же, как монополия капитала одна только дает возможность капиталисту выжимать из рабочего прибавочный труд, монополия землевладения дает возможность землевладельцу выжимать у капиталиста часть прибавочного труда, которая составляла бы постоянную добавочную прибыль. Те, кто выводит земельную ренту из монополии, ошибаются, полагая, будто монополия дает возможность землевладельцу поднимать цену товара выше его ценности. Она, наоборот, состоит в том, чтобы удерживать

ценность товара выше его цены производства, продавать товар не выше, а по его ценности ¹⁾.

Модифицированная, таким образом, теория становится верной. Она объясняет существование земельной ренты, тогда как Рикардо объясняет только существование различных (different) земельных рент и на самом деле лишает землевладение всякой экономической роли. Она далее устранила у самого Рикардо, впрочем, только произвольную и для его представления ненужную надстройку, что производительность земледелия убывает, она скорее допускает, что земледелие становится более производительным. Только на буржуазной основе оно относительно менее производительно и медленнее развивает производительные силы труда, чем промышленность. Рикардо прав, когда он выводит „прибавочную ценность“ земледелия не из большой плодородности, а из большей не-плодородности.

f) Дифференциальная земельная рента.

Что касается до разницы земельных рент, то она объясняется, при равном вложении капитала в равные по величине пространства земли, разницей в естественной плодородности, в особенности для продуктов, доставляющих хлеб, главный предмет питания; при равных пространствах земли с равной плодородностью она может быть объяснена—вложением неравных капиталов. Первая, естественная, разница влечет за собою не только разницу в величине, но и разницу в высоте или норме земельной ренты сравнительно с затраченным капиталом; вторая, промышленная, разница дает только большую земельную ренту пропорционально величине затраченного капитала. Различие результата может также иметь место и при последовательных вложениях капитала в одну и ту же почву.

Существование различных прибавочных прибылей или различных земельных рент на земельных участках различной плодородности не отличает земледелия от промышленности. Что отличает их, так это—фиксирование этих прибавочных прибылей, потому что они покоятся здесь на естественном базисе, который, правда, может быть более или менее уравнен, тогда как в промышленности—при одинаковой средней прибыли—прибавочные прибыли всегда появляются только мимоходом и всегда выступают только потому, что капиталисты хватаются за более производительные машины и улучшения труда. В промышленности добавочную прибыль дает при посредстве понижения цен производства всегда приходящий последним, наиболее производительный капитал. В земле-

¹⁾ В конкуренции нужно различать двойное движение к уравниванию Капиталы внутри одной и той же сферы производства сводят цены произведенных внутри этой сферы товаров к одной и той же рыночной цене, как бы ни относилась ценность этих товаров к этой цене. Средняя рыночная цена должна была бы быть равна ценности товара, если бы не имело места уравнивание между различными сферами производства. Между этими различными сферами конкуренция сводит ценности к ценам производства, поскольку действие капиталов друг на друга не тормозится, не нарушается третьим элементом—землевладением и т. д.

дели, наоборот, очень часто добавочную прибыль дает не абсолютное увеличение плодородности самых лучших участков, а относительное увеличение их плодородности благодаря тому, что подвергается обработке менее производительная земля. В промышленности более высокая относительная производительность, добавочная прибыль, которая [снова] исчезает; должна быть всегда результатом абсолютного увеличения производительности вновь вложенного капитала по сравнению со старым. Никакой капитал не может в промышленности дать добавочную прибыль (мы не говорим здесь о мгновенном повышении спроса), потому что в данную отрасль промышленности вновь вошли менее производительные капиталы.

Но и в земледелии, с чем соглашается и Рикардо, более плодородная почва—почва, которая либо плодородна от природы, либо благодаря последним успехам технологии становится более плодородной чем старая почва, возделываемая при старых [технических условиях]—может выступить в очереди позже, может даже оставить часть старой почвы вне обработки, как в горной промышленности и в производстве колониальных продуктов, или водворить на ней другую сельско-хозяйственную культуру, доставляющую другой продукт.

По этой теории не является необходимым ни то, чтобы земельную ренту уплачивала самая плохая почва, ни то, чтобы она не уплачивала никакой земельной ренты. Точно также возможно, что там, где не получается никакой земельной ренты, где получается только обычная прибыль, и даже где и таковая не получается,—аренда уплачивается; следовательно, землевладелец получает ренту, хотя с точки зрения политической экономии она не существует.

Во-первых, пусть земельная рента, добавочная прибыль уплачивается только лучшей (более плодородной) почвой. Здесь земельная рента, как „таковая“, не существует. В таких случаях и добавочная прибыль редко является фиксированной, как земельная рента, столь же мало, как и добавочная прибыль в промышленности. Пример: запад Северо-Американских Соединенных Штатов.

Это имеет место, с одной стороны, там, где относительно большая масса земли, которую можно распоряжаться, не является частной собственностью; с другой стороны—там, где естественная плодородность достаточно велика для того, чтобы, несмотря на незначительное развитие капиталистического производства—следовательно, несмотря на высокое отношение переменного капитала к постоянному, ценности сельскохозяйственных продуктов стояли на одном уровне с их ценами производства, а иногда и ниже цен производства. Если бы они стояли выше, то конкуренция понизила бы их до указанного уровня. Напротив, нелепо [усматривать], как это делает, например Родбертус, земельную ренту в том [стр. 179, 180], что государство взимает незначительную, почти номинальную цену всего около доллара за акр. С таким же правом можно было бы сослаться и на то, что государство взимает с занятия каждой отраслью промышленности „промысловые налоги“. В этом случае проявляется закон Рикардо. Земельная рента существует—но пока еще не фиксированная, а в текущем состоянии, как добавочная прибыль в

промышленности—только для относительно более плодородных участков земли. Неплатящая земельной ренты почва не платит ее не по причине своей неплодородности, а скорее по причине своей плодородности. Лучшие виды почвы платят потому, что, благодаря своей относительно более высокой плодородности, они обладают плодородностью выше средней.

Но и в тех странах, где существует собственность на землю, последний случай—именно, что почва, поступившая в обработку последней, не уплачивает земельной ренты—мог бы иметь место по совершенно противоположным причинам. [Это наступило бы тогда, когда] ценность, например, зернового хлеба была бы настолько низкой, что для почвы, поступившей в обработку последней, она стояла бы только на одном уровне с ценой производства—то-есть, следовательно, когда дело обстоит бы так, что если бы здесь был затрачен тот же труд, как и на почве, приносящей ренту,—число кварталов, например, за затраченный капитал было бы настолько мало, что при средней ценности хлебных продуктов получилась бы только цена производства, положим, пшеницы.

Предположим, например, что последняя почва, приносящая ренту—почва, которая приносит наименьшую ренту, дает чистую ренту, тогда как другие участки уже ренту дифференцированную,—предположим, что такая почва производит [с] затратай капитала в 100 ф. ст. [продуктов] 120 ф. ст. или 360 бушелей пшеницы, по $\frac{1}{3}$ ф. ст. бушель. Пусть 1 ф. ст. равняется недельному труду. Следовательно, 1 бушель, равен $\frac{1}{3}$ недельного труда=2 рабочим дням; пусть одна пятая или $\frac{4}{5}$ часа из этих 2-х дней или 24 часов, если нормальный рабочий день=12 часам, представляет неоплаченный труд, равный прибавочной ценности, содержащейся в одном бушеле. Если, следовательно, бушель продается по своей ценности ($\frac{12}{36}$ ф. ст.), и средняя прибыль=10 процентам, то цена производства 360-ти бушелей=110 ф. ст., или цена производства одного бушеля $\frac{11}{36}$ ф. ст. Ценность стояла бы на 10 процентов выше цены производства. И так как средняя прибыль=10 процентам, то земельная рента была бы равна половине прибавочной ценности, равна 10 ф. ст. или $\frac{1}{36}$ ф. ст. на 1 бушель. Более высокие сорта почвы при той же затрате в 120 рабочих недель, из которых, однако, только 100 оплаченного труда, овецественного или живого,—приносили бы больше бушелей и давали бы при цене в $\frac{11}{36}$ ф. ст. за бушель более высокую ренту. Самый же низкий сорт почвы давал бы ренту в 10 ф. ст на 100 ф. ст. капитала в $\frac{1}{36}$ ф. ст. на бушель пшеницы.

Предположим, что в обработку поступила новая почва, приносящая при 120 рабочих неделях только 330 бушелей. 1 бушель теперь был бы равен $26\frac{2}{11}$ рабочих часов, тогда как раньше он был равен только 24 часам. Ценность бушеля была раньше $\frac{11}{33}$ ф. ст., теперь она $\frac{12}{33}$ ф. ст. Чтобы продаваться по своей ценности, бушель должен теперь продаваться на $\frac{1}{33}$ ф. ст. дороже. Ценность пшеницы, произведенной на лучшей почве, стоит здесь ниже ценности пшеницы, произведенной на самой плохой почве; если эта самая плохая почва продает свой продукт по цене бушеля наиболее близкой лучшей или приносящей ренту почвы, то она продает его ниже его ценности, но по цене

производства, — следовательно, по цене, при которой она приносит обычную прибыль в 10 процентов. Она, следовательно, может обрабатываться и приносить капиталисту обычную среднюю прибыль.

В двух случаях самая плохая почва приносила бы здесь кроме прибыли еще и ренту. Это произошло бы, во-первых, если бы ценность бушеля пшеницы, [полученного на почве, которая раньше была самой плохой], стояла выше $\frac{1}{3}$ ф. ст. ¹⁾: если бы, следовательно, почва, бывшая раньше самой плохой, и все другие были относительно менее плодородны, чтобы приносить ту же ренту, так что ценность их продуктов была бы выше цены их производства и цены производства других товаров. [Если], следовательно, новая самая плохая почва не приносит земельной ренты, то это является следствием не ее неплодородности, а относительной плодородности двух участников земли. Хуже всего возделанная, приносящая ренту почва представляет по отношению к новому сорту почвы и повому вложению капитала ренту вообще, недифференцированную ренту. И ее норма не повышается — именно вследствие плодородности этой приносящей ренту почвы.

Предположим, что, кроме последней, приносящей ренту почвы, существует еще 3 класса. Класс II выше класса I, т. е. последней приносящей ренту почвы, приносит больше ренты, потому что эта почва на одну пятую плодороднее класса I; класс III еще больше, потому что он на одну пятую плодороднее класса II, точно также и класс IV, потому что он на одну пятую плодороднее класса III. Так как рента в классе I равна $120 - 110 = 10$ ф. ст., то в классе II она $= 144 - 110 = 34$ ф. ст., в классе III $= 172\frac{4}{5} - 110 = 62\frac{4}{5}$ ф. ст. и в классе IV $= 207\frac{9}{25} - 110 = 97\frac{9}{25}$ ф. ст. ²⁾. Если бы плодородность класса IV была меньше, то рента классов III — I включительно была бы больше и рента класса IV также абсолютно больше. Это можно представить двояко. Если бы класс I был плодороднее, то рента классов II, III, IV была бы соответственно меньше. С другой стороны, класс I относится к классу II, класс II к классу III и класс III к классу IV, как вновь добавленный, не приносящий ренты сорт почвы к классу I. Новый сорт почвы не при-

1) Но цена могла бы стоять выше $\frac{1}{3}$ ф. ст., то-есть выше его ценности, вследствие спроса, но этого мы не исследуем; $\frac{1}{3}$ ф. ст. цена бушеля, который приносил ренту для почвы, бывшей ранее самой плохой, в 10 ф. ст., была равна ценности пшеницы, возделанной на этой почве, которая приносит не дифференцированную ренту.

2) В манускрипте подсчитано иначе, Там говорится:

«Класс II, который стоит выше класса I, последней приносящей ренту почвы, приносит ренту на $\frac{1}{5}$ больше, потому что эта почва на $\frac{1}{5}$ плодороднее класса I; класс III снова на $\frac{1}{5}$ больше, потому что он на $\frac{1}{5}$ плодороднее класса II; точно также и класс IV, потому что он на $\frac{1}{5}$ плодороднее класса III. Так как рента в классе I $= 10$ ф. ст., то в классе II $= 10 + \frac{1}{5} = 12$ ф. ст., в классе III $= 12 + \frac{1}{5} = 14\frac{2}{5}$ ф. ст. и в классе IV $= 14\frac{2}{5} + \frac{1}{5} = 16\frac{22}{25}$ ф. ст.».

Последняя цифра вычислена неверно, должно было бы быть $17\frac{7}{25}$ ф. ст. Но и без того вычисление неверно, так как земельная рента не повышается в том же процентном отношении, как плодородность. Если урожай в классе I при затрате капитала в 100 ф. ст. равен 360 бушелям, то в классе II, при плодородности, большей на одну пятую, он равен $360 + 72 = 432$ бушелям и если ценность 3 бушелей равна 1 ф. ст. то ценность 432 бушелей равна 144 ф. Вычтя отсюда цену производства, 110 ф. ст., получим ренту в 34 ф. ст., а не в 12 ф. ст. К.

носит ренты потому, что ценность пшеницы класса I не стоит выше цены производства новой почвы. Она стояла бы выше этой цены производства, если бы класс I был менее плодороден. Тогда новая почва также приносила бы ренту. Но [точно также] обстоит дело и с классом I. Если бы класс II был плодороднее, то почва I не приносила бы ренты или приносила бы меньшую, то же имеет место и по отношению к классам II и III и к классам III и IV. В конце концов можно, следовательно, сказать и обратно: абсолютная плодородность класса IV определяет ренту класса III. Если бы класс IV был еще плодороднее, то классы III, II, I приносили бы меньшую ренту или не приносили бы никакой. Рента, приносимая классом I, недифференцированная рента, определяется, следовательно, плодородностью класса IV, подобно тому, как то обстоятельство, что новая почва не приносит ренты, обуславливается плодородностью класса I. Здесь имеет силу закон Шторха, что рента самой плодородной почвы определяет ренту последней почвы, которая вообще приносит ренту, а следовательно, и разницу между почвою, которая приносит недифференцированную ренту, и почвой, которая совершенно не приносит ренты. Следовательно, то явление, что здесь пятый класс, вновь возделанная почва I (в отличие от почвы I) не приносит ренты, есть следствие не ее собственной неплодородности, а ее относительной неплодородности по отношению к классу I, следовательно, относительной плодородности класса I по отношению к классу I.

[Если допустить], что ценность [продукта] приносящих ренту сортов почвы I, II, III, IV—[одна и та же]— $\frac{1}{3}$ ф. ст. за бушель,—[то она] равна цене производства класса I и стоит ниже собственной ценности этого класса. Но здесь может существовать много промежуточных ступеней. Если бы сорт почвы I приносил на вложенный капитал в 100 ф. ст. какое-либо количество бушелей, в границах между его действительным урожаем в 330 бушелей и урожаем класса I=360 бушелей, положим, 333, 340, 350 и до 360 бушелей, то ценность бушеля= $\frac{1}{3}$ ф. ст. стояла бы выше цены производства класса I (за бушель), и эта почва, обработанная последней, приносила бы ренту. Что она вообще приносит среднюю прибыль, это есть следствие относительной неплодородности класса I, значит—классов I—IV. Что она не приносит ренты, это есть следствие относительной плодородности класса I и ее собственной относительной неплодородности. Почва I, обработанная последней, могла бы приносить ренту, если бы ценность бушеля стояла выше $\frac{1}{3}$ ф. ст., следовательно, классы I, II, III, IV были бы менее плодородны, так как ценность пшеницы стояла бы выше. Но она могла бы также приносить ренту и при цене бушеля в $\frac{1}{3}$ ф. ст., т. е. при том же плодородии классов I, II, III, IV, если бы она сама была плодороднее, давала больше 330 бушелей, следовательно, ценность в $\frac{1}{3}$ ф. ст. за бушель стояла выше ее цены производства, другими словами если бы ее цена производства стояла ниже $\frac{1}{3}$ ф. ст., т. е. ниже ценности пшеницы, возделываемой на почвах I, II, III, IV. Если ценность стоит выше цены производства, то мы имеем налицо добавочную прибыль, т. е. возможность ренты.

Ясно следующее: [при сравнении] различных сфер производства — например, промышленности и земледелия, — то обстоятельство, что ценность стоит выше цены производства, показывает большую неплодородность той сферы производства, которая дает добавочную прибыль, излишек ценности над ценой производства. Напротив, в одной и той же сфере, это показывает большую производительность капитала по сравнению с другими капиталами в той же сфере производства. В выше приведенном примере класс I дает вообще земельную ренту, потому что в земледелии отношение переменного капитала к постоянному больше, чем в промышленности, то-есть, должно прибавляться больше нового труда к овеществленному, и потому что, вследствие существования собственности на землю, этот излишек ценности над ценой производства не уравнивается конкуренцией капиталов. Но почва I дает еще земельную ренту [не только] потому, что ценность в $\frac{1}{3}$ фун. ст. за бушель не стоит ниже ее цены производства, [но и] потому, что эта почва ее так уж неплодородна, чтобы ее собственная ценность стояла выше $\frac{1}{3}$ ф. ст. за бушель, а ее цену определяет не ее собственная ценность, а ценность пшеницы, возделанной на почвах II, III, IV или, точнее, на почве II. Поэтому равна ли рыночная цена только ее собственной цене производства или она стоит выше последней — от ее собственной производительности зависит, стоит ли ее ценность выше ее цены производства.

Поэтому неверен также и тот взгляд Родбергуса, что всякий капитал, приносящий в земледелии среднюю прибыль, должен приносить земельную ренту.

Этот неверный вывод вытекает из его неверного основного положения. — Родбертус рассуждает так: капитал приносит в земледелии, например, 10 ф. ст. Но 10 ф. ст. насчитываются здесь на меньшую сумму, так как здесь, в отличие от промышленности, не входит сырой материал. [Получается], следовательно, больше, чем, [скажем], 10 процентов. Но фокус вот в чем: не невхождение сырого материала поднимает ценность земледельческих продуктов выше цены производства, а более высокое отношение переменного капитала к постоянному, чем то, какое имеет место не в отдельных сферах производства, а в среднем во всей промышленности. Своей величиной это общее различие определяет величину и существование земельной ренты на № 1, абсолютной, недифференцированной и потому наименьшей земельной ренты. Цена пшеницы на почве I, вновь обработанной, не приносящей ренты почве, определяется, однако, не ценностью ее собственных продуктов, а ценностью класса I, следовательно, средней рыночной ценой пшеницы, доставляемой классами I, II, III, IV. Существующая, вследствие частной собственности на землю, привилегия земледелия продавать свой продукт не по цене производства, а по его ценности, — если эта ценность стоит выше цены производства — эта привилегия отнюдь не имеет силы для продуктов, полученных с различных сортов почвы, по отношению друг к другу, для продуктов, произведенных с различными ценностями внутри одной и той же сферы производства. В противоположность промышленным продуктам они имеют

только претензию продаваться по их ценам производства. В противоположность другим продуктам той же сферы они определяются рыночной ценой, и от плодородности класса I зависит, достаточно ли высока или низка ценность — равная здесь средней рыночной цене, — следовательно, достаточно ли высока или низка плодородность класса I, для того, чтобы класс I', если его продукт продается по этой ценности, имел незначительную, большую или [совершенно не имел] никакой доли в общей разности между ценностью и ценой производства пшеницы. Но г. Родбертус естественно должен думать, что и продукт самой плохой почвы должен продаваться по своей индивидуальной ценности. Однако, эта привилегия утрачивается им в конкуренции с продуктами того же рода.

Но было бы возможно, чтобы цена производства класса I' стояла выше ценности класса I, $\frac{1}{3}$ ф. ст. за бушель¹⁾. Чтобы вообще почва I' была возделана, с этим согласиться можно, хотя и не совсем верно, что должен повыситься спрос. Цена пшеницы класса I должна, следовательно, подняться выше ее ценности, выше $\frac{1}{3}$ ф. ст., и это повышение, притом, должно быть устойчивым. В этом случае возделывается почва I. Если она при цене в $\frac{1}{3}$ ф. ст. может получать среднюю прибыль, хотя ее ценность стоит выше $\frac{1}{3}$ ф. ст. и может удовлетворить спрос, то цена будет сведена к $\frac{1}{3}$ ф. ст., так как спрос теперь снова находится в соответствии с предложением, и, следовательно, класс I снова должен продавать по $\frac{1}{3}$ ф. ст., так же, как и классы II, III, IV, следовательно, и класс I'. Если бы, напротив, цена производства в классе I' равнялась $\frac{2}{3}$ ф. ст., так что он при этой цене приносил бы только обычную прибыль, то [рыночная] ценность бушеля, если бы спрос иначе не мог быть удовлетворен, должна была бы фиксироваться на $\frac{2}{3}$ ф. ст., а [рыночная] цена класса I поднялась бы выше его ценности. Рыночная цена классов II, III, IV уже стоит выше их индивидуальной ценности. Она поднялась бы еще больше. Но если бы предвиделся ввоз хлеба, который ни при каких условиях не допустил бы такой фиксации, то все же класс I' мог бы быть возделан, лишь бы только нашлись мелкие арендаторы, которые удовлетворились бы прибылью меньшей, чем средняя. Это постоянно и происходит в земледелии, как и в промышленности. Земельная рента, представлявшая бы собой просто вычет из прибыли арендатора, могла бы уплачиваться как в этом случае, так и в том, когда класс I' приносит среднюю прибыль. Если бы и этого нельзя было достигнуть, землевладелец мог бы отдать свою землю в аренду батракам (Häusler), главной заботой которых, как и ручного ткача, является получение своей заработной платы, которые уплачивают землевладельцу в форме ренты излишек той или другой величины. Этот излишек мог бы даже, как и ручного ткача, быть вычтем не [только] из продукта труда, но и из платы за труд. Во всех этих случаях могла бы уплачиваться земельная рента. В одном случае она была бы вычтем из прибыли капиталиста. В другом — землевладелец присваивал бы себе прибавочный труд рабочего, присваиваемый

¹⁾ В манускрипте стоит здесь: «чтобы ценность класса I' стояла ниже средней цены класса I, 6 шиллингов 8 пенсов, за бушель», К.

при иных условиях капиталистом. И в последнем случае землевладелец жил бы на заработную плату рабочего, как это часто делают и капиталисты. Но капиталистическое производство в большом масштабе возможно только тогда, когда почва, возделанная последней, приносит по крайней мере среднюю прибыль, следовательно, когда ценность [продукта] класса I дает классу I' по крайней мере цену производства. Вы видите, как различие ценности и цены производства поразительно разрешает вопрос и показывает, что и Рикардо, и его противники правы.

Если бы класс I,—почва, приносящая абсолютную земельную ренту,—представлял всю возделанную почву, то он продавал бы бушель пшеницы по его ценности, по $\frac{1}{3}$ ф. ст. = $\frac{12}{36}$ ф. ст., и не понижал бы ее до цены производства в $\frac{11}{36}$ ф. ст. Если бы спрос возрос, если бы почва страны состояла из одного и того же сорта и возделанная почва удесятилась, то, так как класс I приносит 10 ф. ст. ренты на 100 ф. ст., рента возросла бы до 100 ф. ст., хотя существовал бы только один сорт почвы. Но она не возросла бы по своей норме или высоте, ни по отношению к затраченному капиталу, ни по отношению к возделанной земле. Было бы возделано в десять раз больше акров и затрачено в десять раз больше капитала. Это было бы, следовательно, простое увеличение рентного фонда, массы ренты, а не ее высоты. Норма прибыли не упала бы, ибо ценность и цена сельскохозяйственных продуктов оставались бы теми же. В десять раз больший капитал, естественно, способен давать в десять раз большую ренту, чем капитал, в десять раз меньший. Напротив, если бы на том же пространстве земли было затрачено в десять раз больше капитала с тем же результатом, то норма ренты, по сравнению с вложенным капиталом, осталась бы той же; она поднялась бы по отношению к пространству земли, но в норме прибыли тоже не изменяла бы ничего.

Но предположим теперь, что почва класса I стала плодороднее не потому, что почва изменилась, а потому, что затрачивалось больше постоянного капитала и меньше переменного капитала, больше капитала в машинах, лошадях, минеральном удобрении и т. д. и меньше в заработной плате; в таком случае, ценность пшеницы приблизилась бы к ее цене производства и к цене производства промышленных продуктов, потому что высота отношения переменного капитала к постоянному уменьшилась бы. В этом случае рента упала бы, норма же прибыли осталась бы неизменной. Если бы в способе производства произошло такое изменение, что отношение переменного капитала к постоянному уравнилось бы с средним отношением их в промышленности, то излишек ценности пшеницы над ее ценой производства исчез бы, а вместе с тем исчезла бы и земельная рента, добавочная прибыль. Класс I не платил бы больше ренты, и собственность на землю стала бы номинальной, поскольку изменившийся способ производства не сопровождался бы, положим, добавочным вложением капитала в землю, так что землевладелец по истечении аренды извлекал бы проценты с капитала, которого он не затрачивал, что и сделалось главным средством обогащения землевладельцев в Ирландии и вокруг чего вращается там спор об арендном праве.

Если бы кроме почвы I существовали еще почвы II, III, IV, по отношению к которым произошло бы то же изменение в способе производства, то они все-таки приносили бы ренту, вследствие их естественной большей плодородности, по сравнению с почвой I, и в соответствии со степенью этой плодородности. Класс I перестал бы в этом случае приносить земельную ренту, и ренты классов II, III, IV соответственно этому упали бы, потому что общее отношение производительности в земледелии уравнилось бы с отношением производительности в промышленности. Рента классов II, III, IV соответствовала бы закону Рикардо; она была бы только равна добавочной прибыли более плодородной почвы по отношению к менее плодородной и существовала бы также только, как таковая, как подобные ей добавочные прибыли в промышленности, с той лишь разницей, что у последних нет естественного базиса для фиксирования. Но закон Рикардо господствовал бы в такой же мере и в том случае, если бы собственности на землю совсем не существовало. С уничтожением собственности на землю и при сохранении капиталистического производства эта добавочная прибыль, вытекающая из разницы в плодородности, осталась бы. Если бы государство присвоило себе собственность на землю и оставило капиталистическое производство, то рента классов II, III, IV уплачивалась бы государству, но сама рента осталась бы.

Если бы собственность на землю стала народной собственностью, то исчез бы вообще базис капиталистического производства,—основа, на которой покоится противопоставление условий труда рабочему.

Вопрос, подлежащий дальнейшему выяснению при рассмотрении земельной ренты, заключается в следующем: как может земельная рента повыситься при более интенсивной культуре в ценности и массе, хотя норма земельной ренты по отношению к затраченному капиталу падает? Это, очевидно, возможно только потому, что повышается масса затраченного капитала. Если земельная рента равняется $\frac{1}{5}$, а потом становится равной $\frac{1}{10}$, то $20 \times \frac{1}{5} = 4$ и $50 \times \frac{1}{10} = 5$. В этом—вся суть. Но если бы более интенсивная культура водворила те же производственные отношения, какие являются типичными для промышленности, вместо того, чтобы только приблизиться к ним, то рента упала бы для самой неплодородной почвы и свелась бы к дифференциальной ренте для почвы [более] плодородной. Абсолютная рента упала бы.

Допустим теперь, что, вследствие повысившегося спроса, совершился переход от класса I к классу II. Класс I платит абсолютную ренту, класс II платит дифференцированную ренту, но цена пшеницы (ценность для класса I, добавочная ценность для класса II) остается той же. Норма прибыли также не изменилась бы. И так продолжалось бы до класса IV. Следовательно, если мы сложили весь капитал, затраченный в классах I, II, III, IV, то рента поднялась бы и по своей высоте [норме]. Но средняя норма прибыли классов II, III, IV осталась бы равной норме прибыли класса I, которая в свою очередь равна норме прибыли в промышленности, всеобщей норме прибыли. Если, сле-

довательно, совершится переход к более плодородной почве, рента может возрасти по своей массе и норме, хотя норма прибыли и цена пшеницы остаются неизменными. Повышение ренты было-бы вызвано возрастающей производительностью капитала в классах II, III, IV, а не убывающей его производительностью в классе I. Возрастающая производительность, однако, не повлекла бы за собой, как это обязательно случается в промышленности, повышения прибыли и понижения как цены товара, так и заработной платы.

Но если бы имел место обратный процесс, если бы совершился переход от класса IV к классам III, II, I, то цена повысилась бы [до высоты в] $\frac{1}{3}$ ф. ст., при которой пшеница на почве I приносит еще ренту в 10 ф. ст. Класс I давал бы [с капиталом в] 100 ф. ст., с рентой в 10 ф. ст. и при ценности бушеля в $\frac{1}{3}$ ф. ст. 360 бушелей, класс II—432 бушеля, класс III— $518\frac{2}{5}$ бушеля и класс IV— $622\frac{2}{25}$ бушеля ¹⁾). Но цена бушеля класса IV в $\frac{1}{3}$ ф. ст. приносила классу IV добавочную ренту в $87\frac{9}{25}$ ф. ст. Класс IV продает 3 бушеля по 1 ф. ст. или $622\frac{2}{25}$ бушеля за $207\frac{9}{25}$ ф. ст. Но ценность его продукта равняется 120 ф. ст., как в классе I; что свыше этого, это составляет излишек его цены над ценностью. Класс IV продавал бы бушель по его ценности, если бы он продавал его по $\frac{125}{648}$ ф. ст., и при этой цене он имел бы 10 ф. ст. ренты на 100 ф. ст. Если же совершается переход от класса IV к классу III, от класса III к классу II и от класса II к классу I, то цена бушеля (и вместе с тем рента) поднимается, пока она, наконец, в классе I не будет равняться $\frac{1}{3}$ ф. ст., при чем здесь эта цена приносит теперь ту же ренту, какую она раньше приносила в классе IV. С повышением цены норма прибыли падала бы, [?] ²⁾ поскольку жизненные средства и сырой материал повышались бы в ценности. Переход от класса IV к классу III мог бы совершиться следующим образом.—Благодаря спросу, цена класса IV поднимается выше его ценности, и, таким образом, приносит не только ренту, но и добавочную ренту. Вследствие этого возделывается почва III, которая при этой цене не должна приносить ренты при обычной средней прибыли. Если, вследствие повышения цены класса IV, понизилась не норма прибыли, а заработная плата, то класс III будет приносить среднюю прибыль. Но вследствие привлечения к производству класса III заработная плата должна снова подняться до нормальной высоты; тогда норма прибыли в классе III падает и т. д.

Итак, при этом движении норма прибыли падает, если допущены предпосылки, что класс III не может приносить ренты при цене класса IV, а класс III может быть обрабатываем при прежней норме только потому, что заработная плата временно понизилась ниже своей нормы.

При этих предпосылках закон Рикардо [может проявляться] снова. Но такое проявление отнюдь не обязательно,—даже при том понимании закона, какого придерживается сам Рикардо. Он только может

¹⁾ В манускрипте стоит 430, затем 516 и $619\frac{1}{5}$, соответственно чему неверно вычислены и некоторые из следующих чисел. К.

²⁾ Здесь одно слово не разобрано. К.

проявиться при определенных кон'юнктурах. В действительности движения перекрещиваются.

Сказанная теория ренты в своей сущности выяснена.

Для г. Родбертуса земельная рента вытекает из вечной природы, по крайней мере, капиталистического производства, вследствие пресловутой „ценности материала“. Для меня она вытекает из исторического различия в органических составных частях капитала, — различия, которое отчасти сглаживается, а с развитием земледелия может даже и совершенно исчезнуть. Конечно, при этом различие, являющееся результатом разницы в естественной плодородности почвы, остается даже в том случае, если отпала бы абсолютная рента. Но, совершенно оставляя в стороне возможное уравнивание естественных различий, эта дифференциальная рента связана с регулированием рыночной цены, и, следовательно, отпадает вместе с ценой и капиталистическим производством. Осталось бы только то, что общественный труд возделывал бы почву с различной плодородностью, при чем, несмотря на различие в затраченном труде, он мог бы стать производительнее на всех почвах. Но в таком случае то количество труда, которого стоит продукт более плохой почвы, не оказывало бы такого влияния, какое оно оказывает при буржуазном строе, именно, что и продукт лучшей почвы должен оплачиваться большим количеством труда. Скорее сбереженный на почве IV труд был бы использован для улучшения почвы III, сбереженный почвой III для улучшения почвы II, а сбереженный по отношению к почве II для улучшения почвы I: следовательно, весь поглощаемый землевладельцами капитал служил бы для уравнивания труда на различных почвах и для уменьшения труда, вообще затрачиваемого на земледелие.

г) Различные замечания.

Родбертус, между прочим, ставит в заслугу своей теории ренты, что она иначе, чем Рикардо об'ясняет,

«почему вытекающее в соответствующих случаях из увеличения ценности национального продукта увеличение заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты не может повысить ни национальной заработной платы, ни национальной прибыли на капитал, так как большая заработная плата теперь делится между большим количеством рабочих, а большая прибыль на капитал приходится на увеличившийся в том же отношении капитал; напротив, земельная рента во всяком случае должна повыситься, так как она всегда приходится на остающиеся одинаковыми по величине земельные участки. Таким образом, она может удовлетворительно об'яснить значительное повышение ценности земли, являющейся не чем иным, как капитализированной соответственно обычному размеру процента земельной рентой, — может об'яснить, не прибегая к возрастающей непроизводительности сельско-хозяйственного труда, которая, кроме того, прямо противоречит способности к совершенствованию человеческого общества, как и всем сельско-хозяйственным и статистическим данным» (ук. соч., стр. 160, 161).

Прежде всего, следует заметить, что Рикардо нигде не стремится об'яснить „значительного повышения ценности земли“. Для него здесь нет совершенно никакой проблемы. Далее, Рикардо даже опре-

деленно замечает (смотри ниже при рассмотрении взглядов Рикардо), что при неизменной ценности хлеба или сельскохозяйственного продукта—при норме земельной ренты—рента может увеличиться. Это увеличение опять-таки не составляет для него проблемы. Повышение рентного фонда, если норма земельной ренты остается той же, тоже не является для него проблемой. Он видит проблему в повышении нормы земельной ренты, то-есть ренты по отношению к затраченному сельскохозяйственному капиталу; поэтому для него является проблемой и повышение в ценности не массы сельскохозяйственного продукта, а ценности одного и того же количества сельскохозяйственного продукта, например, квартера пшеницы, вместе с чем возрастает излишек его ценности над ценой производства и таким образом излишек ренты над нормой прибыли. Г. Родбертус устраняет здесь проблему Рикардо, не говоря уже о его не выдерживающей критики „ценности материала“.

Конечно, может повыситься и норма ренты относительно затраченного капитала, то-есть относительная ценность сельскохозяйственного продукта по отношению к промышленному продукту, хотя земледелие становится все более производительным. И это может случиться по двум причинам.

Во-первых, возьмем вышеприведенный пример, когда происходит переход от почвы I к почвам II, III, IV, следовательно к все более плодородной почве, при чем, однако, привлечение нового класса не настолько значительно, чтобы можно было оставить почву I без возделывания или настолько понизить разницу между ценностью и ценой производства, чтобы почвы IV, III, II приносили пропорционально более низкие ренты, а почва I совершенно не приносила ренты. Если рента на почве I равна 10, на почве II—20, на почве III—30, на почве IV—40 и на всех четырех сортах почвы вложено в производство по 100 ф. ст., то рента на почве I равнялась $\frac{1}{10}$ или 10 процентам на затраченный капитал, на почве II— $\frac{2}{10}$ или 20 процентам, на почве III— $\frac{3}{10}$ или 30 процентам и на почве IV— $\frac{4}{10}$ или 40 процентам. Итого 100 ф. ст. ¹⁾ на 400 ф. ст. затраченного капитала, что дает в качестве средней нормы ренты 25 процентов. По отношению ко всему вложенному в земледелие капиталу рента теперь равняется 25 процентам. Если бы продолжала возделываться только почва I, неплодородная почва, то рента равнялась бы 40 на 400, то-есть, как и прежде, 10 процентам, и не поднялась бы до 25 процентов. Но в первом случае, если на почве I приходилось при затрате 100 ф. ст. 360 бушелей ²⁾, было бы произведено только 1440 бушелей, по цене $\frac{1}{3}$ ф. ст. за бушель; во втором случае произведены 1620 бушелей по той же цене. В обоих случаях затрачен один и тот же капитал.

Но повышение в высоте ренты здесь только кажущееся. Именно, если мы посчитаем затрату капитала по отношению к продукту, то мы

¹⁾ В манускрипте стоит «70 процентов», и эта цифра проходит через следующее вычисление. Последнее здесь соответственным образом изменено. К.

²⁾ В манускрипте стоит 330 бушелей и соответственно этому исчислены следующие цифры. Чтобы сохранить соответствие с прежним примером, я поставил 360 бушелей. В этом примере из 360 бушелей 30 сдужат для уплаты ренты, 330 для покрытия цены производства. К.

получим, что на почве I для производства 360 бушелей [потребуется бы] 100 ф. ст., чтобы произвести 360 бушелей, а для производства 1440 бушелей—400 ф. ст. Теперь же нужно только $100 + 92^{4/13} + 85^{5/7} + 80$, следовательно, $358^{2/91}$ ф. ст., чтобы произвести 1440 бушелей. $92^{4/13}$ производят на почве II столько же, сколько 100 на почве I, $85^{5/7}$ на почве III столько же, сколько $92^{4/13}$ на почве II и 80 на почве IV столько же, сколько $85^{5/7}$ на почве III ¹⁾. Норма земельной ренты на почвах II, III, IV, по сравнению с почвой I, повысилась.

Если взять все общество, то для производства того же продукта теперь пришлось бы затратить $358^{2/91}$ ф. ст. капитала вместо 400.

1440 бушелей были бы только иначе распределены, чем в первом случае. Арендатор должен отдавать теперь на $92^{4/13}$ ф. ст. столько, сколько раньше он отдавал на 100, на $85^{5/7}$ столько, сколько раньше на $92^{4/13}$, а на 80 столько, сколько раньше на $85^{5/7}$. Но затраты капитала в $92^{4/13}$, $85^{5/7}$, 80 ф. ст. дают ему как раз столько же продукта, как и прежние затраты в 100 ф. ст. Он отдает [на 100] больше не потому, что для производства того же продукта он вынужден затрачивать больший капитал, а потому, что он затрачивает меньше капитала; не потому, что его капитал стал непроизводительнее, а потому, что он стал производительнее; арендатор же продает продукт, как и прежде, по цене класса I, как будто для производства того же количества продукта ему нужен тот же капитал, что и раньше.

Кроме этого повышения нормы ренты, совпадающей с неодинаковым повышением добавочной прибыли в отдельных только отраслях промышленности,—хотя здесь она не фиксируется,—возможен еще один случай, когда норма ренты может подняться, несмотря на то, что ценность продукта остается той же, а, следовательно, труд не становится непроизводительнее. Это возможно, прежде всего в том случае, если производительность в земледелии остается той же, что и раньше, производительность же в промышленности повышается, и если бы это повышение выражалось в понижении нормы прибыли. Следовательно, если бы отношение переменного капитала к постоянному [в среднем] уменьшилось.

Или—если производительность повышается и в земледелии, но не в том же отношении, в каком она повышается в промышленности, а и меньшем. Если производительность в земледелии повышается, как 1:2, а в промышленности, как 1:4, то это относительно то же самое, как если бы в земледелии она осталась той же, а в промышленности удвоилась. В этом случае переменный капитал по отношению к постоянному уменьшался бы в промышленности в два раза быстрее, чем в земледелии.

В обоих случаях норма прибыли в промышленности упала бы и, в силу ее падения, повысилась бы норма земельной ренты. В других

¹⁾ В манускрипте данное место имеет такой вид: «Именно если мы посчитаем затрату капитала по отношению к продукту, то мы получим, что на почве I для производства 330 бушелей, надо 100 ф. ст., а для производства 1320 бушелей—400 ф. ст. Теперь же для производства 1320 бушелей требуется только $100 + 90 + 80 + 70$, всего 340 ф. ст.» и т. д.

случаях норма прибыли падает не абсолютно, она скорее остается постоянной, но она падает относительно, по отношению к земельной ренте, не потому, что она сама падает, а потому, что повышается земельная рента, норма земельной ренты по отношению к затраченному капиталу. Рикардо не различает этих случаев. Если мы оставим эти случаи в стороне, тогда норма земельной ренты может повыситься только в том случае, когда падает норма прибыли без увеличения производительности промышленности. Но это возможно только тогда, когда, вследствие большей непроизводительности земледелия, повышается в ценности заработная плата или сырой материал. В этом случае падение нормы прибыли и повышение высоты земельной ренты являются результатом одной и той же причины—результатом того, что земледелие, затраченный в земледелии капитал, становится менее производительным. Таково представление Рикардо. При неизменной ценности денег это должно тогда обнаружиться в повышении цен сырых продуктов. Если повышение, как было рассмотрено выше, относительно, то никакое изменение в цене золота не может абсолютно повысить денежных цен сельскохозяйственных продуктов по отношению к продуктам промышленным. Если бы золото упало на 100 процентов, то 1 квартал, стоивший 3 ф. ст., стоил бы 6 ф. ст.; но и 1 фунт пряжи, стоивший 1 шиллинг, стоил бы 2 шиллинга. Следовательно, абсолютное повышение денежных цен сельскохозяйственных продуктов сравнительно с денежными ценами промышленных продуктов никогда не может быть объяснено изменениями в ценности денег.

В общем следует принять, что при менее развитом (geringer) до-капиталистическом способе производства, земледелие является более производительным, чем промышленность, потому что здесь в работе участвует природа, как машина и организм, тогда как в промышленности силы природы должны быть еще почти всецело замещаемы человеческой силой, как, напр., в ремесленной промышленности и т. д.; в бурный перипод капиталистического производства производительность промышленности развивается, по сравнению с земледелием, быстро, хотя ее развитие и пред-полагает, что в земледелии произошло уже значительное изменение в отношении между постоянным и переменным капиталом; ведь масса людей отторгнута от земледелия. Впоследствии производительность прогрессирует как в промышленности, так и в земледелии, хотя и неравным темпом. Но на известной ступени развития, достигнутой промышленностью, несо-размерность должна уменьшаться, то-есть, производительность земледелия должна увеличиться относительно быстрее, чем промышленности.

Сюда относятся:

1. Замещение ленивого (bärenhäuterischen) крестьянина дельцом, сельскохозяйственным капиталистом: превращение земледельца в наемного рабочего; земледелие в крупном масштабе, т.-е. с концентрированными капиталами.

2. В особенности же следующее: научную основу крупной индустрии [составляет] собственно механика, до известной степени закончившаяся уже в восемнадцатом столетии. И лишь в девятнадцатом веке, главным образом в более поздние его десятилетия, развиваются науки.

в гораздо более высокой степени являющиеся непосредственными основами для земледелия, чем для промышленности — химия, геология и физиология.

* * *

С одной стороны, с прогрессом промышленности машины становятся производительнее и дешевле; значит, эта часть постоянного капитала земледелия уменьшается, если машины употребляются только в применении к тому же количеству, как и раньше; но это количество растет быстрее, чем удешевление машин, так как этот элемент еще слабо развит в земледелии. С другой стороны, соответственно большей производительности земледелия, падает цена сырого материала — сравни хлопчатую бумагу —, так что сырой материал, как составная часть процесса образования ценности, увеличивается не в том же отношении, в каком он увеличивается, как составная часть процесса труда.

* * *

Нелепо говорить о большей или меньшей производительности двух различных отраслей промышленности, определяя степень производительности простым сравнением ценности их товаров. Если цена фунта хлопчатой бумаги в 1800-м г. была = 2 шиллингам и цена пряжи = 4 шиллингам, а в 1830 м г. ценность хлопчатой бумаги = 2 шиллингам и ценность пряжи = 3 шиллингам, то сравнивать отношение, в каком возросла производительность в обеих отраслях, пожалуй, можно. Но только потому, что размер 1800-го года принимается за исходный пункт. Напротив, на основании того, что цена фунта хлопчатой бумаги = 2 шиллингам, а цена пряжи = 3 шиллингам, следовательно, [больше только на один шиллинг, соответственно чему] производящий хлопчатую бумагу труд в $1\frac{1}{2}$ раза больше труда прядильщика, заключать, что один вдвое производительнее другого, было бы также глупо, как было бы глупо утверждать, что, так как выделать полотно дешевле, чем картину художника на этом полотне, то, значит, труд художника менее производителен, чем труд выделывающего полотно. Верно лишь следующее, — в чем и заключается капиталистический смысл слова „производительный“ — производительный относительно прибавочной ценности, [а не относительно продукта].

Если бы для того, чтобы дать в хлопчатобумажной промышленности работу 100 рабочим, которые стоят 100 ф. ст., нужны были по условиям производства в среднем 500 ф. ст. в сыром материале и машинах и т. д., при данных ценностях последних; — если бы, с другой стороны, для того, чтобы дать работу 100 рабочим, также стоящим 100 ф. ст., в производстве пшеницы, нужны были сырой материал и машины на 150 ф. ст., то в I переменный капитал составлял бы $\frac{1}{6}$ из 600 ф. ст. всего капитала и $\frac{1}{3}$ постоянного капитала, а во II переменный капитал составлял бы $\frac{2}{3}$ из 250 ф. ст. всего капитала и $\frac{2}{3}$ постоянного капитала. Следовательно, каждые 100 фунтов стерлингов, затраченные в I, могут заключать в себе только $16\frac{2}{3}$ ф. ст. переменного капитала и должны заключать $83\frac{1}{3}$ ф. ст. постоянного капитала; во II, напротив, 40 ф. ст. переменного капитала и 60 ф. ст. постоян

ного. Известно, в каком жалком положении находится ныне история цен. Она и может быть только жалкой, пока теория не покажет ей, что она должна исследовать. Если норма прибавочной ценности была дана, например—20 процентам, то прибавочная ценность равнялась бы в I [на 100 человек] 20 ф. ст. [при сумме всего капитала в 600 ф. ст.]; а прибыль, значит, равнялась бы $3\frac{1}{3}$ процентам. Во II прибавочная ценность, напротив, равнялась бы 20 ф. ст. [при сумме всего капитала в 250 ф. ст.], а прибыль 8 процентам. Труд в I был бы не так производитель, как во II, потому что он был бы производительнее, то-есть, он был бы не так производитель по прибыли ¹⁾, потому что он был бы производительнее по продукту. Заметим мимоходом: ясно, что, например, в хлопчатобумажной промышленности отношение $1 v : 6 (v+c)$ возможно только в том случае, если затрата постоянного капитала,—это зависит от машин и т. д.,—составляет, напр. сумму 10000 ф. ст., а заработная плата—сумму в 2000 ф. стерлингов, итого весь капитал представляет 12000 ф. ст. Если бы было затрачено только 6000 ф. ст., причем заработная плата была бы равна 1000 ф. ст., то машины были бы непроизводительнее и т. д. При затрате 100 ф. ст. [фабрика] совершенно не могла бы работать. С другой стороны, возможно, что при затрате в 23000 ф. ст., имеют место такое увеличение производительности машин, такая экономия расходов и т. д., что на постоянный капитал могут прийти и не полные 12000 ф. ст. Тогда, следовательно, снова возрастает отношение переменного капитала к постоянному, но только потому, что [весь капитал] возрос абсолютно. Это является препятствием к падению нормы прибыли. Два капитала по 12000 ф. ст. могут производить то же количество товаров, что и один в 23000 ф. ст., но, во-первых, товары были бы дороже, так как на них было бы затрачено 1000 ф. ст. больше, и, во-вторых, норма прибыли была бы меньше, потому что в капитале в 23000 ф. ст. переменный капитал составляет больше, чем $\frac{1}{6}$ всего капитала, следовательно, больше, чем в сумме двух капиталов по 12000 ф. ст.

* * *

Уже Петти говорил нам о том, что лендлорды в свое время боялись улучшений в земледелии, потому что благодаря им падают цены сельскохозяйственных продуктов, а потому и высота земельных рент; в таком же направлении действует, по их мнению, и увеличение площади культуры, а обработка ранее неиспользованной почвы равна увеличению площади. В Голландии это увеличение площади может быть произведено и более прямым путем. Он говорит:

«Лендлорды ропщут против осушения болот, культивирования лесов, ограживания общинной земли для частного хозяйства, разведения эспарцета и клевера, потому что, по их мнению, это пути для понижения пены жизненных средств» (Political Arithmetick, Лондон, 1699 г. стр 220).

Петти поддерживает тот взгляд, а д'Авенан развивает его и дальше, что высота ренты может уменьшиться, масса же ренты или рентный фонд может увеличиться.—Он говорит:

¹⁾ В манускрипте стоит «Surplusvalue». K.

«В отдельных местах и отдельных графствах, ренты могут падать, и тем не менее земля ¹⁾ в общем может улучшаться, например, если открываются (dis-rased) [для возделывания] парки, леса и отгораживаются [для обработки] общинные пастбища; если осушаются болота, и многие земельные участки улучшаются посредством обработки и уваживания, то это должно, конечно, уменьшать ценность почвы, уже раньше вполне улучшенной или неспособной ни к какому дальнейшему улучшению. Но хотя рентный доход частных лиц таким образом понижается, тем не менее параллельно с этим, благодаря таким улучшениям, общая рента королевства поднимается» (стр. 26, 27).

С 1666-го по 1688-й год частные ренты упали, «но повышение во всеобщем рентном фонде королевства в этот период по сравнению с предшествовавшими годами, было больше, потому что улучшения почвы между этими двумя пунктами времени были больше и более всеобщие, чем когда либо прежде» (D' Avenant Discourses on the Publick Revenues and on the Trade of England I. Лондон, 1698 г., стр. 28).

Вы и здесь видите, что англичанин под высотой ренты всегда понимает ренту по отношению к капиталу, но никогда не по отношению ко всему пространству земли или к акру вообще, как это делает г. Родбертус.

Совершенно неверен взгляд Родбертуса, будто бы товар, раз он дороже другого и реализует, следовательно, больше рабочего времени—будто такой товар должен, благодаря этому, заключать в себе и больше неоплаченного рабочего времени, прибавочного рабочего времени—при равной норме прибавочной ценности или при равной эксплуатации рабочих в различных сферах. Если один и тот же труд на неплодородной почве дает 1 квартал, а на плодородной 3 квартала, если это происходит от хорошего или плохого года; если один и тот же труд на очень богатой золотом почве дает 1 унцию золота, а на менее золотосодержащей или истощенной только $\frac{1}{3}$ унции; если в течение того же рабочего времени, в какое производится 1 фунт шерсти, прядется 3 фунта пряжи, то прежде всего ценности 1 квартала и 3 кварталов, 1 унции и $\frac{1}{3}$ унции, 1 фунта шерсти и 3 фунтов шерстяной пряжи (минус ценность содержащейся в ней шерсти)—равны по величине. Они содержат одинаковое количество рабочего времени, следовательно, согласно предположению, одинаковое количество прибавочного рабочего времени. Во всяком случае, содержащееся в 1 квартале [произведенном на неплодородной почве], количество прибавочного труда больше [чем прибавочный труд в одном из 3 кварталов, произведенных на плодородной почве], но зато это только 1 квартал, тогда как в другом случае 3 квартала, или 1 фунт шерсти, тогда как в другом случае 3 фунта пряжи (минус ценность материала). Следовательно, массы [прибавочного труда, доставляемые одним тем же трудом] равны. Но и пропорциональная величина прибавочной ценности, если сравнивать между собой отдельные товары, равна. В 1 квартале или в 1 фунте шерсти, согласно предположению, содержится столько же труда, как и в 3 кварталах или 3 фунтах пряжи. Капитал, вложенный в заработную плату, стоит поэтому [как в одном, так и в другом случае, в одном и том же отношении к] прибавочной ценности. В фунте шерсти содержится втрое больше рабочего времени, чем в 1 фунте пряжи. Если в том случае,

¹⁾ Он имеет в виду ценность земли.

когда речь идет о шерсти, прибавочная ценность втрое больше, чем в том, когда речь идет о пряже, то она причитается и на втрое больший капитал, вложенный в заработную плату. Следовательно, отношение остается тем же. Родбертус делает здесь совершенно неверный подсчет или совершенно неправильно сравнивает вложенный в заработную плату капитал с большим или меньшим количеством товаров, в котором реализуется этот труд. Но если, как он предполагает, заработная плата или норма прибавочной ценности дана,—это исчисление совершенно неверно. Одно и то же количество труда,—например, 12 часов,—может выразиться в x или $3x$ товара. Пусть в одном случае $1x$ товара содержит в себе столько же труда и прибавочного труда, сколько $3x$ в другом случае; но ни в одном случае не было затрачено больше 1-го рабочего дня, и ни в одном случае норма прибавочной ценности не была бы [иной], например, больше $\frac{1}{3}$. В первом случае $\frac{1}{3}$ одного x относилась бы к x , как во втором $\frac{1}{3}$ трех x к $3x$, и если мы каждый из трех x назовем— x' , x'' , x''' , то в каждом x' , x'' , x''' заключалось бы $\frac{4}{3}$ оплаченного труда и $\frac{1}{3}$ неоплаченного труда. Напротив, совершенно верно, что если при менее благоприятных (в смысле производительности) условиях должно быть произведено столько же товара, сколько и при более благоприятных (в том же смысле), то труда,—а следовательно, и прибавочного труда—в товаре содержится больше. Но тогда затрачивается и соответственно больший капитал. Для производства $3x$, нужно было бы вложить в заработную плату втрое больше капитала, чем для производства $1x$. Что промышленность не может переработать сырого материала больше, чем его доставляет земледелие, что она, например, не может выпрясть больше фунтов шерсти, чем произведено—это, конечно, верно. Значит, если производительность шерстопрядения утраивается, то, при сохранении прежних условий производства шерсти на работу производства шерсти должно быть затрачено втрое больше времени, должно быть употреблено втрое больше капитала, чем прежде, тогда как для обработки этого утроенного количества шерсти, в прядильной отрасли промышленности понадобилось бы только прежнее время. Но норма [прибавочной ценности] осталась бы той же. Тот же прядильный труд имел бы ту же ценность, и содержал бы ту же прибавочную ценность, что и раньше. Труд, производящий шерсть, имел бы втрое большую прибавочную ценность, но соответственно этому утроился бы и содержащийся в нем труд или вложенный в заработную плату капитал. Следовательно, втрое большая прибавочная ценность исчислялась бы на втрое больший капитал. Итак, на этом основании нельзя было бы сказать, что в прядильной отрасли промышленности норма прибавочной ценности стоит ниже, чем в производстве шерсти. Можно было бы только сказать, что вложенный в заработную плату капитал в одной отрасли втрое больше, чем в другой, так как здесь было принято, что изменения в прядении и производстве шерсти не вытекают ни из какого изменения в их постоянном капитале.

Здесь нужно различать следующее. Один и тот же труд плюс постоянный капитал дает меньше продукта в неблагоприятный год, чем в год благоприятный, на менее плодородной почве, чем на почве более

плодородной, в менее богатом металлами руднике, чем в руднике более богатом. Первый продукт, следовательно, дороже, содержит больше труда и больше прибавочного труда на то же количество продуктов; в другом же случае количество этих продуктов соответственно больше. Далее: отношение между оплаченным и неоплаченным трудом в каждом отдельном продукте обеих категорий этим не затрагивается, ибо если отдельный продукт содержит меньше неоплаченного труда, то, но предположению, в том же отношении меньше и труда оплаченного. Здесь ведь, не предположено никакого изменения в отношениях органических составных частей капитала—между переменным и постоянным капиталом. Предположено, что одна и та же сумма переменного и постоянного капитала при различных условиях дает различные, большие или меньшие количества продукта. Г. Родбертус, повидимому, постоянно смешивает это и из простого вздорожания продукта делает, как нечто, само собой разумеющееся, заключение к большей прибавочной ценности. Это заключение по отношению к норме неверно уже согласно предположению; по отношению же к сумме верно только тогда, когда в одном случае затрачивается капитала больше, чем в другом, то-есть когда более дорогого продукта производится столько же, сколько производилось раньше продукта более дешевого, или—когда умножение более дорогого продукта, как, например, выше в прядильной отрасли промышленности, предполагает соответствующее умножение продукта более дешевого.

Земля (природа)—это тот элемент, в который вкладывается употребляемый в земледелии капитал. Поэтому земельная рента равна здесь излишку ценности создаваемого с помощью этого элемента продукта труда над его ценой производства. Напротив, если естественный элемент (или материя), находящийся в частной собственности индивидуума, входит в другое производство, физической основы которого он не составляет, то земельная рента,—если она имеет место только благодаря этому вхождению в производство естественного элемента—не может представлять собою излишка ценности этого продукта над ценой производства, а только излишек всеобщей цены производства над его собственной ценой производства. Например, водопад может заменить фабриканту паровую машину и сберечь ему уголь. Владея этим водопадом, фабрикант постоянно продавал бы, например, пряжу выше ее цены производства и получал бы некоторую добавочную прибыль. Это добавочная прибыль достается в качестве ренты землевладельцу, если он владеет водопадом, и г. Гопкинс замечает в своей книге о „ренте“, что в Ланкашире водопады платят не только ренту, но даже, смотря по степени их естественной силы падения, дифференциальную ренту¹⁾. Здесь

¹⁾ «Благоприятно расположенная водяная сила представляет пример ренты, уплачиваемой за дар природы самого исключительного характера, какой только можно вообразить. Это знают очень хорошо в промышленных округах, где уплачиваются значительные ренты за маленькие потоки, в особенности, если падение воды велико. Так как сила таких текущих вод равна силе больших паровых машин, то является столь же выгодным пользоваться ею, несмотря на высокую ренту, которую приходится платить за это, как и платить большие суммы за сооружение и действие паровых машин. Из водяных сил, в свою очередь, одни—больше, другие—меньше. Близость нахождения промышленных предприятий

рента есть не что иное, как излишек средней рыночной цены продукта над его индивидуальной ценой производства.

h) Родбертус о Рикардо.

Теперь в последний раз возвратимся к Родбертусу:

«...из разделения продукта труда, неизбежно наступающего, разданы два предварительных условия, достаточная производительность труда и собственность на землю и капитал, она (теория ренты Родбертуса) объясняет все явления заработной платы и ренты» (ук. соч., стр. 156).

А. Смит представляет дело двояко. [Прежде всего он объясняет прибыль, ренту, заработную плату из] распределения продукта труда—где этот продукт рассматривается, как данный; в действительности же речь идет тут о доле потребительной ценности. Такой взгляд свойственен и г. Родбертусу. Он есть и у Рикардо, и это тем более нужно поставить ему в упрек, что он не ограничивается общими местами, но желает серьезно трактовать вопрос об определении ценности рабочим временем. Это понимание подходит более или менее, *mutatis mutandis*, ко всем способам производства, при которых рабочие и собственники 'об'ективных условий труда образуют различные классы.

Напротив, второе объяснение Смита является характеристичным для капиталистического способа производства. Оно одно является теоретически плодотворной формулой. Здесь именно Смит представляет прибыль и ренту, вытекающими из прибавочного труда, добавляемого рабочим к об'екту труда сверх той части труда, при помощи которой он только воспроизводит свою собственную заработную плату. Это единственная верная точка зрения, при которой производство опирается исключительно на меновую ценность. Из этого исходит процесс развития, тогда как в первом понимании рабочее время предполагается, как постоянное.

Односторонность у Рикардо получается потому, что он, вообще, хочет доказать, что различные экономические категории или отношения не противоречат теории ценности, вместо того, чтобы, наоборот, развить ее вместе с ее кажущимися противоречиями из этой основы или представить развитие самой этой основы.

По этому поводу Родбертус говорит:

«Вы знаете, что все экономисты, уже со времени А. Смита, держатся того мнения, что ценность продукта распадается на заработную плату, земельную ренту и прибыль на капитал и что, следовательно, идея обосновать доход различных классов, и в особенности части ренты, на распределении продукта, не нова¹⁾. Но экономисты сейчас же сбиваются с пути. Все они—не исключая даже и школы Рикардо—прежде всего совершают ту ошибку, что они не представляют всего продукта, закончен-

есть также преимущество, создающее более высокую ренту. В графствах Йорк и Ланкастер разница в рентах за самую большую и самую незначительную водяную силу, может быть, больше, чем в рентах за 50 самых неплодородных и 50 самых плодородных акров, которые вместе обрабатываются» (H o r k i n s, *Economical Enquiries etc.* стр. 37, 38).

¹⁾ Конечно, не нова!

ного блага, всего национального продукта, как одного целого, в котором имеют долю рабочие, землевладельцы и капиталисты, а представляют распределение сырого продукта, как особое распределение, в котором участвуют три пайщика, а распределение обработанного продукта снова, как особое распределение, в котором участвуют только два пайщика. Таким образом, эти системы видят уже в одном только сыром продукте и в одном только обработанном продукте в каждом самом по себе особый источник дохода" (ук. соч., стр. 162).

Прежде всего, А. Смит „сбил с пути“ всех позднейших экономистов, включая Рикардо и г. Родбертуса, на самом деле тем, что он разлагает „всю ценность продукта на заработную плату, земельную ренту и прибыль на капитал“ и, таким образом, забывает постоянный капитал, тоже составляющий часть ценности. Отсутствие этого различения делало всякое научное трактование вопроса, как доказывают мои выводы, прямо невозможным. Физиократы шли в этом отношении дальше. Их „*avances primitives*“ и „*annuelles*“ определяются, как часть ценности ежегодного продукта или как часть самого ежегодного продукта, столь же мало снова распадающуюся на заработную плату, прибыль или ренту для нации, как и для отдельного индивидуума. У них сельские хозяева возмещают „бесплодному классу“ его *avances* в сыром материале (превращение этого сырого материала в машины достается на долю самих „бесплодных“), тогда как, с другой стороны, сельские хозяева возмещают часть своих *avances* (семена, племенной и убойный скот, навоз и т. д.), из своего же продукта, частью же получают от „бесплодных“ в обмен за сырой материал, машины и т. д. Во-вторых, г. Родбертус допускает ошибку, отождествляя распределение ценности и распределение продукта. „Источник дохода („*Einkommengut*“) не имеет решительно ничего общего с этим распределением ценности продукта. Что части ценности, достаемые на долю, например, производителям пряжи и выражающиеся в определенных количествах золота, реализуются в продуктах всякого рода, земледельческих или промышленных,—это экономисты знают ничуть не хуже Родбертуса. Это предположено заранее, потому что они производят товары, а не продукты для непосредственного потребления производителей. Так как подвергающаяся распределению ценность, то-есть, составная часть ценности, вообще становящейся доходом, создается внутри каждой отдельной сферы производства независимо от других—хотя она вследствие разделения труда и предполагает другие,—то Родбертус делает шаг назад и вносит путаницу тем, что он, вместо того, чтобы рассматривать это создание ценности в чистом виде, заранее запутывает его вопросом, какую долю в наличном общем продукте нации обеспечивают эти составные части ценности их владельцам. У него распределение ценности продуктов сейчас же становится распределением потребительных ценностей. Так как он подсовывает эту путаницу другим экономистам, то становится необходимым его корректив, рассмотрение обработанных и сырых продуктов *en bloc*—способ рассмотрения, не имеющий никакого отношения к созданию ценности, следовательно, являющийся неподходящим для объяснения этого создания. В ценности обработанного продукта, поскольку он составляет доход и поскольку фабрикант не уплачивает земельной ренты за землю ли под постройками, за водопады ли и т. д.,

имеют долю только капиталист и наемный рабочий. В ценности сельскохозяйственного продукта по большей части имеют долю трое. С этим соглашается и г. Родбертус. Способ, каким он объясняет это явление, не изменяет ничего в самом факте. Но если другие экономисты, в частности Рикардо, исходят из распределения на две части—между капиталистом и наемным рабочим и допускают получателя земельной ренты лишь впоследствии, как специальное вторичное зачатие (*Superfötation*), то это совершенно соответствует основаниям капиталистического производства. Овеществленный труд и живой труд—это два фактора, на противопоставлении которых опирается капиталистическое производство. Капиталист и наемный рабочий—единственные деятели и факторы производства, отношение и противопоставление друг другу которых вытекает из сущности капиталистического способа производства. Обстоятельства, при которых капиталист в свою очередь вынуждает делиться частью полученного им при помощи эксплуатации рабочего прибавочного труда или прибавочной ценности с третьими, не работающими лицами, выступают только во второй инстанции. Фактом производства является и то, что за исключением уплачиваемой в качестве заработной платы части ценности продукта и по вычете части ценности продукта и части ценности, равной постоянному капиталу, вся ценность продукта¹⁾ [и вместе с тем вся прибавочная ценность] переходит непосредственно из рук рабочего в руки капиталиста. По отношению к рабочему он является непосредственным владельцем всей прибавочной ценности, даже если он и делится ею позже с капиталистами, дающими деньги взаймы, землевладельцами и т. д. Производство, как замечает Джемс Милль, могло бы спокойно продолжаться, если бы получатель ренты исчез и его место заняло бы государство²⁾. Он — владелец частной земельной собственности — вовсе не является необходимым агентом производства для капиталистического производства, хотя для последнего и нужно, чтобы земельная собственность принадлежала кому-нибудь, только не рабочему, следовательно, например, государству. Это основанное на сущности капиталистического способа производства—и в отличие от феодального, античного и т. д.—сведение классов, непосредственно участвующих в производстве, и значит, являющихся непосредственными пайщиками в произведенной ценности и затем в продукте, в котором эта ценность реализуется,—к капиталистам и наемным рабочим с исключением землевладельца, который приходит только *post festum*, благодаря отношениям собственности на силы

¹⁾ В манускрипте стоит «*Surpluswert*». К.

²⁾ Лендлорд и капиталист «*Morningstar*» от 15 июля 1862 г. в руководящей статье исследует вопрос, чьей обязанностью является, добровольно или по принуждению, содержать бедствующих, вследствие хлопчатобумажного голода и гражданской войны в Америке, рабочих в округах хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире, и при этом говорит: «Эти люди имеют законное право быть содержимыми на счет тех богатств, которые они создали по большей части своим приложением... Говорят, что те люди, которые приобрели при посредстве хлопчатобумажной промышленности большие состояния, обязаны, прежде всего, принести щедрую помощь. Нет никакого сомнения, что это так... Коммерсанты и промышленники соответственно этому и поступали. Но единственные ли это классы, извлекавшие деньги из хлопчатобумажной промышленности? Конечно, нет. Землевладельцы Ланкашира и Северного Чешира получили громадную долю в приобретенном таким образом богатстве. И эти

природы, не выросшим из капиталистического способа производства, унаследованных им,—это сведение не только не составляет ошибки у Рикардо и т. д., но является адекватным теоретическим выражением капиталистического способа производства, выражает его *differentia specifica*. Г. Родбертус слишком „помещик“, старого прусского закала, чтобы понять это. Кроме того, это впервые становится понятным и бросается в глаза только тогда, когда капиталист завладевает земледелием и всюду, как в Англии, становится в большинстве случаев руководителем земледелия совершенно так же, как и промышленности, а землевладельца отстраняет от всякого непосредственного участия в процессе производства. Следовательно, то, что здесь г. Родбертус считает „ложным путем“, есть только не понятый им верный путь; это—он сам еще опутан воззрениями, вытекающими из докапиталистического способа производства.

«И он (Рикардо) не распределяет готового продукта между участниками, а принимает, так же, как и другие экономисты, и сельскохозяйственный продукт, и обработанный продукт, каждый за особый подлежащий распределению продукт» (ук. соч., стр. 167).

Не продукт, г. Родбертус, а ценность продукта,—это совершенно правильно. Ваш „готовый“ продукт и его распределение не имеет с этим распределением ценности абсолютно ничего общего.

«Собственность на капитал дана для него (Рикардо) и при том дана еще раньше, чем земельная собственность... Таким образом, он начинает не с оснований, а с факта распределения продукта, и вся его теория ограничивается причинами, которые определяют и модифицируют отношение распределения продукта... Распределение продукта только на заработную плату и на прибыль с капитала есть для него первоначальное и первоначальное единственное» (ук. соч., стр. 167).

Здесь, г. Родбертус, Вы снова обнаруживаете непонимание. С точки зрения капиталистического производства собственность на капитал действительно кажется „первоначальной“, потому что она есть род собственности, на который опирается капиталистическое производство и который

землевладельцы пользовались тем особым преимуществом, что они имели долю в богатстве, не оказывая никакого содействия—материального или идейного—промышленности, создавшей это богатство... Фабрикант содействовал своим капиталом, своим опытом и своей неусыпной предусмотрительностью созданию этой великой промышленности, колеблющейся теперь под столь сильными ударами. Фабричный рабочий дал свою ловкость, свое время, и труд своего тела; но что дали Ланкаширские землевладельцы? Ровно ничего, буквально ничего, а между тем они извлекли отсюда большие доходы, чем каждый из обоих других классов. Несомненно, увеличение годовичного дохода этих крупных лендлордов,—увеличение, происходящее от одной этой причины, громадно; доход их может быть увеличился не менее, чем в три раза».

Капиталист есть непосредственный эксплуататор рабочих, непосредственный не только присвоитель, но и виновник (Негвогтйег) прибавочного труда. Но так как это может произойти для промышленного капиталиста только при посредстве процесса производства и в процессе производства, то он сам является агентом этого производства, его руководителем. Лендлорд, напротив, обладает в земельной собственности (для абсолютной ренты) и в естественной разнице сортов почвы (дифференциальная рента) привилегией, дающей ему возможность класть себе в карман часть того прибавочного труда или прибавочной ценности, для руководства которыми и для создания которых он ничего не вносит. В случаях коллизий капиталист рассматривает его, поэтому, как простой нарост, как паразита, как чужеродную язву капиталистического производства, как вошь, которая сидит у него в волосах.

является в нем фактором и деятелем, что не имеет места по отношению к земельной собственности. Последний [род собственности] кажется производным, потому что в действительности современное землевладение является феодальным, но подвергающимся превращению благодаря воздействию на него капитала, следовательно, в своей форме, как современное землевладение, производным, результатом капиталистического производства. То обстоятельство, что Рикардо рассматривает этот факт, как он есть и каким кажется в современном обществе, а так же как факт, исторически первоначальный, тогда как Вы, вместо того, чтобы рассматривать современные формы, не можете освободиться от феодально-помещичьих воспоминаний—это заблуждение, в которое впадают буржуазные экономисты по отношению ко всем буржуазно-экономическим законам: они им кажутся „законами природы“, а потому и историческим „prius“.

Но что там, где речь идет не о ценности продукта, а о самом продукте, Рикардо предполагает распределение всего „готового“ продукта, это г. Родбертус мог увидеть уже из первого положения его предисловия:

«Продукт земли, все, что получается с поверхности ее соединенным приложением труда, машин и капитала, разделяется между тремя классами общества, а, именно, землевладельцем, владельцем денег или капитала, необходимого на обработку ее, и рабочими, трудом которых она возделывается» (*Principles of Political Economy*, предисловие; рус. перев., стр. 2).

Непосредственно за сим он продолжает:

«Но доли всего продукта земли, достающиеся каждому из этих классов под именем ренты, прибыли и заработной платы, значительно различаются между собою на различных ступенях общественного развития» (ук. соч.; рус. перев. там же).

Здесь идет речь о распределении „всего продукта“, а не одного лишь обработанного или сырого продукта. Но эти доли в целом продукте определяются,—если этот „целый продукт“ предположен, как данный—исключительно теми долями, которые внутри каждой сферы производства имеет каждый из пайщиков в „ценности“ своего собственного продукта. Эта „ценность“ может быть конвертирована и выражена в определенной соответственной доле „целого продукта“. Следуя за Ад. Смитом, Рикардо ошибается здесь только в том, что он забывает, что не здесь продукт распадается на ренту, прибыль и заработные платы, а что часть его в форме капитала достается одному или нескольким из этих трех классов.

[Послушаем снова Родбертуса:]

«Итак вы, пожалуй, могли бы сказать следующее. Первоначально закон равенства прибыли на капитал должен был бы понизить цены сырых продуктов настолько, что земельная рента должна была исчезнуть, чтобы затем снова возникнуть только благодаря повышению цен, вследствие различия в производительности более плодородной и менее плодородной почвы; так и теперь—преимущества получения поземельной ренты рядом с обычной прибылью на капитал побудят капиталистов затрачивать капитал на новые обработки и мелиорации до тех пор, пока, благодаря произведенному этим переполнению рынка, цены не будут понижены на продолжительное время, и получение земельной ренты при наиболее выгодных помещениях капитала не прекратится. Другими словами, это было бы равносильно утверждению,

что закон равенства прибылей на капитал уничтожает для сырого продукта другой закон, что ценность продуктов определяется издержками труда, тогда как именно Рикардо в 1-й главе своего сочинения указывает первый закон для доказательства второго» (ук. соч., стр. 174).

В самом деле, г. Родбертус! Закон „равенства прибылей на капитал“ не уничтожает того закона, что „ценность“ продуктов „определяется“ издержками труда. Но он, конечно, уничтожает предпосылку Рикардо, что цена производства продуктов равна их „ценности“. Но опять-таки это не „сырой продукт“, ценность которого понижается до цены производства, а наоборот. „Сырой продукт“ отличается—вследствие существования земельной собственности—той привилегией, что его ценность не понижается до цены производства. Если бы его ценность действительно понизилась,—что было бы возможно, несмотря на вашу „ценность материала“ —до одного уровня с ценой производства товара, земельная рента исчезла бы. Те виды почвы, которые теперь, в некоторых случаях, не платят никакой ренты, оказываются в таком положении потому, что рыночная цена сырых продуктов для них равна их собственной цене производства и потому, что они—вследствие конкуренции более плодородных сортов почвы—теряют привилегию продавать свой продукт по его „ценности“.

«Можно ли согласиться с тем, что, прежде чем вообще начинается обработка земли, уже существуют капиталисты, получающие прибыль и соответственно закону ее равенства вкладывающие свои капиталы ¹⁾... Я согласен, что если в настоящее время из цивилизованных стран предпринимается экспедиция в новую девственную страну, причем более богатые участники снабжены запасами и орудиями уже старой культуры, —а более бедные отправляются с расчетом получать на службе у первых высокую заработную плату,—я согласен что в этом случае капиталисты будут рассматривать излишек, остающийся у них сверх платы рабочим, как свою прибыль, ибо они везут с собой из метрополии давно существующие вещи и понятия» (ук. соч., стр. 174, 175).

Здесь вы попали в самую точку, г. Родбертус. Все воззрение Рикардо имеет смысл только при предпосылке существования капиталистического способа производства, как господствующего. Как он выражает эту предпосылку, делает ли он при этом историческое *hysteron proteron*,—для существа дела это безразлично. Предпосылка должна быть сделана, а следовательно, не должно быть введено, как вы это делаете, крестьянское хозяйство, незнакомое с капиталистической бухгалтерией и поэтому не причисляющее семян и т. д. к затрачиваемому капиталу! „Бессмыслицу“ допускает не Рикардо, а г. Родбертус, предполагая существование капиталистов и рабочих „до обработки страны“ (ук. соч., стр. 176).

«По... представлению Рикардо, культура почв должна начаться только тогда, когда... в обществе возник капитал, стала известна и начала уплачиваться прибыль на капитал» (стр. 178).

Что за нелепость! Только когда капиталист водворился в качестве арендатора между земледельцем и землевладельцем—будет ли это так, что старый вассал преобразился в капиталистического арендатора, или так, что промышленник вкладывает свой капитал вместо промышленности

¹⁾ Какая нелепость!

в земледелие,—только тогда начинается, конечно, отнюдь не „культура почвы“, но, несомненно, капиталистическая обработка почвы, весьма отличная от более ранних форм обработки и по форме, и по содержанию.

«В каждой стране большая часть почвы стала частной собственностью гораздо раньше, чем она была обработана; в особенности же значительно раньше, чем установилась норма прибыли на капитал в промыслах» (ук. соч., стр. 179).

Для понимания взгляда Рикардо, Родбертусу нужно было-бы быть англичанином, а не померанским помещиком, и знать историю огораживания общинных земель и пустошей. Г. Родбертус приводит в пример Америку. Здесь государство продает землю „парцеллами сначала капиталистам, и конечно, по незначительной цене, которая однако же все-таки должна во всяком случае уже представлять земельную ренту“ (ук. соч., стр. 179, 180). Вовсе нет. Эта цена столь же мало конституирует земельную ренту, как, положим, всеобщий промысловый налог конституировал бы промысловую ренту или как вообще какой-либо налог конституирует „ренту“.

«По отношению содержащейся *sub b* причине этого повышения [земельной ренты] (вследствие увеличения [рабочего] населения или увеличения затрачиваемого количества труда) земельная рента,—все же утверждаю я, имеет преимущество перед прибылью на капитал. Последняя никогда не может вследствие этого повыситься. В самом деле—в результате увеличения национального продукта при сохранении прежней производительности, но при увеличении производительной силы (при возросшем населении) большое количество прибыли на капитал в нации утрачивается, ибо это большое количество прибыли приходится всегда на увеличившийся в том же отношении капитал, норма же прибыли остается на одной и той же высоте» (ук. соч., стр. 184, 185).

Это неверно. Количество неоплаченного прибавочного труда возрастает, например, если вместо 2-х часов прибавочного рабочего времени работают 3, 4, 5 часов. Вместе с массой этого неоплаченного труда масса затраченного капитала не возрастает [в том же отношении], во-первых, потому, что этот дальнейший излишек прибавочного труда не оплачивается, следовательно, не вызывает никакой затраты [на переменный капитал]; во-вторых, потому, что затрата на основной капитал возрастает не в том же отношении, в каком возрастает пользование им. Не требуется больше веретен и т. д. Конечно, они быстрее изнашиваются. Но все же не в том отношении, в каком ими больше пользуются. Следовательно, при равной производительности, прибыль здесь возрастает, потому что возрасла не только прибавочная ценность, но и норма прибавочной ценности. В земледелии это невозможно, благодаря природным условиям. С другой стороны, производительность легко возрастает с увеличением затраченного капитала. Оставляя в стороне разделение труда и машины, затрачивается хотя и большой абсолютно капитал, но благодаря экономии в средствах производства, относительно не так уж большой. Следовательно, норма прибыли могла бы возрасти, даже если бы прибавочная ценность, а не только ее норма, осталась той же.

Положительно неверными и померански-помещичьими являются следующие слова Родбертуса:

«Возможно, что в течение этих тридцати лет (с 1800-го по 1830-й г.) благодаря, парцеллированию или первоначальной обработке (Urbarmachung) возникло много владений и увеличившаяся земельная рента делилась, следовательно, также между большим числом владельцев, но она распределялась в 1830-м году на большее число моргенов, чем в 1800-м году; вновь образовавшиеся или вновь обработанные участки заключались раньше со всем числом их моргенов в старых земельных участках, и меньшая земельная рента 1800-го г. так же распределялась тогда между ними и так же помогала тогда определять высоту английской земельной ренты вообще, как в 1830-м г. большая» (ук. соч. стр. 186).

Милейший померанин! Зачем же во время спора всегда переносить в Англию твои прусские отношения? Англичанин вовсе не думает, что если, как это на самом деле имело место (об этом позже), с 1800 по 1830 г. ¹⁾ от 3 до 5 милл. акров полей подверглись „огораживанию“, рента на эти 4 миллиона акров распределялась и до 1830-го г., и в 1800-м году. Они были [тогда] скорее необработанной землей, или общинной землей, не приносившей никакой ренты, и никому не принадлежавшей.

Если Родбертус, подобно Кэри, — но только несколько иным путем — стремится доказать Рикардо, что „самая плодородная“ почва по большей части по физическим и другим основаниям не всегда обрабатывалась в первую очередь, то это не имеет никакого отношения к Рикардо. „Самая плодородная“ почва всякий раз есть самая плодородная при данных условиях производства.

Значительная часть упреков, делаемых Родбертусом Рикардо, вытекает из того, что он наивно отождествляет померанские и английские условия производства. Рикардо предполагает капиталистическое производство, которому там, где оно проведено вполне, как в Англии, соответствует отличный от землевладельца капиталистический арендатор. Родбертус берет отношения, которые сами по себе чужды капиталистическому способу производства и над которыми последний только является надстройкой. То, что, например, г. Родбертус говорит о положении хозяйственных центров в хозяйственных комплексах, является вполне подходящим для Померании, но не для Англии, где капиталистический способ производства, со времени последней трети шестнадцатого столетия все более и более входящий в силу, ассимилировал себе все условия и различные периоды прогрессивно изменял до основания исторические предпосылки, деревни, строения и людей, чтобы создать условия для „наиболее производительного“ приложения капитала.

Столь же неверно и то, что Родбертусе говорит о „приложении капитала“.

«Рикардо ограничивает земельную ренту тем, что уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и природными и неразрушимыми силами почвы. Таким образом, он хочет, чтобы все, что на возделанных уже участках земли должно было бы быть приписано воздействию капитала, было вычтено из земельной ренты. Но ясно, что из получаемого с земельного участка дохода он ни в каком случае не может отчислять капиталу полного обычного в стране процента. Ибо в противном случае, он принужден был бы предложить в экономическом развитии страны два различ-

¹⁾ В первом томе «Капитала» глава 24-я, стр. 758 (второе издание) Маркс говорит о 3511770 акрах общинной земли, которые «между 1801-м и 1831 г.г. были заграблены» у сельского населения «и парламентским путем подарены лэндлордами лэндлордам». К.

ных уровня прибыли: сельскохозяйственный, приносящий большую прибыль, чем господствующий в обрабатывающей промышленности, и этот последний,—а между тем это предположение уничтожило бы именно его систему, которая основывается на равенстве уровня прибыли» (ук. соч., 215, 216).

Тут снова мы имеем представление померанского помещика, который, занимая деньги в целях улучшения своего имения, по теоретическим и практическим основаниям, желает платить кредитору только „обычные в стране проценты“. В Англии, однако, дело обстоит иначе. Там для улучшения почвы затрачивает капитал капиталистический арендатор. От этого капитала, совершенно так же, как и от того капитала, который затрачивается им непосредственно на производство, он требует не обычного в стране процента, а обычной прибыли. Он вовсе не ссужает землевладельцу капитала, за который тот должен платить „обычный в стране“ процент. Он сам, может быть, берет займы капитал или затрачивает свой собственный прибавочный капитал, чтобы он принес ему, как „обычно в стране“, промышленную прибыль, по меньшей мере, вдвое больше обычного в стране процента.

Рикардо, впрочем, знает то, что знал уже и Андерсон, и кроме того определенно заявляет, что созданная капиталом производительная сила почвы совпадает с течением времени с ее „природной“ производительной силой, следовательно, увеличивает ренту. Родбертуе ничего не знает об этих комбинациях и болтает попусту.

Я уже объяснил вполне верно современное землевладение:

«Рента, в смысле Рикардо, есть земельная собственность в буржуазном состоянии: т. е. феодальная собственность, подчиненная условиям буржуазного производства» (Misère de la Philosophie. Париж 1847. Стр. 156; русск. пер. В. И. Засулич под редакцией Г. В. Плеханова, изд. Львовича, Спб, 1906 г., стр. 125).

Так-же я тоже правильно заметил:

«Предположив буржуазное производство, как необходимое условие существования ренты, Рикардо, тем не менее, переносит понятие ренты на земельную собственность всех времен и народов. Это общее заблуждение всех экономистов, которым условия буржуазного производства представляются в виде вечных категорий (ук. соч., стр. 160; рус. перев., стр. 128).

Совершенно справедливо отметил я и то, что „terres capitaux“, „земля-капиталы“, могут увеличиваться, как и все другие капиталы:

«Земля-капитал может увеличиваться совершенно так же, как и другие средства производства. Говоря языком г. Прудона, мы ничего не прибавляем к ее материи, но увеличиваем количество земли, служащее производительным средством. Одними новыми вкладами капиталов в землю, уже служащую средством производства, увеличивается земля-капитал, без всякого увеличения материи, т.е. земного пространства» (ук. соч., стр. 165; рус. пер., стр. 131—132).

Все еще верным остается и то различие промышленности и земледелия, которое я сделал тогда:

«Во-первых, здесь нельзя, как в мануфактурной промышленности, увеличивать по произволу количество орудий производства одинаковой степени производительности, т.е. земель одинаковой степени плодородия. Затем, постепенный рост народонаселения приводит здесь к обработке земель низшего качества или к вкладам в прежние участки новых капиталов, являющихся менее производительными по сравнению с прежде вложенными» (ук. соч., стр. 157; рус. пер., стр. 125).

Родбертус говорит:

«Но я должен обратить внимание еще и на другое обстоятельство, которое, правда, гораздо постепеннее, но зато и в гораздо более широком масштабе, делает из плохих сельско-хозяйственных машин лучшие. Это—непрерывное возделывание самого земельного участка, исключительно согласно разумной системе без всякого, хотя бы и самого незначительного чрезвычайного вложения капитала» (ук. соч., стр. 222).

Это говорит уже Андерсон. Культура улучшает почву:

«Вы должны были бы доказать, что занятое земледелием рабочее население увеличилось с течением времени в большей пропорции, чем производство жизненных средств, или хотя-бы только, чем остальная часть населения страны. Из этого одного могло бы неопровержимо вытекать, что с увеличением сельско-хозяйственного производства к нему должно было бы применяться и все больше труда. Но как раз в этом вам противоречит статистика» (ук. соч., стр. 274). «Да, вы считаете даже господствующим повсюду правило, что чем плотнее население страны, тем в меньшей пропорции люди занимаются земледелием... То же явление обнаруживается и при увеличении населения в той же самой стране, часть, не занимающаяся земледелием, почти повсюду будет расти в большей пропорции» (ук. соч., стр. 275).

Это происходит отчасти потому, что больше пахотной земли превращается в пастбища для скота и для овец. Отчасти же потому, что на высшей ступени производства—при крупном земледелии—труд становится производительнее. А также и потому,—а это обстоятельство г. Родбертус совершенно упускает из виду,—что значительная часть неземледельческого населения тоже соучаствует в земледелии, доставляя постоянный капитал,—возрастающий вместе с прогрессом культуры,—как напр., минеральные удобрения, заграничные семена, машины всякого рода.

По словам г. Родбертуса (ук. соч., стр. 78) сельский хозяин „теперь“ (в Померании) не рассматривает произведенный в его собственном хозяйстве корм для рабочего скота, как капитал.

«Капитал сам по себе или в национально-хозяйственном смысле есть продукт, который служит для дальнейшего производства... Но чтобы быть капиталом по отношению к той особой прибыли, которую он должен принести, или с точки зрения нынешнего предпринимателя, он должен выступить, как затрата» (ук. соч., стр. 77).

Это понятие „затрата“ не требует только,—как думает Родбертус,—чтобы продукт был куплен, как товар. Если часть продукта, вместо того, чтобы быть проданной, как товар, снова входит в производство, она входит в него, как товар. Она оценивается предварительно, как „деньги“, и это сознается тем яснее, что все эти „затраты“—скот, корм, навоз, хлеб в зерне, служащий в качестве семян, семена всякого рода фигурируют на рынке в качестве товаров и в земледелии. Но в Померании, повидимому, всего этого не зачисляют в рубрику „затрат“.

«Ценность особых результатов этих различных родов труда (промышленности и производства сырых продуктов) даже и не является еще доходом, достигающим их владельца, а лишь ликвидационным масштабом для него. Этот соответствующий доход представляет даже часть общественного дохода, создаваемого исключительно совместным трудом сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, — дохода, части которого, следовательно, также создаются только этим совместным трудом» (ук. соч., стр. 36).

Что мне от этого? Реализирование этой ценности может быть только реализированием и потребительной ценности. Об этом даже нет и речи. Кроме того, земледельческий и промышленный продукт уже входит в необходимую заработную плату, смотря потому, сколько ценности заключается в необходимых для содержания рабочего жизненных средствах.

2. Замечания относительно истории открытия так называемого закона Рикардо

а) Андерсон и Мальтус. Рошер.

Андерсон был практиком-арендатором. Его первое сочинение, в котором мимоходом затрагивается природа ренты, появилось в 1777 г., в то время, когда сэр Джеймс Стэарт для значительной части публики был еще самым авторитетным экономистом, но когда вместе с тем общее внимание было направлено на „Wealth of Nations“, появившееся перед тем за год.

Напротив, сочинение шотландского арендатора, написанное по поводу непосредственно практического спорного вопроса, трактовавшее о ренте не „ex professo“, а объяснявшее ее природу лишь между прочим, не могло привлечь внимания. В другой раз—тоже мимоходом,—эта его теория была изложена в одном или двух его очерках, помещенных в изданном им самим сборнике, появившемся в трех томах под заглавием: „Essays relating to Agriculture and rural affaires“. 3 vol. 1777—1796. Эдинбург. То же следует сказать и об изданных в 1797—1802 г.г. „Recreations in Agriculture, Natural History, Arts and miscellaneous literature“, Лондон. Оба эти сочинения предназначены непосредственно для арендаторов и сельских хозяев. Если бы Андерсон имел представление о важности своего открытия и изложил его перед публикой отдельно, как исследование о природе земельной ренты, или если бы он обладал хоть в некоторой степени талантом вести торговлю собственными идеями, которую столь успешно,—но только чужими идеями,—вел его земляк Мак-Куллох, то [дело сложилось бы] иначе. Воспроизведение его теории появилось в 1815 г. сразу же в виде самостоятельных теоретических исследований о природе ренты, как это показывают уже заглавия соответствующих сочинений Веста и Мальтуса. Мальтус: *Inquiry into the Nature and Progress of Rent*“. Веет: „*Essay on the Application of Capital to Land*“.

Сверх того, Мальтусе использовал Андерсоновскую теорию ренты, с целью впервые дать своему закону народонаселения одновременно и политико-экономическую и реальную, естественно-историческую основу, тогда как его нелепости, [позаимствованные] у более ранних писателей, насчет геометрической и арифметической прогрессии, были чисто химерической гипотезой. М-р Мальтус немедленно воспользовался случаем. Рикардо же сделал это учение о ренте,—как он сам говорит в предисловии,—одним из важнейших звеньев в общей системе политической экономии и придал ему,—не говоря о точной формулировке,—совершенно новую теоретическую важность.

Рикардо, очевидно, не знал Андерсона, так как в предисловии к своей политической экономии он говорит о Весте и Мальтусе, как об открывших законы земельной ренты. Судя по оригинальной манере изложения закона, Вест, весьма вероятно, не был знаком с Андерсоном, так же как Тук с Стэартом (Stearnt). Иначе обстоит дело с г. Мальтусом. Тщательное сравнение их сочинений показывает, что Мальтус знает Андерсона и пользуется им. Мальтус вообще был профессиональным плагиатором. Нужно сравнить только первое издание его сочинения о народонаселении с сочинением преп. Тоунсэнда, чтобы убедиться, что он не перерабатывает его, как свободный производитель, а переписывает на параграфы, как рабский плагиатор, хотя он его нигде не называет, скрывает его существование. Характерен способ, как Мальтус пользовался Андерсоном. Андерсон защищал вывозные премии и ввозные пошлины на хлеб отнюдь не в виду интересов лендлордов, а потому, что он полагал, будто такого рода законы понижают цену производства хлеба и обеспечивают равномерное развитие производительных сил земледелия. Мальтус воспринял это толкование Андерсона, потому что он,—истый член английской государственной церкви,—был профессиональным сикофантом землевладельческой аристократии, ренты, синекуры, расточительность, бессердечие и т. д. которой он экономически оправдывал. Мальтус защищал интересы промышленной буржуазии лишь постольку, поскольку они тождественны с интересами землевладения, аристократии, то-есть, против массы народа, против пролетариата; но там, где интересы буржуазии и аристократии расходятся и враждебно противостоят друг другу, он становится на сторону аристократии против буржуазии. Отсюда его защита „непроизводительных рабочих“, роскоши (Ueberkonsumtion) и т. д.

Напротив, Андерсон объяснял различие между почвой, уплачивающей ренту, и [почвой], не уплачивающей ренты, или между почвами, которые платят неравные по величине ренты,—относительной неплодородностью почвы, которая не приносит ренты или приносит меньшую ренту, сравнительно с почвой, которая приносит ренту вообще или большую ренту. Но он определенно заявил, что эти степени относительного плодородия различных видов почвы, а следовательно, и относительная неплодородность худших видов почвы, по сравнению с лучшими, не имеют абсолютно ничего общего с абсолютной производительностью земледелия. Наоборот, он не только указывал, что абсолютная плодородность всех видов почвы может постоянно увеличиваться и с ростом населения должна увеличиваться,—он шел дальше и утверждал, что неравенство в плодородности различных сортов почвы прогрессивно может сглаживаться. Он говорит, что теперешняя степень развития земледелия в Англии не дает никакого представления о возможном его развитии. Он говорил [также], что в одной стране цена хлеба может быть высока, а рента низка, а в другой стране цена хлеба низка, а рента высока; и это следовало из его принципа, так как в обеих странах высоту и существование ренты определяет различие между плодородной и неплодородной почвой и ни в одной из них — абсолютная плодородность; в каждой из них лишь степень различия в плодородности су-

ществующих в наличии видов почвы и ни в одной—средняя плодородность этих видов почвы. Он заключает отсюда, что абсолютная производительность земледелия не имеет абсолютно ничего общего с рентой. Поэтому позже он объявил себя, как мы увидим ниже, решительным врагом Мальтусовской теории народонаселения, не подозревая, что его собственной теории ренты суждено было служить основой для этого чудовищного измышления. Андерсон объяснял себе повышение цен на хлеб в Англии с 1750 г. по 1801-й, по сравнению с периодом с 1700 г. по 1750-й, отнюдь не возделыванием все более неплодородных видов почвы, а влиянием на земледелие, в течение обоих этих периодов законодательства.

Что же делает Мальтус?

Вместо (тоже украденной) химеры насчет геометрической и арифметической прогрессии, которую он сохранил, как фразу, он употребил для подтверждения своей теории народонаселения теорию Андерсона. Он сохранил выводы теории Андерсона, поскольку они были в интересах лендлордов,—факт, доказывающий, что связь этой теории с системой политической экономии он понимал столь же мало, как и сам Андерсон; он обратил ее против пролетариата, не входя в разбор обратных указаний автора теории. Он предоставляет Рикардо сделать тот теоретический и практический шаг вперед, который следовало сделать при помощи этой теории: теоретически—для определения ценности товара и т. д. и для проникновения в природу землевладения; практически—против необходимости частной земельной собственности на основе буржуазного производства и затем против всяких государственных мероприятий, вроде хлебных пошлин, способствовавших увеличению этой частной земельной собственности. Единственное применение теории, сделанное Мальтусом, это—защита охранительных пошлин, которых требовали лендлорды в 1815 г., сикофантская услуга аристократии, и новое оправдание нищеты производителя богатств, новая апология эксплуататоров труда. [С этой стороны и его применение теории является тоже] сикофантской услугой промышленным капиталистам.

Для Мальтуса характерна глубокая низость мысли; низость, которую может позволить себе только поп, который в человеческой нищете видит наказание за грехопадение и вообще ссылается на „земную юдоль скорбей“, имея в то же время в виду получение богатого прихода, который с помощью догмата о предопределении находит весьма выгодным „усладить“ господствующим классам пребывание в юдоли скорби.

Эта низость мысли проявляется и в научном отношении. Во-первых, в его бесстыдно и топорно практикуемом плагиаторстве. Во-вторых, в тех исполненных расчета, а отнюдь не безразличных в этом отношении ¹⁾ выводах, какие он делает из научных предпосылок. Рикардо с полным для своего времени правом рассматривает капиталистический способ производства, как самый выгодный для про-

¹⁾ В подлиннике игра слов: «Rücksichtsvoll» и «Rücksichtslos». Примечание переводчика.

изводства вообще, как самый выгодный для создания богатства. Он хочет производства ради производства, и в этом он прав. Если утверждать,—как это делали сентиментальные противники Рикардо,—что производство, как таковое, не является целью, то при этом забывают, что производство ради производства означает не что иное, как развитие человеческих производительных сил, следовательно, развитие богатства человеческой природы, как самоцель. Если противопоставить, как это делает Сисмонди, этой цели благо отдельной личности, то это равносильно утверждению, что развитие рода должно быть задержано, ради обеспечения блага отдельной личности, что, следовательно, нельзя вести никакой войны, ибо на войне отдельные личности во всяком случае погибают. Сисмонди прав только по отношению к тем экономистам, которые эту противоположность затушевывают, отрицают. Делающие такое противопоставление не понимают, что это развитие способностей рода—человек, [совершаясь] прежде всего на счет большинства человеческих индивидуумов и известных человеческих классов, в конце концов уничтожает этот антагонизм и совпадает с развитием отдельного индивидуума, что, следовательно, высшее развитие индивидуальности покупается только историческим процессом, в котором индивидуумы приносятся в жертву; не будем говорить уже о бесплодности таких размышлений, так как интересы рода и в царстве людей, как в царствах животных и растений, всегда находят себе удовлетворение насчет интересов индивидуумов. Прямолинейность Рикардо была, следовательно, не только научно добросовестной, но и научно обязательной для его точки зрения. Но вследствие этого ему тоже было безразлично, поражает ли на смерть развитие производительных сил земельную собственность или рабочих. Если этот прогресс лишает ценности капитал промышленной буржуазии, для Рикардо он является столь же желанным. Если развитие производительной силы труда наполовину лишает ценности наличный основной капитал, то какое это имеет значение? говорит Рикардо: производительность человеческого труда удвоилась. Здесь есть, следовательно, научная добросовестность. Если понимание Рикардо в общем соответствует интересам промышленной буржуазии, то только потому, что ее интересы совпадают с интересами производства или производительного развития человеческого труда, и постольку, поскольку совпадают. Где интересы развития производительной силы труда вступают в противоречие с интересами буржуазии, Рикардо столь же прямолинейно выступает против буржуазии, как в других случаях против пролетариата и аристократии.

Для характеристики Рикардо очень важны два следующих отрывка:

«Я в высшей степени сожалел бы, если бы соображения о выгодах какого-либо отдельного класса привели к задержке роста богатства и населения страны» (Rikardo, An Essay on the Influence of a low Price of corn on the Profits of Stock etc. 2nd ed., стр. 49. Лондон, 1815).

При свободном ввозе хлеба „земля оставляется без обработки“ (ук. соч.) [Но это благоприятно для промышленного производства]. Следовательно, землевладение приносится в жертву развитию производства.

Но при том же свободном ввозе хлеба:

«Нельзя отрицать, что некоторое количество капитала было бы потеряно. Но что такое представляет из себя владение капиталом или сохранение его, — цель или средство? Несомненно, средство. В чем мы нуждаемся, так это в изобилии благ¹⁾; если бы могло быть доказано, что пожертвованием одной части нашего капитала мы могли бы увеличить годовичное производство тех благ, которые служат для нашего наслаждения и нашего счастья, тогда, конечно, мы не должны были бы роптать на потерю части нашего капитала» (On Protection to Agriculture. 4-th ed. Лондон. 1822. Стр. 60).

„Нашим капиталом“ Рикардо называет не тот капитал, который принадлежит нам или ему, а тот, который вложен в землю капиталистами. Но мы — это среднее всей нации (Durchschnitt der Nation). Увеличение „нашего“ богатства есть увеличение общественного богатства, увеличение, которое является целью, как таковое, независимо от имеющих долю в этом богатстве!

«Для отдельного лица, капитал которого простирается на 20000 ф., а прибыль на 2000 в год, совершенно безразлично, дает ли его капитал занятия 100 или 1000 человек, если только во всех подобных случаях прибыль его не падает ниже 2000 ф. Не имеет ли с этим сходство и действительный интерес нации? Если только чистый доход, е, рента и прибыль ее остаются одни и те же, то нет ни малейшей важности в том, состоит ли нация из 10 или из 12 миллионов жителей» (Principles of Political Economy, 3-rd ed., стр. 416, рус. пер., стр. 221).

Здесь принесен в жертву богатству „пролетариат“. Поскольку он безразличен для существования богатства, постольку богатство безразлично для его существования. Он только масса — человеческая масса — и не имеет никакой ценности.

На этих трех примерах мы показали научную беспристрастность Рикардо.

Но Мальтус, этот жалкий человек, делает из научных и всегда им украденных предпосылок только такие выводы, которые приятны и полезны аристократии против буржуазии, и им обеим — против пролетариата. Он, поэтому, хочет не производства ради производства, а лишь производства, поскольку оно поддерживает или укрепляет (ausbaut²⁾ существующее, соответствует интересам господствующих классов. Уже его первое сочинение, являющееся одним из самых замечательных литературных примеров успеха плагиата на счет оригинальных произведений, имело практическую цель — представить, в интересах английского правительства и земледельческой аристократии „экономически“, стремления французской революции и ее сторонников в Англии к усовершенствованию существующего порядка вещей, как утопию. Другими словами, это был панегирический памфлет в пользу существующего строя и против исторического развития и, кроме того, оправдание войны против революционной Франции. Его сочинения 1815 г. об охранительных пошлинах и о земельной ренте отчасти должны были подтвердить прежнюю апологию нищеты производителя, но главным образом — защитить реакционное землевладение против „просвещенного“, „либерального“ и „прогрессивного“ капитала и, в частности, оправдать задуманный шаг назад в английском законодательстве в интересах аристократии и против буржуазии. Наконец, его

¹⁾ Богатства вообще.

²⁾ В манускрипте стоит: «ausbauscht» (выпучивает).

„Principles of political economy“ против Рикардо имели в сущности своей целью ввести абсолютные требования промышленного капитала и законы, по которым развивается его производительность, в такие пределы, которые были бы „выгодны“ и „желательны“ с точки зрения интересов землевладельческой аристократии, государственной церкви, к которой принадлежал Мальтус, членов правительства (Regierungs-personen) и пожирателей налогов (Steuerverzehrer). Человека-же, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая не почерпнута из нее самой,—как бы при этом она ошибочна ни была—а взята извне, из чуждых ей, внешних интересов, я называю „низким“. Со стороны Рикардо нет ничего низкого в том, что он ставит пролетариев наравне с машинами, или с вьючным скотом, или с товаром, потому что, с его точки зрения, „производство“ требует, чтоб они были только машинами или вьючным скотом, или потому что они при капиталистическом производстве, действительно, только товары. Это придает его рассуждениям характер стоический, объективный, научный. Поскольку это возможно без греха против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он был в практической жизни. Поп Мальтус, [конечно, тоже] принижает рабочих ради производства до вьючных животных, осуждает их даже на голодную смерть и безбрачие. [Но] где подобное требование производства уменьшает „ренту“ лендлорда или угрожает „десятине“ государственной церкви или интересам пожирателей налогов или даже приносит в жертву часть промышленной буржуазии, интересы которой тормозят прогресс, той части буржуазии, которая представляет прогресс производства—где, следовательно, какие-либо интересы аристократии противостоят интересам буржуазии, или интересы консервативной и ретроградной буржуазии противостоят интересам буржуазии прогрессивной—во всех этих случаях „поп“ Мальтус не приносит в жертву производству отдельных интересов, а, наоборот, по мере своих сил стремится пожертвовать требованиями производства в угоду отдельным интересам существующих господствующих классов или частей классов; для этой цели он умышленно искажает свои научные выводы. В этом заключается его научная низость, его преступление против науки, не говоря уже о его несстыдном и топорном плагиаторстве. Научные выводы Мальтуса построены в интересах господствующих классов вообще и реакционных элементов этих господствующих классов в особенности; иными словами, ради этих интересов он подделывает науку. Интересы же эти не считаются ни с чем, раз дело касается угнетенных классов. В этих случаях ни с чем не считается и Мальтус. Мало того, он чванится беспощадностью, цинически хвастается ею и преувеличивает выводы, поскольку они направлены против живущих в нищете, даже свыше той меры, которая оправдалась бы научно с его точки зрения.

Ненависть английского рабочего класса Мальтусу—„mountebank—parson“ (кричащего на рынке попа), как его невежливо называет Коббет,—является, следовательно, вполне оправдываемой; народ с верным

инстинктом чувствовал здесь, что перед ним не муж науки, а наемный адвокат; защитник интересов его врагов, бесстыдный сикофант господствующих классов.

Автор идеи может доводить ее с сознанием до крайности своей правоты, доводящий же до крайности плагиатор делает это всегда с расчетом.

Сочинение Мальтуса „Op population“ [в своем] первом издании, не содержа в себе ни одного нового научного слова, должно быть рассматриваемо просто как назойливая капуцинская проповедь, как ханжеский вариант (Abraham a Santa Clara—Version) выводов Тоуненда, Стэарта, Уоллеса, Герберти и т. д. Так как в действительности оно хочет импонировать только при посредстве популярной формы, то против него с полным правом и обращается народная ¹⁾ ненависть.

Единственной заслугой Мальтуса, в противовес жалким учениям буржуазной политической экономии о гармонии интересов, является именно подчеркивание дисгармоний, которых он ни в коем случае не открыл, но которые он во всяком случае с поповским удовольствием констатирует, разриеовывает и популяризует.

Чарльз Дарвин говорит во введении к своему сочинению „Op the Origin of Species by means of natural selection or the preservation of favored races in the struggle for life“ (2-е издание), Лондон 1860:

«В первом отделе должна быть рассмотрена борьба за существование между органическими существами всего мира, борьба непосредственно вытекающая из их способности увеличиваться в геометрической прогрессии. Это учение Мальтуса, примененное ко всему царству животных и растений».

Дарвин, в своем превосходном сочинении, не видел, что он опровергает теорию Мальтуса, открывая в царстве животных и растений „геометрическую“ прогрессию. Теория Мальтуса основывается как раз на том, что он Уоллесовскую геометрическую прогрессию человека противопоставляет химерической „арифметической“ прогрессии животных и растений. В произведении Дарвина, например, в обсуждении причин вымирания видов, заключается и детальное,—не говоря об его основном принципе—естественно-историческое опровержение Мальтусовской теории. Поскольку же теория Мальтуса опирается на теорию ренты Андерсона, она была опровергнута самим Андерсоном. Рикардо, например, если его теория приводит его к тому, что повышение заработной платы выше ее минимума не повышает ценности товара, прямо заявляет об этом. Мальтус хочет держать заработную плату на низком уровне, чтобы буржуа получал прибыль.

Первое сочинение Андерсона, в котором он мимоходом развивает теорию ренты, носило практический характер полемической работы не о ренте, а о таможенных пошлинах. Оно появилось в 1777 году и уже его заглавие указывает, во-первых, что оно преследует практи-

¹⁾ Игра слов: «die populäre Form» и «der populäre Hass». Примечание переводчика.

ческую цель, во-вторых,—что оно относится к законодательному акту по вопросу, в котором промышленники и землевладельцы имеют противоположные интересы „An Inquiry into the Nature of the Cornlaws, with a view to the new Corn Bili proposed for Scotland“ Эдинбург, 1777 г. Закон 1773 г. (в Англии, смотри об этом каталог Мак-Куллоха) должен был быть введен в Шотландии, как кажется, в 1777 г. (см. в „Музее“). „Закон 1773 г.,—говорит Андерсон,—был вызван нескрываемым намерением понизить для наших промышленников цену хлеба, чтобы при посредстве увеличения ввоза из-за границы дать нашему собственному народу возможность более дешевого пропитания“ (A calm Investigation of the circumstances that have led to the present scarcity of grain in Britain. Лондон, 1801. Стр. 50). Сочинение Андерсона было, следовательно, полемическим сочинением в защиту интересов сельских хозяев, включая и землевладельцев, в защиту охраняющих их пошлин и против интересов промышленников. Он опубликовал его „сознательно“, как полемическое сочинение. Теория ренты здесь фигурирует только между прочим, и в его позднейших сочинениях, также более или менее относящихся к той же борьбе интересов, эта теория ренты равным образом повторяется один или два раза только мимоходом, никогда не претендуя на научный интерес или даже только на то, чтобы быть самостоятельным предметом изложения. На основании этого можно судить и о правильности следующего замечания Вильгельма Фукидида Рошера, который, очевидно, сочинений Андерсона не знает:

«Удивительно, как учение, которое в 1777 г. осталось почти незамеченным, 1815 г. и сл. немедленно с величайшим интересом было защищено и оспариваемо, потому что оно касалось столь резко обрисовавшейся в этот промежуток противоположности *monied* и *landed interest*» (Die Grundlage der Nationalökonomie. 3. Auflage. 1838. стр. 297, 298).

В этом отрывке столько же ошибок, сколько слов. Во-первых Андерсон не развил своего взгляда, в качестве „учения“, как это сделали Вест, Мальтус и Рикардо. Во-вторых, его взгляд остался не „почти“, а „совершенно“ незамеченным. В третьих, он проводился, между прочим, впервые в сочинении, которое специально вращалось только вокруг значительно развитой в 1777 г. противоположности интересов промышленников и земледельцев, „касалось“ только их практических интересов, общей же теории политической экономии не „касалось“. В четвертых, эта теория была выдвинута в 1815 г. одним из ее воспроизводителей, Мальтусом, точно так же в интересах хлебных законов, как это делал и Андерсон. Одно и то же учение было обращено—его автором и Мальтусом в пользу, а Рикардо—против землевладения. Самое большее, что можно было бы сказать, это—что из выставявших это учение одни защищали интересы землевладения, а другие выступали против этих интересов, но никоим образом нельзя было утверждать ни того, что эта теория в 1815 г. оспаривалась защитниками землевладения, ибо Мальтус защищал ее до Рикардо; ни того, что она защищалась нападавшими на землевладение, ибо Рикардо не нужно было „защищать“ ее против Мальтуса, так как он даже

смотрел на Мальтуса, как на одного из авторов ее, как на своего собственного предшественника. Он должен был „оспаривать“ только Мальтусовские выводы из нее. В пятых: противоположность, которой „коснулся“ Вильгельм Фукидид Рошер, между „monied“ и „landed interest“ до этого времени не имела абсолютно ничего общего ни с Андерсоновской теорией ренты, ни с ее воспроизведением, защитой и оспариванием. Под „monied class“, как это Вильгельм Фукидид мог усмотреть из Джона Ст. Милля (*Essays on some unsettled questions of Political Economy*. Лондон 1844. Стр. 109—110), англичанин понимает людей, дающих займы деньги, которые [или] вообще живут на проценты, или же [являются] дающими займы по профессии, как банкиры, вексельные маклеры и т. д. Все эти люди, как „monied class“, согласно замечанию того-же Милля, противостоят „producing class“,—под которым Милль понимает „промышленных капиталистов“, оставляя в стороне рабочих,—или, по крайней мере, отличаются от него. Следовательно, Вильгельм Фукидид должен был бы видеть, что интересы „producing class“, а следовательно, и промышленных капиталистов, и интересы „monied class“—весьма различные вещи, а эти классы—различные классы. Борьба между промышленными капиталистами,—как должен был бы далее заметить Вильгельм Фукидид,—и лендлордами, следовательно, вовсе не была борьбой между „monied interest“ и „landed interest“. Если Вильгельм Фукидид знал историю хлебных законов 1815 г. и борьбу из-за них, то он знал уже из Коббета, что *boroughmongers* (landed interest) и *loanmongers* (monied interest) шли вместе против *industriæ interest*. Но Коббет „груб“¹⁾. Из истории периода с 1815-го г. по 1847-й Вильгельм Фукидид, далее, должен был бы знать, что *monied interest* по большей части, а (отчасти и *commerciæ interest*, например, Ливерпуль) в борьбе из-за хлебных законов были в числе союзников *landed interest* против *manufacturing interest*.

Но больше всего г. Рошера могло бы удивить то, что то же самое „учение“ в 1777 г. служило в пользу, а в 1815 г. против „landed interest“ и только тогда обратило на себя внимание.

Если бы я хотел столь же подробно осветить все аналогичные по своей грубости искажения истории, допускаемые Вильгельмом Фукидидом в своих литературно-исторических замечаниях, то я должен был бы написать произведение столь же об'емистое, как его „*grundlagen*“, подобное произведение на самом деле не стоило бы только той бумаги, на которой оно было бы написано. Но насколько ученое невежество какого-нибудь Вильгельма Фукидида может в свою очередь вредно действовать на исследователей в других областях науки, это видно на примере г. А. Бастиана, который в своем сочинении „*Der Mensch in der Geschichte*“, 1860 (т. I, стр. 347, примечание) приводит цитированный выше отрывок из Вильгельма Фукидида, как подтверждение

¹⁾ Коббет, правда, величайший политический писатель Англии этого столетия, но ему не доставало лейпцигского профессорского образования, и он был прямым врагом «ученых» языков.

для „психологического“ способа исследования ¹⁾). О Бастиане, между прочим, нельзя сказать: „*materiam superabat opus*“. Скорее „opus“ здесь не справляется с своим собственным сырым материалом. Кроме того, я убедился, что в некоторых областях науки, которые я „знаю“, г. Бастиан, который знает „все“ науки, очень часто полагается на авторитеты à la Вильгельм Фукидид, что для универсального ученого вообще и неизбежно.

Я надеюсь, меня не упрекнут в „безжалостности“ по отношению к Вильгельму Фукидиду. С какой „безжалостностью“ третирует этот педант самое науку! Я во всяком случае тоже имею право говорить об отсутствии у него всякой истины, подобно тому, как он с самовольной снисходительностью осмеливается говорить о „полу-истинах“ Рикардо. Кроме того, Вильгельм Фукидид отнюдь не является „добро-совестным“ в указании литературы предмета. Что не „респектабельно“, не существует для него и исторически; например, Родбертус не существует для него, [как] теоретик по вопросу о земельной ренте, потому что он „коммунист“. Сверх того и по отношению к „респектабельным“ писателям Вильгельм Фукидид неточен. Например, Бэли (Bailey) существует для Мак-Куллоха, по мнению которого его сочинения даже составляют эпоху. Для Вильгельма Фукидида Бэли не существует. Если бы имелось в виду двигать вперед и популяризировать науку политической экономии в Германии, то такие люди, как Родбертус, должны были бы основать журнал, страницы которого были бы открыты всем исследователям, не школьным педантам и вульгаризаторам, и главной целью которого было бы обнаруживать невежество профессиональных ученых как в теории, так и в ее истории.

Андерсон был далек от всякого исследования отношения его теории ренты к системе политической экономии, и это тем меньше может возбуждать удивление, что его первая книга появилась год спустя после появления „Wealth of Nation“ А. Смита, следовательно, в тот момент, когда вообще система политической экономии только складывалась, ибо и система Стюарта появилась тоже лишь за несколько лет перед тем. Что же касается материала, которым располагал Андерсон в пределах того специального предмета, какой он рассматривал, то этот материал был безусловно шире, чем материал Рикардо. Подобно тому, как в своей теории денег, — воспроизведении Юмовской теории, — Рикардо имел в виду исключительно лишь события с 1797-го г. по 1809-й, так и в теории ренты, воспроизведении Андерсоновской теории — только экономические явления повышения цен на хлеб с 1800-го г. по 1815-й.

b) Абсолютная рента и теория ценности.

Что рента, а следовательно, и ценность почвы, может повышаться, несмотря на то, что норма ренты остается неизменной или даже падает ²⁾, об этом Рикардо иногда забывает, но он это знает. Во всяком

¹⁾ Это слово может быть прочитано также как «Behauptung» (утверждение). К.

²⁾ В манускрипте стоит *zunimmt* (увеличивается). К.

случае, это знает Андерсон, и знали уже Петти и д'Авенант. Вопрос не в этом.

[Рикардо оставляет без внимания] вопрос об абсолютной ренте, которую он отрицает ради теории, потому что он исходит из неверной предпосылки, будто бы, если ценность товаров определяется рабочим временем, то цены производства товаров должны быть равны их ценностям; в силу этого он делает и неверное практическое заключение, что конкуренция более плодородных видов почвы должна оставить без обработки менее плодородные виды, даже если [они] раньше и приносили ренту. Если бы ценности товаров и цены производства товаров были тождественны, то абсолютная земельная рента — то-есть земельная рента с почвы возделанной при самых невыгодных условиях или с первоначально возделанной почвы — была бы в обоих случаях одинаково невозможна. Что такое цена производства товара? Вложенный в его производство весь капитал (постоянный и переменный) плюс содержащееся в средней прибыли рабочее время. Следовательно, если бы капитал, вложенный в какой-либо элемент, производил, — только потому, что это — особый элемент природы, например, земля, — ценность более высокую, чем цена производства, то ценность этого товара стояла бы выше его ценности, и его прибавочная ценность противоречила бы понятию ценности, именно, что она равна определенному количеству рабочего времени. Элемент природы, нечто совершенно отличное (Heterogenes) от общественного рабочего времени, создавал бы ценность. Но этого не может быть. Просто вложенный в землю капитал не может, следовательно, приносить никакой земельной ренты. Самая плохая почва есть просто почва вообще. Если лучшая почва приносит ренту, то это доказывает только, что разница между индивидуально необходимым и социально необходимым трудом фиксируется в земледелии, потому что у нее есть естественный базис, тогда как в промышленности она постоянно исчезает.

Никакой абсолютной земельной ренты существовать не может, — может существовать только дифференциальная земельная рента. Ибо допустить существование абсолютной земельной ренты значило бы допустить, что одно и то же количество труда овеществленного, вложенного в постоянный капитал и купленного заработной платой — создает различные ценности, смотря по элементу, в котором он производится, или по материалу, который он обрабатывает. Но если допускается это различие ценности, хотя в каждой сфере производства в продукте материализуется одно и то же рабочее время, то этим самым допускается, что не рабочее время определяет ценность, а нечто, отличное от него (гетерогенное). Это различие величин ценности уничтожило бы понятие ценности, уничтожило бы то, что ее сущность — общественное рабочее время, что ее различие может быть только количественным и что это количественное различие может быть равно только различию в количестве затраченного рабочего времени.

Сохранение ценности — не только определения величины ценности различной величиной рабочего времени, но и определения сущности ценности общественным трудом — сохранение ценности требует, следовательно,

отрицания абсолютной ренты. Но отрицание абсолютной земельной ренты может быть выражено двояким образом.

Во-первых. Самая плохая почва не может не приносить ренты. По отношению к лучшим видам почвы рента объясняется из рыночной цены, остающейся одинаковой как для продуктов, произведенных на более плодородных видах почвы, так и для продуктов, произведенных на менее плодородных видах. Но самая плохая почва есть почва вообще (*schlechthin*). Она сама по себе недифференцирована. Она отличается от других сфер промышленного приложения капитала только, как особая сфера приложения капитала. Если бы она приносила ренту, то эта рента получалась бы благодаря тому, что одно и то же количество труда, если оно вложено в различные сферы производства, выражается в различных ценностях, что, следовательно, не количество труда само по себе определяет ценность, и продукты, в которых содержатся равные количества труда, неравны между собою.

[Во-вторых]. Первоначально обработанная почва не может приносить ренты. Ибо что такое первоначально обработанная почва? Почва, обрабатываемая „первоначально“, не есть ни лучшая, ни худшая почва. Это почва вообще (*schlechthin*), недифференцированная почва. Первоначально вложение капитала в земледелие может отличаться от вложения капитала в промышленность только сферами, в которые вложены эти капиталы. Но так как равные количества труда выражаются в равных ценностях, то нет абсолютно никакого основания, почему вложенный в землю капитал должен приносить, кроме прибыли еще и ренту, разве только, что одинаковое по величине количество капитала, вложенное в эту сферу, производило бы большую ценность, так что излишек этой ценности над ценностью, производимой в промышленности, составлял бы добавочную прибыль, ренту. Но это было бы равносильно тому, что почва, как таковая, создает ценность, то-есть уничтожит самое понятие ценности.

Первоначально возделанная почва не может, следовательно, приносить ренты с самого же начала, — иначе пришлось бы отбросить всю теорию ценности. С этим, как показывает Андерсон, легко, хотя и необходимо, связывается представление, что люди первоначально естественно избирали для обработки не самую худшую, а самую лучшую почву; что не приносившая первоначально никакой ренты почва позже приносит ее, потому что приходится переходить к худшим видам почвы, и что, таким образом, при переходе к все худшей почве, при развитии цивилизации и росте населения, рента должна повышаться на первоначально обработанной, самой плодородной почве и затем постепенно на следующих, тогда как наихудшая почва, которая постоянно представляет почву вообще — особую сферу приложения капитала, — во всяком случае никогда не приносит ренты. Тут более или менее есть логическая связь.

Если, наоборот, известно, что цены производства и ценности не тождественны, что цена производства товара может быть равна его ценности, а может быть и больше и меньше ее, то вопрос падает, перестает существовать самая проблема, а вместе с тем и гипотеза для разреше-

ния. Остается только вопрос, почему в земледелии ценность товара или, во всяком случае, его цена стоит выше не его ценности, а его цены производства? Но последний вопрос не имеет уже ничего общего с основанием теории, с определением ценности, как таковым.

Рикардо, конечно, знает, что „относительные ценности“ товаров модифицируются, смотря по различному отношению основного и вложенного в заработную плату капитала¹⁾, входящих в их производство. Но он знает вместе с тем, что эти относительные ценности уравниваются конкуренцией. Он даже допускает возникновение этого различия только затем, чтобы при этих различных вложениях капитала получалась одна и та же средняя прибыль. То-есть, эти относительные ценности, о которых он говорит, суть только цены производства. Он совершенно далек от той мысли, что ценность и цена производства различны. Он приходит только к их тождеству. Но так как при различном отношении органических составных частей капитала такого тождества нет, то он принимает его, как непосредственно созданный конкуренцией факт. Для него, следовательно, не существует вопроса, почему ценности земледельческих продуктов не уравниваются с ценами производства? Он скорее принимает, что они уравниваются, и с этой точки зрения ставит проблему.

Абсолютно нельзя понять, почему молодцы à la Вильгельм Фукидид ругают за теорию земельной ренты Рикардо. „Полуистины“ Рикардо, как снисходительно выражается Фукидид, с их точки зрения теряют всю свою ценность.

Для Рикардо проблема существует только потому, что ценность определяется рабочим временем. Вышеупомянутым молодцам до этого дела нет. По мнению Ропера, природа, как таковая, имеет ценность. Смотри ниже. То-есть, он абсолютно не знает, что такое ценность. Что же мешает ему допустить, что ценность почвы входит первоначально в издержки производства и образует ренту, предположить для объяснения ренты существование ценности почвы, т. е. той же самой ренты?

Фраза об „издержках производства“ не означает у этих молодых ровно ничего. Мы видим это у Сэя. Ценность товара определяется издержками производства, капиталом, почвой, трудом. Но все они определяются спросом и предложением. Иными словами — тут совершенно нет никакого определения. Так как земля оказывает „производительные услуги“, то почему бы цене этих услуг не определяться спросом и предложением, как определяется цена услуг, оказываемых трудом или капиталом? И так как „услуги земли“ (Erddienste) находятся во владении известных продавцов, то почему бы их товару не иметь рыночной цены, почему бы, значит, земельной ренте не существо-

¹⁾ Но эти капиталы вовсе не противопоставляются один другому, противопоставляются один другому основной и оборотный капиталы, при чем последний заключает в себе не только заработную плату, но и сырой материал и вспомогательные вещества. Например, в горной промышленности и рыболовстве может существовать то же самое отношение между затracным на труд и вложенным в основной капитал капиталом, какое существует в портняжном деле между вложенным в заработную плату и вложенным в сырой материал.

вать, как элементу цены? Ясно, насколько мало было у Вильгельма Фукидда даже самого ничтожного основания столь самоотверженно „ломать копы“ за теорию Рикардо.

с) Движение цен на хлеб с 1641-го по 1859-й г.

Но оставляя в стороне абсолютную земельную ренту, у Рикардо остается следующий вопрос:

Население и вместе с тем спрос на сельскохозяйственные продукты растет. Благодаря этому, последние поднимаются в цене, как это происходит в подобных случаях и в промышленности. Но в промышленности это повышение цен прекращается, как только спрос подействовал и создал усиленное предложение товара. Продукт теперь понижается до прежней или даже ниже прежней ценности. Но в земледелии этот добавочный продукт выбрасывается на рынок, но не по той же и не по более низкой цене. Он стоит больше и вызывает постоянное повышение рыночных цен и вместе с тем повышение ренты. Чем об'яснить это, если не тем, что тут приходится прибегать к все менее плодородным видам почвы, что для производства того же продукта требуется все больше труда, что земледелие прогрессивно становится менее производительным? Почему,—мы оставим в стороне влияние падения ценности денег,—почему сельскохозяйственные продукты в Англии с 1797-го по 1815-й г. повышаются в цене вместе с быстрым ростом населения? Что они потом снова упали в цене,—это ровно ничего не доказывает. Ничего не доказывает и то, что был отрезан подвоз с заграничных рынков. Как раз наоборот. Это впервые создало вполне подходящие условия для обнаружения законов земельной ренты в его чистом виде. Ибо как раз тот факт, что заграница была отрезана, и обусловил необходимость прибегнуть в самой стране ко все более неплодородной почве. Этого нельзя об'яснить абсолютным увеличением ренты, ибо возрос не только рентный фонд, но и норма ренты. Повысилась цена квартера пшеницы и т. д. Столь же мало это можно об'яснить и как следствие падения нормы прибыли. Норма прибыли ни в коем случае не об'ясняла бы изменения в ценах, а только изменение в распределении ценности или цены между землевладельцами, промышленниками и рабочими.

Падение ценности денег, конечно, могло бы здесь иметь влияние, точно так же, как и неурожай.

Но, оставляя все это в стороне, можно принять, что соответственно тогдашнему уровню с.-х. техники (для пшеницы) была обработана неплодородная земля. Позже эта земля сделалась плодородной, при чем дифференциальные ренты—по своей норме—упали, как показывает лучший барометр, цены пшеницы.

Из наиболее высоких цен 1801-го и 1802-го г. г. и 1811-го и 1812-го г. г. первые приходятся на неурожайные годы, вторые на годы наибольшего падения ценности денег. Точно также 1817-й и 1818 г.г.—годы падения ценности денег. Но если исключить эти годы, то все же цена производства остается (см. ниже).

При сравнении цен пшеницы и т. д. в различные периоды важно одновременно сравнить и произведенные количества по столько-то за квартал, при чем тут как раз и обнаруживается, какое влияние имеет на цены добавочное производство хлеба.

I.

Средние цены на пшеницу.

Наиболее высокие и наиболее низкие цены в каждом десятилетии.

Годич. средняя цена.	Наиболее высокая цена.		Наиболее низкая цена.		
	ш.	п.	ш.	п.	
1641—1649 . . . 60	5 ² / ₃	75	6	(1645) 42	8 (1646)
1650—1659 . . . 45	8 ⁹ / ₁₀	68	1	(1650) 23	1 (1659)
1660—1669 . . . 41	9	65	9	(1662) 32	0 (1666 и 1667)
1670—1679 . . . 44	8 ⁹ / ₁₀	61	0	(1674) 33	0 (1676)
1680—1689 . . . 35	7 ⁸ / ₁₀	41	5	(1681) 22	4 (1687)
1690—1699 . . . 50	4 ¹ / ₁₀	63	1	(1695) 30	2 (1691)

За 50 лет—с 1650-го г. по 1699-й,—средняя (годовая) цена равна 44 шиллингам 2¹/₅ пенса.

В течение периода (9 лет) с 1641-го г. по 1649-й высшая годовая средняя цена 75 шиллингов 6 пенсов приходится на год революции 1645-й, затем 1 пенс—на 1649-й, 65 шиллингов 5 пенсов—на 1647-й и низшая цена 42 шиллинга 8 пенсов на 1646-й.

II.

Годич. средняя цена.	Наиболее высокая цена.		Наиболее низкая цена.		
	ш.	п.	ш.	п.	
1700—1709 . . . 35	1 ¹ / ₁₀	69	9	(1709) 25	4 (1707)
1710—1719 . . . 43	6 ⁷ / ₁₀	69	4	(1710) 31	1 (1719)
1720—1729 . . . 37	3 ⁷ / ₁₀	48	5	(1728) 30	10 (1723)
1730—1739 . . . 31	5 ⁵ / ₁₀	38	2	(1735) 23	8 (1732)
1740—1749 . . . 31	7 ⁹ / ₁₀	45	1	(1740) 22	1 (1743 и 1744)

Средняя (годовая) цена за 50 лет с 1700-го г. по 1749-й—35 шиллингов 9²⁹/₅₀ пенса.

III.

Годич. средняя цена.	Наиболее высокая цена.		Наиболее низкая цена.		
	ш.	п.	ш.	п.	
1750—1759 . . . 36	4 ⁵ / ₁₀	53	4	(1757) 28	10 (1750)
1760—1769 . . . 40	4 ⁹ / ₁₀	53	9	(1765) 26	9 (1761)
1770—1779 . . . 45	3 ² / ₁₀	52	8	(1774) 33	8 (1779)
1780—1789 . . . 46	9 ² / ₁₀	52	8	(1783) 35	8 (1780)
1790—1799 . . . 57	6 ⁵ / ₁₀	78	7	(1796) 43	0 (1792)

Средняя годовая за 50 лет с 1750-го г. по 1799-й г.—45 шиллингов 3²³/₅₀ пенса.

IV.

Годич. средняя цена.	Наиболее высокая цена.		Наиболее низкая цена.		
	ш.	п.	ш.	п.	
1800—1809 . . . 84	8 ⁵ / ₁₀	119	6	(1801) 58	10 (1803)
		113	10	(1800)	
1810—1819 . . . 91	4 ⁸ / ₁₀	126	6	(1812) 65	7 (1815)
		109	9	(1813) 74	4 (1814)
		106	5	(1820) 74	6 (1819)
1820—1829 . . . 58	9 ⁷ / ₁₀	68	6	(1825) 44	7 (1822)
1830—1839 . . . 56	8 ⁵ / ₁₀	66	4	(1831) 39	4 (1835)
1840—1849 . . . 55	11 ⁴ / ₁₀	69	5	(1847) 44	6 (1849)
1850—1859 . . . 53	4 ⁷ / ₁₀	74	9	(1855) 40	4 (1850)

Средняя годовичная за 50 лет с 1800-го по 1849-й г. — 69 шиллингов 6⁹/₅₀ пенса.

Средняя годовичная за 60 лет с 1800-го по 1859-й г. — 66 шиллингов 10⁸/₂₅ пенса.

Следовательно, средние годовичные цены:

	Шиллинги.	Пенсы.
1641—1649	60	5 ² / ₃
1650—1699	44	2 ¹ / ₆
1700—1749	35	9 ²⁹ / ₅₀
1750—1799	45	3 ²³ / ₅₀
1800—1849	69	6 ⁹ / ₅₀
1850—1859	53	4 ⁷ / ₁₀

Если мы сравним средние цены и исключим, во-первых, то, что является следствием падения ценности денег (с 1809-го по 1813-й г.), во-вторых, особенно плохие годы, как 1801-й и 1802-й, то мы увидим, какое важное значение имела обработка новой земли в данный момент или в течение данного периода. Повышение цены на обработанных участках указывает здесь на рост населения и вызываемый этим излишек по сравнению с прежней ценой: с другой стороны, то же увеличение спроса вызывает обработку новой почвы. Если эта масса увеличилась относительно сильно, то повышающаяся цена и более высокая цена сравнительно с более ранним периодом доказывает не что иное, как то, что значительная часть издержек по превращению необработанной земли в обработанную (Urbauungskosten) входит в [цену] добавочного количества произведенных средств пропитания. Если бы цена не повысилась, то увеличения производства не было бы. Действие этого увеличения производства, падение цены, может обнаружиться только позднее, так как в цену недавно созданных жизненных средств входит элемент издержек производства или цены,—элемент, который в более старых областях приложения капитала к земле или на более старых частях обработанной почвы, давно исчез. Разница была бы еще большей, если бы вследствие повышения производительности труда издержки привлечения новой почвы к обработке вообще не упали по сравнению с издержками первоначальной обработки в прежние времена.

Обращение новой почвы, будет ли она более или менее плодородной, чем старая, в такое состояние (а это состояние дается всеобщей нормой, господствующей на уже обрабатываемых почвах), которое делает ее пригодной для приложения капитала и труда—при тех же условиях, при каких прилагаются капитал и труд вообще к обрабатываемой почве—такое обращение должно быть оплачено издержками превращения необработанной земли в обработанную. Эта разница в издержках должна упасть на вновь обработанную почву. Если эта разница не входит в цену продукта вновь обработанной почвы, то мыслимы только два случая, когда это возможно. Или продукт вновь обработанной почвы не оплачивается по своей действительной ценности; его цена стоит ниже его ценности, что в действительности имеет место по отношению к наибольшей части почвы, не приносящей никакой ренты, потому что цена ее продукта определяется не ее собственной ценностью, а ценностью продукта более плодородных почв. Или—вновь обработанная земля должна быть настолько плодородной, что, если бы ее продукт оплачивался по

его собственной имманентной ему ценности, он продавался бы по более низкой цене, чем продукт уже ранее возделанной почвы.

Если бы разница между внутренней ценностью ее продукта и рыночной ценой, определяемой ценностью продукта плодородной почвы, была равна, например, 5 процентам, и если бы, с другой стороны, размер процента, входящего в его издержки производства со стороны капитала, который затрачен для поднятия [новой] почвы на ту же высоту производительности, какая свойственна старой почве, также равнялся 5 процентам, то вновь обработанная почва дала бы продукт, который мог бы при старой рыночной цене уплачивать обычные заработные платы, прибыли и земельные ренты. Если бы на затраченный капитал приходилось уплачивать только 4 процента, тогда как плодородность новой почвы превосходила бы плодородность старой больше чем на 4 процента, то рыночная цена, по вычете 4 процентов оплаты капитала, необходимого для приведения почвы в пригодное для обработки состояние, давала бы излишек, или продукт мог бы продаваться ниже рыночной цены, определяемой ценностью продукта наиболее плодородной почвы.

Земельные ренты вследствие этого упали бы вместе с рыночной ценой продукта.

Абсолютная рента есть излишек ценности над ценой производства продукта почвы. Дифференциальная рента есть излишек рыночной цены продукта почв, находящихся в более благоприятном положении, над ценностью их собственного продукта.

Если поэтому в известный промежуток времени относительно значительная часть добавочных жизненных средств, которых требует увеличивающееся население, производится на почве, впервые подвергшейся культивированию, и если одновременно цена нового продукта повышается или остается неизменной, то это не доказывает того, что плодородность почвы уменьшилась, а доказывает только, что она возросла не в такой мере, чтобы компенсировать новый элемент [издержек] производства, заключающийся в процентах на капитал, затраченный на поднятие необработанной земли до уровня обычных условий производства, при которых обрабатываются старые почвы при данной степени развития.

Даже неизменная или повышающаяся цена — если относительно количество вновь обработанной почвы различно в различные периоды — не доказывает, что новая почва не плодородна или дает меньше продукта, а доказывает только, что в ценность ее продукта входит элемент издержек, который исчез на более старых обработанных почвах, и этот новый элемент издержек [повышает издержки производства], хотя при новых условиях производства издержки превращения необработанной земли в обработанную очень упали, по сравнению с издержками, необходимыми для приведения старой почвы из ее первоначального естественного состояния плодородности в ее настоящее состояние.

Необходимо было бы, следовательно, установить относительную пропорцию огораживаний [общинной земли и ее включения в обработанную землю] в различные периоды.

Впрочем, вышеприведенная таблица показывает нам следующее.

Если сравнивать отдельные десятилетия, то оказывается, что период 1641 — 1649 г.г. стоит выше, чем какое-либо десятилетие до 1860 г., за исключением десятилетий 1800—1809 г.г. и 1810—1819 г.г.

Если сравнивать пятидесятилетние периоды, то оказывается, что период 1650 — 1699 г.г. стоит значительно выше, чем период с 1700-го по 1749 г., а период 1750 — 1799 г.г. выше, чем период 1700 — 1749 г.г., и ниже, чем период 1800 — 1849 г.г. или [1800 — 1859 г.г.] ¹⁾. Падение цен является регулярным в период 1810 — 1859 г.г., тогда как в период 1750 — 1799 г.г., несмотря на то, что в течение его средняя пятидесятилетняя цена ниже, [наблюдается] повышательное движение; оно является столь же правильно повышающимся, как движение периода 1800 — 1859 г.г. понижающимся.

Действительно, по сравнению с периодом с 1641-го по 1649-й г., в общем наблюдается постоянное понижение средних цен по десятилетиям, пока это понижение не достигнет в два последних десятилетия первой) половины восемнадцатого столетия своего самого низкого пункта.

С половины восемнадцатого столетия наблюдается повышение, исходным пунктом которого является цена (36 шиллингов $4\frac{5}{10}$ пенса, периода 1750 — 1759 г.г.), ниже средней пятидесятилетней цены второй половины семнадцатого столетия, и, находясь в приблизительном соответствии, несколько выше средней цены пятидесятилетнего периода 1700 — 1749 г.г. (35 шиллингов $9\frac{29}{50}$ пенсов). Это повышательное движение прогрессивно продолжается и в десятилетия 1800 — 1809 г.г. и 1810 — 1819 г.г. В последнем оно достигает своего кульминационного пункта. С этого пункта снова начинается регулярное понижающееся движение. Если мы возьмем среднее периода повышения 1750—1819 г.г., то мы найдем, что его средняя цена (несколько меньше 57 шиллингов за квартал) равна исходному пункту периода понижения с 1820-го г., именно несколько выше 58 шиллингов для десятилетия 1820 — 1829 г.г., совершенно также, как исходный пункт второй половины восемнадцатого столетия [равен] средней цене его первой половины.

Насколько, однако, могут повлиять на среднюю цифру особые обстоятельства, неурожай, понижение ценности денег и т. д. показывает любое примерное вычисление. Например, $30 + 20 + 5 + 5 + 5 = 65$. Среднее = 13, хотя здесь все три последних числа = только 5. Напротив, $12 + 11 + 10 + 9 + 8 = 50$, среднее = 10, хотя, если вычеркнуть исключительные 30 и 20 в первом ряду, среднее любых трех лет во втором ряду было бы больше.

Если вычесть дифференциальные издержки на оплату последовательно прилагавшегося для превращения необработанной земли в обработанную капитала, входящего, как особая статья, в течение определенного периода в издержки производства, то цены 1819 — 1859 г.г., может быть, ниже, чем все прежние. И это, конечно, отчасти смутно представляется тем глупцам (Lümmeln), которые объясняют ренту из процента на вложенный в землю основной капитал.

¹⁾ В манускрипте стоит не 1800 — 1859, а просто 160. К

²⁾ В манускрипте стоит „letzten“ (последней).

d) Теория ренты Андерсона.

Андерсон говорит в „A calm Investigation of the circumstances that have led to the present scarcity of grain in Britain“. Лондон 1801:

„С 1700-го по 1750-й г. мы имеем постоянное и прогрессирующее падение цен с 2 ф. ст. 18 шиллингов 1 пенса до 1 ф. ст. 12 шиллингов 6 пенсов за квартал пшеницы; с 1750 по 1800-й г. прогрессирующее и почти столь же постоянное повышение с 1 ф. ст. 12 шиллингов 6 пенсов до 5 ф. ст. 10 шиллингов за квартал пшеницы“ (ук. соч., стр. 11).

Андерсон не имел в виду, как Вест, Мальтус, Рикардо, одностороннего явления в виде повышающейся скалы цен на хлеб (с 1750 по 1813 г.); он скорее имел в виду двойное явление, целое столетие, в первой половине которого наблюдается постоянно понижающаяся скала цен на хлеб, во второй — постоянно повышающаяся. Он определенно замечает:

Население в той же степени возрастало в продолжение первой половины восемнадцатого столетия, как и в продолжение второй“ (ук. соч., стр. 12).

Он решительный враг теории народонаселения и определенно заявляет о возрастающей и постоянной способности земли к улучшению.

„Земля может все больше улучшаться при посредстве химических воздействий и обработки (art)“ (ук. соч., стр. 38).

„При рациональной системе хозяйства производительность почвы может быть доведена до такой степени, что она будет повышаться из года в год в течение неограниченного периода времени, пока, наконец, не достигнет высоты, о которой мы сейчас едва можем составить представление“ (стр. 35).

„Можно сказать с уверенностью, что настоящее народонаселение столь незначительно по сравнению с тем, какое может пропитать этот остров, что еще очень далеко до того, чтобы испытывать хотя бы малейшее опасение“ (ук. соч., стр. 37).

„Где увеличивается население, там должно вместе с тем возрастать и производство страны, если не желают допустить, чтобы моральные влияния расстраивали экономию природы“ (ук. соч., стр. 41).

Теория народонаселения есть „опаснейший предрассудок“ (ук. соч., стр. 54). „Производительность земледелия“, как пытается исторически доказать Андерсон, повышается с увеличением и падает с уменьшением народонаселения (ук. соч., стр. 55, 56, 60, 61 и след.).

При верном понимании ренты естественным является прежде всего признание, что она получается не из почвы, а из продукта земледелия, следовательно, из труда, из цены продукта труда, например, пшеницы; — из ценности земледельческого продукта, из труда, вложенного в землю, а не из земли, и на этом совершенно правильно настаивает Андерсон.

„Не получаемая с земли рента, определяет цену ее продукта, а цена этого продукта определяет земельную ренту, хотя цена этого продукта часто выше всего в тех странах, где земельная рента стоит ниже всего¹⁾. Это кажется парадоксом, требующим объяснения... В каждой стране существуют различные

¹⁾ Рента, следовательно, не имеет ничего общего с абсолютной производительностью земледелия.

виды почв, значительно отличающиеся по плодородности. Мы их распределим на различные классы, обозначив их буквами А. В. С. D. E. F. и т. д. Класс А включает почвы с наибольшей плодородностью, а каждая из следующих букв обозначает сорт почвы, стоящей по плодородности ниже предшествующего. Так как издержки обработки самой неплодородной почвы столь же велики, как и издержки обработки самой плодородной, или даже больше, то отсюда неизбежно следует, что, если одно и то же количество хлеба. — с какой бы почвы оно ни получалось, — продается по одинаковой цене, то прибыль от обработки наиболее плодородной почвы должна быть гораздо больше, чем прибыль от обработки других почв ¹⁾, и так как эта прибыль убывает в той мере, в какой становится больше плодородность, то в конце концов должно получиться, что издержки обработки на некоторых из низших классов почвы будут равняться ценности всего продукта* (An Enquiry into the Nature of the Corn laws. — Стр. 45 — 48).¹⁾

Последняя почва не платит никакой ренты. То, что Андерсон называет здесь „ценностью всего продукта“, есть в его представлении, очевидно, не что иное, как рыночная цена, по которой продается продукт, все равно, вырастает ли он на лучшей или на худшей почве. Эта „цена“ (value) дает для более плодородных сортов почвы больший или меньший излишек над издержками. Для последнего продукта такого излишка нет. Для него цена производства совпадает с рыночной ценой продукта, следовательно, не существует никакой добавочной прибыли, которая одна может образовать ренту. У Андерсона рента равна излишку рыночной цены продукта над его ценой производства. Теория ценности еще совершенно не беспокоит Андерсона. Следовательно, если вследствие особой неплодородности почвы цена производства продукта этой почвы совпадает с рыночной ценой продукта, то этот излишек отпадает, то-есть, нет фонда для образования ренты. Андерсон не говорит, что почва, обработанная последней, не может приносить никакой ренты. Он говорит только, что если случится так, что затраты, издержки производства плюс средняя прибыль, столь велики, что разница между рыночной ценой продукта и его ценой производства отпадает, отпадает и рента, и что это должно произойти, если спускаться все ниже в скале. Что определенная, одинаковая рыночная цена для равных количеств продуктов, которые произведены при условиях производства в различной степени благоприятных, является предпосылкой для этого образования ренты, об этом Андерсон заявляет совершенно определенно. Добавочная прибыль или излишек прибыли на лучших сортах почвы над прибылью на худших сортах почвы, говорит он, получается неизбежно, „если одно и то же количество хлеба, с какой бы почвы оно ни получалось, продается по одинаковой цене“. Следовательно, если предположена всеобщая рыночная цена, Андерсон ни в коем случае не принимает, как это могло показаться по вышеприведенному отрывку, что различные степени плодородности являются простым продуктом природы. Скорее „бесконечное различие почв“ происходит отчасти от того, что эти почвы из их первоначального состояния при посредстве различных, способов обработки, которым они были подвергнуты, удобрения и т. д., были приведены в совершенно иное состояние (An Enquiry into the

¹⁾ Именно — излишек цены над издержками или над ценой затраченного капитала.

causes that have hitherto retarded the advancement of agriculture in Europe. Эдинбург, 1779. Стр. 5).

С одной стороны, прогресс производительности всеобщего труда делает более легким превращение земли в пригодную для обработки; но, с другой стороны, культура увеличивает различия в почвах, так как возделанная почва А, и неводеланная почва В, могут быть одной и той же первоначальной плодородности, если мы из плодородности А вычтем часть плодородности, которая теперь, правда, является естественной для этой почвы, но раньше была дана искусственно. Следовательно, сама культура увеличивает различие естественной плодородности между возделанной и необработанной землей.

Что почва, для продукта которой цена производства и рыночная цена совпадают, не может платить никакой ренты, об этом Андерсон заявляет вполне определенно.

«Возьмем два поля, продукт которых приблизительно равен приведенному выше, именно один 12 бушелей, что покрывает издержки, другой 20 бушелей; если для их улучшения не требуется никакой непосредственной затраты, то за последнее поле арендатор может заплатить земельной ренты, положим, даже больше 6 бушелей, тогда как на первое поле никакой земельной ренты не приходится. Если для покрытия издержек обработки теперь достаточно 12 бушелей, то за обработанную землю, дающую только 12 бушелей, никакой земельной ренты уплачиваться не может» (Vol. III, Essays relating to agriculture and rural affairs. Лондон. 1777—1796. Стр. 107).

Вслед за этим Андерсон продолжает:

«Но не следует ожидать, что, если большее количество продукта получилось непосредственно благодаря вложению им капитала и благодаря его усилиям, то он может уплачивать приблизительно одинаковую долю его в качестве земельной ренты. Если, однако, земля в течение продолжительного промежутка времени стояла на одной и той же высоте плодородности, тогда он согласится на уплату ренты данной высоты, хотя бы первоначально почва была обязана повышением своей плодородности его собственным усилиям» (ук. соч., стр. 109, 110).

Следовательно, пусть продукт наилучшей обработанной земли будет равен, например, 20 бушелям с акра; из них по предположению 12 бушелей оплачивают издержки, вложенный капитал плюс средняя прибыль. Тогда он может заплатить 8 бушелей в качестве ренты. Допустим, бушель будет=5 шиллингам. В таком случае 8 бушелей или 1 квартал=40 шиллингам или 2 ф. стерл. и 20 бушелей=5 ф. стерл. Из этих 5 ф. стерл. отходят, в качестве издержек, 12 бушелей или 60 шиллингов=3 ф. стерл. Из них, если норма прибыли равняется 10 процентам, затраты равны $2\frac{8}{11}$ ф. стерл. и прибыль равна $\frac{3}{11}$ ф. стерл. ($\frac{30}{11} : \frac{3}{11} = 100 : 10$). Допустим, что арендатор должен произвести на необработанной земле, которая столь же плодородна, как первоначально была дающая 20 бушелей, всякого рода улучшения, поднимающие ее до степени культурности, соответствующей средней высоте сельского хозяйства. Пусть это стоит ему,—кроме затраты в $2\frac{8}{11}$ ф. стерл. или, если мы зачислим прибыль в издержки, кроме 3 ф. стерл.,—еще затраты в $1\frac{9}{11}$ ф. стерл., 10 процентов на нее составили бы $\frac{2}{11}$ ф. стерл., и только по истечении 10 лет, если бы арендатор постоянно продавал 20 бушелей по 5 шиллингов, он мог бы платить ренту, только после воспроизводства его капитала. С этого момента искусственно созданная

плодородность почвы шла бы в счет, как и первоначальная, и доставалась бы лендлорду. Хотя вновь обработанная почва столь же плодородна, как первоначально была плодородна наилучше обработанная почва, все-таки для ее продукта рыночная цена и цена производства теперь совпадают, потому что здесь входит еще статья расхода, уже исчезнувшая для наилучшей почвы, для которой искусственно созданная и естественная плодородность до известной степени совпадают. Для вновь же обработанной почвы созданная искусственно, при посредстве вложения капитала, часть плодородности еще совершенно отлична от естественной плодородности почвы. Вновь обработанная почва не могла бы, следовательно, платить никакой ренты, хотя она и обладала бы той первоначальной плодородностью, как и наилучше обработанная почва. Тем не менее, по истечении 10 лет она могла бы платить не только просто ренту, но ренту такую же по величине, как и ранее обработанный наилучший род почвы.

Андерсон имеет здесь в виду два явления:

1. Что дифференциальная рента землевладельцев есть отчасти результат плодородности, искусственно приданной почве арендатором.

2. Что эта искусственная плодородность по истечении довольно продолжительного промежутка времени кажется первоначальной производительностью самой почвы, так как преобразилась сама почва, и процесс этого преобразования исчез, перестал быть заметным.

Если я в настоящее время устраиваю бумагопрядильню и употребляю на это 100.000 ф. стерл., то у меня будет прядильня, могущая производить больше продуктов, чем производила их прядильня моего предшественника, устроенная им 10 лет назад. Я не оплачиваю разницы между производительностью в машиностроении, строительном искусстве вообще и т. д. в настоящее время и 10 лет назад; наоборот. Она дает мне возможность затратить меньше на фабрику с той же самой производительностью или только ту же самую сумму на фабрику с более высокой производительностью. Иначе обстоит дело в земледелии. Различие между первоначальными степенями плодородности почв увеличивается той частью так называемой естественной плодородности почвы, которая на самом деле была привнесена когда-то людьми, но теперь перешла уже в почву и не может быть больше отличена от ее первоначальной плодородности. Чтобы поднять необработанную почву одинаковой естественной плодородности до этой повышенной плодородности, необходимы, вследствие развития производительной силы общественного труда, другие издержки, чем те, которые были необходимы, для поднятия первоначальной плодородности обработанной почвы на высоту теперешней плодородности, кажущейся первоначальной; но все-таки для достижения этого результата нужны большие или меньшие издержки еще и теперь. Таким образом, цена производства нового продукта стоит выше цены старого продукта, разница же между рыночной ценой и ценой производства меньше и может совершенно исчезнуть.

Но допустим, что в выше приведенном случае вновь обработанная почва будет настолько плодородна, что она после добавочной затраты в 2 ф. стерл. (включая прибыль) дает, вместо 20 бушелей, 28 бушелей. В этом же случае арендатор мог бы платить 8 бушелей или 2 ф. стерл.

ренды, но почему? Потому, что вновь обработанная почва дает на 8 бушелей больше, чем старая, так что она, несмотря на более высокую цену производства, при одинаковой рыночной цене дает такой же излишек над ценой производства. Ее плодородность, если бы на нее не пришлось делать чрезвычайных затрат, была бы вдвое больше, чем плодородность старой. По величине она как раз совпадает с затратами.

е) Различные авторы относительно теории ренты¹⁾.

«Земледелие и капитал (the landed and trading interests) противостоят всегда друг другу враждебно и завистливо» (An Inquiry into the causes of the Present Price of Provenances etc. Лондон 1767. Стр. 22, примечание).

«...Не ошибочно ли думать, что земля сама есть богатство? И не следует ли рассматривать прежде всего прилежание народа, как фактор, который образует богатство, который делает богатством и землю и серебро, которые не имели бы никакой ценности, если бы они не давали пути и побуждения к произвольной деятельности (industry)». (The Querist Dr. G. Berkeley. Лондон 1750. Вопрос 38).

Теория, что хлеб создает для себя свой собственный спрос и т. д., носящая случайный характер у Смита, повторенная позже Мальтусом в качестве важного аргумента его теории ренты и отчасти служащая базисом его теории народонаселения, очень убедительно высказана в следующем отрывке:

«Хлеб является редким или нередким в соответствии с его потреблением. Если больше ртов, то будет больше и хлеба, потому что будет больше рук для обработки почвы; а если больше хлеба, то будет больше и ртов, так как изобилие увеличивает население» (An Inquiry the connection between the present Price of Provisions, and the Size of Farms etc. By a Farmer. Лондон 1773, стр. 125).

Поэтому „сельское хозяйство никогда не может страдать перепроизводством“ (cannot be overdone, стр. 62). Фантазия Родбертуса, будто семена и т. д. не входят в счет арендатора, как особая рубрика капитала, [опровергается] сотнями сочинений, опубликованных частью самими арендаторами в 18 столетии (в особенности с тридцатых годов). Было бы важно, напротив, указать, что у арендатора рента входит в его счет в виде отдельной рубрики. Наш автор зачисляет ее в издержки производства (и она относится к его издержкам производства).

«Если.. цена хлеба почти так высока, как она должна была бы быть, что может быть определено только отношением, в каком стоит ценность почвы к ценности денег» (ук. соч. стр. 132).

Насколько с того момента, когда капитал [овладевает] земледелием, в представлении капиталистического арендатора даже рента становится лишь частью прибыли, а вся прибавочная ценность понимается в сущности, как прибыль—[об этом свидетельствует следующий отрывок]:

«Старый метод исчислять прибыль фермера по трем рентам [Matairiesystem]—метод, которому следовали в дни детства земледелия, был тем добросо-

¹⁾ Эта глава составлена из отдельных замечаний на следующих страницах манускрипта, которые приведены в таком порядке, в каком следуют здесь друг за другом взятые с них отрывки: стр. 670 а, 580 а, 490 а, 508, 509, 510, 670 а, 490 а. К.

вестным и равномерным распределением собственности, какое существует еще и теперь в менее просвещенных частях света... Один доставляет землю и капитал, другой знание дела и труд. Но на хорошо обработанной и плодородной почве рента в настоящее время причиняет самую незначительную заботу. Самым главным является сумма, которую может вложить человек в капитал и в ежегодной затрате его труда, за что он должен выручить или проценты на свои деньги или свой доход» (стр. 34).

Улучшения в земледелии, ведущие за собой уменьшение издержек производства и в конце концов падение цен, а на первых порах, пока цены еще не упали—временное повышение сельско-хозяйственной прибыли, почти всегда ведут

«в конце концов к повышению земельной ренты. Увеличившийся капитал, приливающий к сельскому хозяйству благодаря возможности получить временные большие прибыли, редко может быть взят целиком из почвы или совершенно не может быть взят, когда кончаются сроки арендных договоров. При их возобновлении землевладелец имеет выгоду от этого при посредстве повышения арендной платы» (Malthus, Inquiry into the Nature and Progress of Rent etc. Лондон 1815).

«Если до господства недавних высоких цен пахотная земля в общем приносила только незначительную ренту, главным образом, благодаря признанию необходимости частого пара, то земельные ренты снова должны были понизиться, как только произошло возвращение к этой системе». (I. D. Hume Thoughts on the corn Laws etc. Лондон 1815. Стр. 72).

«При улучшенном положении земледелия, на почве второго или третьего качества, производство может совершаться со столь же незначительными издержками, как при старой системе на почве первого качества» (Sir. Ed. West, Price of Corn and Wages of Labour. Лондон 1826. стр. 98).

Гопкинс верно определяет различие между абсолютной и дифференциальной рентой:

«Принцип конкуренции делает невозможным существование двух норм прибыли в одной и той же стране; но он определяет относительные земельные ренты, а не всеобщее среднее ренты» (Th. Hopkins, On Rent of Land and its Influence on Subsistence and Population. Лондон 1828, стр. 30).

«Сырые материалы исчисляются из того общего принципа, что издержки производства определяют меновую ценность всех товаров; но права, которые имеют их владельцы на продукт, являются причиной вхождения земельной ренты в ценность» (Th. Hopkins, Economical Enquiries relative to the Laws, which regulate Rent, Profit, Wages and the Value of Money. Стр. 11).

«Земельная рента или налог на потребление [страны] совершенно естественно порождается земельной собственностью или введением права собственности [на землю]» (ук. соч., стр. 13).

«Ренту может принести все, что обладает следующими свойствами: во-первых, большей или меньшей редкостью, во-вторых, возможностью поддерживать труд в великой задаче производства» (ук. соч., стр. 14).

«Разумеется нельзя предположить, чтобы земля находилась в таком изобилии¹⁾, по сравнению с трудом и капиталом, которые должны быть затрачены на нее, чтобы могло не получаться никакой земельной ренты, так как земля не является редкостью» (ук. соч., стр. 22).

«В некоторых странах землевладелец может выжимать 50 процентов, а в других не может выжать и 10. В плодородных странах востока человек может прожить третьей частью продукта своего труда, приложенного им к земле; напротив, в некоторых местностях Швейцарии и Норвегии требование 10 процентов могло бы обезлюдить страну... Мы не видим никаких других естественных границ ренты, кроме ограниченных средств плательщиков» (стр. 31), и там,

1) Изобилие или редкость земли естественно являются относительными, по сравнению с наличным количеством труда и капитала.

«где имеется налицо худшая почва, еще и конкуренция худшей почвы с лучшей» (стр. 33, 34).

«В Англии много общинной земли, естественная плодородность которой равна той, которою обладала большая часть обработанной в настоящее время почвы раньше, чем она поступила в обработку; но издержки, необходимые для превращения этой общинной земли в обработанную, так велики, что она не может платить проценты на затраченные с этой целью деньги в обычном размере, благодаря чему не остается ничего в качестве ренты, как вознаграждения за естественную плодородность почвы. И это несмотря на все выгоды непосредственного применения труда, который поддерживается целесообразно употребляемым капиталом и обеспечивается дешевыми промышленными товарами и сверх того располагает хорошими дорогами в соседних местностях и т. д. Современных землевладельцев можно рассматривать, как обладателей всего накопленного труда, примененного в течение столетий, с целью довести землю до настоящего состояния производительности» (ук. соч., стр. 35).

Очень важным обстоятельством по отношению к земельной ренте является внезапный значительный рост населения, как например, в период 1780—1815 г.г. благодаря успехам промышленности, вследствие чего значительная часть ранее небывших в обработке земель вдруг подвергается обработке. Вновь обработанная земля может быть столь же плодородна, даже более плодородна, чем была старая, пока в ней не накопилась культура столетий. Но что требуется от новой земли, если она не должна продавать своего продукта по более дорогой цене, так это то, чтобы ее плодородность была равна, во-первых, естественной плодородности обработанной почвы, во-вторых, ее плодородности, произведенной искусственно, при посредстве культуры, но теперь ставшей естественной. Вновь обработанная почва должна была бы, следовательно, быть гораздо плодороднее, чем была старая до ее обработки. Но могут сказать: плодородность обработанной почвы происходит, во-первых, от ее естественной плодородности. Обладает ли она или нет этой плодородностью, вытекающей из природы и обязанной ей своим существованием, — это зависит от естественных качеств вновь обработанной почвы. В обоих случаях она ничего не стоит. Другая часть плодородности обработанной почвы есть искусственный продукт, обязанный своим существованием культуре, вложению капитала. Но эта часть производительности стоила издержек производства, уплачиваемых в виде процентов на вложенный в землю основной капитал. Эта часть земельной ренты есть просто процент на вошедший в землю основной капитал. Она входит поэтому в издержки производства продукта давно поступившей в обработку почвы. Стоит приложить только тот же капитал к вновь обработанной почве, и она также приобретет эту вторую часть плодородности; как и в первом случае, проценты на затраченный для создания этой плодородности капитал войдут в цену продукта. Почему, следовательно, новая почва — без того, чтобы быть несравненно [более] плодородной — не могла бы пойти в обработку и без повышения цены продукта? Если естественная плодородность одна и та же, то разница образуется только вложением капитала, и процент на этот капитал в обоих случаях входит равномерно в издержки производства. Это рассуждение, однако, неверно. Часть издержек по превращению необработанной земли в обработанную и т. д. в дальнейшем не уплачивается, тогда как созданная таким путем плодородность, по замечанию самого Рикардо, отчасти срослась с есте-

ественным качеством почвы, например, издержки приготовления почвы под пашню, осушение, дренаж, планировка, органические изменения почвы, вследствие продолжительных химических процессов и т. д. Следовательно, вновь обработанная почва должна была бы—для возможности продавать свой продукт по той же цене, как почва, обработанная последней—быть достаточно плодородной, чтобы эта цена покрывала для нее часть издержек по превращению в обработанную часть, входящую в ее собственные издержки производства, но переставшую входить в издержки давно поступившей в обработку почвы и сростшуюся здесь с естественной плодородностью почвы.

* *
*

«Чем больше увеличивается население, тем меньше пространство земли, требующееся для пропитания человека» (The Natural and Artificial Right of property contrasted etc. Годгскина. Анонимно. Лондон. 1832. стр. 69). См. также выше взгляд Андерсона.

* *
*

«Нам укажут, что мы постоянно рассматриваем землевладельца и сельского хозяина, как одно и то же лицо... Это имеет место в Соединенных Штатах» (П. С. Carey. The Past, the Present and the Future. Филадельфия 1848, стр. 97). «Человек переходит всегда от плохой почвы к лучшей, чтобы затем, возвращаясь по своему пути, прийти снова к первоначальной плохой... и так далее в непрерывной последовательности... и с каждым шагом на этом пути он создает лучшую машину» (ук. соч., стр. 129). «Капитал может быть с большей выгодой вложен в сельское хозяйство, чем в машины, потому что последние только одинаковой силы, а в земледелии сила увеличивается» (ук. соч.). «Паровая машина не производит ничего. Она уменьшает труд, необходимый для превращения шерсти в сукно, зерна в муку... Прибыль при ее применении состоит из заработных плат рабочих, ставших излишними, по вычете потери от изнашивания машины. Труд, применяющийся для обработки земли, производит заработные платы, увеличенные прибылью, полученной благодаря улучшению машины» (ук. соч.). «Участок земли, приносящий в течение года 100 ф. ст., продается за 3000 ф. ст. Паровая же машина, производившая в течение года ровно столько же, едва и за 100 ф. ст.» (ук. соч., стр. 130). «Покупатель участка земли знает, что этот участок будет уплачивать ему заработную плату и проценты и к тому же еще увеличивает свою ценность благодаря пользованию им. Покупатель машины знает, что она будет возвращать ему заработную плату и проценты, но при этом в процессе пользования ею будет терять свою ценность. Первый покупает машину, которая благодаря пользованию ею улучшается, второй—такую машину, которая благодаря пользованию ею изнашивается.. Первая есть машина, к которой могут быть применены новый капитал и новый труд с постоянно возрастающими результатами, по отношению ко второй это является невозможным» (ук. соч., стр. 131).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

От издательства	Стр. 3
Предисловие	4

I. Прибавочная ценность и прибыль.

1. Построение теории Рикардо	9—14
2. Теория прибыли Рикардо	14—68
а) Понятие Рикардо о ценности	14
б) Понятие Рикардо о прибыли, норме прибыли, ценах производства и т. д.	16
в) Цены производства и рыночные цены	42—73
а) Взгляды Рикардо	42
б) Смит о ценах производства и рыночных ценах	53
3. Представление Рикардо о прибавочной ценности	68—101
а) Прибавочная ценность и прибыль	68
б) Количество труда и ценность труда	78
в) Ценность рабочей силы и ценность труда	81
г) Прибавочная ценность	85
д) Относительная прибавочная ценность	95
4. Норма прибыли	101—112
а) Масса и норма прибыли	101
б) Образование всеобщей нормы прибыли	106

II. Земельная рента

1. Родбертус	112—201
а) Земледелие и промышленность	112
б) Постановка вопроса у Родбертуса. Сырой материал в сельском хозяйстве	118
в) Ценность, цена производства и рента	121
г) Критика теории ренты Родбертуса	138
д) Продолжение критики. Три формулы Родбертуса	153
а) Первая формула	—
б) Вторая формула	155
в) Третья формула	165
е) Дифференциальная земельная рента	173
ж) Различные замечания	183
з) Родбертус о Рикардо	192
2. Замечания об истории открытия так называемого закона Рикардо	202—227
а) Андерсон и Мальтус. Рошер	202
б) Абсолютная рента и теория ценности	211
в) Движение цен на хлеб с 1641-го по 18-9-й г.г.	215
г) Теория ренты Андерсона	220
д) Различные авторы относительно теории ренты	224

Вышли из печати

- К. Маркс. Теории прибавочной ценности, ч. I и II.
- Г. Плеханов. Очерки по истории русск. общественной мысли XIX в.
- К. Каутский. Возникновение семьи и брака.
- Н. Ленин. Аграрный вопрос в России в конце XIX века.
- Н. Бухарин. Мировое хозяйство и империализм.
- Н. Бухарин. Пролетарская Революция и культура.
- Г. Зиновьев. IV Конгресс Коминтерна.
- Г. Зиновьев. Вопросы XII Съезда Р. К. П.
- Н. Батурин. Очерки по истории с.-д. в России.
- К. Шелавин. 1 Мая в России.
- К. Шелавин. Рабочий класс и его Партия (история, Р. К. П.).
- К. Шелавин. Очерки истории Русской Революции 1917 г. Февральско-июльские дни.
- Г. Сафаров. Долой буржуазное мракобесие.
- Г. Сафаров. Тактика большевизма (2-ое изд.).
- А. Бубнов. Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России.
- А. Бубнов. Буржуазное реставраторство на 2-м году Нэп'а.
- М. Покровский. Очерки по истории русской культуры, часть I и II.
- М. Покровский. Франция до и после войны.
- М. Покровский. Борьба классов и русская историческая литература.
- Н. Херасков. Англия до и после войны.
- С. Канатчиков. „На темы дня“. Страницы пролетарской идеологии.
- С. Канатчиков. За 25 лет (История Р. К. П.).
- С. Канатчиков. Рабочая партия и крестьянство.
- Н. Лященко. Очерки аграрной революции в России.
- Ф. Мюллер-Лизр. Формы семьи и брака.
- А. Слепков. Классовые противоречия в 1-й Государственной Думе.
- Э. Мейер. Экономическое развитие древнего мира.
- Э. Мейер. Рабство в древности.
- А. Тюменев. Теория исторического материализма.
- А. Тюменев. Капитализм в древней Греции.
- Э. Толлер. Эуген несчастный. Драма.
- Епископ Браун. Коммунизм и христианство.
- А. Герасимович. У истоков религии.
- Д. Вудрявский. Как жили люди в старину.
- Хрестоматия классовой борьбы, ч. I-я. „Крестьянство и пролетариат“. 2-е издание.
- Хрестоматия классовой борьбы, ч. II-я „Революция на Западе“.
- „ „ „ ч. III-я „Революция в России“.
- Хрестоматия материализма, ч. I-я. „Французск. материал в XVIII в.“.
- Путь к Коммунистическому Интернационалу.— Сборник статей и докум.
- Р. Арский. Рур—могила капитализма.

Витфогель. Наука в буржуазном обществе.
 С. Ковалёв. Курс Всеобщей истории. Том I.
 Павлов-Сильванский. Феодализм в Древней Руси.
 Татьяна Григоровичи. Теория ценности Маркса и Лассаля.
 „К. Маркс“. Сборник.
 С. Минин. Отец Игнатий. Трагедия в 3-х действиях.
 С. Гарин. Отасу. Социальная пьеса в 4-х действиях.
 И. Книжник. Что читать по общественным наукам.
 „Спутник рабочего“. — Календарь на 1923 г.
 Материалы XI Съезда Р. К. П.
 Методическое пособие для пропагандистов и лекторов.
 На подвиге — Сборник рассказов для молодежи.
 Смычка с деревней. — Сборник материалов по работе в деревне.
 Е. Никулихин. Как и почему мы победили.
 „Звенья. — Альманах“.
 „Р. К. П. — Вождь пролетариата“. — Сборник материалов, посвященных
 25-летию Р. К. П.

В печати

К. Маркс. Теории прибавочной ценности, 3 тома (в 4-х вып.).
 В. Невский. Очерки по истории Р. К. П. ч. 1-я.
 Протоколы II-го съезда Р. С.-Д. Р. П. (стеногр. отчет со вступит. сл.
 и комм. П. Лепешинского).
 М. Ольминский. Из эпохи „Звезды“ и „Правды“.
 С. Вознесенский. Экономическое развитие и классовая борьба
 в истории России XIX века.
 А. Тюменев. „Очерки экономической и социальной истории
 древней Греции“. том I „Революция“
 том II „Расцвет и кризис демократии“.
 том III „Упадок“.
 Грант Аллен. Эволюция понятия бога.
 Хрестоматия француз. материализма XVIII в. 2-й в.
 Спутник Рабочего. Календарь на 1924 год.
 Адам Смит. Исследование о богатстве народов.
 И. Андреев. История первобытной культуры.
 В. Буштедт, А. Локровский и А. Харнас. Древний Восток.
 С. Дубровский. Столыпинская реформа.
 К. Бюхер. Работа и ритм.
 Герннер. Рабочий вопрос.
 Проф. К. Вейле. „Первобытная механика“.
 Проф. К. Вейле. От бирки до алфавита.
 Проф. К. Вейле. Первобытное общество и его хозяйство.
 В. Князев. Ржаные апостолы.
 Проф. А. Пинкевич. Основные проблемы современной школы.
 Хозе Инженерос. Принципы биологической психологии.
 В. Сорокин. Юные пионеры (популярное руководство).
 С. Драницын. Конституция СССР и РСФСР в отв. и вопр.
 И. Оленев. О „кризисе“ марксизма.